А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР. №41

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДОВ

Том III

Н. Н. ВОРОНИН

ДРЕВНЕЕ ГРОДНО

(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК
Д932—1949 гг.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1954

I. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

К северу от границ Волынского княжества и к западу от Полоцкой земли в районе левых притоков Немана и частью на его правом берегу расположен ряд древних городов: Гродно, Волковыйск, Новгородок, Слоним, Здитов. Письменные источники обходят почти полным молчанием древнейшие судьбы этого далекого края, лежавшего на русском порубежьи с литовскими племенами; мы не знаем, когда и в какой этнической среде возникли здесь названные города. В середине XV в. эту область знали под именем Черной Руси. На карте, составленной в 1459 г. монахом фра Мауро для португальского короля Альфонса V, помещена область «Rossia negra» с тремя городами [1], сопровожденная наивной характеристикой России и объяснением происхождения наименований Белой, Черной и Червонной Руси[2]. Польский хронист Стрыйковский, повествуя о монгольском нашествии на Русь, называет этот край «русской стороной», а Новгородок — «столичным замком княженья русского»[1].

1 Материалы для историко-географического атласа России. СПб., 1871, л. 2. См. также: Е. Ф. Карский. Белоруссы, т. I. Варшава, 1903, стр. 117—118; В. И. Ламанский. Белая Русь, «Живая старина», 1891, вып. III; А. А. Потебня. Этимологические заметки, там же.

2. Приводим этот текст: «Эта величайшая провинция, называемая Россией или Сарматией, граничит на востоке с Белым морем, на западе — с морем Немецким, на юге — с Сараем (у Каспийского моря) и с Куманией, а на севере — с Пермией. Она (т. е. Россия) имеет величайшие реки, особенно Эдиль, которая не меньше Нила. В той стране есть также болота, благодаря которым эти народы не могут так легко быть обижаемы своими неприятелями». Относительно разделения Руси фра Мауро говорит: «Это различие не имеет иной причины, как ту, что часть России по сю сторону Белого моря называется Белой, другая, по ту сторону реки Черной, называется Черною, а та, что по ту сторону р. Червонной, называется Червонного». Указ. атлас, текст, — III.

Вопрос о ранней славянской колонизации Принеманья и возникновении здесь в XI—XII вв. русских городов не вызывал сомнений у историков; различно решался лишь вопрос о ее источниках. Ряд историков полагал, что колонизация шла с востока, со стороны Полоцка. Так, например, И. Д. Беляев в своей «Истории Полотска»[2] считал города Принеманья «пригородами» Полоцка: «На западе Полотская земля терялась в диких лесах ятвяжских, придерживаясь течения Немана и его притоков...». К числу этих городов — колоний Полоцка, Беляев относил Копысь, Визну, Клецк, Несвиж, Снов, Великие Луки, Кожан-на-Уле, Пинск, Здитов, Дрогичин (пинский), Городну (пинскую), Дивин Городок (Давидгородок? — *Н. В.),* Городец, Кобрин, Берестье, Мельник, Дрогичин (бужский), Брянск, Бельск, Новгород и Пултуск на Нареве. «На севере, от городов, лежащих по притокам Припяти и Буга, следует ряд Полотских городов по Неману и его притокам: Могильно, Турец, Новгородок или Новгород-Литовский на верхних притоках Немана с левой стороны, Слоним на р. Шаре, Зельва на р. Зельве и Волковыйск на Роси. Все сии принеманские города, как и Городна или Гродно были построены в земле ятвягов и Литвы». «Так называемая Черная Русь,— пишет М. К. Любавский,— повидимому, была Полоцкой

[1] M. Stryjkowski. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846, т. 1 стр. 235.

[2] Рассказы из русской истории. М., 1872, стр. 7, 10

колонией в Литовской земле» '. Позднее тот же автор писал, что «кривичи полоцкие расселились в области левых притоков Немана и частью на правом его берегу, образовав так называемую Черную Русь с городами Гродно, Новогрудком, Волковыйском и Слонимом»[2]. По мнению В. И. Пичеты, «так называемая Черная Русь с городами Гродно, Волковыйском, Слонимом и Новогрудком была заселена выходцами из Полоцкой земли»[3].

В. Б. Антонович считал, что русские города в землях ятвягов были результатом волынской колонизации, но Гродно связывал все же с Полоцком; в западных источниках Черная Русь до XIV в. иногда называется «кривичской землей»[4]. По мнению Н. П. Барсова, колонизация Принеманья шла «из среднего и верхнего Поднепровья, из коренных земель кривичей, дреговичей, древлян и полян», ее результатом и было образование в XI в. «новой русской области»; «передовым русским укреплением на Немане» было Гродно[5].

Первые научно поставленные раскопки славянских могильников в восточной Литве и Принеманьи дали материал для подкрепления высказанных историками суждений. Так, например, курганное кладбище у дер. Платово к юго-востоку от Новгородка оказалось дреговичским XII в.; дреговичские поселения проникали и значительно севернее (могильник в Наврах XI—XII вв.)[6].

[1] М. К. Любавский. Очерк истории литовско-русского государства. М., 1910, стр. 17; Его же. Областное деление и местное управление... М., 1893, стр. 3.

[2] М. Любаускі. Лiтва и славяне у іх узаемоадносинах у XI—XIII ст. «ЗanicKi адзелу гуманит. навук», кн. 8. Минск, 1929, стр. 15.

[3] У. Пічэта. Псторыя Беларусі, ч. 1. М.— Л., 1924, стр. 74 (Черная Русь — «полоцкая колония», стр. 76); см. также: В. Пичета. Основные моменты нстор. развития Западной Украины и Западной Белоруссии. М, 1940, стр. 5; Его же. Конец вековому расчленению украинского и белорусского народов. ИЗ, № 6, М.—Л., 1940, стр. 3—4.

[4] В. Б. Антонович. Очерк истории вел. княжества Литовского до половины XV ст. Киев, 1878, стр. 9, 19, 49. Мы не имели возможности ознакомиться с исследованием А. Соловьева «Белая и Черная Русь» («Сб. русск. археол. о-ва в Югославии», 1940, т. III).

[5] Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885, стр. 133.

[6] H. Cehak-Hołubowieżowa. Słowianie na Wileńszczyźnie. «Kurier Wileński», 1938, № 120; Ее же. Materiał i zagadnenia cmentar. KOŁO wsi Platowa... «Ateneum Wileński», r. XIII, z. 1, 1938, стр. 183—197; Ее же. Mat. i zagad. cmentar. kurhanowego w Nawrach. «Rocznik Archeol.», t. I, Wilno.

Но все эти наблюдения — лишь первые шаги к широкому археологическому изучению Принеманья; оно, несомненно, даст точную картину заселения Принеманья славянами и их связей с местными племенами.

В отношении связи Гродненского княжества с другими русскими землями расхождений в литературе нет. В. Т. Пашуто относит Принеманье в XIII в. к системе Галицко-Волынской земли '. Так же решается этот вопрос в новейших историко-географических картах Б. А. Рыбакова[2] и И. А. Голубцова[3].

Само название Черной Руси связывают обычно с позднейшим временем, когда в Принеманьи сложилось Литовское государство и русская часть Литвы «стала именоваться Черной. Русью» 4. Не исключено, однако, что за этим термином скрываются более древние особенности этой окраинной Руси, сложившиеся в процессе соприкосновения различных племенных элементов. Рассматривая вопрос образования белорусского народа, В. И. Пичета писал, что под именем Черной Руси надо разуметь особое «этническое ядро» в бассейне верхнего Немана, где «встретились полоцкие кривичи, припятские дреговичи и литовские племена»[5].

Нужно, однако, отметить, что все эти общие суждения не являлись результатом планомерных археологических исследований древнейших судеб русского Принеманья. Примыкая к окраинам Полоцкой и Волынской земель, оно не привлекало специального внимания историков, занимавшихся изучением истории самих этих княжеств л касавшихся Принеманья лишь попутно. Это положение определялось и отрывочностью скудных сведений письменных источников, и почти полной неизученностью археологических памятников этого края.

Можно сказать без преувеличения, что территория Черной Руси в смысле ее архео-

[1] В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.—Л., 1950, стр. 165—166.

[2] История культуры древней Руси, т. 1. М.—Л., 1951, стр. 30.

[3] История СССР, т. 1. М,, 1947.

[4] В. Т. Пашуто. Ук. соч., стр. 121; см. также БСЭ, т. IV, стр. 479.

[5] В. И. Пичета. Образование белорусского народа. ВИ, 1946, № 5—6 стр. 17.

логического освоения отстала на полвека от других областей СССР. Здесь мы еще вынуждены опираться на старые археологические карты, составленные в конце прошлого столетия, и пользоваться материалами случайных раскопок для суждения о важнейших исторических вопросах. Ни проблемы древнейшего населения Принеманья и отношений славяно-литовских племен, ни проблема русской культуры в Принеманьи XI—XIII вв., ни темы о культуре Литовского великого княжества XIII—XV вв. и о природе Черной Руси ни в какой мере не обеспечены археологическим исследованием и доброкачественным и обильным археологическим материалом. Во всех этих темах нужно начинать работу почти заново.

Это положение с изучением Принеманья очень ярко сказалось и на частном вопросе, являющемся предметом настоящей работы,— истории одного из городов Черной Руси, древнего Гродно. Письменные данные русских летописей о начальном периоде жизни этого города, которые мы рассмотрим ниже, столь скупы и мало вразумительны, что с давних пор в литературе, опиравшейся лишь на эти сведения, не было отчетливого представления даже о том, где помещался самый город, в котором правили упоминаемые летописью «городенские» князья. Один из историков считали, что это — современное Гродно на Немане. Другие полагали, что удаленность этого Гродно, лежавшего за болотистым бассейном Припяти, от главного театра политической борьбы XП в.— Поднепровья не позволяет связывать с ним летописные данные; действительно, Гродно лежало далеко даже от ближайших крупных городов: до Полоцка по прямой было 380 км, Минска — 240, Пинска — 224, Турова — 212, Владимира-Волынского — 320 км. Поэтому эти авторы видели летописное Гродно в одноименном местечке Городно, Городная) в правобережье Припяти меж Стырем и Горынью на юго-востоке от Пинска. Третьи делили летописные известия о Гродно между этими пунктами, относя сведения XII в. к Городно пинскому, а события XIII в. связывая с Гродно неманским[1]. Обзор и критику этих мнений дал учитель гродненской гимназии и крупный знаток прошлого своего города Е Орловский выступивший в 1893 г. на IX археологическом съезде с докладом «Основание г. Гродны и его история до 1241 г.» и обосновавший тождество летописного и неманского Гродно [1]. Одним из важнейших аргументов Орловского была со-' хранившаяся в Гродно Борисоглебская церковь, в датировке которой XII веком не возникало сомнений[2]. Однако и после работы Орловского мнение о тождестве летописного Гродно с Городно пинским прочно держалось в литературе. Так, М. Грушевский писал, что после смерти князя Давида Игоревича, получившего удел на Горыни, его сын Всеволодко получил «Городен волынский, маленькую волость на нижней Горыни»[3]. В специальной монографии о Турово-Пинском княжестве А. Грушевский также писал, что «отдельная княжеская линия, к которой принадлежал и Всеволодко (1128)», имела своей резиденцией «дреговичский город Гродно» между Горынью и Стырем[4]. Той же точки зрения придерживался местный историк Д. М. Милютин[5]. Поэтому Е. Орловский повторил и расширил аргументацию своей точки зрения в своей книге «Гродненская старина»[6], которая, казалось, полагала конец этой дискуссии и утверждала тезис о тождестве летописного и неманского Гродно.

Однако во время недолгого пребывания Западной Белоруссии под властью панской Польши (1920—1939 гг.) и усиленного национального угнетения белорусского народа в польской исторической литературе появились тенденции вновь пересмотреть и эту частную тему, являвшуюся немаловажной деталью более широкого вопроса о роли русского населения и русской культуры в истории Литовского, а затем и Польского * государства. Так, например, крайний польский националист Иосиф Иодковский в своем путеводителе по Гродно[7] всячески

Белоруссия и Литва. Изд. П. **Н.** Батюшкова текст Н.И. Петрова). СПб.. 1890, стр. 39 и 43.

[1] ТАС IX, т. II. М, 1897.

[2] Об этом памятнике подробно — ниже (гл. VI).

[3] М. Грушевський. Історіа Украини — Руси, т. II. Львов, 1905, стр. 100, 301, 302, 396.

[4] А. Грушевский. Очерки истории Турово-Пинского княжества. Киев, 1902, стр. 19.

[5] Д. М. Милютин. Древнейшее население Гродненской губернии. Гродно, 1906, стр. 42—51.

[6] Гродно, 1910.

[7] J. Jodkowski. Grodno. Wilno, 1923.

смазывал вопрос о русском Гродно, утверждая тезис об основании города литовцами, так как у «так называемых белоруссов» нет преданий о русском происхождении города (!), а Гродно русских летописей видел в Городно пинском [1]. Коложскую церковь И. Иодковский рассматривал как церковь-крепость, намекая на ее связь с позднейшими «оборонными храмами» литовской поры. «Русские,— писал И. Иодковский,— считают Коложскую церковь за памятник православия в нашем крае... Новейшие исследования показывают, что русины (так именовалось поляками русское население.— *Н.В.)* оставались в единении с католической церковью до XIII в...»[2]. Подобные утверждения проникали и в капитальные исторические сочинения. Таково, например, исследование крупного польского историка Г. Ловмянского. «Его (Гродно.— *Н. В.)* географическое положение,— писал Г. Ловмянский,— указывает, что это была литовская крепость, охранявшая переправу на Немане во время походов на Польшу и Русь»[3]. В этой связи он шел дальше Йодковского и брал под сомнение датировку Коложской церкви в Гродно XII веком, полагая, вопреки всем данным, возможным относить ее постройку к началу XV в.— времени возникновения за Городничанкой поселка полоненных защитников псковского пригорода Коложа! [1]

[1] J. Jodkowski Grodno, Wilno, 1923, стр. 2.

[2] Там же, стр. 64—69.

[3] H. Łowmiański. Studia nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego, t. I. Wilno, 1931, стр. 54, прим. Оценку монографии Г. Ловмянского см. в статье В. Т. Пашуто «Хозяйство и техника средневековой Литвы», ВИ, 1947, № 8, стр. 75, прим. 24. См. также его же. О возникновении Литовского государства. ИОИФ, т. IX (1952), № 1, стр. 29—30.

Таким образом, вопрос о русском Гродно, казалось бы, ставший уделом историографии, приобрел вновь актуальность.

Работа Г. Ловмянского вышла в свет незадолго до выдающихся археологических открытий на Замковой горе в Гродно, сделанных в 1932 г. Они явились началом организованных здесь раскопок, продолжавшихся до 1939 г. и законченных автором этих строк в 1949 г. Их результаты положили конец всем разноречиям в вопросах древней истории Гродно и позволили нарисовать — пусть пока эскизную — картину его культуры в русский и литовский периоды его жизни. Раскопки в Гродно лишний раз показали также обреченность попыток фальсифицировать прошлое нашей страны.

Задаче публикации важнейших серий вещей и первичного обобщения полученных в итоге раскопок в Гродно археологических материалов и посвящена настоящая работа.

[1] H. Łowmiański. Studia nad początkami..., t. II. Wilno, 1932, стр. 273, прим. 1. Отметим, что в польской литературе есть обстоятельная монография о Коложской церкви — M. Walicki. Cerkiew św. św. Borysa i Gleba na Kołoży pod Grodnem. «Studja do dziejów sztuki w Polsce», t. I, Warszawa, 1929.

II. ИСТОЧНИКИ О ГРОДНО В XII—XIII ВВ.

Обратимся сначала к просмотру немногих письменных сведений о Гродно XII в. Они, как мы говорили, относятся не к самому городу, но, главным образом, к отдельным фактам деятельности князей гродненской династии — потомков младшего сына Ярослава Мудрого — Игоря Ярославича, связанных преимущественно с Волынью.

Первое упоминание летописи о гродненских князьях относится к 1116 г.: «Том же лете Володимер (Мономах) отда дщерь свою Огафью за Всеволодка»[1]. Всеволодко — это правнук Ярослава Мудрого, сын Давида Игоревича[2]. В этом первом летописном известии нет указаний, что это гродненский князь. Но через 12 лет он сидит уже в Гродно.

В знаменитом походе на Полоцк, организованном Мстиславом Владимировичем киевским в 1128 г., когда удар на Полоцкую землю был нанесен одновременно с четырех сторон («четырьми пути»), одну из этих четырех стратегических операций выполнил Всеволодка из Городна»; гродненские силы названы при этом на третьем месте после Владимира-Волынского и Турова[3]. Следовательно, в это время Гродно уже существует. есть и Гродненское княжество, представляющее значительную военно-феодальную единицу, стоящую в ряду старых Волынского и Туровского княжеств. Очевидно, что Гродно— стольный город Всеволодки. Однако источники молчат о времени появления этого русского форпоста на Немане.

1.ПСРЛ, т. II, стб. 284.

2.Густынская летопись ошибочно называет Всеволодку князем черниговским: «В се же лето Володимер отдаде дщерь свою Агафию за Всеволода Давыдича Чернеговского» (ПСРЛ, т. II, изд. 1-е, стр. 291).

3 ПСРЛ, т. II, стб. 292.

В 1132 г. гродненские силы участвуют в большом походе на Литву, организованном князем Мстиславом: «Ходи Мьстислав на Литву, с сынъми своими, и с Олговичи, и с Всеволодом Городеньским, и пожгожа я, а сами ся расхорониша, а Киан тогда много побиша Литва, не втягли бо бяху с князем, но последи, идяху по нем особе»[1]. В какой район был этот поход — летопись не уточняет, но, судя по участию в нем гродненских дружин, можно предполагать, что это была попытка отодвинуть русские границы к северу от Гродно, т. е. поход был в направлении р. Вилии. Гродненский князь снова, как и в походе 1128 г., выступает в качестве вассала киевского князя.

После известия о смерти «Всеволода городеньского» в 1141 г.[2] в той же роли зависимых от Киева князей выступают сыновья Всеволодки Борис и Глеб, участвующие в походе 1144 г. на Галич «на многоглаголиваго Володимирка», организованном киевским князем Всеволодом[3]. Тот же киевский князь устраивает браки дочерей покойного Всеволодки: «Той же зиме (6652) Всеволод отда две Всеволодковне, Володимири внуце (т. е. внучек Мономаха) едину за Володимира за Давыдовича, а другу за Ярославича за Дюрдя, обе одиной неделе»[4]. Эти браки, видимо, преследовали политическую цель — прочнее связать интересы далекой гродненской династии со смежными феодальными княжествами: Владимир Давидович (черниговский) получил в 1142 г.

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 294.

[2] Там же, стб. 309.

[3] Там же, т. II, стб. 315. В Густынской летописи Борис и Глеб ошибочно названы «внуки Мстиславли». ПСРЛ, т. II, изд. 1-е, стр. 297.

[4] ПСРЛ, т. П. стб. 317.

Дрогичин, а Юрий Ярославич был туровским князем.

Гродненские Всеволодковичи и позже постоянно находятся в фарватере киевской великокняжеской политики. В 1150 г. князь Борис Всеволодкович со своими полками участвует в борьбе князя Изяслава Мстиславича за киевский стол; в 1151 г. его войска играют значительную роль в осаде Киева, занимая участок против Лядских ворот, а по взятии города преследуют до Белгорода полки Юрия суздальского [1]. В 1167 г. князь киевский Ростислав приказывает «братьи своей» и «сыном своим» соединить свои полки для обороны от половцев купеческих караванов на Залозном пути; в числе собравшихся у Канева князей мы находим и Глеба городенского, видимо, среднего из сыновей Всеволодки[2]. По смерти князя Ростислава (1169 г.) Мстислав Изяславич, узнав о своекорыстных замыслах других князей ограничить его власть в случае занятия им киевского стола, созывает к себе, «являя им твердь братье», т. е. подтверждая прочность старых отношений, своих «ротников» — Ярослава галицкого, ляхов и Всеволодковичей гродненских, из которых приходит к нему Мстислав,— видимо, младший из трех братьев[3]. Он же участвует в походе на половцев 1170 г., организованном Мстиславом Изяславичем[4]. Всеволодковичи посылают последнему свою помощь и во время последующей борьбы за Киев; по занятии Киева Мстислав «взем ряды с братьею» в том числе «и с Всеволодковичем»[5], — вероятно, Мстиславом. Лишь под давлением изменившейся обстановки гродненские полки должны были принять участие в походе Андрея Боголюбского на Киев[6]. Здесь в летописи «городеньскые князи» названы, как и другие, во множественном числе, поэтому мы не знаем, были ли в это время живы старшие братья — Борис и Глеб, и кто из них ходил в Поднепровье. Мстислав участвует и в походе 1184 г. Святослава Всеволодовича киевского на половцев[7]. По предположению А. В. Соловьева, Мстислава «городенского» имеет в виду «Слово о полку Игореве", назвавшее рядом с Романом Мстиславичем волынским, боровшимся с литовской опасностью на западе, имя Мстислава. Автор справедливо считает, что гродненский князь мог участвовать своими силами или в союзе с Романом волынским в борьбе с литвой и ятвягами [1].

Из приведенных скупых упоминаний летописей мы не узнаем, сидели ли все наследники Всеволодки в Гродно, образуя своего рода «триумвират», или имели свои собственные городки в своем пограничном уделе. Можно думать, что после 1169 г., когда Борис и Глеб исчезают со страниц летописей и выступает один Мстислав, старшие братья уже умерли; возможно и другое предположение, что младший Мстислав был еще при жизни одного или обоих братьев руководителем «внешнеполитических» мероприятий княжества и возглавлял далекие походы, связанные с борьбой за Киев.

К 1183 г. относится последнее за XII в. летописное свидетельство о Гродно и единственное, относящееся к жизни самого города: «Того же лета Городен (вариант Городно) погоре вcь и церкы каменая от блистания молние и шибения грома»[2]. К этому тексту мы вернемся ниже в связи с изучением архитектурных памятников Гродно XII в.

Последний отзвук жизнь Гродно, XII в. нашла в «Слове о полку Игореве». Здесь, в связи с поражением и гибелью в борьбе с Литвой неизвестного по летописи полоцкого князя Изяслава Васильковича, говорится:

«Уныля голоси,
Пониче веселие,
Трубы трубят г о р о д е н ь с к и и...»[3]

Сомнения, высказывавшиеся по поводу географической конкретности термина «городеньскии», и соображение, что он обозначает, например, вообще игру трубачей, стояв-

1 ПСРЛ, т. II, стб. 410, 413, 424, 426, 427, 433.
2 Там же, стб. 528.
3 Там же. стб. 533. В Густынской летописи: Борис и Глеб (ПСРЛ, т. II. изд. 1-е, стр. 309).
4 ПСРЛ. т. II. стб. 538.
5 Там же, стб. 547—548.
6 Там_же. стб. 574.
7 Там же, стб. 631.

1 А. В. С о л о в ь е в. Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». ИЗ, № 25, М.—Л., 1948, стр. 80, 81, 89, 103.
2 ПСРЛ, т. II, стб. 634. Отметим, что в литературе до последнего времени имеет место неправильное понимание текста в смысле пожара н е с к о л ь к и х церквей.
3 «Слово о полку Игореве». М.—Л., 1950, стр. 24, 449, 450.

ших на «городнях» городских укреплений [1], не имеют оснований. А. В. Соловьев полагает, что Изяслав Василькович княжил где-то «в маленьком городе Городке (или Городце) на литовской границе», «во всяком случае это не Городен (Гродно) на Немане, где были свои князья из потомства Давида Игоревича волынскогс» [2]. Отметим, что отнюдь не обязательно предполагать княжение Изяслава в Гродно неманском [3]. Борьба с литвой и другими «погаными» сознавалась как общерусское, а не местное дело, и весть о гибели одного из его борцов должна была отозваться тревогой во многих краях Руси и особенно в городах литовского пограничья. Автор «Слова» с исключительной чуткостью ловил широкое эхо событий борьбы Руси за ее самостоятельность. Скупые заметки летописей показывают, что удаленное Гродно жило в тесной связи со всей южной Русью: болота Полесья и дебри непроходимых пущ не препятствовали гродненским князьям водить свои полки в Киевщину и на Волынь. И скорбный звук «городеньских» труб, слышимый в грандиозной симфонии «Слова»,— яркое подтверждение связи далекого Гродно с остальной Русью и его заметной роли; в ее истории.

1. Jodkowski. Pieczącie ruskie z XI—XII w. znalezione w Grodnie i Drogiczynie. PH, t. XXXVII. Warszawa,: 1948, стр. 171.

2 А. В. Соловьев. Ук. соч., стр. 83—84 и прим. 43

[3] В. Е. Данилевич полагал, что Гродно, принадлежавшее Васильковичам, находилось в северо-западной части Полоцкой земли, в пограничье с Литвой, *и* приурочивал его к городищу около дер. Городец Лепельского района (В. Е. Данилевич. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV ст. Киев, 1896, стр. 258).

Ш. ТОПОГРАФИЯ ГРОДНО И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 1932—1939 ГГ.

1

Современное Гродно, крупный промышленный город и областной центр БССР, своей основной частью расположено на высоком правом берегу Немана. Подъем берега начинается несколько выше города, достигая на его юго-западной окраине, у устья речки Городничанки, высоты 32 м от уровня реки. Здесь береговую гряду прорезает ряд глубоких оврагов, выходящих к Неману. Речка Городничанка, само имя которой обязано ставшему здесь городу, вырезывает в устье треугольный мыс (рис. 1). Самой природой его острие обращено на запад, к литовским низовьям Немана. Этот мыс и теперь носит имя Старого замка, или Замковой горы. На противоположном берегу долины Городничанки простирается также очерченное с запада оврагом плато, получившее с XV в. имя Коложи; здесь стоит знаменитая в истории русского искусства Борисоглебская церковь XII в. С востока и северо-востока овраг отделяет Старый замок от территории Нового замка, возникшего в XIV—XV вв. Русло Городничанки широкой дугой своих высоких и крутых берегов прикрывает территорию города с запада и севера.

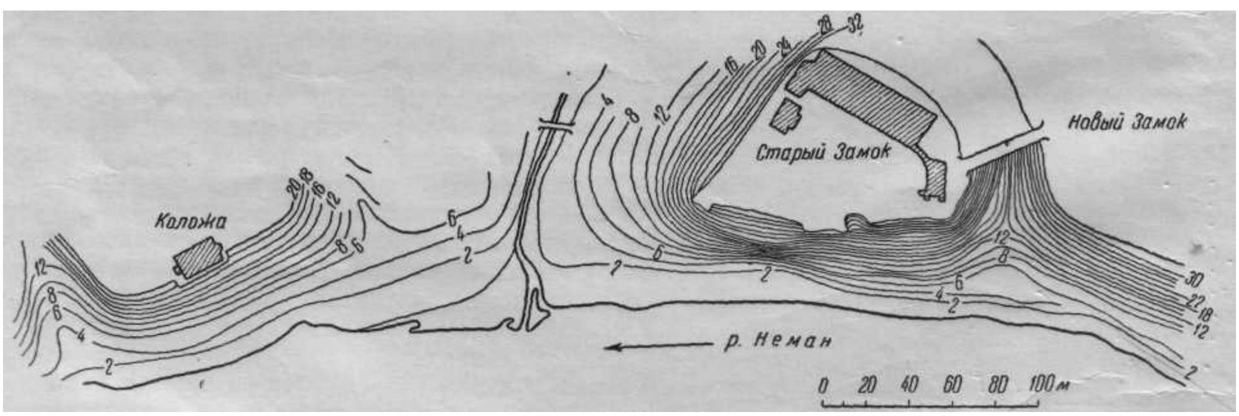

Рис. 1. План берега Немана. Коложа, Старый и Новый замки.

Иными словами говоря, расположение древнейших ячеек Гродно представляет картину, типичную для многих средневековых и особенно древнерусских городов, располагавшихся в надежно защищенных самой природой местах, на берегах речных путей. Как и в отношении черноруcского Новгородка, где летопись отметила в XIII в. две части — детинец и окольный город [1], мы с полным основанием можем предполагать ту же картину городской топографии и в Гродно.

Несомненно, что цитадель в устье Городничанки, где и велись раскопки, представляет лишь незначительную по площади *княжескую* часть древнего Гродно:

[1] ПСРЛ, т. II. стб. 873.

город с его ремесленным посадом занимал значительно более широкую территорию рис. 2). Она, очевидно, простиралась к востоку и северо-востоку от крепости, в пределах петли Городничанки. Прежде всего посад мог размещаться на смежном с ней плато позднейшего Нового замка.

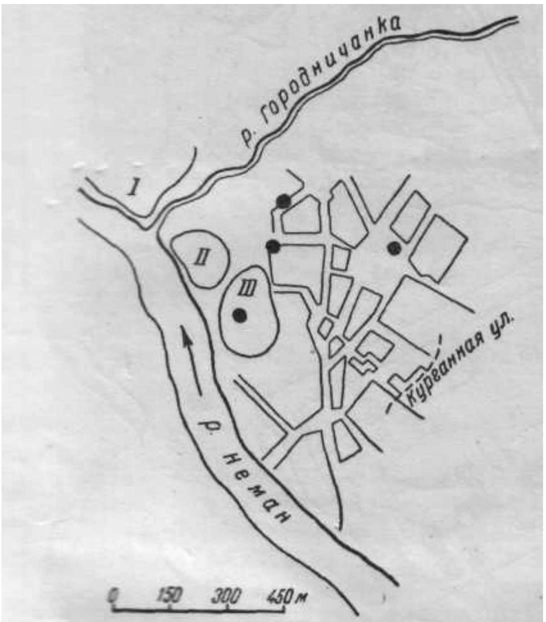

Рис. 2. Схема топографии древнего Гродно

I — Коложа; *II* — Старый замок; *III* — Новый замок. (Точками показаны прослеженные выходы древнего культурного слоя XII—XIV вв., пунктиром — граница предполагаемо о вала посада)

Здесь в 1926 г. при земляных работах на глубине 1,9 м были встречены деревянные строения. При строительных работах в 500 м к востоку от Старого замка, во дворе дома на углу Советской площади против главного костела, глубине 3—4 м были встречены срубные постройки [1]. Земляные работы во дворе дома на углу Замковой улицы вскрыли мостовые настилы и деревянные срубы. Мостовые были вскрыты при рытье котлована для дома на смежной с Замковой улице Олега Кошевого. Правда, время этих строений и мостовых неизвестно — они могут принадлежать и литовской поре.

Обращает на себя внимание одна черта топонимики города: за старой Сенной площадью (в 650 м к юго-востоку от крепости) называется улица «Курган» или «Курганная».

1. Сообщение архитектора Р. А. Румянцева.
2. Материалы по археологии, вып. 41.

Это — одно из старых урочищ, упоминаемое уже описью Гродно 1560—1561 гг. («идучи с улицы теперь Бернардинской на курган») [1]. Положение этого урочища, по аналогии с Черниговом, Суздалем, Муромом, может быть, является указанием на наличие пригородного курганного кладбища. Наблюдения 1951 г. за строительством большого жилого дома за линией Курганной улицы показали отсутствие за этой чертой ранних культурных отложений; слой здесь очень невелик и относится к XVII—XVIII в.

Часть города на берегу Немана выше Замковой горы называлась Подолом[2]; сюда вела Великая улица[3]. Эти имена очень напоминают названия, типичные для топонимики древнерусских городов.

В коллекциях Гродненского государственного историко-археологического музея (далее — сокращенно ГГИАМ) есть шиферное пряслице, находка которого помечена местом еврейского кладбища, находящегося за Неманом несколько ниже и напротив Коложи.

Все приведенные отрывочные и общие данные о топографии Гродно, конечно, нуждаются в археологической проверке, в особенности последнее, указывающее как будто на наличие поселения или, скорее, кладбища XII—XIII вв. и за Неманом.

Таковы пока весьма скудные данные о древней топографии Гродно, нуждающейся в широких археологических разведках территории вне Замковой горы.

2

Начало раскопок Замковой горы в Гродно было обязано отнюдь не постановке научных задач освещения вопроса о возникновении и древней истории города. Замковая гора была дорога польским националистам совсем в иной связи. Гродно короткое время было столицей литовского великого князя Витовта — памятником этой поры являются мощные руины стен его крепости на Замковой горе. Около 1580 г. кумир шляхетской Польши король Стефан Баторий реконструировал замок и отстроил здесь свой пышный дворец, сохранившийся в неузна-

[1] Писцовая книга Гродненской экономии, ч. II. Вильно, 1882, стр. 36.
[2] Там же, стр. 38.
[3] Там же, стр. 46.

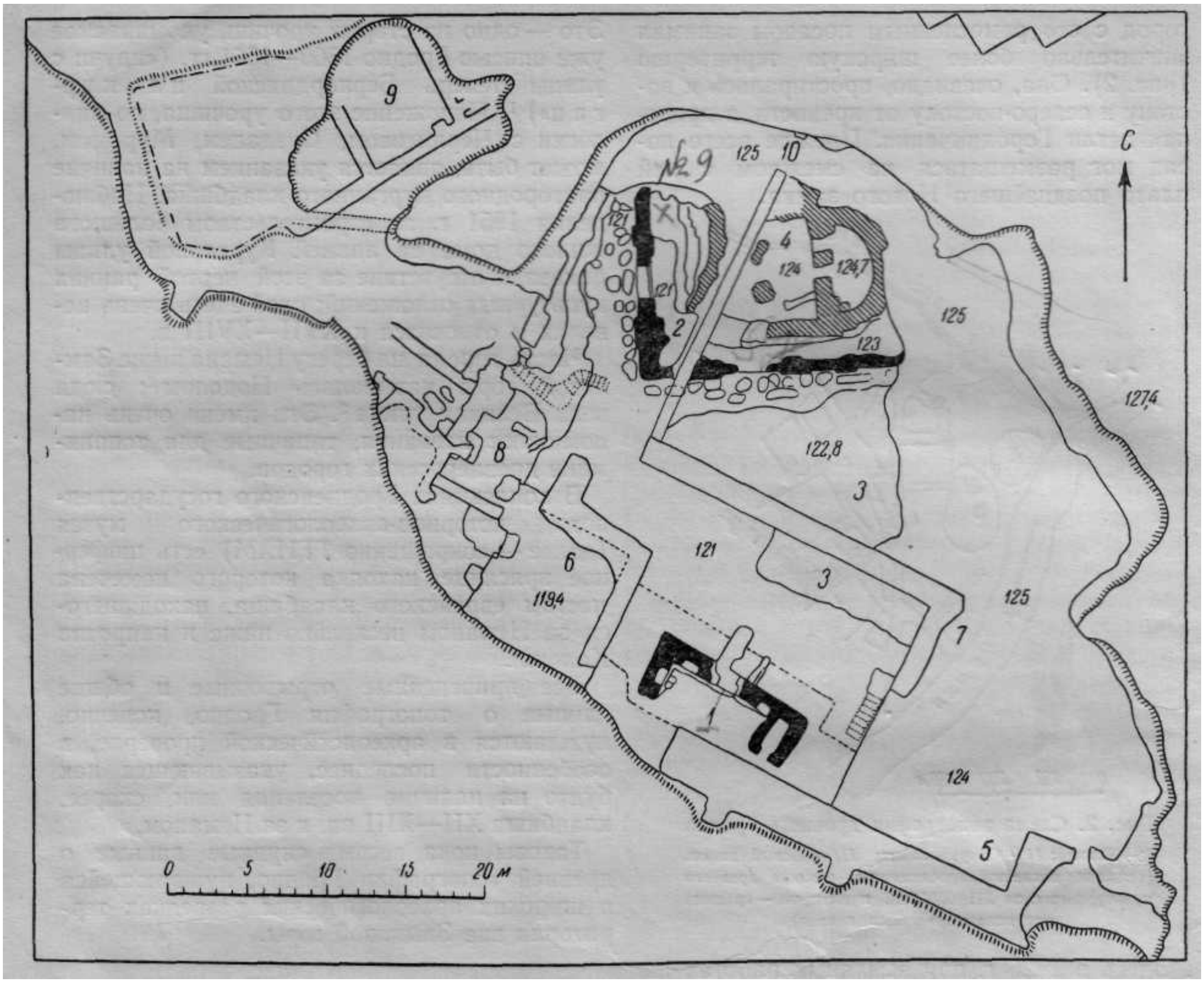

Рис. 3. Генеральный план раскопок на Замковой горе по состоянию на 1934 г.

1 — Южная башня („терем"); *2* — Нижняя церковь; *3* — остатки деревянных строений; *4*—Верхняя церковь; *5* — стена замка Витовта; *6* — часть каземата XV в.; *7* — стена XVI—XVII вв.; *8*— руины XVI—XVIII вв.; *9* — фундаменты времен С. Батория; *10* — остатки стены (аркады) XVII—XVШ вв. (По И. Иодковскому)

ваемо искаженном перестройками позднейшего времени виде до наших дней. Наконец, в Гродно происходил знаменитый в новой истории Речи Посполитой «молчаливый сейм», принявший условия второго раздела Польши, а в 1794—1795 гг. здесь жил последний польский король Станислав Август.

В связи с этим Старый замок в Гродно привлек особое внимание властей панской Польши.

В 1925 г. здесь был организован государственный музей, а в 1928 г. были созданы особое попечительство (Kuratorium Zamkowe) и комиссия для укрепления Замковой горы, размывавшейся Неманом, возглавленная комендантом Гродно генералом Клебергом. В это время была сооружена широкая, облицованная камнем набережная в подножии Замковой годы. Для укрепления ее размытых склонов, угрожавших стенам замка Витовта, было решено снять грунт с площадки горы и им подсыпать ее скаты к Неману [1].

[1] J. Jodkowski. Grodno wczesnośredniowieczne w świetlie prac wykopaliskowych dokonanych na królewskim Zamku Starym w Grodnie w latach 1932 i 1933. Оттиск из PHW, t. VII, z. 1, Warszawa, 1934, стр. 5—6 (далее — сокращенно: GW).

Эти работы начались в конце 1931 г. под наблюдением директора Гродненского музея И. Иодковского. Они охватили огромную площадь неправильных очертаний в глубину от южного склона до 40 м и вдоль его до 90 м (*рис.* 3). Это были в полном смысле слова земляные работы, проводившиеся рабочими-землекопамибезвсякогонаучного наблюдения, без чертежей и, какой-либо фиксации археологических находок, без всякого учета стратиграфии и без записей научных наблюдений. Культурные напластования Замковой горы были сняты, таким образом, на разную глубину — от дневной поверхности до 2,5; 5,10; 6,4; 8,0 м.

Наибольшей глубины котлован достигал на южной кромке холма, где были основания стен замка Витовта. Здесь, с внутренней стороны замковой стены, уже весной 1932 г. были открыты руины неизвестного здания из древнего кирпича-плинфы XII в.; это здание было названо Иодковским «теремом» (РИС. 4:1).1
Наличие входа в северной стене этого здание навело: Иодковского на мысль, что к северу от «терема» должен быть храм [2], за поиски которого он и принялся, идя тем же путем авральных земляных работ, охватив ши площадь к северу от «терема»; Действительно здесь им были обнаружены руины большого шестистолпного кирпичного храма, родственного по технике кладки и убранству стен вставками валунных камней «терему» [3]. На руинах этой Нижней церкви были открытии остатки небольшого одноапсидного храни более поздней поры, названного «Верхшеи церковью» (рис. 4, *2)* [4]. В процессе земляных работ «терем» и Верхняя церковь были полностью вырваны из их стратиграфического окружения, что крайне затруднило суждение об их истории. Нижняя же церковь была обрыта с западной, южной и чипы» с восточной стороны и отрезана от примыкавших культурных напластований. Над ее северо-восточным углом несколько также был вскрыт фрагмент стены кирпичной кладки XIV—XV вв. (см. рис. 103, стр. 188), лежавший в уровне Верхней

1 GW, стр. 9—10.

2. Там же*,* стр. 10.

3. Там же, стр. 10—11.

4. Там же, стр. 14.

Одновременно открылись напластования древних деревянных строений и мостовых на участке к югу от Нижней церкви, к счастью, не полностью уничтоженных Иодковским и даже занесенных им на единственный сделанный тогда детальный план (но без нивелировки) [1].

Древние напластования Замковой горы были прорезаны несколькими позднейшими кирпичными фундаментами XVII—XVIII вв. К югу от Нижней церкви шли основания кирпичной стены большого четырехугольного здания [2]. К западу от церкви лежали фундаменты двух пилонов. Кирпичная стена того же времени пересекала под углом руины Нижней церкви, врезаясь в толщу ее развалин (рис. 5).

Все эти открытия монументальных построек, не вызывавших сомнения в их дате и принадлежности древнерусскому Гродно[3], были едва ли приятной неожиданностью для самого И. Иодковского, ярого польского националиста. Однако он с большой бесцеремонностью, основанной на археологической неосведомленности, выдвинул мысль, что полученные им данные говорят об основании Гродно «варягами» в IX в., датировал Нижнюю церковь XI веком, охарактеризовав ее как «византийскую» постройку, и внес много других фантастических и тенденциозных утверждений в интерпретацию памятников Замковой горы[4].

Таким образом, работы Иодковского, приведшие к выдающимся открытиям, во многом обесценили их научную документальность. Собранный же рабочими-землекопами значительный и интересный вещевой материал, хранящийся ныне в фондах ГГИАМ, может быть почти приравнен к случайным находкам: вещи лишены стратиграфической паспортизации, большинство из них имеет

[1] Там же, стр. 6—9.

[2] Следует отметить, что ров этой позднейшей стены, прорезавший всю толщу культурных отложений почти вплоть до материка, был вырыт исключительно точно по ширине кладки фундамента — так, что остатки прорезанных рвом деревянных мостовых XII—XIV вв. кажутся «примыкающими» к этой кладке.

[3] Материалы, полученные из раскопок на Замковой горе, вызвали живой отклик. А. В. Соловьев. Новые раскопки в Гродно и их значение для русской истории. «Записки Русск. научного института в Белграде», вып. 13, 1935. С этой статьей, известной нам по ссылкам, мы ознакомиться не смогли.

[4] GW, стр. 11—12 и др.

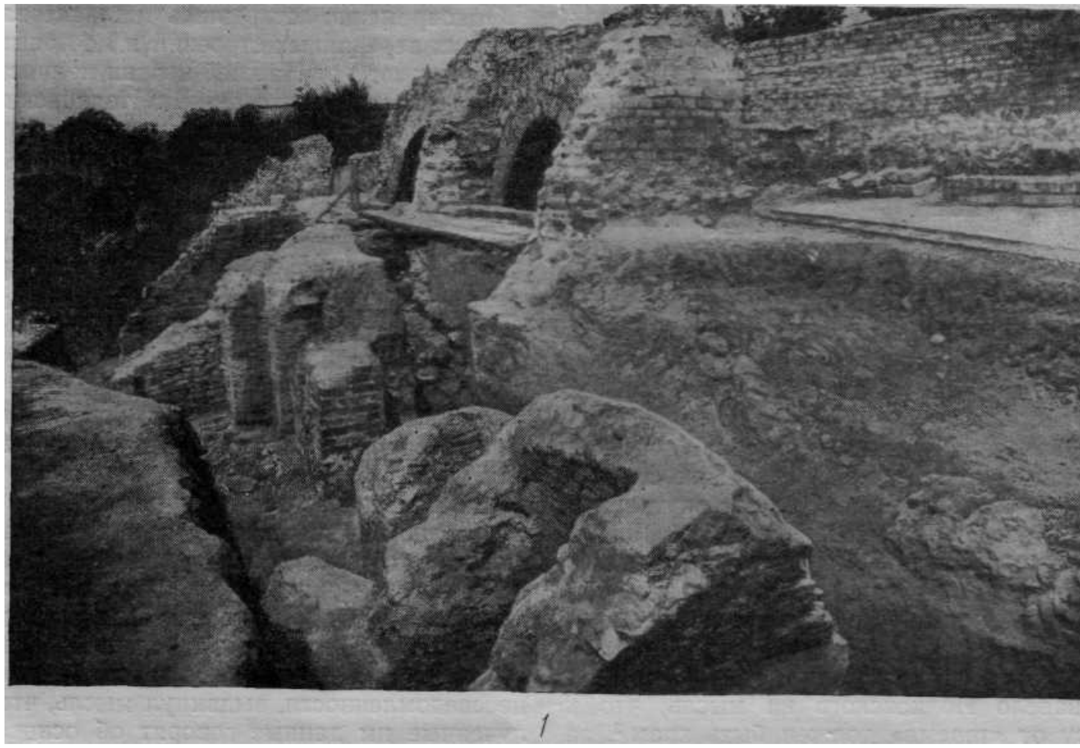

Рис. 4.

1 — руины „терема" (южной башни); вид с юго-востока; *2* — руины Верхней и Нижней церквей в процессе раскопок (юго-западный угол)

Рис. 5. Аркада, прорезающая западную часть Нижней церкви. (На переднем плане—руины Верхней церкви.) Вид с востока

лишь обозначение «Старый замок», очень немногие определены как найденные в связи с «теремом» или «в уровне Нижней церкви» и т. п. Следовательно, почти весь этот материал не может быть использован исследователями с должной точностью и уверенностью в его происхождении.

В 1933 г., в связи с 400-летием со дня рождения Стефана Батория, в Гродно был учрежден особый «Воеводский комитет по чествованию памяти короля Стефана Батория», в задачу которого входили консервационные и реставрационные работы по дворцу Батория и стенам замка, а также организация научных раскопок на Замковой горе. О большом политическом значении комитета говорило то, что верховный надзор и попечительство над его деятельностью приняли тогдашние правители Польши.

Комитет провел ряд мероприятий по благоустройству территории земляных работ (канализация, деревянное перекрытие всей вскрытой площади). Руины Верхней церкви в 1937—1939 гг. были закреплены и по частям вынесены в особый павильон у стен музея [1]. Одновременно проф. Я. Войцеховский вел подготовительные работы по исследованию стен замка и Баториева дворца [2]. Были проведены работы по усилению и укреплению южного склона холма, при которых выяснилось, что земляные насыпи, сделанные в 1932 г., лишь ухудшили состояние склона [3]. Предполагалось в дальнейшем создание «подземного музея», технический проект которого был разработан [4]. Для производства ремонтно-укрепительных работ по Нижней церкви в 1936—1937 гг. было продолжено раскрытие ее стен, которым руководил еще И. Иодковский [5]. Однако особая комиссия, рассмотревшая в 1934 г. итоги его «раскопок», отстранила его от их продолже-

[1] Следует отметить методичность и точность этой работы.

[2] J. Wojciechowski. Stary Zamek w Grodnie. Оттиск из "Biuletyn historii sztuki i kultury", r. VI. Warszawa, 1938 (далее — сокращенно: SZ).

[3] Sprawozdanie z prac na Starum Zamku w Grodnie 1933—1937. Grodno, 1938, стр. 17, 25 (далее — сокращенно: Spraw.).

[4] Там же, стр. 14.

[5] Там же, стр. 12—13.

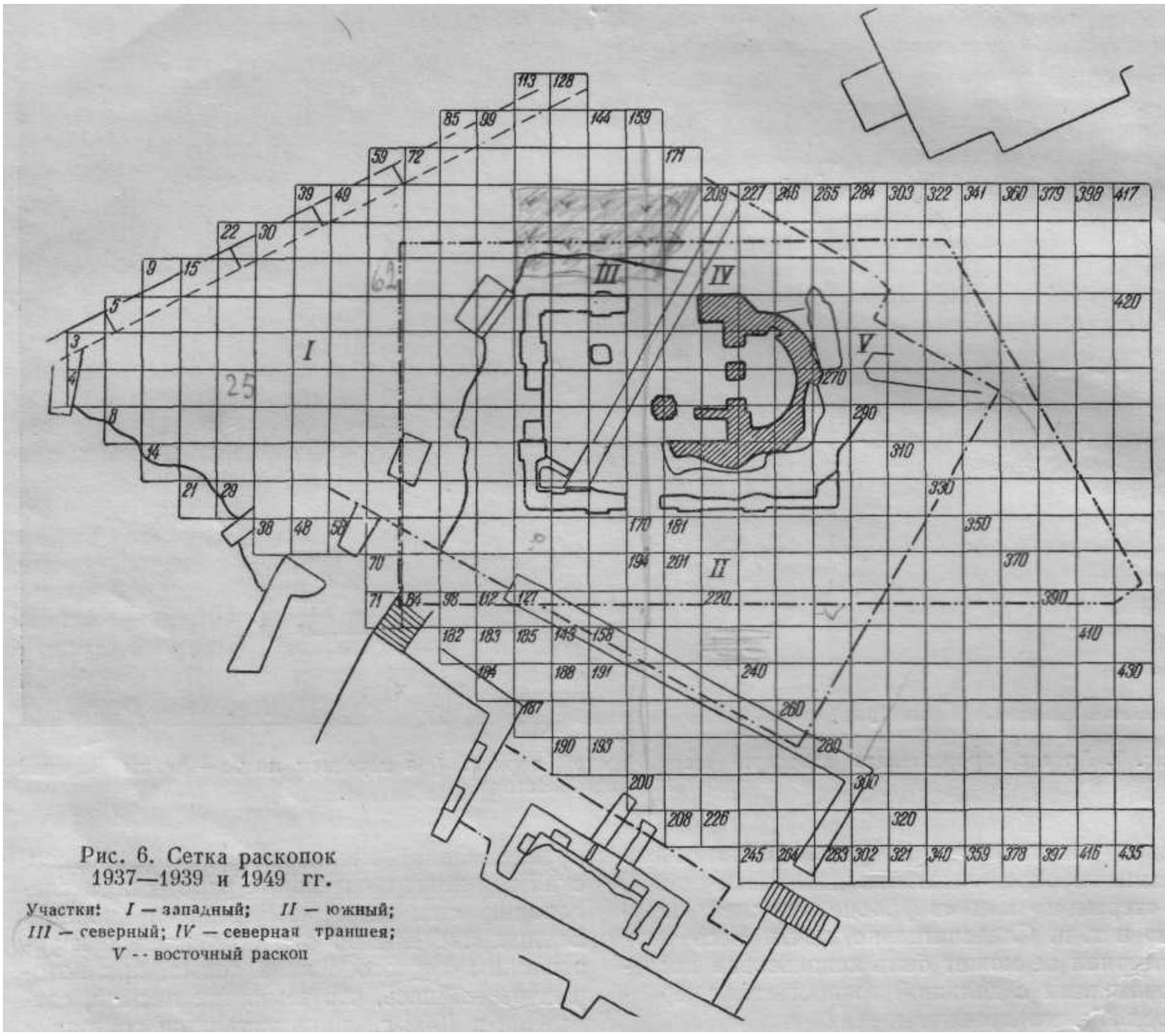

Рис. 6. Сетка раскопок 1937—1939 и 1949 гг.

Участки: *I* — западный; *II* — южный; *III* — северный; *IV* — северная траншея; *V* -- восточный раскоп

ния 1, а руководителем археологических работ был назначен участвовавший до того в раскопках Бискупина и Гнезно ассистент Археологического музея в Варшаве — археолог З. Дурчевский, ведший раскопки с 1937 г. по 1939 г.[2]. Основным участком его работ была площадь к западу от Нижней церкви, ограниченная с запада фундаментами стен Баториева замка. Этот участок (240—300 кв. м) был почти не затронут земляными работами Иодковского, которые удалили здесь лишь верхние позднейшие слои до уровня 3,4 м.

Методика этого этапа археологических исследований Замковой горы была достаточно точной. Площадь была разбита на квадраты 2 X 2 м с единой нумерацией, их сетка охватила весь район земляных работ 1932—1933 гг. (рис. 6). За три года (1937—1939) весь участок был вскрыт до материка и изучена толща культурных напластований мощностью до 4,65 м. В ее верхней зоне были аморфные слои, названные исследователем «песок — мусор византийский», и ниже — «песок — дерево». Далее вглубь шли слои с остатками деревянных строений и мо-

[1] Критику методики работ Иодковского дал проф. Р. Якимович в статье «Prawda o Górze Zamkowej w Grodnie> («Marchołt», 1938, z. II, Warszawa, стр. 196—214). Материал, добытый Иодковским, по словам автора, был перемешан, «как горох с капустой» (ук. соч., стр. 202).

[2] Spraw., стр. 5 я 13. Его помощниками были архитектор Т. Андриячек, обеспечивший детальную и точную съемку планов раскопок и сделавший ряд реконструкций, и А. Кетлинская, прекрасно осуществившая консервацию находок, в особенности изделий из дерева (Spraw., стр. 32).

стовых, которые и определили систему членения раскопанного массива на 12 «слоев дерева» с остатками 23 построек. Каждый слой строений наносился на план в масштабе 1 : 10 с тщательной нивелировкой. Однако как можно судить по сохранившимся материалам, это выделение ярусов построек было в достаточной степени условным — их высотные отметки постоянно пересекаются, и нет полной уверенности, что эти ярусы представляют в то же время последовательные хронологические зоны слоя. Так, например, слой «песок — дерево» и лежащие под ним два первых «слоя дерева» имеют почти один и тот же нижний уровень — 6,0—6,25 м. С этой глубины начинается «слой дерева» VI, а предшествующие слои III—V, начинаясь в уровне около 5,0 м, достигают глубины до 7 м. Слои VIII и X почти «взаимно проникают», так как расположены от «гашеток, близких к 7 м, до 7,80—7,90 м.
Если подобная картина может быть объяснена различной высотой остатков тех или иных строений, то окружающий их культурный слой рос постепенно и мог, естественно, не совпадать хронологически с данной постройкой. Однако вещевые находки регистрировались именно по «слоям дерева», хотя они хронологически могли относиться либо к верхнему, либо к нижнему слою. В решении этого вопроса могли бы оказать помощь профили по основным постройкам или каким-либо постоянным осям раскопа. Однако о них нет упоминаний в предварительных публикациях 3. Дурчевского[1]; не сохранились они и в составе уцелевших в., ГГИАМ чертежей. Таким образом, вещевой материал из расколок 1937—1939 гг. может рассматриваться лишь в более общих, нежели "слой дерева», границах — в более широких суммарных хронологических комплексах. Сам исследователь в своей публикации пошел именно по этому пути, наметив и свое представление о границе между отложениями русского города и литовского времени. С последним он связывал верхние «слои дерева" до слоя V включительно: «слои литовского» города лежат на глубине 3,50—6,50 м с этим городом связаны 5 первых слоев дерева (дерево 1—5), в которых открыто 15 срубных построек» '. Нижние слои — слой VI и последующие — он относил к русской поре. Серьезных археологических обоснований для такого членения автор не привел; возможно, что одним из доводов в его пользу служило ошибочное определение слоев строительства и разрушения Нижней церкви[2]. Однако уже первое знакомство с материалами раскопок и опыт их предварительной статистической обработки привели нас к выводу, что данное 3. Дурчевским членение требует существенных поправок. Как мы писали в своем предварительном отчете, уже учет находок таких характерных для русского города XI—XIII вв. вещей, как стеклянные браслеты и шиферные пряслица, показывает, что в слоях V—IV их достаточно много, что это никак не может быть объяснено «традицией», как полагал 3. Дурчевский, и ношением стеклянных браслетов еще в XIV в.![3] В связи с этим мы в порядке рабочей гипотезы предположили, что верхнюю границу отложений русского города нужно поднять выше, в среднем до нивелировочной отметки 5,60—5,80 м, т. е. до верхней отметки «слоя дерева» IV. К этому склоняло и отмеченное в плане слоя V нахождение в нем упавшей северной стены Нижней церкви (разрушение 1183 г., или середины XIII в.).

Как можно полагать, 3. Дурчевский не был свободен в своих суждениях об открытом материале. Несравненно более объективный, нежели его предшественник И. Иодковский, и, в отличие от него, настоящий ученый, 3. Дурчевский сказал в полный голос о мощных отложениях русского Гродно на горе Старого замка и подверг критике как методику, так и фантастические выводы Иодковского[4]. Однако, видимо, эти выводы не вызывали особого сочувствия в официальных кругах. Любопытно, что в хранящейся в ГГИАМ хорошо выполненной стратиграфической схеме раскопок Замковой горы (схема была сделана в то время и предназначалась для музейного показа) были совершенно не отмечены отложения русской поры, а ее центральный памятник — храм XII в. был назван просто «Нижней цер-

1- Spraw., стр. 32 и след.; Z. Durczewski. Stary Zamek w Grodnie w świetle wykopalisk, dokonanych w latach 1937-1938. Оттиск из «Niemna», 1939, № 1. Grodno, 1939. далее — сокращенно: DSZ).

[1] DSZ, стр. 4.
[2] Там же, стр. 11.
[3] DSZ, сто. 8; Н. Н. Воронин. Раскопки в Гродно. КСИИМК, вып. XXVII, стр. 140 и рис. 53.
4 DSZ, стр. 9 и след.

ковью». В то же время в этой схеме тщательно размечены верхние слои с сомнительной точностью — до указаний дат. Повидимому, в связи с этим стоит и настойчивое стремление З. Дурчевского освободить характеристику «литовских» слоев от фактов, свидетельствующих о православии населения или русских элементах в «литовском» городе. Так, характерные бронзовые энколпионы «могут быть попросту военной добычей из христианских русских или польских (? — *Н. В.)* земель», медная пластина XII в. с изображением св. Симеона и русской надписью, признанная исследователем за обломок богослужебного сосуда (?), могла, по его мнению, попасть в Гродно «путем обмена или в виде военной добычи из русской земли, подобно некоторым бронзовым крестам» [1].

Но при всем этом З. Дурчевский дал относительно точно систематизированный материал, не сравнимый с хаотическим состоянием находок раскопок И. Иодковского.

Однако и материалу раскопок З. Дурчевского не суждено было стать прочной основой для истории древнего Гродно. Во время немецкой оккупации Гродно музей был разгромлен, коллекции были разрознены и расхищены, а документация раскопок почти полностью погибла, З. Дурчевский был убит на улице во время Варшавского восстания 5 августа 1944 г.[2]; позже скончался и инициатор раскопок И. Иодковский[3].

В ноябре 1945 г.— марте 1946 г. материалами раскопок в Гродно, по поручению Института истории Академии Наук БССР, занимались проф. В. И. Голубович и Е. А. Цегак-Голубович, проделавшие большую очень ценную работу по приведению в порядок и паспортизации вещей из раскопочных коллекций 1932—1939 гг. На основе этой работы теми же исследователями был составлен историко-археологический очерк «Новые материалы по истории Гродно в раннефеодальную эпоху», в котором авторы сделали попытку восстановления исторической стратиграфии Замковой горы и дали характеристику важнейших памятников и серий вещей[4]. Исследовав сохранявшиеся тогда старые каталоги, номера на самих вещах и паспорта-карточки при многих из них, авторы восстановили паспорта около 70% вещей из общего их числа свыше 11 тыс. К сожалению, из 9 тыс. предметов раскопок 1937—1939 гг. оказались депаспортизованными до 4 тыс. вещей[2]. Особенно существенно, что авторы могли воспользоваться сохранявшимися в то время в ГГИАМ остатками раскопочной документации 1937—1939 г., как, например, отрывками записей З. Дурчевского (краткий дневник 1937 г. и краткая характеристика слоев IX—XI); особенно существенно отметить, что «из 39 рулонов, содержавших планы слоев дерева в отдельных культурных пластах, развалин кирпичных зданий (от византийских до готических), равно как и разрезы частей культурных слоев, сохранилось только 19»[3]. В настоящее время этих планов в фондах ГГИАМ только 9, равно как нет и многих рукописных материалов, наличествовавших в 1945—1946 гг. Таким образом, рукопись В. И. и Е. А. Голубович приобретает по ряду вопросов значение первоисточника.

В 1947 г. ГГИАМ поставил перед ИИМК Академии Наук СССР вопрос о завершении раскопок на Замковой горе и полном вскрытии Нижней церкви. В 1947 и 1948 гг. автор этих строк вместе с сотрудниками ЛОИИМК П. А. Раппопорт и Ф. Д. Гуревич провел предварительное ознакомление с наличным в ГГИАМ материалом[4], а в 1949 г. экспедиция ИИМК и ГГИАМ закончила раскопки в пределах территории работ 1932—1939 гг.[5].

Обратимся к общей характеристике раскопок 1949 г. и основным выводам по стратиграфии памятника.

[1] DSZ, стр. 6—7.

[2] WA. т. XVI. стр. XVI; некролог З. Дурчевского см. PA. t. VII, z. 1. 1946, стр. 127.

[3] Биогр. справка о И. Иодковском и его работах см. в «Archeologia», т. II. Wrocław, 1948, стр. 435—436.

[4] Текст названной работы был в 1948 г. представлен в ИИМК Институтом истории АН БССР. Пользуемся копией этой рукописи в архиве ИИМК, по которой и даем сноски (далее — сокр.: Голубович). Наши выводы частью расходятся с заключениями авторов, частью совпадают с ними.

[2] Голубович, стр. 12—13. В нашей работе мы используем лишь паспортизованный материал западного участка, привлекая лишенные стратиграфического определения вещи только в исключительных случаях.

[3] Голубович, стр. 13.

[4] См.: Н. Н. Воронин. Раскопки в Гродно. КСИИМК, вып. XXVII, стр. 138. Ряд выводов этого отчета мы и развиваем ниже, часть — исправляем.

[5] Приношу сердечную признательность директору ГГИАМ Н. Н. Соболю и дружному коллективу музея, обеспечившим проведение раскопочных работ и осуществление этого сводного труда.

IV. РАСКОПКИ 1949 Г. И СТРАТИГРАФИЯ ЗАМКОВОЙ ГОРЫ

Перед экспедицией 1949 г.[1] стояла задача: 1) доследования оставшихся не вскрытыми участков культурного слоя в пределах охваченной раскопками довоенных лет территории с целью уяснения стратиграфии памятника и 2) полного раскрытия центрального объекта Старого замка — Нижней церкви. Раскопки 1932—1939 гг., как мы видели, охватили значительную часть мыса Замковой горы, но лишь большой западный участок I общей площадью около 350 кв. м от западного фасада Нижней церкви до фундаментов стен Батория с северо-запада и склонов горы к Неману с юго-запада[1] был пройден до материка, и то- не везде. Восточная часть территории оставалась не раскрытой. Нижняя церковь на 3/4 своей площади (свыше 140 кв. м) была занята завалом собственных стен и булыжного камня под фундаментом Верхней церкви, а с северо-востока на нее налегали фундамент и остатки стен неизвестной постройки XIV — XV вв. К северу от Нижней церкви в уровне примерно 6,20 м остался нетронутым участок площадью около 40—50 кв. м с выступающими в слое деревянными строениями. К югу от Нижней церкви сохранился больший участок культурного слоя, ограниченный фундаментом кирпичной стены XVII в.[2], общей площадью около 140 кв. м. Раскопки велись сообразно трем названным выше участкам: 1) южный раскоп, 2) северный раскоп и 3) Нижняя церковь; их дополняли траншея вдоль северной стены Нижней церкви и восточный раскоп у ее алтаря.

Сетка квадратов южного и северного раскопов, так же как номера квадратов, были сохранены согласно старой системе (рис. 6). За ось разбивки квадратов обоих раскопов была принята западная линия квадратов 161 —195, проходящая через западные косяки северного и южного порталов Нижней церкви: перпендикулярной осью для северного раскопа была северная стена Нижней церкви, для южного — южная ее стена, причем здесь сетка была сдвинута к северу на

[1] Экспедиция организована ИИМК Академии Наук СССР и ГГИАМ. Состав экспедиции: начальник экспедиции Н. Н. Воронин, заместитель начальника — научный сотрудник А. В. Никитин; научные сотрудники — археологи В. Л. Янин и В. В. Седов, архитектор В. К. Буч; консерватор Л. Б. Артишевская, чертежник Ю. В. Панков, фотограф В. П. Костин, техник-строитель Ф. С. Новиков. Одновременно по консервации архитектурных фрагментов работала, по особому договору с музеем, бригада республиканских мастерских РСФСР по консервации и реставрации архитектурных памятников под руководством архитектора-художника И. В. Трофимова. К работам экспедиции привлекались сотрудники ГГИАМ Л. В. Алексеев, О. Г. Вульф, К. Ф. Кармишина, А. В. Ртищева, Е. В. Мясникова, Н. Е. Улейчик. Экспедиция работала с 31 августа по 28 октября 1949 г.

Отметим особо обработку отдельных видов археологического материала. Разборку и описание керамики из раскопок 1937—1939 гг. провел В. Л. Янин. Костный материал подготовлял к изучению В. В. Седов; его анализ и статистическую обработку провел проф. В. И. Цалкин (см. его статью в приложении II). Определение зерен злаков сделано А. В. Кирьяновым (см. приложение I). Бусы из раскопок 1937—1939 гг. изучала Ф. Д. Гуревич. Определение скелетов из погребений в руинах Нижней церкви сделал М. М. Герасимов. Ниже мы используем заключения перечисленных специалистов. В определении многих вещей этнографического характера мы пользовались советом А. А. Улейчик (д. Новоселки, Берестовицкого района).

[1] Этот участок в дальнейшем будем называть «западный раскоп».

[2] В дальнейшем этот фундамент будем называть «южная стена» или «стена XVII в.».

50 см, так что квадраты 125—274 легли вплотную к стене храма.

Нивелировочные замеры были точно увязаны с отметками 1939 г. Отношение общегородской нивелировочной шкалы к шкале раскопок следующее:

125,74 = —2	121,74 = —6
124,74 = —3	120,74 = —7
123,74 = —4	119,74 = — 8
122,74 = —5	118,74 = —9

Разборка слоя на северном и южном раскопах, а также к северу и востоку от рывалась осыпью до уровня 6,70—6,74 м. Вдоль южной стены Нижней церкви шла траншея И. Иодковского, занимающая квадраты 125—276; с юга участок ограничивала стена XVII в. По предварительным расчетам относительно стратиграфии раскопок 1932—1939 гг. было ясно, что южный участок сохранил некоторую часть отложений литовского времени, примерно в границах I—III слоев дерева [1]. Поверхность участка представляла собой мусорный слой истлевших остатков деревянных строений, открытых еще И. Иодковским и зафиксиро-

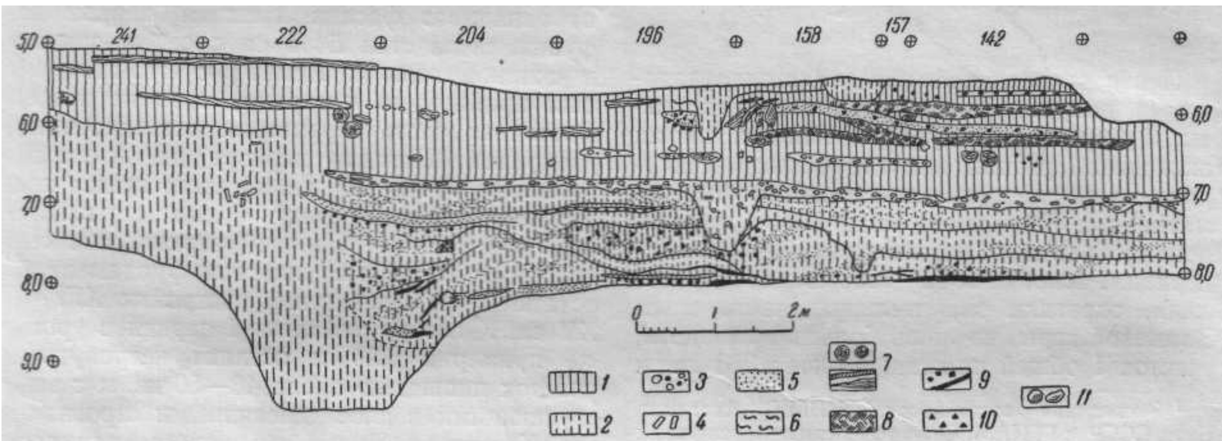

Рис. 7. Южный раскоп. Южный профиль

/ — гумус, 2 — слой перерытый или насыпной, яма; *3* — известь; *4* — кирпичный щебень; 5 — песок; *6* — глина; 7 — дерево; *8* —щепа или древесный тлен; *9* — уголь и угольные слои; *10* — зола; 11 — булыжник

Нижней церкви велась мелким инструментом с фиксацией находок и плана по пластам 20 см и более. Процесс раскопок очень осложнялся и замедлялся постоянной сменой и перестановкой брусковых стоек перекрытия, которых лишь на площади Нижней церкви было 20.

2

К началу работ южный участок[1] представлял собой сильно покатую с востока на запад треугольную в плане поверхность; от восточной стенки перекрытия с уровня 3,24 м обрез старого раскопа 1933—1936 гг. падал до 4,20—4,60 м; к югу площадка спускалась до уровня 5,20—6,0 м и снова об-ванных в его фотографиях и единственном обмерном чертеже. К нему мы вернемся ниже при характеристике застройки замка в XIII—XV вв. (см. рис. 85, стр. 163).

Как показало изучение северного и западного обрезов южного участка и последующая его раскопка, слой представляет собой весьма аморфную серо-коричневую массу, пронизанную остатками полуистлевших деревянных строений и настилов (рис. 7); основной состав слоя — плотный перегной, обильно насыщенный древесной щепой и гнилью. Никаких зрительно ощутимых границ в слое нет до глубины 5,55—5,85 м, где в квадратах 221—239 и сплошь в западной части участка (см. рис. 82, *2,* стр. 159) была прослежена прослойка привозного белого

[1] Раскопками на южном участке руководил А. В. Никитин.

[1] См. стратиграфическую шкалу в КСИИМК, вып. XXVII, стр. 141.

речного песка толщиной до 3—4 см [1]. Самый характер насыпи, резко выделяющийся среди аморфного темного слоя, свидетельствует, что это намеренная засыпка участка, отражающая, возможно, какой-то важный этап в жизни крепости. Весьма существенно, что выше и ниже этого песчаного слоя резко меняются количество и состав находок. Над песком находки единичны и крайне бедны, под ним их количество резко возрастает, (в их составе появляются обломки стеклянных браслетов и шиферные пряслица. Это наблюдение полностью подтвердило сделанное ранее путем статистической обработки материалов довоенных раскопок определение границы отложений древнерусского города и города литовского времени. Уровень 5,55—5,85 м может быть принят в качестве условной зоны, отделяющей эти этапы один от другого и датируемой серединой XIII в.

Культурный слой под описанными «нивелировочными» подсыпками песка по своей структуре мало отличен от вышележащих — это тот же аморфный темнокоричневый перегной со щепой и древесной гнилью. В слое резко увеличивается число находок, много обрезков кожи и полуфабрикатов обуви, местами лежащих почти пластом, костных остатков, больше обломков бытовой керамики. В уровне 6,14—6,20 в западной части раскопа прослеживается слой разрушения Нижней церкви, на котором была поставлена конюшня (постройка № 25, см. ниже). Ниже, отделенный значительной прослойкой темного перегноя с очень небольшим количеством находок, в уровне около 6,70 м, т. е. несколько ниже уровня цоколя Нижней церкви, лежит нижний, более ранний и более мощный слой ее разрушения из обломков кирпича, майоликовых плиток, голосников со следами известкового раствора. Этот слой был принят З. Дурчевским за слой строительства храма, что исказило всю данную им хронологию слоев Старого замка. В действительности это слой первого разрушения храма после пожара 1183 г. Его положение на уровне и ниже цоколя церкви свидетельствует лишь о том, что за время от постройки церкви и до ее крушения площадь к югу от нее не застраивалась и, может быть, даже очищалась, почему здесь и не скопился культурный слой, а обвал храма лег непосредственно на дневной уровень времени его постройки. В уровне слоя развалин (6,68 м) лежит крупный полированный валунный камень, аналогичный камням, положенным у стен Нижней церкви, и являющийся как бы продолжением «вымостки» из этих камней перед южным порталом. Возможно также, что местность к югу от Нижней церкви была несколько ниже, чем площадка под храмом.

Под слоем разрушения 1183 г. в уровне 6,80—7,0 м характер культурных отложений резко меняется. Вместо темнокоричневого, порой черного перегноя, обильно насыщенного древесным тленом, на всем участке выступает серый, песчано-землистый, рыхлый грунт, дающий в профиле характерную «муаровую» структуру насыпного грунта. Находок в этом слое очень мало; следует особо отметить черепки толстостенных грубых сосудов типа корчаг, обломок сосуда с желобчатым параллельным орнаментом, обломки амфоры. В слое много углей и отдельных головней; в уровне 7,40—7,60 м, в квадратах 194—195, 201—203, было крупное скопление обгоревших обломков бревен; судя по их направлению с севера на юг и перпендикулярно им, можно думать, что это развал сгоревшей постройки. Эти следы пожара отмечают какой-то ранний этап в жизни Замковой горы, когда на ней было небольшое поселение, погибшее от огня. В уровне 7,60 м местами выступает материковый плотный песок; по линии квадратов 218—222 он прорезан естественной ложбиной на юге до уровня 9,65 м, а на севере — около стены Нижней церкви — до 10,35 м. С выравниванием этого рельефа и планировкой площадки и связана описанная толща «нивелировочного» песчано-землистого сыпучего слоя. При этих нивелировочных работах оказались смещенными и перемешанными следы пожара раннего поселка и связанные с ним вещи. Грунт мог также привозиться извне и содержать культурные остатки, не принадлежащие территории Старого замка.

Отметим, что З. Дурчевский, закончивший раскопки западного участка на отметке 8, 15—8,20 м, не выделил подобного нивелировочного слоя. Как увидим ниже, при характеристике стратиграфии северного раскопа, «нивелировочный» слой прослежи-

[1] В профиле эта прослойка не отражена, так как она обрывалась, не доходя до края раскопа.

вался и там, и можно не сомневаться, что он был также на участке к западу от Нижней церкви и нижние слои шкалы 3. Дурчевского были связаны именно с ним. Несомненно также, что в ряде мест за материк был принят «нивелировочный» слой и раскоп не был доведен до материка.

раскопа свелась к 44,5 кв. м, включив 8 полномерных квадратов (116, 117, 131, 132, 146, 147, 161, 162), 4 полуквадрата (118, 133, 148, 163) и косо срезанные (параллельно стене XVIII в.) части квадратов 172—-173. До раскопа на описанной площадке помещались на подмостях полуразру-

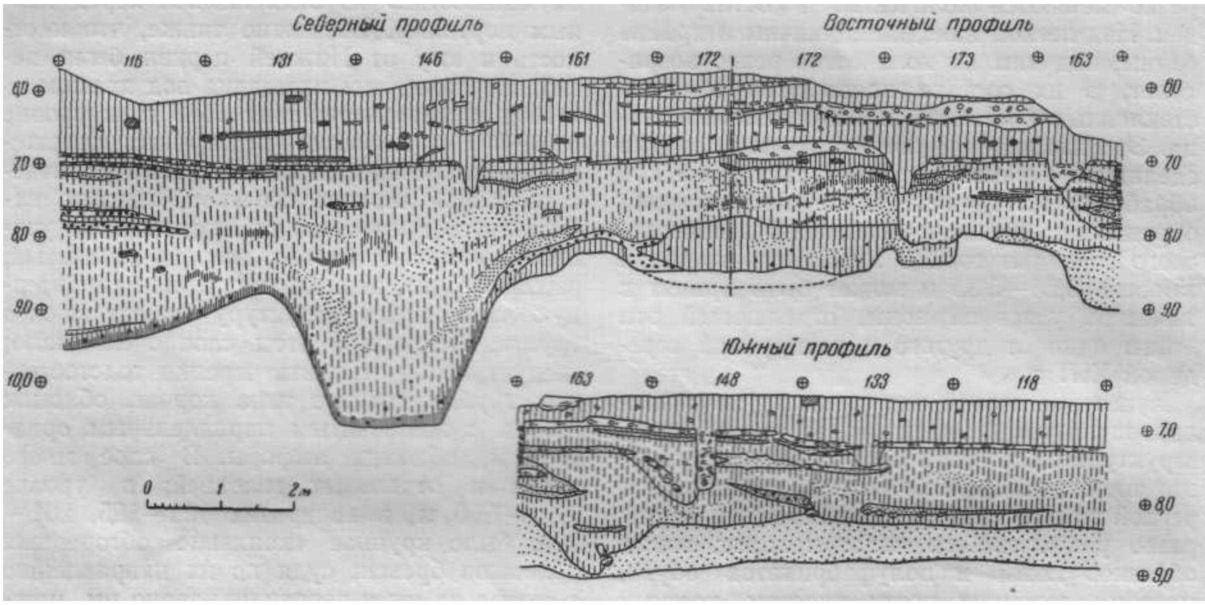

Рис. 8. Северный раскоп. Северный, восточный и южный профили

3

Северный раскоп[1] расположен между северной стеной Нижней церкви с юга, стеной XVIII в. с востока и укрепленным откосом грунта, поднимающегося здесь до отметки 1,0 м и выше,— с севера; здесь, с северной стороны, между кладками поздних фундаментов были устроены (в 1949 г.) подмости для экспозиции архитектурных фрагментов Нижней церкви. Это окружение площадки заставило сузить .границы раскопа, отступив на 1 м от стен Нижней церкви и на 2 м от стены XVIII в., чтобы избежать возможных разрушений и оползней. С запада площадка ограничивалась котлованом раскопа 1939 г. до глубины ниже отметки 8,0 м, причем на этом уровне, при зачистке профиля, материк еще не прослеживался, но выступал слой угля.

Таким образом, фактическая площадь шенные монтажи фрагментов Нижней церкви, и весь участок был завален щебнем, щепой и осыпями со стороны стены XVIII в. Площадка имела поверхность, наклонную к юго-западу от 6,08 до 6,63 м, достигая уровня цоколя Нижней церкви (6,60 м). Вышележащие слои были уже сняты (до 1939 г.), причем, видимо, здесь и были найдены, в то время крупные части упавших стен Нижней церкви (относящиеся ко второму этапу ее разрушения).

Ниже этого слоя (рис. 8) лежит темный и жирный перегной, по составу и структуре очень похожий на аналогичный слой южного раскопа — он насыщен древесным тленом, гнилой щепой и корой. Под этим слоем в уровне 6,20—6,55 м залегает пласт первого разрушения храма 1183 г.; как и на южном участке, он здесь лежит почти в уровне цоколя Нижней церкви. Под слоем извести, обломков плинфы и плиток местами залегают прослойки угля, вероятно, связанные с пожаром 1183 г.

[1] Раскопками руководил В. В. Седов.

С зоной этих отложений связаны три срубные постройки: две из них (№ 26—27) возникли после пожара 1183 г., третья (№ 28) была построена, видимо, в середине XII в. и сгорела в 1183г.

Ниже, в уровне 6,85—6,90 м, в восточной половине раскопа залегает слой довольно чистой извести с кирпичным щебнем и мелким булыжником; это — слой строительства Нижней церкви. С ним связаны находки обрезков листового кровельного свинца, деревянной лопаты, может быть, из бытовых вещей строителей происходят 5 оселков и 3 костяных гребня.

Ниже, в восточной части раскопа, до уровня 7,0—7,20 м прослойки строительных остатков чередуются с песком и гумусом из котлованов постройки.

Подчеркнем, что уже в описанных слоях, связанных со строительством Нижней церкви, как и ниже, нет стеклянных браслетов; здесь же найдено последнее шиферное пряслице. С уровня 7,20—7,40 м жирный черно-коричневый культурный слой сменяется таким же, как и в южном раскопе, слоем рыхлого сероватого грунта, смешанного с песком; местами песок залегает чистыми, белыми линзами. Этот «нивелировочный» слой частью непосредственно соприкасается с описанным слоем строительства Нижней церкви, местами меж ними залегают пятна темного гумуса. В «нивелировочном» слое также очень мало находок; они имеют весьма разнородный характер: здесь есть обломки амфор и попавшие с привозным грунтом единичные черепки лепных горшков со штрихованной поверхностью, слюда от окон и обломок полированного каменного топора и т. п. Как и на южном участке, в слое много углей и кусков обгорелых бревен, они частью вкраплены в слой, частью лежат пятнами; значительное скопление обгоревших кусков бревен и угля было в уровне 7,59—7,80 м, в квадратах 131—146. Еще ниже, между отметками 8,20—8,90 м, прослежены смещенный развал сгоревшего сруба и, видимо, подпольная яма.

Вплотную к северному обрезу раскопа примыкает глубокая яма; ее южный край пересекает квадраты 132—147, восточный край захватывает часть квадратов 162—161, западный — угол квадрата 132 и большую часть квадрата 131. С юга и запада края ямы обрываются очень круто, под углом 70—75°, с восточной стороны — менее круто, 50—60°. В .квадрате 146 яма кончается у северного обреза раскопа на глубине 10,65 м. Заполнение ямы — тот же серый перемешанный с песком слой, который составлял основу вышележащих пластов и являлся результатом нивелировочных работ перед постройкой Нижней церкви. Однако по самому дну ямы проходит серо-черный слой, аналогичный заполнению подпольной ямы в северо-восточном углу раскопа. Описанная большая яма по своей бесформенности — явно естественного происхождения. В яме на глубине 10,60 м в нижней темной прослойке засыпи найден лепной черепок с примесью крупной дресвы и штрихованной поверхностью.

Интересный материал для стратиграфии позднейшей поры — XIII—XV вв.,— не отраженной в северном и южном раскопах, дают профили, полученные при вскрытии северной и восточной стен Нижней церкви.

С е в е р н а я т р а н ш е я. Раскрытие северной стены храма было, возможно, лишь узкой (несколько более 1 м) траншеей, так как далее к северу шла кладка фундамента стены XIV—XV вв. (о ней ниже, гл. VII); за ней слой круто поднимался до уровня 1,70 м, а далее располагались стойки ограждения и перекрытия раскопа.

Рассмотрим характер напластований, идя на этот раз снизу вверх (рис. 9). Траншея была доведена лишь до уровня цоколя Нижней церкви, т. е. до 6,60 м. Поэтому здесь не вскрыты идущий значительно ниже нивелировочный слой и слой строительства храма, свита же отложений начинается сразу с пласта его первого разрушения 1183 г. Это слой кирпично-известкового щебня, достигающий 60—70 см толщины и отметки 5,70 м. Его перекрывает до уровня 5,40 м слой черного перегноя, пронизанного тем же щебнем от постепенного осыпания руин церкви, включающего уголь как в виде прослоек, так и в составе самого слоя. Выше — менее мощный слой в т о р о г о разрушения Нижней церкви, достигающий толщины 30—40 см и уровня 5,18 м. Он вновь перекрыт черным слоем перегноя с обильным включением древесной гнили и щепы,

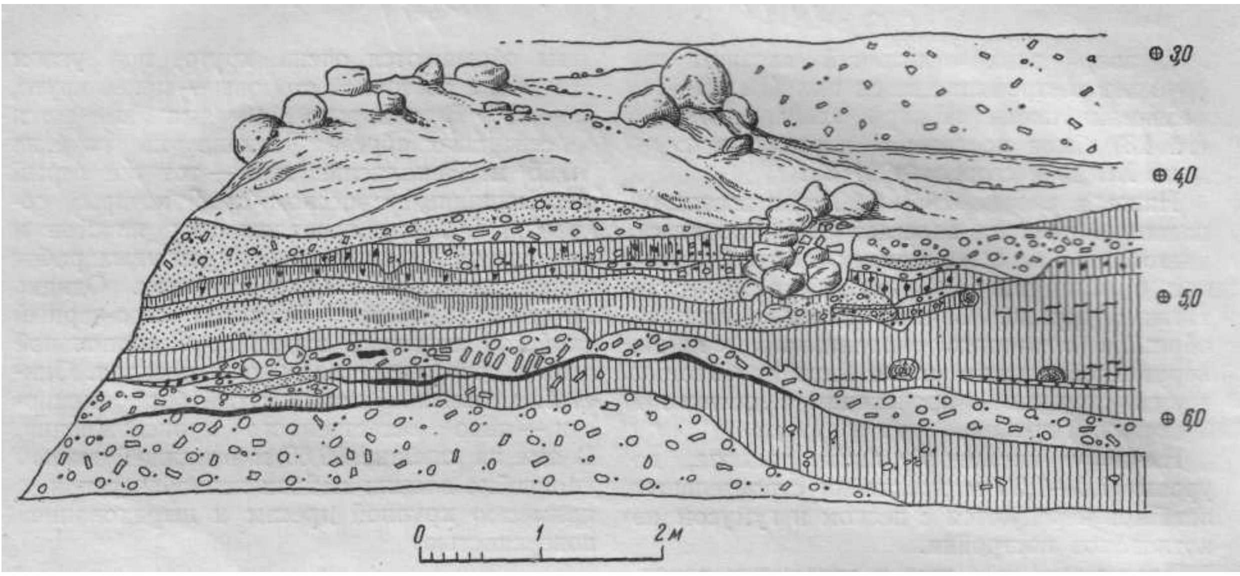

Рис. 9. Профиль траншеи вдоль северной стены Нижней церкви

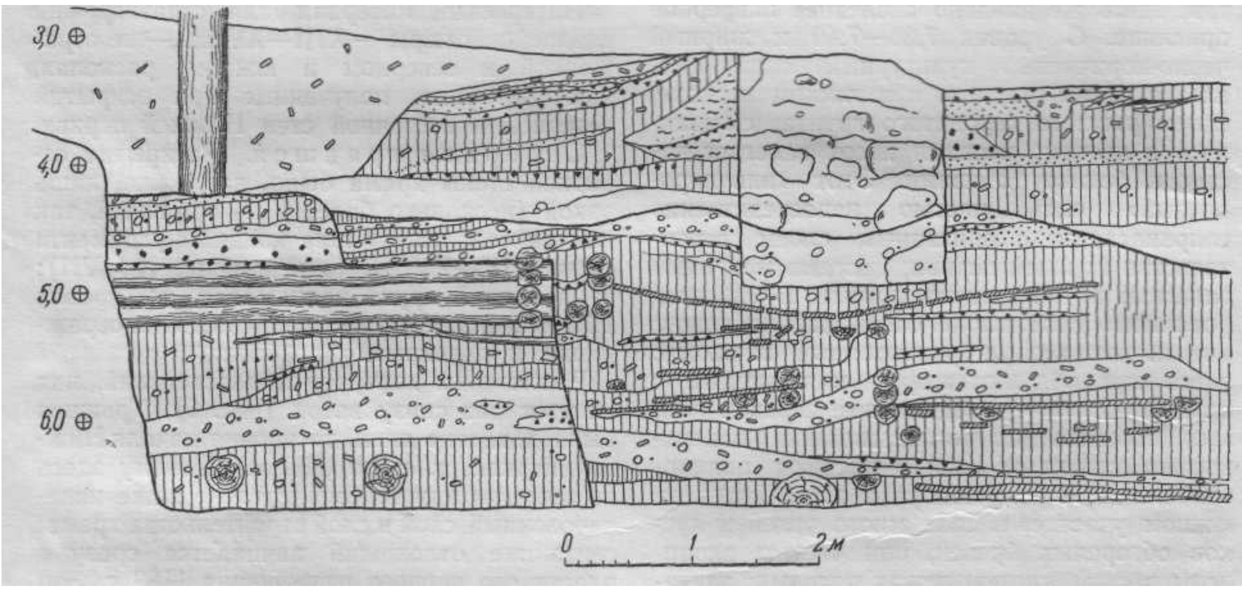

Рис. 10. Профиль восточного раскопа

поднимающимся до отметки 4,70 м. Характерно, что как нижний черный слой, так и этот слой утолщаются по направлению к востоку, где за апсидами Нижней церкви были вскрыты остатки деревянных строений (см. ниже). Далее, с уровня 5,25 м, идет слой толщиной в 30—40 см чистого или слегка гумусированного песка, явно насыпного, причем, видимо,— в два приема, что отмечено тонкой прослойкой гумуса. В зоне этого слоя лежит подошва фундамента стены XIV—XV вв. Над этим песком, имеющим нивелировочный характер, залегает небольшой (10—20 см), сероватого цвета слой земли с золой. Наконец, его перекрывают слои строительства XIV—XV вв., представляющие чистые или гумусированные отложения кирпичного щебня, извести и песка. В слоях развала Нижней церкви в северной траншее встречены мелкие обломки

голосников и майоликовых плиток, в слое перегноя меж ними — железный ключ от цилиндрического замка. Существенно отметить ясно прослеживаемое и здесь двукратное разрушение Нижней церкви.

Восточный раскоп. Раскрытие восточной стены Нижней церкви (рис. 10) было возможно лишь после разборки нависавшей над ней стены и фундамента XIV—XV вв. (см. рис. 103, стр. 188). К стене, перпендикулярной апсиде Нижней церкви, с юга подходила траншея Иодковского, которая обнажала фасад диаконика и части апсиды алтаря. Сюда от фундамента стены XIV в. шла осыпь уцелевшего песчано-землистого слоя с сильными включениями угля. Здесь в осыпавшемся его участке на уровне 4,0 м прослежено почти полностью разрушенное временной стойкой перекрытия погребение (№ 5) позднейшего времени (схему погребений см. на рис. 97, *1,* стр. 177). Костяк лежал головой на запад, почти вплотную к фундаменту XIV в. Упомянутый слой смешанной с песком и углем земли опускался к западу до отметки 4,30—4,50 м и частично перекрывал стены алтаря Нижней церкви.

К северу от стены XIV—XV вв. уровень подлежащего раскопке участка повышался до отметки 2,80—3,20 и, так как его «подпирал» фундамент XIV—XV вв., идущий в направлении север — юг, от которого поверхность спускалась к западу. Здесь, на участке к северо-востоку от стены и фундамента XIV—XV вв., сверху, в уровне 2,80—4,30 м, залегал мощный слой позднего кирпичного щебня сыпучей структуры с обломками рельефных зеленых изразцов; он утончался по мере приближения к кладкам XIV—XV вв., где его сменял слой щебня, включающий перегной, линзы горелой глины, песка и уголь. В этом слое на глубине 3,50 м прослежены остатки нарушенного детского погребения (№ 6). В слое находок нет, кроме редких обломков керамики. Под ним в уровне в среднем 4,30 м — ряд известковых прослоек, связанных с кладкой стены XIV—XV вв. и разделенных тонкими прослойками гумуса и частью нивелировочного песка (последний более четко прослеживался к югу от стены XIV—XV вв.).

Описанная свита верхних слоев по своему положению в шкале напластований в уровне 3,50—4,30 м, видимо, примерно соответствует тем аморфным верхним слоям западного участка, которые были названы 3. Дурчевским «песок— мусор», «песок — дерево». Они располагались в уровне 3,5—5,5 м (песок — мусор) и 4,0—6,0 м (песок — дерево) [1], По своей насыщенности углем и прослойкам горелой глины описанная зона слоев по сторонам руин XIV—XV вв. может быть связана с временем большого пожара 1398 г., после которого замок и отстраивался Витовтом[2]. Существенно отметить еще раз, что эти слои частично заходят *на* руины Нижней церкви (уровень восточной стены — 4,30—4,50 м), т. е. *под* уровень булыжной забутки под Верхней церковью. Таким образом, напластования, идущие под описанной свитой слоев, относятся ко времени от конца XIV в. и ниже.

Прослойки извести, связанные со строительством XIV—XV в.,— очень сырые и вязкие; под ними в уровне 4,50—4,65 м проступает также мокрый слой жирного навозного перегноя со щепой и мелким щебнем. В этом слое лежат нижняя часть сруба и настил хлева (№ 30). Под ним — жирный слой перегноя, насыщенный известковой крошкой и мелким кирпичным щебнем от постепенного осыпания руин Нижней церкви; в слое — куски сгнивших тесин с вырезами для стоек, два больших камня, беспорядочные обрубки дерева, много скорлупы и целых лесных орехов.

Ниже, в уровне 5,40—5,90 м залегает уже сплошной слой второго разрушения Нижней церкви. С ним связаны остатки двух срубных построек (№ 31 и 32). Одна из них (№ 31) носит явные следы огня, в слое много угля и золы,— видимо, окончательное разрушение храма было связано с каким-то пожаром в крепости. Ниже залегает пласт жирного культурного слоя, отделяющий слой второго и первого разрушения храма. Последний лежит в уровне 6,15—6,20 м. Под ним находились бревна, видимо, связанные с попытками поддержать рушившийся храм (о них ниже).

5

Подведем некоторые предварительные итоги наблюдениям над стратиграфией раскопанных в 1949 г. участков.

[1] Голубович, стр. 18.
[2] SZ, стр. 133.

Начнем с южного и северного раскопов, дающих раннюю часть культурных отложений..

Прежде всего здесь и там мы находим мощную зону серо-черного, песчано-землистого слоя, лежащую непосредственно над материком и заполняющую естественные ямы на его поверхности. Характер напластования — его слоистость, перемешанность и единообразие — позволяет считать этот слой результатом каких-то единовременных планировочных работ, повидимому, непосредственно предшествовавших постройке Нижней церкви.

Однако этот нивелировочный слой лег не на пустое место. В нем содержатся в смещенном виде остатки сгоревших деревянных построек и бытовых вещей первоначального поселения на Замковой горе. Следы пожара прослеживаются в северном раскопе в зоне 7,60—8,90 м, на южном — в уровне 7,40—7,60 м; как увидим далее,—слой пожарища есть и под стенами южной крепостной башни («терема») на глубине 7,40—7,67 м. Таким образом, на всей площади Замковой горы до постройки крепости с ее храмом был поселок, погибший в результате пожара.

Эта зона в стратиграфии Замковой горы не была выделена в процессе довоенных раскопок[1].

Выше стратиграфия северного и южного раскопав становится различной.

В северном раскопе непосредственно над «нивелировочным» слоем идет слой строительства Нижней церкви, состоящий из извести и чистого кирпичного лома. Непосредственное соприкосновение «нивелировочного» и строительного слоя позволяет определять эти нивелировочные работы временем перед постройкой Нижней церкви и связывать их воедино. Мы отмечали и находку деревянной лопаты, вероятно, «участвовавшей» в этих работах. Существенно, что восточный профиль северного раскопа сохранил очертания довольно широкого (до 3 м) котлована, идущего к северной стене храма и засыпанного т е м же насыпным грунтом, а около самой стены виден корытообразный край рва фундамента, заполненный прослойками песка, извести и земли (рис. 8).

Слой строительства перекрыт напластованиями перегноя со щепой и древесной гнилью; он невелик и в свою очередь перекрыт слоем разрушения Нижней церкви со следами пожара под ним. Это—1183 год, когда «Городен (вариант—Городно) погоре всь, и церкы каменая от блистания молние и шибения грома» (Ипатьевская летопись). Небольшая толщина отложившегося до пожара слоя говорит, что между постройкой и катастрофой храма лежит небольшой промежуток времени.

Наконец, над слоем разрушения отложился слой конца XII в. или самого начала XIII в.

Эта картина напластований говорит о том, что 1) «строительная площадка» Нижней церкви лежала к северу от нее, здесь творили известь и складывали кирпич, и что 2) к северу от церкви, после ее постройки, расположились какие-то жилые строения, и вскоре отложился культурный слой, засыпанный потом руинами храма, упавшего В 1183 г.

Как показывает профиль северной траншеи, слои разрушения были здесь наиболее мощными — храм падал к северо-востоку. Здесь же над пластами руин быстрее нарастал культурный слой, образовавший значительную толщу.

Иная картина в южном раскопе. Здесь н е п о с р е д с т в е н н о на нивелировочном слое лежит с л о й р а з р у ш е н и я храма; слоя его строительства нет, как нет и подобного северному культурного' слоя меж «нивелировочным» слоем и развалом. Значит, действительно, строительные приготовления шли с северной стороны храма. Кроме того, с южной стороны храма была пустая площадь; возможно, что южный вход в храм был главным, парадным, как это мы знаем и для других храмов XII в., и с этой стороны не было близко деревянных строений, а потому не отложился и культурный слой.

Лишь над слоем разрушения отложился нетолстый (6,20—6,40 м) пласт, лишенный, однако, каких-либо строений и в свою очередь частично перекрытый (в западной части) новым пластом развала. Если первый шел по всему южному раскопу и сви-

[1] В своей публикации, подытоживавшей работы 1937—1939 гг., З. Дурчевский оставлял вопрос о начале поселения на Замковой горе открытым: «Мы не знаем, когда был заложен этот город, и дает ли он начало поселению на Замковой горе, или он является этапом развития более древнего поселка». DSZ, стр. 11.

детельствует об общем и значительном разрушении храма, то теперь, видимо, произошло новое частичное разрушение западной части Нижней церкви. Следовательно, можно считать, что здесь над слоем первого разрушения (1183 г.) с уровня 6,70 м и выше идут отложения конца XII и начала XIII в.

Эти отложения наиболее богаты находками, в частности в уровне 6,40—5,80 м лежит зона большинства находок стеклянных браслетов. На верхней границе зоны стеклянных браслетов в южном раскопе, в уровне 5,55—5,85 м, прослеживаются нивелировочные подсыпки чистого белого песка. Мы считаем их временем середину XIII в.— начало литовского периода в жизни Гродно.

В XIII—XIV вв. пространство вокруг руин Нижней церкви густо застраивается.

Как показывают данные северной траншеи и раскопа у алтаря Нижней церкви, в зоне отметок 4,80—4,30 м находятся слои, содержащие следы значительно более позднего большого пожара, нивелировочных песчаных подсыпок и, наконец, нового строительства. На глубине 4,80 м лежат фундаменты стены, проходившей над руинами Нижней церкви и вокруг Верхней церкви. Повидимому, эту свиту слоев мы можем связывать с пожаром 1398 г. и строительством каменного замка Витовта.

Таковы выводы, основанные на наблюдениях над стратиграфией очень небольших участков по сторонам Нижней церкви, вскрытых раскопками 1949 г. Они позволяют с большей точностью и уверенностью членить и основной материал раскопок 1937—1939 гг. западного участка.

Y. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ГРОДНО КОНЦА XI—СЕРЕДИНЫ XIII ВВ.

1

Прежде всего и особо мы должны оценить фрагментарные и случайные материальные остатки и поставить вопрос о характере и времени сгоревшего поселения на Замковой горе, лежащего в «нивелировочном» слое под фундаментами кирпичных построек княжеской цитадели XII в.

Как мы видели из обзора стратиграфии Замковой горы, этот слой на северном и южном участках залегает на отметках 6,80—7,0—7,20 м и ниже. Можно думать, что и нижние слои дерева IX—XII западного участка относятся к этой же зоне нивелировочной засыпи. Отметки этих слоев:

Слой дерева IX 7,3—7,9 м
X 7,3-7,7 .
. XI 7,7(?)-8,0 .
„ XII 8,0-8,15 „ [1]

Остатки построек первоначального поселка столь фрагментарны и смещены, что судить об их характере почти невозможно. На южном и северном участках — это бесформенные груды сгоревших и разваленных при нивелировочных работах срубов; на западном участке были вскрыты, видимо, также частью сгоревшие части построек. О силе пожара говорят многочисленные куски сплавившегося металла (олова, бронзы) и стекла.

В слое IX были встречены незначительные остатки четырех построек: в квадратах 74—88 — остаток сруба № 20 со стороной около 4 м; в квадратах 89—103 на глубине 7,10—7,32 м — невыразительные остатки деревянной постройки № 21; в квадрате 52 на глубине 7,08 м — угол нижнего венца сруба № 22; в квадратах 73, 93 и 94 на глубине 7,0—7,80 м сохранилась значительная часть нижнего венца постройки № 23'. 3. Дурчевский характеризует эти постройки следующим образом: «Слой дерева IX (глубина 7,15—7,4 м) дал очертания четырех построек (№ 20—23), какого-то ограждения из вбитых вертикально тонких плах (частокол?), равно как и дорогу между постройками № 20 и 21. С южной стороны эта дорога была закрыта простенком (забором?) из плашек, вложенных в пазы двух толстых столбов. Лежавшее рядом на дороге бревно носило следы ударов топором и было пеньком для рубки. Здесь же рядом был вход в постройку № 20, ясно врезанный в плахе, служившей порогом; сохранились и отверстия для косяков двери...»[2]. В цитируемом кратком дневнике автор не отметил следов пожара, но они ярко выражены в раскопках 1949 г.

На южном участке в квадратах 194, 195, 201, 202 в уровне 7,20—7,40 м было вскрыто

[1] Голубович, стр. 18. В слое X на глубине 7,40—7,65 м 3. Дурчевский отметил прослойки чистого песка, «употребленные, кажется, для выравнивания места» (там же, стр. 26). Ф. Д. Гуревич в статье «Из истории раннего Гродно» (СА, XV, М.— Л., 1951). написанной на материале слоев дерева X—XII западного участка до раскопок 1949 г., не могла учесть особенностей нижней зоны культурных отложений Замковой горы, охарактеризованных выше, и рассматривала их как постепенно нараставшие. В действительности перед нами иная картина — остатков сгоревшего поселка, погребенных и смещенных в результате больших нивелировочных работ. К комплексу вещей этой зоны должны быть добавлены вещи слоя дерева IX, существенно меняющие характеристику и датировку культурных остатков этого поселка.

[1] Голубович, стр. 41.
[2] Там же, стр. 27—28.

скопление обгорелых бревен бывшей здесь постройки. Следы пожара прослеживались и под южной башней крепости («теремом») в виде головней и прослоек угля.

Развал сгоревшего сруба, вскрытый в уровне 8,20—8,90 м, в квадратах 116, 117, 132 северного раскопа, позволяет сделать некоторые наблюдения. Куски его обугленных бревен лежали в беспорядке и перемешаны с чистым нивелировочным песком. Более крупные части бревен показывают, что постройка была ориентирована, видимо, с северо-запада на юго-восток; возможно, чип остатком ее северо-западной стены являются два больших бревна толщиной около 20 см, лежащие друг на друге в квадрате 116 (они, может быть, лишь сдвинуты с места). В квадрате 132 уцелел обгоревший угол этого сруба из 4 бревен, идущих в направлении северо-запад — юго-восток, и обломков' перпендикулярных им торцов бревен, врубленных в обло. Под нижним венцом сохранились концы настила из жердей диаметром 8—10 см.

Вторым остатком построек сгоревшего поселка является частично вскрытая в уровне 8,40 м в северо-восточном углу северного раскопа яма близкой к прямоугольной формы. По ее западному краю в уровне 8,40 м стояли два вертикальных столба диаметрам 20 см, оба сильно обугленные. Яма углублена в материк на 30—40 см, ее стенки не вертикальны, но отлоги. Столбы углублены до уровня 8,70 м (до материка). Заполнение ямы — очень плотный серо-черный культурный слой со значительным количеством костей и несколькими обломками гончарной керамики. Можно предполагать, что эта яма — подполье жилой избы; ближе судить о ней нельзя, так как ее основная площадь уходит за пределы раскопа.

Рис. 11. Остатки каменных вымосток

Таким образом, можно определенно говорить об обнаруженных раскопками остатках семи построек; одна из них была жилой избой с глубокой подпольной ямой со стенками, укрепленными вертикальными стойками. Найденные куски слюды, возможно, относятся к окнам этого дома, свидетельствуя о его благоустроенности. В слое найдено множество больших железных, кованых, квадратных в сечении гвоздей — костылей и с круглой шляпкой. Видимо, все постройки были рубленными в обло. Их, несомненно, было значительно больше: часть из них исчезла при пожаре, часть лежит под землей на большей, не доступной раскопке восточной части территории Замковой горы.

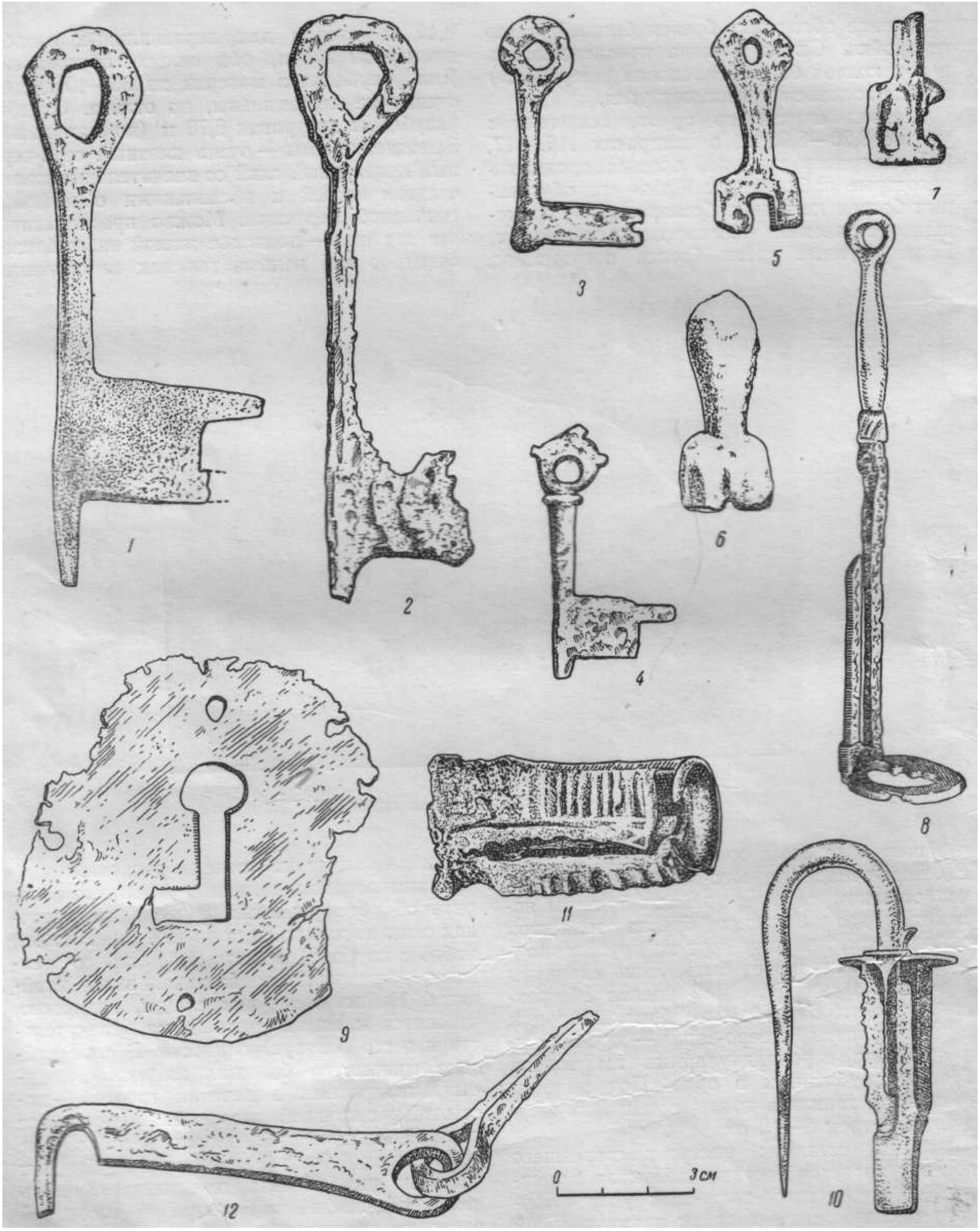

Рис. 12. Инвентарь первоначального поселка

1—4 — ключи от врезных замков; *S—8* — ключи от трубчатых замков; 9 — личина железная; *10—11* — части трубчатого замка; *12* — дверной крюк

Большой интерес представляют вскрытые в слое XI западного участка следы замощения булыжным камнем, сохранившегося лишь местами (рис. 11) '. Описывая в кратком дневнике слой XI, 3. Дурчевский писал: «В нем есть остатки мостовой — на участках 77 (в части, прилегающей к участку 91) и 90 (тоже у участка 91). В этом слое встречается много отдельных мелких камней, происходящих, несомненно, из уничтоженной мостовой»[2]. Устройство мо-

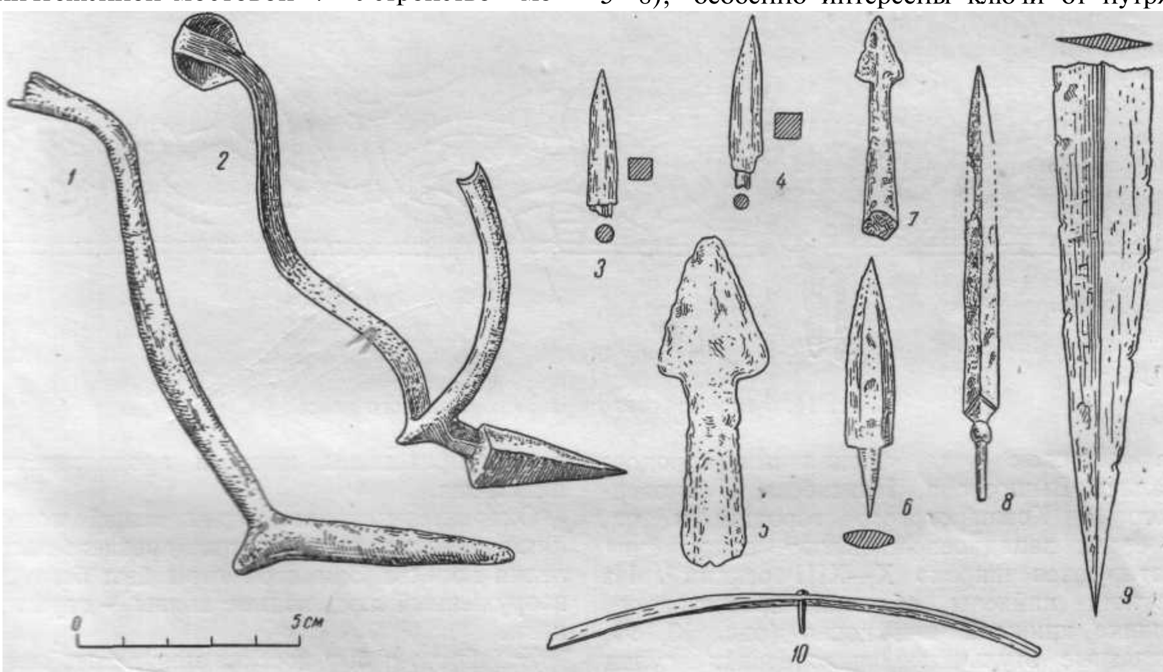

Рис. 13. Инвентарь первоначального поселка

1—2— шпоры; *3—4* — стрелы костяные; *5* — наконечник сулицы; *6—8*— стрелы железные; *9* — обломок копья или кинжала (?); *10* — костяная обкладка лука (?)

ясных булыжником проходов по линии крепостных валов известно, например, в Галиче и на других городищах (Глинском, Струтинском)[3], здесь же мостовая была в центральной' части крепостного плато; следовательно, это была небольшая мощеная площадь или улочка, существовавшая рядом с деревянными мостовыми. Наличие мостовой показывает, что древнейшее поселение на Замковой горе было не рядовым поселком 1

При малочисленности вещевых находок, связанных со слоями первоначального поселка на Замковой горе, обращают на себя внимание две серии сравнительно богато представленных вещей: это замки, ключи, дверные крюки и предметы вооружения.

Наряду **с** обычными трубчатыми замками (рис. 12, *10*—11) и ключами к ним с разнообразными формами прорезов щитка (рис. 12, *5*—8), особенно интересны ключи от нутряных врезных и навесных замков, очень крупные — от дверей и более мелкие — от сундуков и ларцов, различные по формам и прорезям бородки; ключу отвечает найденная круглая железная личина (рис. 12, *9).* С подобным обилием ключей от нутряных замков мы встречаемся, например, в мате-

1 Эти вымостки зафиксированы лишь в фото; никаких чертежей по этому слою нет. См. фото в фондах ГГИАМ № 619—626.

2 Голубович, стр. 24.

3 Я. Пастернак. Старий Галич. Краков — Львов, 1944, стр. 167.

1 Высказанное 3. Дурчевским предположение принимаем условно, так как каменные вымостки известны на литовских пилькальнисах и ранних белорусских городищах. Однако едва ли вымостки в слое XI являются следом более раннего поселения эпохи первобытно-общинного строя - этот слой содержит, как увидим, находки не ранее XI в.

риале упомянутых раскопок княжеского двора в Галиче [1].

Из воинского снаряжения найдено пять прекрасных образцов шпор различных типов (рис. 13, *1—2)*: с шипом в виде простого круглого заточенного острия, такого же острия с шариком в основании, острия пирамидального и конического. Петли для ремня —либо прямоугольные с прямыми прорезями, либо очковидные. Подобные шпоры были широко распространены и известны из раскопок ряда феодальных городов: Галича, Вышгорода, Плиснеска, Райковецкого и Ковшаровского городищ и др., а среди западноевропейского снаряжения датируются широко X—XIII веками[2]. Из оружия найдены обломок превосходного клинка кинжала или копья (рис. 13, *9)*, железные втульчатые наконечники сулиц (рис. 13, 5), костяные (рис. 13, 3—*4)* и железные четырехгранные стрелы (рис. 13, *6—8)* [3], тонкая костяная обкладка лука (?; рис. 13, *10)*.

Вместе с этими вещами должна быть названа известная лишь по рисунку примечательная, но загадочная находка (рис. 14). Это фрагмент большой орнаментированной полосы длиной 35 см и шириной 11 см (при симметричной реконструкции длина 70 см). Орнамент представляет ленточное плетение, образующее круги и сложный клубок лент на фоне косых линий и сетки. По своему характеру он напоминает орнамент бронзовой пластины с изображением св. Симеона от алтарной преграды Нижней церкви (см. рис. 62, стр. 115). Повидимому, это фрагмент кожаного тисненого или вышитого матерчатого богатого пояса, к которому на петлях привешены ключ и продолговатая пластинка.

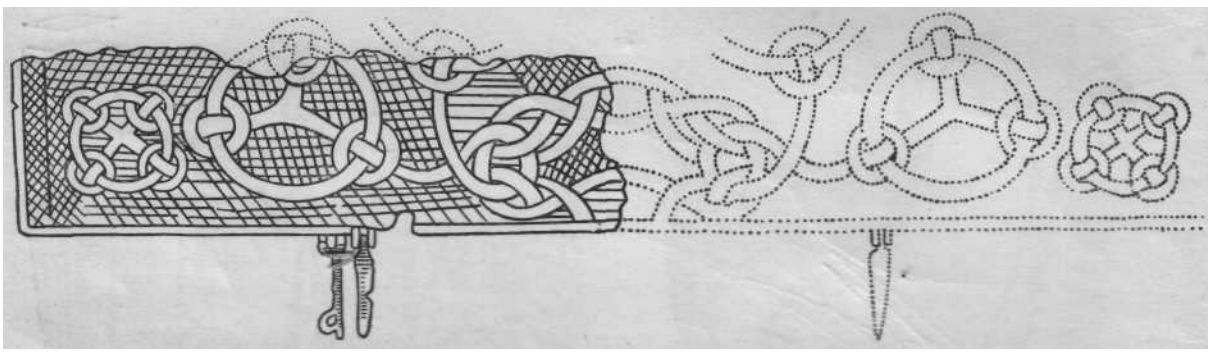

Рис. 14. Фрагмент богато орнаментированного пояса

Охарактеризованные серии вещей позволяют признать, что в составе древнего населения поселка Замковой горы был богатый вооруженный люд, конные воины — дружинники.

Хозяйство и быт поселка могут быть освещены весьма отрывочно.

Археологические материалы Замковой горы говорят с несомненностью о развитии пашенного земледелия.

Небольшое количество обгорелого зерна, собранное в зоне отложений первоначального поселка, позволяет утверждать, что Гродно было районом земледелия с широким составом возделываемых культур. Среди них главное место занимает рожь, далее — овес и просо. Из зерно-бобовых сеяли горох и мелкоплодные конские бобы. Последний вид — одна из древних культур на территории БССР: зерна конских бобов найдены, например, на Банцеровском городище. Анализ сорняковых примесей к зерну из слоев XII—XIII вв. на Замковой горе показывает, как увидим ниже, эксплуатацию давно обрабатываемых, старопахотных угодий. Можно, следовательно, не сомне-

[1] Я. Пастернак. Ук. соч., стр. 185, рис. 72.

[2] См. Я. Пастернак. Ук. соч., рис. 75; А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губ. (оттиск из т. III, ч. 3 «Научных известий Смоленского гос. университета». Смоленск, 1926), табл. IV, рис. 17; В. И. Довженок. Огляд археол. вивчення древнього Вишгорода за 1934—1937 рр. «Археология", т. III. Киив, 1950, стр. 83; A. Demmin. Die Kriegswaffen. Leipzig, 1891, стр. 620—622.

[3] Сосуществование железных и костяных стрел установлено также и в Райковецком городище. В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 93—94 я табл. XIV.

ваться, что пашенное земледелие в Гродненщине уже к XI в. имело почтенную давность [1].

Гораздо полнее можно охарактеризовать животноводство и охоту. Состав костных остатков из слоев первоначального поселения на Замковой горе, как и последующих слоев позднейшего времени, дает весьма своеобразную картину большого процента костей охотничьего зверя [2]:

	Количество костей	%
Домашние животные	2600	56,1
Дикие животные	2035	43,9

Состав домашнего скота характеризуется следующими показателями (в процентах):

Крупный рогатый скот	34,4
Свинья	29,6
Мелкий рогатый скот	24,6
Лошадь	11,4

Состав охотничьей добычи дает такую картину (в процентах):

Благородный олень	48,7
Зубр	10,9
Кабан	20,2
косуля	8,7
Лось	4,5
Бобр	3,7
Прочие виды	3,3

Хотя в древнерусских источниках часты упоминания о «зверине» и «дичине», свидетельствующие о большом значении >в составе пиши мяса охотничьей добычи [3], остеологический материал из раскопок древнерусских городов говорит о том, что здесь охота играла крайне незначительную роль. Так, например, в Старой Рязани 93,2% костных остатков принадлежат домашним животным я лишь 6,8% —диким [4]. Еще меньший процент костей диких животных дает остеологический материал из раскопок раннесредневековых городищ в Польше:

Клецк	0,3
Любич	3,8
Остров Тумский (в Познани)	1,2

[1] Подробно см. в статье А. В. Кирьянова. Приложение I.

[2] Подробно см. в статье проф. В. И. Цалкина. Приложение П.

[3] Н. Н. Воронин. Пища и утварь. «История культуры древней Руси». Т. I, М.—Л., 1951, стр. 266—267.

[4] В. И. Цалкин. Палеофауна Старой Рязани. КСИИМК. вып. XXI, стр. 128—134.

Анализ костных остатков позволил автору высказать предположение, что уже в это раннее время охота на тура и зубра была привилегией местных князьков [1].

Иная картина рисуется по материалам Гродно. Она, несомненно, связана с естественными особенностями Принеманья. К западу от Гродно между Неманом, Росью, Наревом и Бобром и в правобережье Немана лежали дремучие лесные пущи (правобережная пуща позже называлась «Гродненской»), исключительно, богатые крупным охотничьим зверем: зубром, лосем, оленем, кабаном, косулей. Крупнейшим из них был зубр, достигавший 30—40 пудов веса. В Мазовии, Жмуди и в древней Руси зубра называли «туром», откуда многочисленные производные 'названия поселений: Туров, Турийск (на Немане), Туровля, Туровичи и др. [2]

Охота за крупной дичью в Гродно была не только излюбленным «спортом» дружинников из крепостного гарнизона, развивавшим воинскую силу и ловкость, но и важной статьей хозяйства, хорошо приспособившегося к местным условиям. Весьма вероятно, что туши охотничьего зверя поступали в крепость и как разновидность феодальных повинностей с окрестного населения.

К мясной пище, добывавшейся в значительной мере охотой, присоединялась добыча рыболовов. Об этом промысле говорят глиняные и свинцовые (конические) грузила, костяная игла для плетения сетей

[1] E. Lubicz-Niezabitowski. Hodowla zwierząt, łowiectwo i rybactwo u mieszkańców Polski zachodniej... WA, XVI, 1948, стр. 165—167. См. того же автора: Szczątki kostne wczesnohist. (VII—X w.) z Lubicza nad Drwęcą («Spraw. Państw. Muzeum Archeol.», t. II, z. 1—4, Warszawa, 1949, стр. 131—139); здесь процент диких животных немногим более четырех; J. Kostrzewski. Kultura prapolska. Posnań, 1949. стр. 67—68.

[2] П. О. Бобровский. Материалы для географии и статистики Гродненской губернии, т. I. СПб., 1863, стр. 405—452; Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к «Слову о полку Игореве», «Труды отдела древнерусской литературы», т. VI. М.—Л., 1948, стр. 116—117; находку черепа зубра в раскопках княжеского двора в Галиче см. Я. Пастернак. Ук. соч., стр. 169; Н. П. Барсов. Материалы для историко-географического словаря России. Вильна, 1865, стр. 202; о собственных именах с основой «тур» см. В. 3. Завитневич. Область дреговичей как предмет исследования, «Труды Киевской духовной академии», 1886, № 8, стр. 587; Г. Карцов. Беловежская пуща. СПб., 1903.

(см. рис. 16, *12—14,* стр. 43), рыболовные крючки.

Ремесла представлены единичными вещами. Исключение составляет гончарное дело, которое можно охарактеризовать сравнительно подробно.

Керамика мало отличается от позднейшей гродненской посуды XII—XIII вв. Она исключительно гончарная; тесто — с примесью дресвы или слюды, цвет коричневатый или красновато-желтый. 80% фрагментов принадлежат кухонным горшкам 19—20—22 см в диаметре, вышиной 21—25 см, со стенками толщиной 6—7 мм. Далее отметим крынки с массивными стенками, небольшие горшки «баночной» формы (диаметром 9 см и вышиной 12 см) с ушками и низкие мисы с краями, слегка скошенными внутрь. Обжиг неравномерный; черепок в изломе — с темной сердцевиной. Встречены единичные обломки привозных толстостенных амфор — корчаг киевского типа с густо нанесенным глубоким параллельно-линейным орнаментом, обломки стеклянных флаконов и поливных киевских писанок.

Венчики горшков мягко выгнуты, сосуды с резким переломом шейки единичны. Край венчика в большинстве случаев скругленный или слабо моделированный (рис. 15, *1—2);* част прямой обрез венчика (рис. 15, *3—4)*; богато профилированные венчики редки (рис. 15, 5—*6).* Следует отметить посуду с характерным «горбатым» венчиком, с припухлостью на внешнем крае (рис. 15, 7—*8).* Орнамент преимущественно параллельный желобчатый, покрывающий сосуд часто от плеч до донца; волнистый встречается значительно реже. Линейный орнамент подчас сочетается с пояскам штампованного орнамента или насечки, нанесенных иногда на уже отделанную линейным узором поверхность.

Особую, хотя и очень малочисленную, группу посуды представляют небольшие горшки со сравнительно тонкими стенками розовато-красного, коричневого или желтоватого цвета, лишенные, как правило, черного печного налета. Они, видимо, не употреблялись для приготовления пищи и имели какое-то иное применение. Выделяет эту группу я характер орнамента при помощи разнообразных насечек и ямок или штампов, напоминающих о традиции украшения лепной посуды. Насечки обычно косые, нанесенные ножом. Штампы нескольких типов (рис. 15, 11): гребенчатый, прямоугольной или овальной формы, в виде розетки с крестиком внутри, розетки из восьми крошечных треугольников, обращенных вершинами к центру, зубчатый штамп в виде буквы М, из рядов мелких треугольников, веревочный, в виде ромбовидной сетки и др. Обломки этой посуды единичны. Точно так же необычен другой тип кухонной посуды — горшок с острым выступающим ребром на плече или с «налепом» (рис. 15, *9—10).*

Особенно важно отметить, что наиболее близкие аналогии посуде с острым ребром из Гродно мы находим на Волыни. В ЛГИМ есть горшок XI—XII вв., найденный в валу Владимира-Волынского и ближайшим образом напоминающий гродненские фрагменты; на дне горшка знак — крест в круге (рис. 15, *19)* [1]. Также близкие фрагменты имеются среди керамических материалов Плиснеска (рис. 15, *17—18)* [2]. Один из гродненских фрагментов украшен по ребру тонко исполненной веревочкой. Видимо, вариант или развитие данного типа представляют сосуды с округленным ребром-«налепом», украшенным насечкой или веревочкой (рис. 15, 12—*13);* аналогии этому виду посуды мы также встречаем в Плиснеске (рис. 15, *16)* [3]. Следует, однако, отметить, что фрагменты лепных, а не гончарных сосудов с примесью крупной дресвы в тесте, с «налепом», сопровожденным орнаментом из мелких ямок, встречены на селище у дер. Песковцы на Немане (Желудковский район) [4]. Гончарная посуда с «налепом» и сходной орнаментацией встречается на соседних русских городищах Принеманья — в Сураже [5], Волковыйске [6], а также в северо-западных русских

[1] ЛГИМ, III, 2067.

[2] ЛГИМ, III, 2456, 2457. Подобные фрагменты встречены также на городище Ступница (Дрогобычской области) и в Зимно (X—XIвв.). Ознакомлением с ними я обязан А. О. Ратичу, которому приношу здесь благодарность.

[3] ЛГИМ, III, 2418.

[4] Отчет С. А. Таракановой о разведках по Неману в 1951 г.

[5] Фонды ГГИАМ, фото 693—694 и экспозиция. Отметим, что имя «Сураж» встречаем и на востоке— на р. Ипути к северу от Новозыбкова и Стародуба и в верховьях Западной Двины между Витебском и Велижем.

[6] J. Jodkowski. Grodzisko wołkowyskie Grodno, 1925, tab. 10.

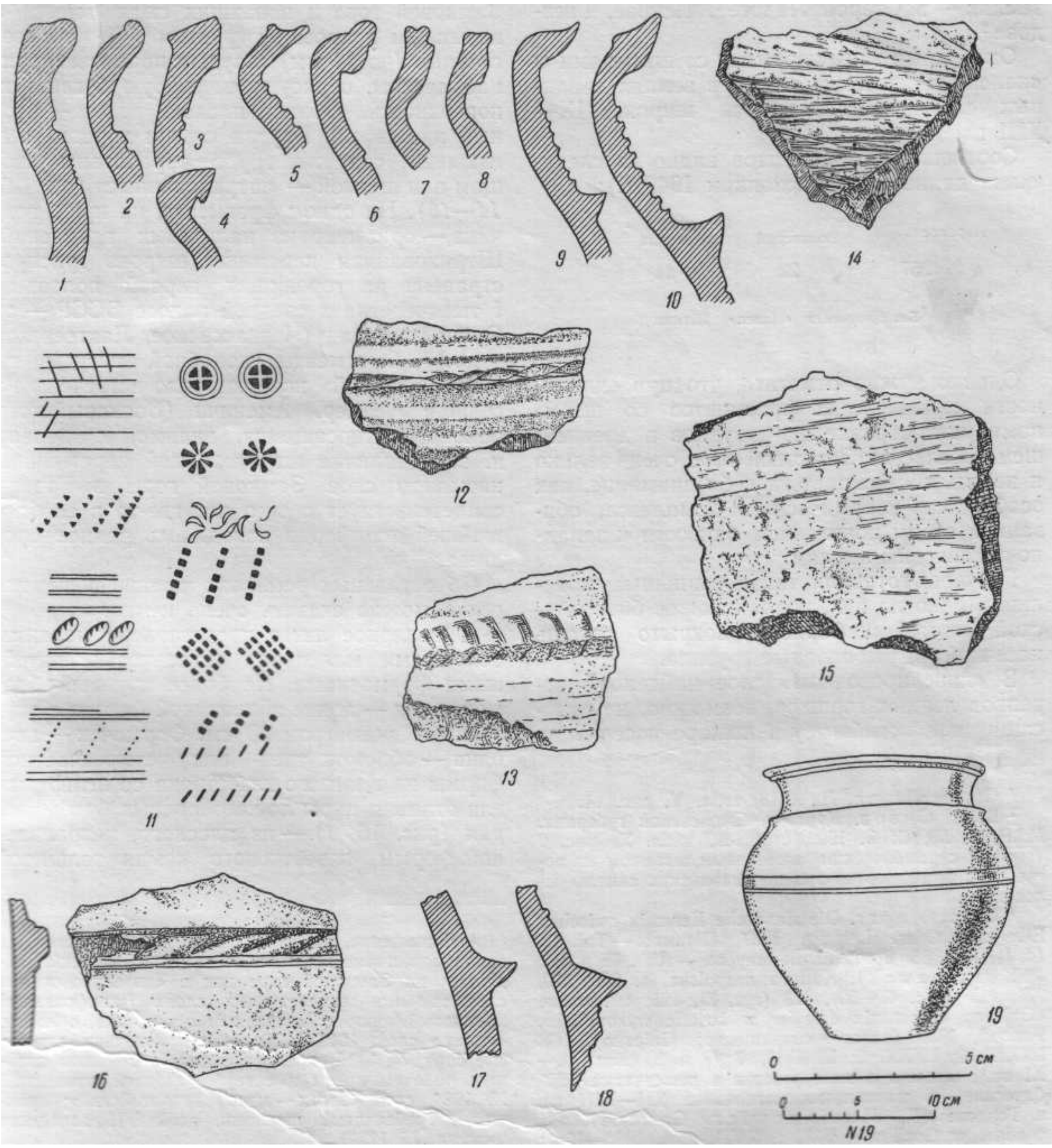

Рис. 15. Керамика из первоначального поселка

1—10 — профили сосудов; *11*— насечки и штампы; *12, 13* — фрагменты горшков с „налепом"; 14, *15* — штрихованная лепная керамика; *16—18* — фрагменты посуды из Плиснеска; *19* — горшок из Владимира-Волынского

землях — в Старой Ладоге[1], Пскове, Гнездове[2].

Описанные типы керамики со штампами и «налепом» известны также в землях западных славян и датируются широко IX—XIII вв.[3]

Соотношение орнаментов видно из следующих данных (по раскопкам 1949 г.):

Параллельный	Волнистый	Параллельно-волнистый
257	22	11

Без орнамента	«Налеп»	Штамп

Однако нужно отметить, что при единичности керамических фрагментов со штампами разнообразие их рисунков в древнейшем поселке на Замковой горе очень велико и невольно обращает на себя внимание, как особенность керамического комплекса, обязанная своим появлением близости к западно-славянским землям.

Гончары готовили также глиняные пряслица (одно из них, подражающее биконической формой шиферному, покрыто сплошь насечкой) и рыболовные грузила.

В «нивелировочном» слое найдено 5 черепков лепных горшков, возможно, не относящихся к погибшему в пожаре поселку на Замковой горе и попавших сюда вместе с насыпным привозным грунтом [1]. Это толстостенные (до 11 мм) сосуды с примесью крупной дресвы, образующей грубую бугристую поверхность. Обжиг плохой, излом — черный или серый. Внутри стенки хорошо выглажены, снаружи грубо обработаны хвощом или щепкой — «штрихованные» (рис. 15, *14—15).* На одном фрагменте, на краю венчика,— орнамент из пальцевых вдавлений. Штрихованная керамика широко распространена на городищах первой половины I тысячелетия в средней полосе БССР • — от Орши на запад (Черкасовское, Лахтеевское и др.)[2]. Фрагменты подобной посуды со «штрихованной» поверхностью встречены на селище у дер. Аменичи (Волковыйского района), относящемся, видимо, к началу н. э.[3] Наличие штрихованной керамики в насыпном слое Замковой горы в Гродно свидетельствует о том, что где-то в ее ближайшей периферии находилось раннее городище.

Об остальных ремеслах древнейшего поселка можно сказать очень немногое.

Ювелирное литье представлено мелкими обломками маленьких тигельков и литейными формочками. Наиболее крупный обломок тигля — донце яйцевидной формы с внутренним диаметром 20 мм. Формочек — две: одна — обломок трех- или четырехчастной формы из плотного известняка со штифтами для отливки пары ложнозерненых бус[4]; вторая (рис. 16, 1) — из плоского, неправильной формы, известкового камня толщиной

[1] Старая Ладога. Л., 1948, табл. V, рис. 14.

[2] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. МАР, № 28, СПб., 1902, стр. 109, табл. X, рис. 9 (горшок с ромбическим решетчатым штампом из погребения пришлого из западнославянских земель человека).

[3] См. Н. Кпогг. Die slawische Keramik zwischen Elbe und Oder. Leipzig, 1937, Штампы —Taf. 26 (d, f), Abb. 66; с «налепом»-шнуром — Abb. 65 и др.; J. Kostrzewski. Kultura prapolska, s. 259, 270, 271, 419 (rус. 47—50), 423 (rус. 7), 426; см. также «Gniezno w zaraniu dziejów w świetle wykopalisk», Poznań, 1939 (далее — сокращенно: Gniezno), tab. LXXIX, 3; LXXX, 5; LXXXII, 7 (7 и 8, слои lX-X1 вв.); штампы в виде розетки и решетчатые ромбические — в мазовецком могильнике XII—XIII вв. в Гоздове (K. Musianowicz. Cmentarzysko i osada... w Gozdowie. WA, t. XVII, z. 4, 1950—1951; tab. LXXIII, 1; LXXI, 7; LXVIII, 2); сосуды с «налепом» в польском могильнике X — XII вв. в Познанском воеводстве (Z. Rajewski. Wielkopolskie cmentarzyska rzędowe... PA, t. VI, z. 1, tab. V, 5) и на городище Бнин XI—XII вв. (W. Hensel. Studia i materiały do osadnictwa Wielkopolski wczesnohistorycznej, T. I. Poznań, 1950, s. 65, rус. 48) и др. См. также керамику пруссов (Ф. Д. Гуревич. К вопросу об археологических памятниках летописных ятвягов. КСИИМК, вып. XXXIII, рис. 54—56).

[1] Несомненно, к привозному грунту ' относятся также единичные экземпляры каменных орудий, найденных на Замковой горе как в «нивелировочном» слое, так и в вышележащих слоях (шлифованный кремневый топор со сверленым отверстием, обломок, «нивел.» слой, 1949-С, № 148; наконечник стрелы, вне слоя, № 3115; кремневое долото с зашлифованным рабочим краем и с грубо отбитой рукояткой, № 1984, слой «песок—мусор византийский»; кремневый гребенчатый штампик, слой VII западного участка, № 1730).

[2] См. «Працы археол. кам.», т. II, Минск, 1930, стр. 78—97; А. Н. Лявданский. Ук. соч., стр. 197, рис. 10—44.

[3] Отчет С. А. Таракановой о разведках по Неману в 1951 г.

[4] Данный фрагмент «имитационной» формы (типа, относимого к концу XII в., а главным образом — к первым десятилетиям XIII в.), возможно, попал в нижние слои Замковой горы при позднейшем перекопе. О формах этого типа см. ниже.

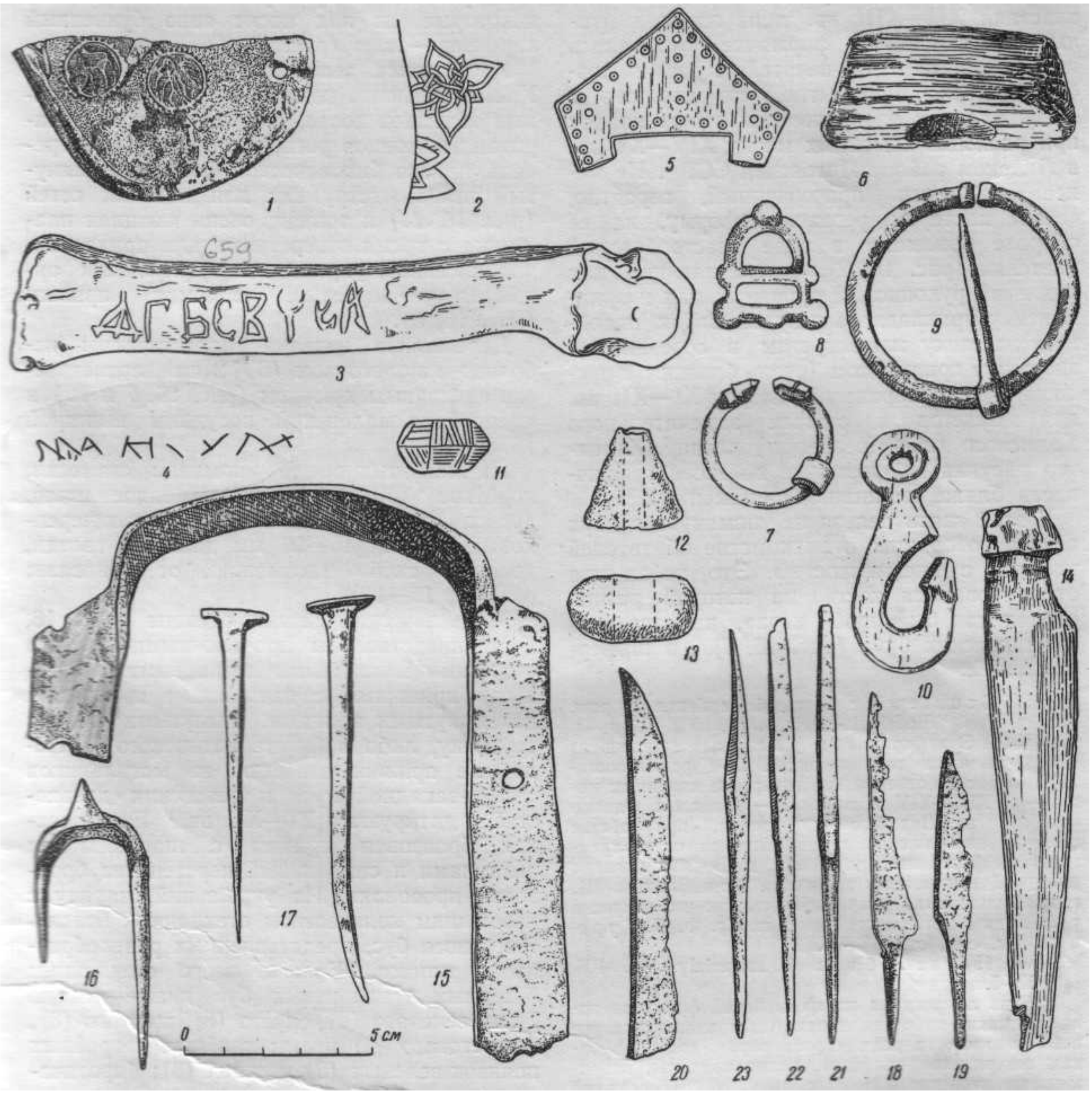

Рис. 16. Инвентарь первоначального поселка

1 — литейная форма; 2 — рисунок на обороте формы; 3 — кость с резными буквами; *4* — знаки буквенного характера на шиферном пряслице; 5 — костяная накладка; *6* — деревянный молоток; 7—*9* — бронзовые пряжки; *10*— деревянный крюк; *11* — глиняное пряслице; *12, 13* — грузила (свинцовое и глиняное); *14* — костяной инструмент для плетения сетей; *15* — скоба железная· *16* — древолазный шип; *17* — гвозди; *18—20* — ножи; *21, 22* — стамески; *23*—шило

2,5 см для отливки двух круглых плоских бляшек с зубчатыми краями с изображениями на одной — птицы с распростертыми крыльями, на другой — зверя с поднятым над спиной хвостом; оба изображения передают в схематичной огрубелой форме обыч-

ные для русской монументальной и мелкой пластики XII—XIII вв. типы зверя и птицы. В описанной формочке отливались щитки для перстней-печатей с этими изображениями. Любопытно, что перстень с очень близким изображением птицы найден при раскопке каменных могил XIV—XV вв. в Лидском районе Литовской ССР 1. Не менее интересен прочерченный, вероятно, самим мастером, резавшим форму, на ее обороте орнамент в виде крестообразной плетенки (рис. 16, *2),* напоминающий как книжный рукописный орнамент, так и орнаментику прикладного искусства. Так, подобную плетенку мы встретим в сочетании с звериным орнаментом (очень близким к русскому) на серебряных футлярах XI—XII вв. для амулетов в составе замечательного Холмского (под Дрезденом) клада[2]. Характер рисунка на формочке по своей графичности ближе к книжной орнаментике[3].

В этой связи нельзя не упомянуть о двух вещах, говорящих о знакомстве обитателей поселка с письменностью. Это небольшая отполированная кость, на которой резчик сделал как бы «пробу пера», вырезав ряд кирилловских букв (рис. 16, *3)*[4], и шиферное пряслице с процарапанными знаками, некоторые из них носят явно буквенный характер — *м, а* (рис. 16, *4).*

Костерезное дело было хорошо развито. Кроме большого количества полуобработанных обломков кости, есть проколки из полированных концов рога, трапециевидный гребень, прясло биконической формы, упомянутый выше инструмент для вязания сетей (рис. 16, *14)* и тонкая, очень изящная пластинка с тремя отверстиями для прикрепления к основе, украшенная циркульным орнаментом,— вероятно, обломок пряжки (рис. 16, 5).

Деревянные изделия представлены небольшим молоточком (6Х2 см), артистически сделанным крючком (рис. 16, *6* и *10)* и клепкой от маленькой посудины вышиной 15 см.

Из железных вещей упомянем стамески, короткое (40 мм) четырехгранное шило, древолазный шип, несколько обычных черенковых ножей (45—90 мм длиной), гвозди, кованую скобу (возможно, от коновязи; рис. 16, *15—23).*

Металлические детали одежды (рис. 16, *7—9)* представлены проволочными легкими и литыми массивными кольцевыми нагрудными пряжками с подвижным язычком и несомкнутыми концами, загнутыми либо в трубочку, либо в форме латинского S. Подобные пряжки известны из могильников северо-западной Руси и литовских древностей и датируются XI—XII вв. ' Есть поясная бронзовая пряжка с шаровидными выступами и спиральный перстень из бронзовой проволоки. Из украшений, наряду с небольшим количеством стеклянных браслетов, много бус, представленных разнообразными типами. Больше всего стеклянных бисерных и кольцевых бус диаметром до 7 мм, зеленого (9), синего (8), желтого (3), фиолетового (2) цвета; двойных и тройных понизок зеленых (2) и синих (3); бороздчатых (в сечении — розетка) синих (1) и зеленых (1); миндалевидных длиной по 1,2 см синих (2) и лиловых (1). Есть круглые крупно, попала, как и обломок имитационной формы, в нижние слои при позднейших перекопах.

[1] W. Szukiewicz. Kurhani kamienne w pow. lidzkim, gub. Wileńskiej. «Swiatowit», 1902, IV, s. 45, tab. 11-21. Эта формочка и упомянутый перстень из каменных могил дали повод Ф. Д. Гуревич поставить вопрос о более ранней датировке каменных могил—не XIII—XIV веками, а X—XI веками. Однако перстень из Лидского могильника, при общем сходстве изображения птицы, отличен от ее трактовки на формочке. Кроме того, в Лидских могилах были найдены монеты: пражский грош Вацлава III, грош Вильгельма, денар Кейстута, так что вопрос о ранней дате могильника отпадает. Ср. Ф. Д. Гуревич. Ук. соч., стр. 93—94.

[2] W. Hensel. Studia i materiały..., s. 106 tab. XV-5.

[3] Едва ли рисунок на гродненской формочке является каким-либо опознавательным знаком; скорее всего, это своего рода «проба пера», подобная таким же рисункам-граффити, какие известны, например, на киевских литейных формочках (бородатый мужчина в конической шапке). Б. А. Рыбаков. Ремесло. «История культуры древней Руси» т. !. М.—Л.. 1951, стр. 161. Ср. W. Holubowicz. Znaki rodowe i inne na przedmiotach z wykopalisk w Grodnie (Slavia antiqua», t. I. Poznań, 1948, стр. 577—578. 581). Ср. также орнамент типа плетенки, процарапанный на куске строительного камня из раскопок в Галиче. Я. Пастернак Старый Галич стр. 159.

[4] По палеографическим признакам кость с буквами может принадлежать более позднему времени (XIII в.— определение М. В. Щепкиной) и, возмож-

[1] А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии. СПб., 1896, табл. XXII, *3;* Древности северо-западного края. СПб., 1890, табл. VI, *1, 6, 7, 22* и др.

ные бусы (до 1 см) молочного стекла, иногда со следами позолоты (7). Бусы из других материалов встречаются реже: коричневых пастовых с пестрыми вкраплениями — 2; пастовых круглых коричневых — 3; круглая хрустальная — 1; янтарных — 2 (круглая и ромбовидная). Время этих типов бус — не ранее XI в. 1; проникновение стеклянных браслетов на север также происходит не ранее XI в.[2]

Таковы отрывочные, но достаточно определенные данные для характеристики первоначального поселения на Замковой горе.

Само его положение на неприступном мысу крутого берега Немана говорит о его боевом, военном назначении. Можно не сомневаться, что он был окружен защитными сооружениями — по краям плато был, вероятно, вал с деревянными стенами или тыном. Само имя «Гродно» или «Городно» от русского слова «городить», «ограждать», от которого произошло и имя опоясывающей мыс речки — Городничанка,— подтверждают это. Естественно, что от этих укреплений не осталось следов —края холма не раз осыпались в Неман, а затем по их линии прошли стены позднейших замков. Хозяевами поселка являются вооруженные конные воины — дружинники. Их жилища и амбары, видимо, достаточно густо заполняли пространство крепости; свободные участки, возможно, имели каменную мостовую. Крепость притягивает к себе ремесленные элементы, некоторые ремесленники живут и работают внутри ее стен. Весь облик материальной культуры городка — от воинского снаряжения дружинников до украшений и бытовых вещей,— несомненно, русский. О тесных связях с Киевом и — шире — Поднепровьем говорят найденные здесь пока единичные обломки - стеклянных браслетов, киевских поливных писанок, амфор-корчаг, стеклянной посуды, овручских пряслиц из розового шифера и серого сланца. Наряду с этим здесь много янтаря, идущего по Неману с «янтарного берега» Балтики. Связи с местными традициями и западными соседями сказываются в керамике присутствием нарядной посуды со штампованным орнаментом и посуды с налепным валиком. Местные естественные условия налагают весьма своеобразный отпечаток на само хозяйство крепости. Хлеб идет, как всюду, несомненно, из феодальной сельской округи; может быть, горожане и сами имеют пригородные пахотные участки. Но скотоводство и охота находятся в совершенно необычном соотношении. Близость обильных крупным мясным зверем Гродненских пущ делает охоту равноправным скотоводству источником добывания мясной пищи.

Как по стратиграфическим условиям, так и по характеру археологического материала возникновение крепости Гродно или Городно на Немане не может быть отодвинуто далеко от начала XII столетия. Она основывается, как об этом скажем ниже, во второй половине или даже в конце XI в. и уже вскоре гибнет от пожара.

2

XII—XIII вв. в истории гродненской крепости — это время превращения ее в княжескую резиденцию, укрепленный центр столицы княжества. Очевидно, что прежде всего были восстановлены сгоревшие укрепления, после чего стала возможной ее нормальная жизнь. Следов этих укреплений также не сохранилось, так как на их месте по краям Замковой горы дважды — при Витовте и Батории — отстраивались каменные стены литовского и польского замков. Затем были организованы планировочные работы, которые сровняли с лицом земли следы пожара первоначального крепостного поселка, а в восточной, не раскопанной части крепости были отстроены жилища князя и дружинников. Далее в центре крепости был выстроен большой кирпичный храм, и следом за ним — кирпичные башни крепости, о строительстве которых будем специально говорить ниже. Так предположительно рисуется история застройки Замковой горы.

Отложения XII — середины XIII в. образуют значительную зону в шкале стратиграфии Замковой горы: на северном и южном участках они составляют толщу от 1,60 м и более (северная траншея), на западном — в среднем 2 м. Эта зона культурных напластований на западном участке отличается наибольшей неясностью взаимоотношения «слоев дерева».

[1] Определение Ф. Д. Гуревич.

[2] В. И. Равдоникас. Старая Ладога, СА. XI, стр. 41.

Приведем нивелировочные данные [1]

Слой дерева	IV	5,70—6,90 м	(5,85—6,50 м)
„	V	5,90—7,07 „	(чертеж не сохранился)
	VI	6,25—7,01 „	(5,80—6,71 м)
	VII	6,67—7,40 „	(6,15—6,94 м)
	VIII	7,05—7,80 „	(чертеж не сохранился).

Первые деревянные постройки, вставшие на мысу Замковой горы после пожара города, нам неизвестны: планы слоя VIII не сохранились, мы знаем лишь, что здесь было всего два сруба № 18 и 19[2].

В вышележащем слое VII были выявлены остатки двух построек (рис. 17).

От сруба № 16 сохранилось лишь одно бревно южной стены длиной 3,65 м. К юго-западу от него через проулок, идущий с севера на юг и замощенный настилом на продольных лагах, стояла постройка № 17, привлекшая особое внимание 3. Дурчевского. Он описывает ее так: «Собственно сруб постройки, образующий стены, был окружен как бы вторым срубом из толстых бревен, на которых, однако, не было положено последующих стенных бревен, так что они оставались изолированными и лишь связанными между собой и собственно срубом. К этому внешнему срубу из толстых бревен примыкал помост из тонких досок, соединенный в свою очередь с каким-то расположенным дальше (к югу.—Н. *В.)* помостом, от которого сохранились два толстых бревна, служившие лагами, а также поперечины. Этот комплекс является одним из интереснейших объектов деревянного строительства из числа открытых на Старом замке»[3]. В. И. Голубович полагал, что постройка № 17 была «деревянной колокольней, в которой на двух больших столбах внутри висел колокол. Этим объясняется, почему внутри постройки стоят остатки двух толстых бревен, вкопанных вертикально на расстоянии около 1 и друг от друга. Колокольня была соединена помостом с какой-то другой постройкой, назначение которой неясно. Во всяком случае не похоже, чтобы это была обычная жилая постройка»[4].

[1] Первая пара цифр — по данным сохранявшейся паспортизации находок, сведенных у В. И. Голубовича (указанная рукопись, стр. 18); цифры в скобках — по планам, сохранившимся в фондах ГГИАМ.

[2] DSZ, стр. 11.

[3] Там же, стр. 12.

[4] Голубович. стр. 42.

В действительности это была, повидимому, обыкновенная жилая изба размером 3,80 X 3,40 м. Остатки камней в ее юго-восточном углу и толстых стояков, очевидно, являются остатками глинобитной с камнем печи на деревянной платформе, которые мы встретим здесь и дальше. «Наружный сруб» был обвязкой завалины в основании избы. Несколько позже, когда завалина ушла в нараставший слой, на нее с юга частично легли концы тесового настила двора или проулка.

Интересно, что в это время впервые появляется узкая мостовая на лагах шириной 2 м, идущая с северо-запада на юго-восток. Позже мы увидим, как эта мостовая передвинется к югу и станет устойчивой продольной «улицей» крепости.

О слое дерева VI (рис. 18) 3. Дурчевский пишет, что здесь «среди бревен нельзя было уловить никаких срубов» [1]. Однако остатки двух построек ясно видны на плане[2]. В северо-восточном углу участка лежит сруб Л» 15а размерами 4X4 м. К юго-западу от него сохранились очертания меньшей постройки № 15б примерно 3,40X3,40 м; с юга к ней примыкает небольшое крылечко, вымощенное плинфой (см. рис. 21, *1,* стр. 53); к юго-востоку, в квадрате 79 — следы тына или плетневого забора. Среди отдельных обломков дерева важна находка «курицы» от деревянной кровли[3].

Слой VI характеризуется обилием обугленного дерева — он явно связан с большим пожаром; здесь же прослежены следы развала северной стены Нижней церкви, прикрывающего северо-восточный край слоя VII. Можно полагать, что это результаты пожара 1183 г.

На западном краю участка в слое VI было обнаружено интересное сооружение, известное лишь по общему плану и фото (см. рис. 21, *2,* стр. 53); никаких описаний его нет. Это, видимо, открытый временный очаг, наскоро сооруженный из крупных булыжников, обломков плинфы и поставленных на ребро больших жерновов, образующих внутренние стенки очага.

Остатки сгоревшей в пожар 1183 г. постройки (№ 28) были открыты и к северу

[1] DSZ, стр. 11.

[2] Даем им литерную нумерацию, чтобы не нарушать нумерации 3. Дурчевского.

[3] DSZ, стр. 5.

от Нижней церкви. От сруба, рубленного в обло, сохранились лишь бревна восточной и западной стенок толщиной до 20 см. Северная часть постройки уходила в обрез раскопа. Юго-западный угол сруба поставлен на «стул» из двух врытых на глубину 30—35 см бревен, а под юго-восточным — положено

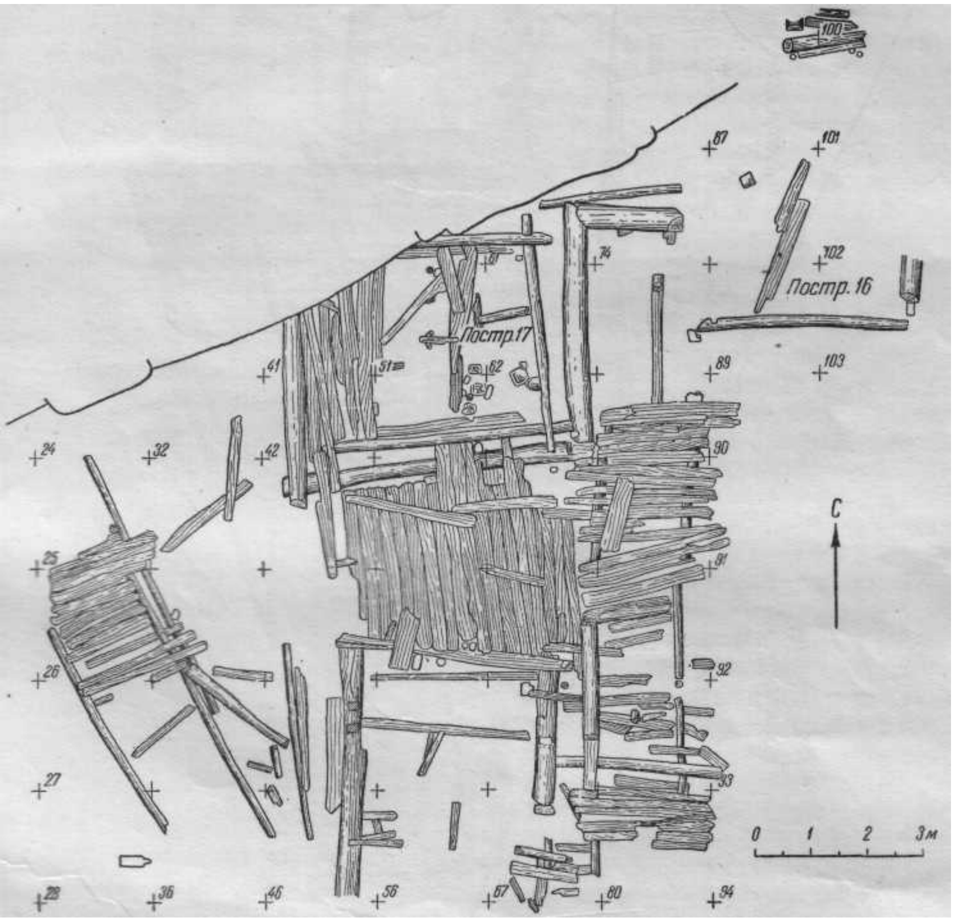

Рис. 17. Западный участок. Слой VII

несколько камней. Пол из теса толщиной 3 см был концами зажат между нижним и вторым венцами сруба. С восточной стороны прослежены вертикально стоящие доски, облицовывавшие стенки неглубокой (до 50 см) подпольной ямы, в заполнении которой встречалось горелое зерно.

План слоя V западного участка не сохранился. Мы знаем лишь, что здесь были вскрыты два сруба (№ 14 и 15), из которых один(№ 14) лежал под срубом № 11 последующего слоя IV, т. е. перед западным фасадом Нижней церкви. Это небольшой сруб амбара с полом из широких тесин. Где располагалась постройка № 15, мы не знаем.

Как видно из плана слоя IV западного участка (рис. 19), после пожара и разрушения Нижней церкви в 1183 г. застройка стала значительно гуще. Здесь сохранились следы пяти срубных построек (№ 9—13); все они ориентированы по странам света вдоль западного фасада храма; это особенно ясно по расположению ближайших к нему построек (№ 9—11), стоящих в ряд одна за другой с севера на юг, и по идущей параллельно им мостовой.

Постройка № 9 своей северной частью уходит под стену Стефана Батория. Видимо, сруб имел размеры 3,5 Х 3,5 м. В его юго

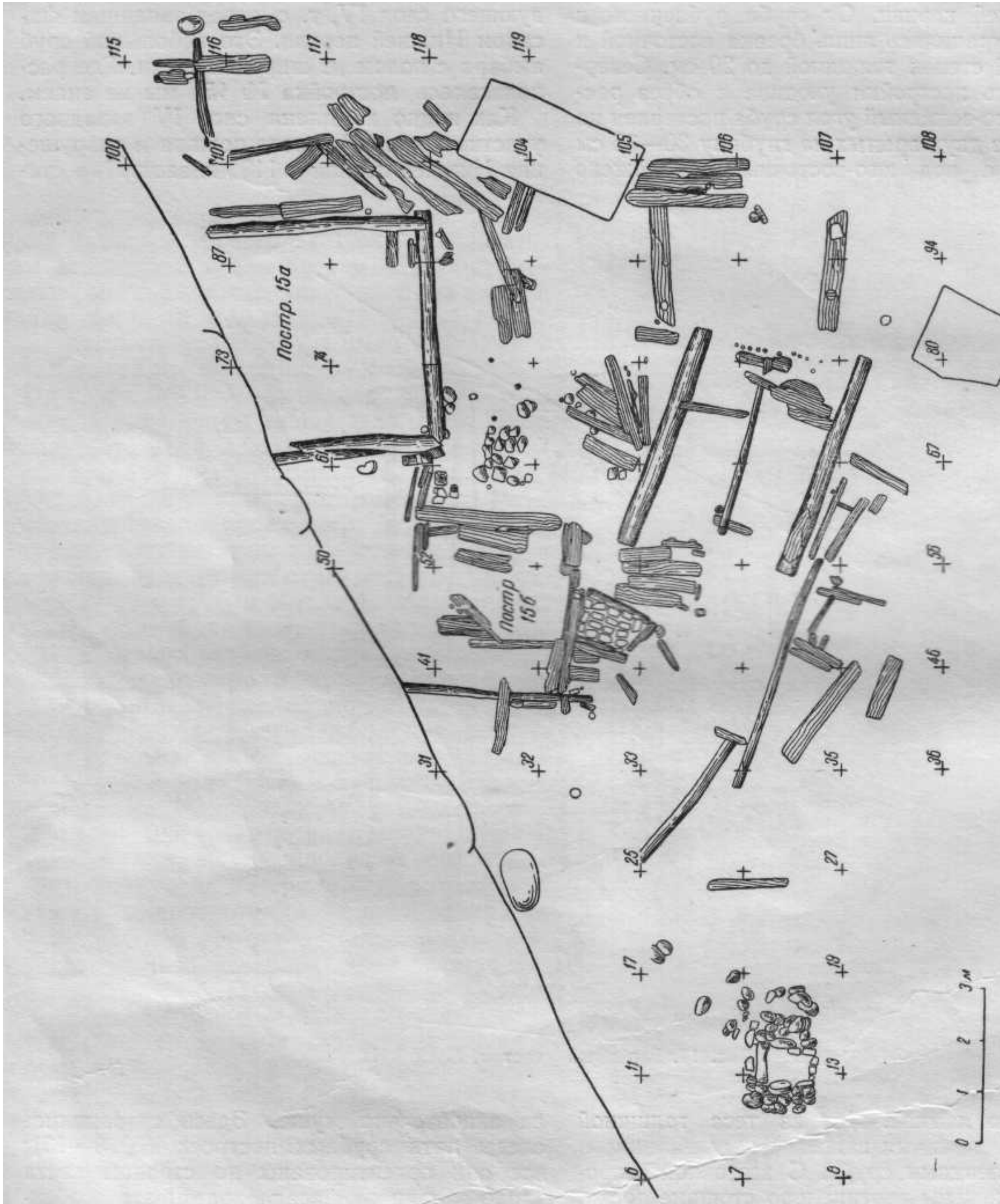

Рис. 18. Западный участок. Слой VI

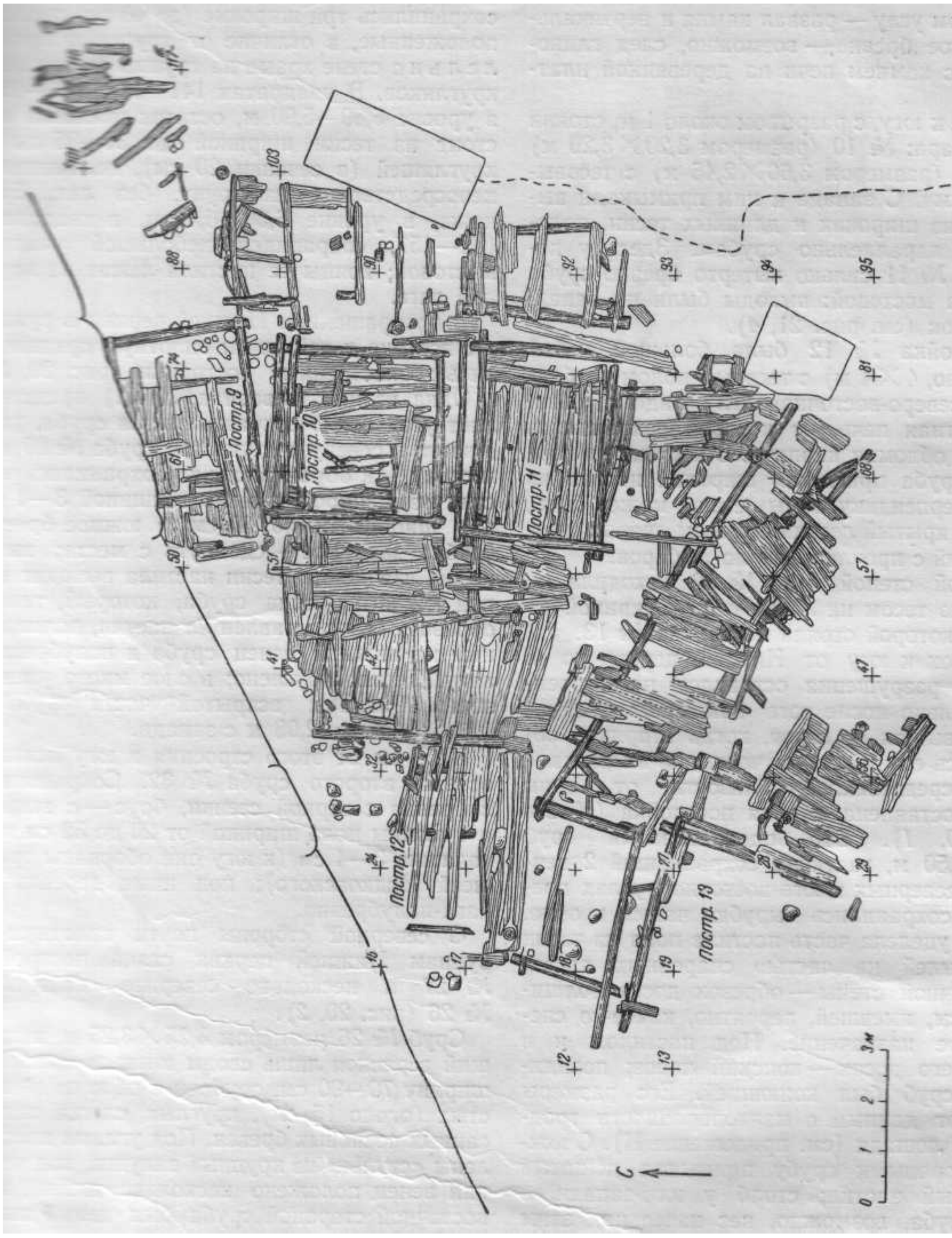

Рис. 19. Западный участок. Слой IV

восточном углу — развал камня и вертикально врытое бревно,— возможно, след глинобитной с камнем печи на деревянной платформе.

Далее к югу, с разрывом около 1 м, стояли два амбара: № 10 (размером 3,20Х3,20 м) и № 11 (размером 3,60Х2,45 м) с тесовыми полами. С запада к ним примыкали вымостки из широких и длинных тесин, положенных параллельно срубам. Здесь у постройки № 11 сильно вытерто бревно сруба и тесина мостовой: выходы были на запад, в проулок (см. рис. 21, *4).*

Постройка № 12 была большой избой (вероятно, 4 X 4 м) с тесовым полом на балках. В северо-восточном углу, видимо, была глинобитная печь, от которой сохранились камни и обломки кирпича. С востока по всей длине сруба примыкал широкий настил из тесин, перпендикулярных стене; может быть, это был крытый легким навесом дворик, граничивший с проулком около амбаров.

Южной стеной изба № 12 выходила на мощеную тесом на лагах улицу шириной до 2 м, за которой стояла постройка № 13.

Участок к югу от Нижней церкви до ее первого разрушения оставался незастроенным; только после того как храм окончательно вышел из строя, когда вторично обрушились его западные части, на их развале в непосредственной близости от руин была поставлена первая постройка (№ 25; рис. 20, *1).* Это продолговатый сруб 3,65Х4,50 м, частично сохранивший 2 венца; на северных и юго-восточном углах прекрасно сохранились вырубки чашек в обло. Внутри уцелела часть настила пола из тесин и горбылей на частью спаренных лагах; у восточной стены — обрезок доски толщиной 4 см, имевшей, вероятно, какое-то специальное назначение. Под настилом и в щелях его досок—конский навоз; повидимому, сруб был конюшней. Его размеры отвечают данным о мелкопородности гродненской лошади (см. приложение II). С южной стороны к срубу примыкал дощатый наружный настил; столб у юго-западного угла сруба, возможно, нес навес над этим помостом. С восточной стороны вдоль сруба лежит длинное бревно (около 6 м), ограничивающее как самый сруб, так и помост.

К югу от храма уцелели ничтожные остатки нескольких участков мостовых. В квадратах 219—237—256, в уровне 5,87—6,03 м, сохранились три широкие (до 40 см) тесины, положенные, в отличие от других, параллельно стене храма на группы тонких лаг-кругляков. В квадратах 141—142, 156—157, в уровне 5,80—5,90 м, остаток мостовой состоит из тесин шириной до 30—35 см и кругляшей (в сечении 20 см), положенных непосредственно на грунт, без лаг. Еще ниже, в уровне 6,30—6,32 м, в квадратах 142—157, сохранился небольшой участок мостовой; концы ее настила лежат на круглой лаге.

С превращением Нижней церкви в руины, и с востока к ней почти вплотную придвинулись хозяйственные постройки (рис. 20, *3).*

Одна из них (северная, № 31) представляет угол плохо сохранившегося сруба, уходящего к северу под участок сруба № 29 и к востоку — в обрез раскопа. Сохранились настил из 4 широких тесин толщиной 3—4 см при ширине около 30 см и южное бревно сруба; западное — сдвинуто с места; интересно, что концы тесин настила выходят изпод южного бревна сруба, который, таким образом, был поставлен *на* настил, положенный на нижний венец сруба и полубревнолагу. Дерево обуглено; в слое много угля и золы. Размеры вскрытой части сруба — 1,60 м с юга и 2,08 м с запада.

В 58 см от этого строения к югу лежали остатки второго сруба № 32. Сохранились 2 бревна северной стенки, брус — с запада и 4 тесины пола шириной от 20 до 32 см при толщине 3—4 см (к югу они оборваны траншеей Иодковского); под ними деревянная лага-полубревно.

С северной стороны почти вплотную к руинам Нижней церкви стала постройка № 27 и несколько севернее — постройка № 26 (рис. 20, *2).*

Сруб № 26 размером 3,25 X 3,25 м, входящий в раскоп лишь своим южным краем на ширину 70—90 см, срублен в обло из нетолстых (около 15 см), круглых, слегка подтесанных сосновых бревен. Под углами поставлены «стулья» из крупных валунов, под нижний венец положено несколько плинф, под восточной стороной сруба был целый завал кирпича.

Постройка № 27 расположена к югу от постройки № 26 на расстоянии в 50—70 см; ее западный конец срезан котлованом раскопок 1939 г. Постройка состоит из двух частей: узкой (1,0 м) северной и большой —

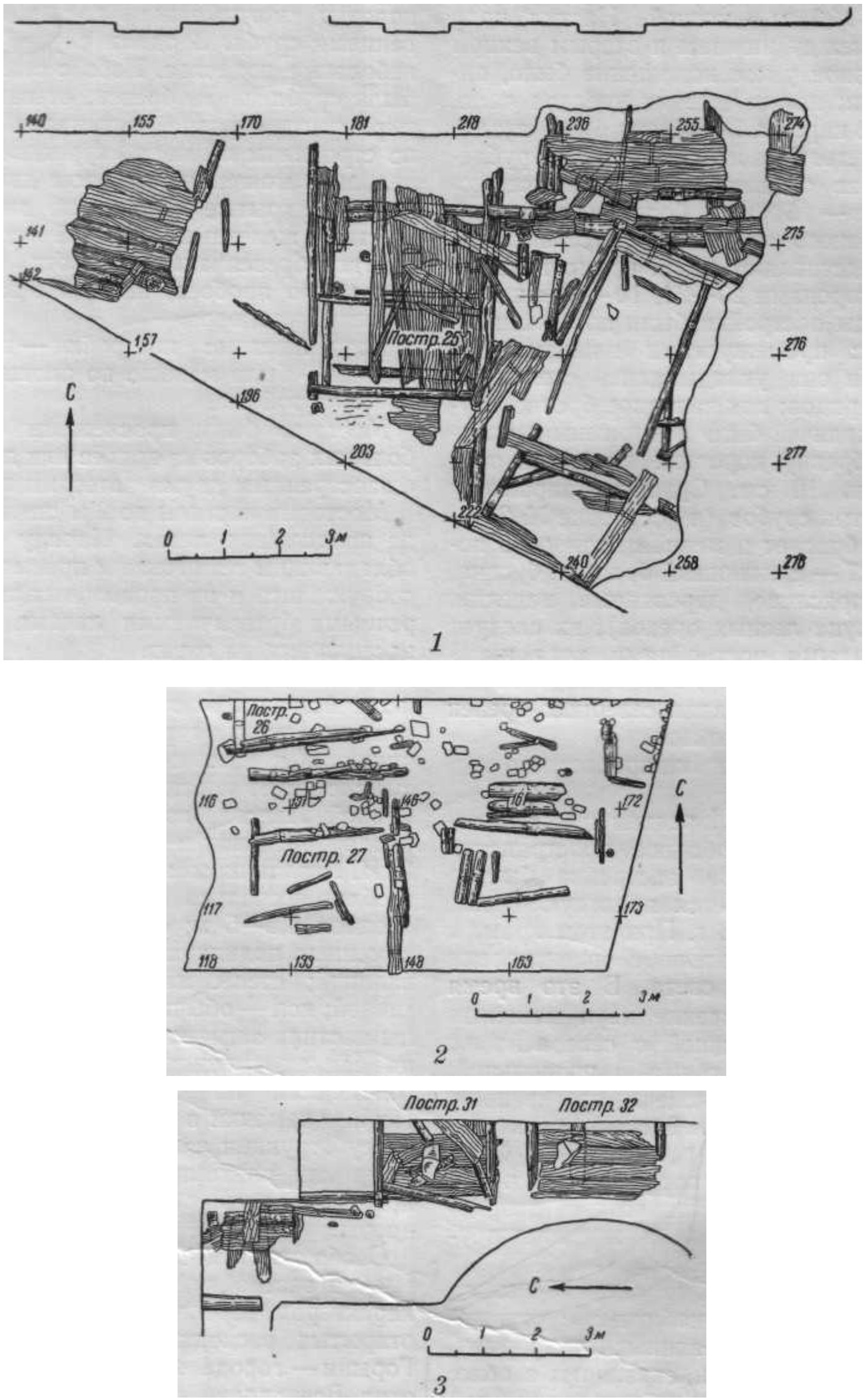

Рис. 20

1 - южный раскоп (постройка № 25); 2 — северный раскоп (постройки № 26 и 27); 3 — восточный раскоп (постройки N° 31 я 32)

примерно 3Х3 м — южной. Настил пола был зажат между нижним и вторым венцом сруба. Северное узкое помещение было, видимо, сенями; посередине их уцелела часть вымостки из кирпичей — может быть, вход в основную клеть. Как сени, так и клеть рублены в обло из сосновых бревен; в «сенях» они круглые—15 см и более в диаметре; бревна основного помещения, тесанные на 4 канта, представляют собой прямоугольные брусья со сторонами 20—24, 10—12 см. Под нижние венцы постройки были подложены в один ряд с промежутками плинфы; под углами сруба они укладывались столбиком в несколько рядов; под западное бревно сруба вместо кирпичей были подложены перпендикулярно бревну короткие кругляши толщиной около 10 см. Судя по характеру находок внутри срубов (в постройке № 26 — стеклянный браслет и медная пряжка, в постройке № 27 — стеклянный браслет, бусина, шиферное пряслице, деревянные поделки, зерно, скорлупа лесных орехов), их следует признать жилыми постройками, хотя никаких следов печи нет; к этому выводу также склоняет наличие в щелях северных бревен «сеней» остатков насекомых.

Таков характер застройки крепостного мыса в XII—XIII вв.

Первоначально очень редкая и оставлявшая значительное свободное пространство вокруг Нижней церкви застройка быстро сгущается и придвигается вплотную к ней после катастрофы 1183 г. При этом храм, а потом его руины определяют ориентировку построек по странам света. В это время определяется и направление двух мощеных улиц: поперечной, шедшей с севера на юг мимо западной стены храма, и продольной, шедшей от западной оконечности крепостного холма — мимо южной стены церкви — в его восточную часть, где, видимо, были главные и единственные ворота крепости, по соседству с которыми располагались дворцовые княжеские постройки и жилища дружинников.

Жилые избы размерами от 4Х4 м до 3,40Х3,40 м имели глинобитные с включением камня печи на деревянных платформах. Сруб из сосновых бревен, связанных в обло, ставился на «стулья» из вертикальных свай или камня; иногда их' заменяла плинфа из руин. В одном случае прослежена завалина вокруг сруба. Пол клался на лагах, концы половиц иногда зажимались меж нижними венцами сруба. В одном случае изба имела небольшое подполье. Изба с сенями (№ 27) была срублена из бревен, отесанных на четыре канта. Кровля настилалась, возможно, по стропилам и имела «курицы». При избах делались мощенные деревом дворики, вероятно, прикрытые навесом на столбах. Множество железных гвоздей сопровождает остатки бревенчатых построек. Среди находок много пробоев, навесных замков и деревянных запоров.

Хозяйственные постройки — клети и конюшни — были меньше по площади, техника их была той же.

Местами были прослежены остатки небольших заборов из кольев или досок, иногда с заостренным двумя затесами концом.

Мостовые настилы до 2 м ширины клались на продольных лагах. Наряду с этим преобладающим техническим приемом, мостовые сооружались и из продольных тесин с поперечными бревенчатыми лагами или просто настилались на грунт.

Общий облик застройки и характер жилых и хозяйственных построек чрезвычайно типичен для русских городов лесной полосы, начиная с X в. и позже. Особое значение в этом смысле имеет картина деревянной застройки Старой Ладоги, восстановленная по материалам раскопок и этнографическим данным В. И. Равдоникасом[1]. Здесь избы, рубленные в обло, несколько крупнее — со стороной в среднем 4,5—5 м; сруб часто покоится на каменных подкладках и окружен иногда завалиной; стены мшились и промазывались глиной; пол — обычно из тесин на лагах, концы настила загнаны в паз сруба; потолок — на балках «матицах»; кровля тесовая или соломенная на стропилах с «курицами». Печи — каменки в правом заднем углу дома на субструкции из песка и помосте со столбами или плитами по периметру. К избам пристраивались обычные сени или сени-дворы.

Особо отметим сходство строительных приемов и застройки Гродненской крепости с характером деревянных домов и мостовых, открытых раскопками в Давидгородке на Горыни — городе князя Давида Игоревича, отца Всеволодки гродненского. Здесь внутреннее пространство крепости было также

[1] В. И. Равдоникас. Ук. соч., СА, XI, стр.15 и след.

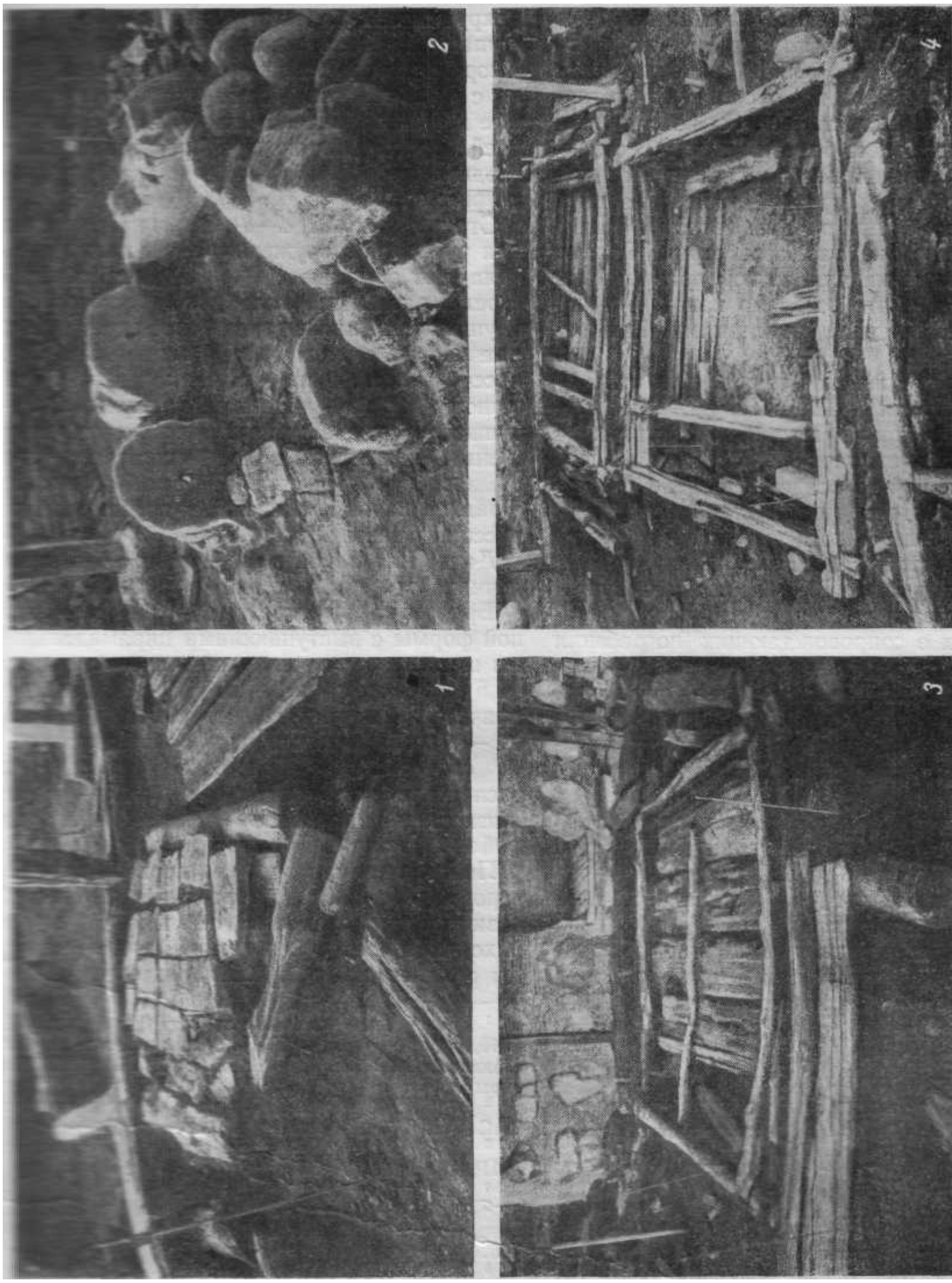

Рис. 21. Западный раскоп

1 — постройка 15 *б*, вымостка крыльца из плинфы; *2* — очаг из жерновов и плинф; *3* — постройка № 14 (вид с запада); *4* — постройки № 10 и 11 (вид с севера)

густо застроено срубными жилищами 4 X 4 м из круглого леса; только одно из них было сложено из брусьев. Улицы городка были вымощены плахами на продольных лагах; Б связи с болотистостью почвы конструкция мостовых была здесь более сложной. В строительстве деревянной церкви, восстановленной после пожара, был прослежен прием засыпки пожарища белым речным песком[1]. Таким образом, застройка Замковой горы в Гродно не только типична для лесной полосы Руси вообще, но и,— что особенно важно,— сходна со строительными традициями Припятского Полесья.

В жизни гродненской крепости в рассматриваемое время — XII—XIII вв.— был такой момент, когда покойников пришлось погребать на ее территории; видимо, это было при какой-то осаде города[2]. Судя по нескольким фотографиям в слое дерева X западного раскопа было несколько погребений (головой на запад)[3]. В слое VIII на глубине 7,07 м в квадратах 16—17 был обнаружен гробик с остатками скелета ребенка[4]. Никаких данных о сопровождающих погребения вещах нет; не знаем мы и места, где были погребения в слое X. Скорее всего, эти погребения принадлежат середине XIII в. и связаны по времени со слоем IV западного участка, с уровня которого они и опущены в нижележащие слои.

Вся описанная застройка относится к хозяйственной и служебной территории крепости. Поэтому здесь сравнительно немного материала, характеризующего княжеско-дружинные верхи города.

Предметы вооружения и снаряжения представлены серией шпор, наконечниками стрел и копий и бронзовой булавой.

Шпоры — тех же типов, которые носили гродненские дружинники в XI—XII вв.; к ним прибавляется тип шпоры с четырехлепестковой розеткой в основании шипа (рис. 22, *9*)[5]. Особо следует отметить обломок шпоры, богато украшенной бронзовой инкрустацией; бронзовые кольца слегка выступают на блестящем черном фоне железа; шпора напоминает как бы когти хищной птицы с роговыми чешуйками (рис. 22, *14*). Конные воины применяли для борьбы с кавалерией врага широко распространенный в позднейшее время «чеснок» с зазубренными остриями[1].

Стрелы (рис. 22, *4—8*) весьма характерны для русского вооружения этой поры. Преобладают обычные с X—XI вв. ромбовидные стрелы различных калибров, треугольные с опущенными шипами, есть специализированные боевые стрелы трех- и четырехгранные, рассчитанные на пробивание кольчуги. Большинство стрел — черенковые; втульчатые,— типичные для западноевропейского вооружения,— единичны[2]. Эти типы стрел есть в Гнездовских курганах[3], Старой Ладоге[4], Владимирских курганах[5] и других древнерусских памятниках.

Далее есть наконечник сулицы и два наконечника от легкого копья (рис. 22, */—3*).

Бронзовая булава (рис. 22, *13*) — обычной формы с выступающими пирамидальными шипами; она очень маленького размера (4,5 см) и имеет с нижней стороны цилиндрическую втулку с отверстием для гвоздя — булава насаживалась на очень тонкую (1 см) рукоять. Подобные булавы были распространенным видом оружия XI—XIII вв. и известны из раскопок в Киеве и Каневском районе (около с. Букрии)[6].

По сравнению со слоем первоначального городка XI—XII вв., зона слоев княжеской резиденции и крепости несравненно богаче находками, освещающими различные стороны производства и быта и характеризующими

[1] R. Jakimowicz. Dawidgródek. Pińsk. 1939, стр. 9—17.

[2] Ср. подобное положение при осаде Вщижа. Б. А. Рыбаков. Вщиж — удельный город XII века. КСИИМК, вып. XLI.

[3] Фонды ГГИАМ, фото № 291, 292 с подписями 3. Дурчевского; может быть, также фото № 279, 280.

[4] Там же, фото № 120.

[5] Подобная шпора в Княжой горе. КГИМ, 17—*15*.

[1] Аналогичный «чеснок» см. Старая Ладога. Л., 1948, табл. 1, рис. 24; Б. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V, табл. VI, рис. 126 (из Княжой горы).

[2] Д. Н. Анучин. О древнем луке и стрелах. ТАС V, М., 1887, стр. 408—410.

[3] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. MAP, № 28, СПб., 1902, стр. 72—73, табл. IX.

[4] Старая Ладога, табл. 1, рис. 1—7.

[5] А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, СПб., 1905, рис. 87, 88, 91, 92, 99, 101, 104 105.

[6] Б. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. IV, табл. II, рис. 101—102 (булавы сохранили тонкие рукояти, обложенные металлическим листом); М. К. Каргер. Археол. исследования древнего Киева. Киев, 1950, стр. 34; В. К. Гончаров. Древний Колодяжин. КСИИМК, вып. XLI, стр. 51. рис. 9-1.

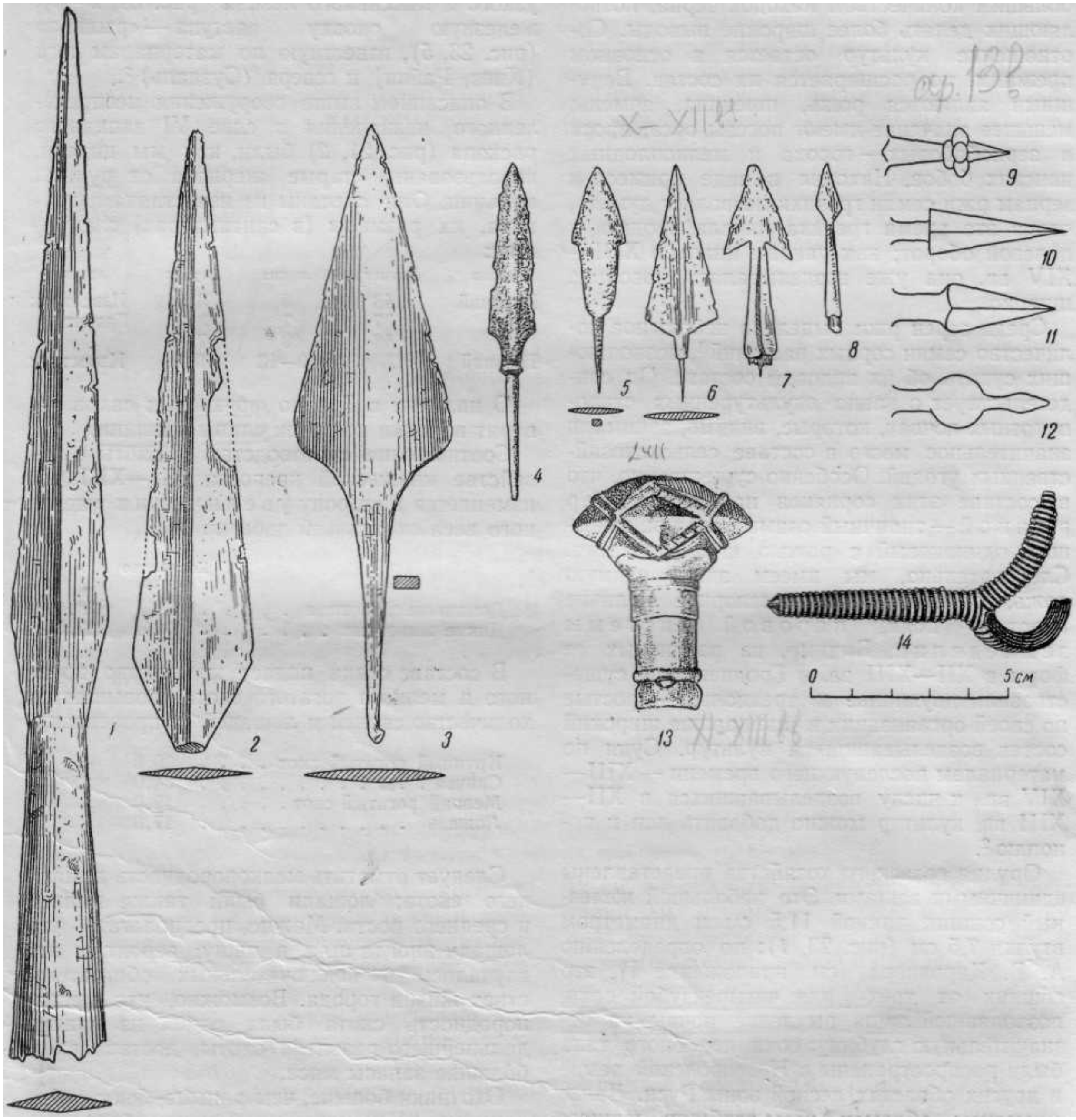

Рис. 22

1, 2 —наконечники копий; *3* — наконечник сулицы; *4—8*— стрелы; *9—12*, — типы шпор; *13* — бронзовая булава; *14* — инкрустированная шпора

быстрый экономический и культурный подъем города.

Земледелие представлено несравненно большим количеством находок зерна, позволяющих делать более широкие выводы. Соотношение культур остается в основном прежним, но расширяется их состав. Ведущими являются рожь, пшеница, ячмень; меньшее значение имеют посевы овса, проса и зернобобовых — гороха и мелкоплодных конских бобов. Находка в виде примеси к зернам ржи семян гречихи позволяет думать, что в это время гречиха начала входить в полевой оборот; как увидим ниже, в XIII—XIV вв. она уже возделывалась довольно широко.

Среди зерен ржи выделено небольшое количество семян сорных растений [1], позволяющих судить об их видовом составе. Он свидетельствует о давно окультуренных старопахотных почвах, которые, видимо, занимали значительное место в составе сельскохозяйственных угодий. Особенно существенно, что в составе этих сорняков найден к о с т е р р ж а н о й — типичный озимый сорняк, имеющий одинаковый с рожью цикл развития. Следовательно, мы имеем здесь озимую рожь, определяющую бесспорное наличие парового поля, п а р о в о й с и с т е м ы з е м л е д е л и я. Видимо, из различных ее форм в XII—XIII вв. в Гродненщине существовали двухполье и трехполье — простые по своей организации и вмещавшие широкий состав возделывавшихся культур. Судя по материалам последующего времени — XIII—XIV вв., к числу возделывавшихся в XII—XIII вв. культур можно добавить лен и коноплю [2].

Орудия сельского хозяйства представлены единичными вещами. Это небольшой железный сошник длиной 11,5 см и диаметром втулки 7,5 см (рис. 23, *1);* по определению А. В. Кирьянова (см. приложение I), это сошник от трех- или четырехзубой сохи, позволявшей лишь рыхление почвы на незначительную глубину; сохи подобного типа были распространены в Новгородской земле к других областях лесной зоны Руси. Далее упомянем обломок косы-горбуши южного

[1] К сожалению, большинство партий зерна из коллекций 1937—1939 гг. тщательно просеяно и «очищено» от всяких примесей.

[2] См. цифровые данные в статье А. В. Кирьянова. Приложение I.

типа [1] с коротким, но широким лезвием и короткой черенковой частью (рис. 23,*4)*, большие серпы с чрезвычайно крутым изгибом узкого и массивного лезвия (рис. 23, *2—3),* железную оковку заступа — «рыльца» (рис. 23, 5), известную по материалам юга (Киев, Райки) и севера (Суздаль) [2].

В описанном выше сооружении неопределенного назначения в слое VI западного раскопа (рис. *21, 2)* были, как мы видели, использованы старые жернова от ручных мельниц. Они сделаны из известняка и гранита, их размеры (в сантиметрах) следующие:

Жернов	Диаметр	Толщина	Втулка	Материал
Верхний	48	5	3,5	Известняк
	37	7	3	Гранит
	48	10	7	
Нижний	50	10—12	9,5	Известняк

О наличии в Гродно фруктовых садов говорят находки косточек сливы и вишни.

Соотношение скотоводства и охоты в хозяйстве княжеской крепости XII—XIII вв. изменяется в сторону у в е л и ч е н и я удельного веса охотничьей добычи:

	Количество костей	%
Домашние животные	2128	32,4

В составе стада падает количество крупного и мелкого рогатого скота, повышается количество свиней и лошадей (в процентах):

Крупный рогатый скот	30,0
Свинья	34,0
Мелкий рогатый скот	19,0
Лошадь	17,0

Следует отметить мелкопородность домашнего скота; лошади были также мелкие и среднего роста. Можно предполагать, что лошади иногда шли в пищу; вероятно, это случалось в исключительных обстоятель-ствах жизни гор
породность скота была одной из причин дальнейшего развития охоты, доставлявшей большие запасы мяса.

Охотники больше, чем раньше, бьют зубра и косулю и меньше — оленя и кабана, что видно из следующих данных (в процентах):

[1] Киевщина, Волынь, юг БССР.

[2] В. К. Г о н ч а р о в. Райковецкое городище, стр. 69 и табл. VI и VII: «История культуры древней Руси», т. I, рис. 34.

Благородный олень	46,3
Зубр	18,4
Кабан	15,8
Косуля	10,1
Лось	3,9
Бобр	4,2
Прочие виды	1,3

Очевидно, как в XI—XII вв., когда крепость только обосновалась в глуши Принеманья, так и теперь — в XII—XIII вв. для воинов — обитателей княжеской крепости охота является не спортом, а важным средством снабжения мясной пищей. В это время начинается наступление на красу гродненских пущ — зубра и косулю.

Анализ костных остатков показывает, что основные объекты охотничьей добычи были значительно крупнее, чем теперь: крупнее был благородный олень, зубр по размерам почти не уступал послеледниковым экземплярам, также очень крупным был кабан. Среди костных остатков есть кости дикой птицы: глухаря, тетерева, лебедя, гуся [1].

[1] См. подробно в статье проф. В. И. Цалкина. Приложение П.

Наряду с охотой за крупным зверем в гродненских лесах, городничане широко эксплуатировали рыбные богатства Немана. Крупные, хорошо обработанные каменные биконические и шарообразные глиняные грузила для сетей (рис. 24, *2—3)*, длинный железный гарпун — острога для лучения рыбы — с колющим зубом длиной 8,5 см (рис. 24, 7), ребра крупной рыбы длиной 12 см, из которых делали прекрасные проколки, и огромные рыбьи позвонки до 3—4 см в диаметре достаточно говорят о богатстве Немана рыбой и легкости ее добычи. Особенно интересно обилие рыболовных железных крючков разнообразной формы и величины — от 12 до 3,5 см (рис. 24, *4—12)* [1]. Видимо, к рыболовному обиходу относятся свернутые в трубочку узкие полосы олова диаметром от 0,7 до 1,9 см, совершенно подобные по устройству современным удочным грузилам.

[1] По обилию размеров и форм крючков, их гродненский набор превосходит только коллекция металлических изделий из Княжой горы (КГИМ, 17-2).

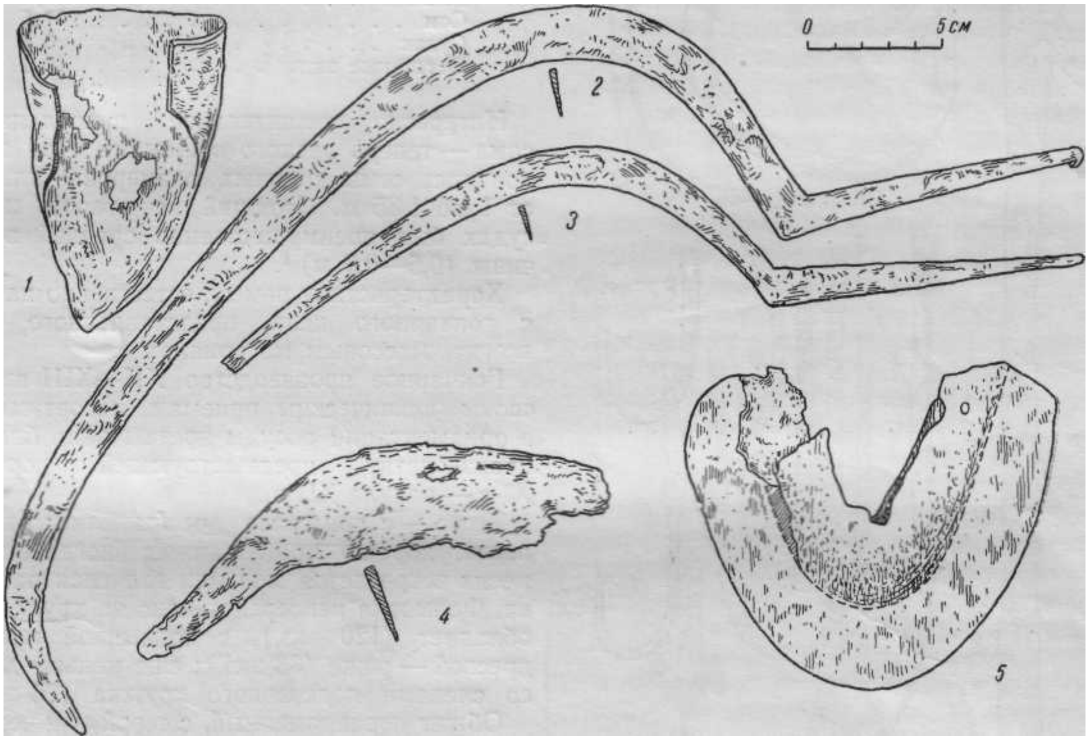

Рис. 23. Орудия сельского хозяйства

1 - сошник; *2, 3* — серпы; *4* — обломок косы-горбуши (?); *5* — заступ

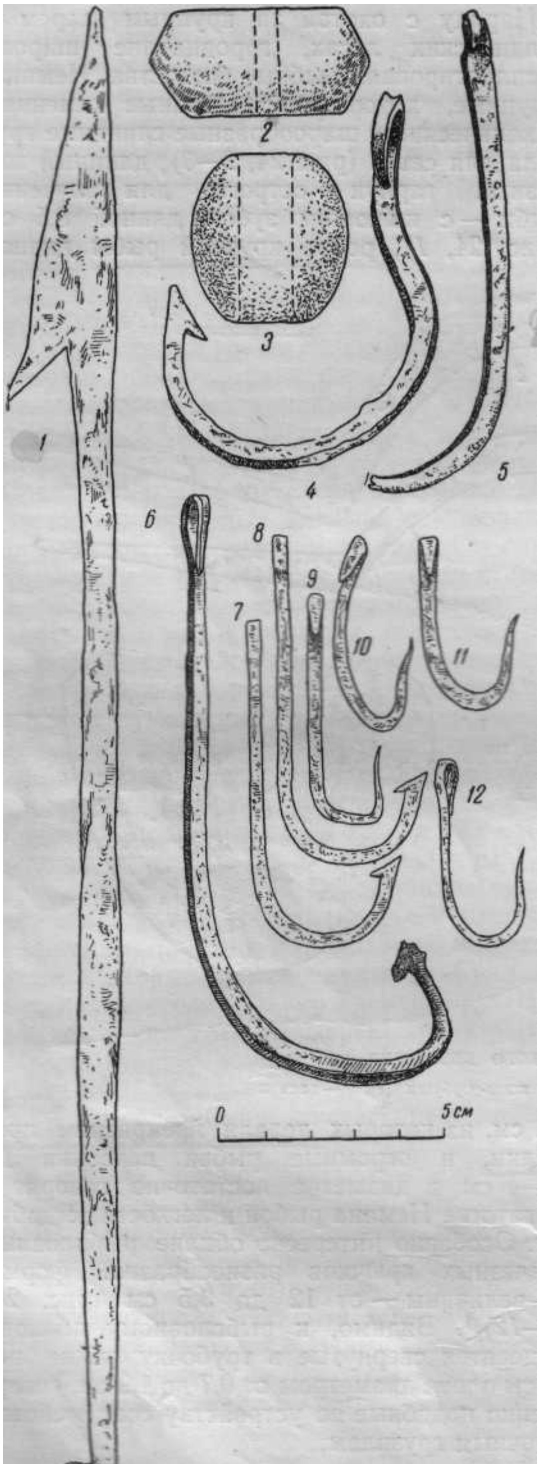

Рис. 24.
1 —острога; 2,3 —каменное и глиняное грузила;
4 — *12*— рыболовные крючки

Костные остатки рыб сохранились лишь из слоев XIII—XIV вв. Однако можно думать, что состав добычи рыбаков в XI—XIII вв. был в основном тем же. Поэтому приведем данные определения здесь:

Название рыбы	%
Лосось проходной	2,4
Щука	3,6
Плотва	0,9
Голавль	4,1
Сом	67,5
Судак	6,4
Остальные виды	15,1

Интересно решительное преобладание сома — теперь редкого в Немане. При этом ловились сомы крупных размеров — длиной от 1 до 1,85 м. Стоящий на втором месте судак был преимущественно средней величины (0,5—0,6 м) [1].

Характеристику ремесл естественно начать с гончарного дела, представленного, как всегда, массовым материалом.

Гончарное производство XII—XIII вв. по своим техническим приемам, ассортименту и орнаментации посуды чрезвычайно близко производству предшествующей поры — XI в.— начала XII в.

Тесто — с примесью дресвы или мелкого песка, хорошо промешанное; иногда в примесях встречается мел или толченая ракушка. Формовка непосредственно на кругу преобладает (120 экз.), с подсыпкой мелкой дресвой — реже (33 экз.); еще меньше днищ со следами подставного кружка (25 экз.).

Обжиг неравномерный, с серой или черной сердцевиной в изломе и пятнистой поверхностью. Цвет посуды — черный, коричневый, серый, розовато-охристый. Наружная, как и внутренняя поверхности хорошо выглажены мокрой тряпкой или куском кожи. Есть единичные фрагменты подлощенной и томленой посуды.

В ассортименте посуды преобладают кухонные горшки с диаметром горла 13, 15, 16, 18, 23 см, высотой 10, 12,5, 18,5 см, толщиной стенок 4, 5, 8, 9, 12 мм; далее — высокие сосуды с прямым вертикальным горлом типа крынок; небольшие мисочки высотой 5 см и диаметром 11,5 см; изящные чаши, видимо, для вина с полого отогнутым

[1] Определения В. А. Митюшкина (кафедра ихтиологии МГУ) под руководством В. Д. Лебедева, которым приношу здесь благодарность.

Рис. 25

1—16 —профили сосудов; *17—19*— орнамент „налепа"; *24*— деревянная лопаточка; *25, 26*— костяные гребенки для орнаментации посуды; *27* — погремушка; *28* — донце стеклянного флакона; *20—23, 29—34* — гончарные клейма

краем и узким донцем (размеры: высота 10 см, диаметр горла 19 см и дна 7 см).

Посуда очень разнообразна по формам венчика и богато орнаментирована искусным сочетанием различных приемов.

В ранних нижних слоях есть единичные фрагменты венчиков с насечкой по краю, как бы хранящих воспоминание об орнаментации лепной посуды (рис. 25, *1—2)*. Значительный процент составляют горшки с резко отогнутым венчиком и сплошной орнаментацией тулова глубоким линейным узором (рис. 25, *3—4)*. Большинство венчиков плавно отогнуто, с круглым или обрезанным краем (рис. 25, *5—8)*. Мастера XII—XIII вв. проявляют интерес к детальной моделировке венчика, придавая ему порой сложный, вычурный профиль (рис. 25, *9—10)*. Особенно характерны наличные и в предшествующее время сосуды с «горбатым» венчиком (рис. 25, *11—13)*. С этим типом венчика обычно сочетается налепной валик, опоясывающий В один или два ряда тулово сосуда; впрочем, налепные пояски сопутствуют и другим формам венчика, сочетаясь с волнистой и параллельной орнаментацией (рис. 25, *13—16)*. Валик покрыт чаще насечкой, иногда — веревочным узором или простыми косыми штампиками или наколами (рис. 25,*17—19)*; любопытно, что валик иногда исчезает, оставляя лишь узор, что, видимо, является признаком отмирания этого приема.

Соотношение типов украшения посуды характеризуется следующими цифровыми данными:

Параллельный	Волнистый	Параллельно-волнистый
3138	142	105

Без орнамента	«Налеп»
1410	146

Подчеркнем решительное преобладание параллельного орнамента и малое количество волнистого. Линейный орнамент наносился специальными костяными инструментами с нарезными, как у пилы, зубцами. Один инструмент сделан из ребра, им наносили пояса из пяти глубоких линий (рис. 25, *26);* другой сделан из плоской и гибкой костяной пластины и предназначен для нанесения узкого пояса из 10 линий, причем крайние были широкими, как бы замыкая кайму (рис. 25, *25)*. Возможно, что к инструментам гончара относятся маленькие деревянные лопаточки (рис. 25, *24)*,. служившие для подправки при формовке сосуда; впрочем, они могли быть и детскими игрушками.

Штамп не имеет в керамике рассматриваемого времени самостоятельного значения, лишь дополняя линейно-волнистую орнаментацию; чаще это насечки или наколы; возможно, что для наколов применялся обыкновенный редкий гребень или обломок гребня, образовавший косые короткие полоски ямок.

На днищах сосудов встречено 6 клейм обычного для древнерусской керамики типа в виде круга, колеса, крестика и других менее выразительных начертаний. Все они отчетливы, выпуклы, являясь определенным отпечатком вырезанного на подставном кружке знака (рис. 25, *20—23, 29—31)*. В верхних слоях VI и V западного раскопа встречены «клейма» резко отличного характера. Они нечетки, очень слабо выпуклы; это как бы отпечатки каких-то «резов», сделанных **на** гончарном круге (рис. 25, *32—34)*. Возможно, что эти значки случайного происхождения [1]. Подобные знаки мы встретим и в. керамике литовской поры.

Кроме местной керамики, видимо, в княжеском обиходе бытовала дорогая привозная посуда. Встречены обломки ручек, стенок и днищ тонкостенных стеклянных флаконов (рис. 25, *28),* зеленого орнаментированного стекла, куски посуды серого фаянса. Интересен фрагмент полихромной фаянсовой тарелки; ее края украшены серо-зеленым, с коричневым контуром, «чешуйчатым» орнаментом, а дно — орнаментом в виде пчелиных сот с белым контуром, синими, зелеными и красными ячейками. Второй фрагмент принадлежит небольшой чаше с высоким поддоном, покрытой темнозеленой поливой и внутри по зеленому полю черным неизобразительным узором; тесто серовато-белое. Видимо, импорту из Поднепровья принадлежат амфоры ленточной лепки и звонкого красного обжига (7 обломков).

С началом крупного княжеского строительства на долю гродненских гончаров выпала сложная новая работа по изготовлению многих тысяч стенного и фасонного кирпича, а также сотен майоликовых плиток и чаш

[1] Кнорр считает их не знаками, а отпечатками неровностей деревянного круга (Ук. соч., стр. 119).

разнообразных форм, покрытых желтой, зеленой и коричневой поливой — для убранства фасадов и полов Нижней церкви и храма Бориса и Глеба. С этой задачей гродненские гончары справились прекрасно; ниже, в главе об архитектуре XII в., мы подробно опишем эти виды их продукции.

Видимо, те же гродненские гончары, которые изготовляли майолики для княжеских построек, делали и другие поливные изделия. Таковы найденные в Нижней церкви подсвечники зеленой и коричневой поливы в виде массивных кубических подставок с ребром 5 и 6 см и отверстием для свечи 2,5 см, проходящим на всю глубину кубика (рис. 26, 7). Возможно, что здесь же готовились и поливные детские игрушки, известные по находкам в других городах; таков конек темножелтой поливы с коричневыми пятнами (рис. 26, 6) или неполивная детская погремушка s виде миниатюрного горшочка, украшении» ямочным орнаментом с узким закрытым горлом (рис. 25, *27).* Возможно, что единичные обломки сосудов коричневой и зеленой поливы (их найдено 18) принадлежат не только к системе декорации Нижней церкви, но и к посуде княжеского обихода.

Сапожное дело XII—XIII вв. представлено большим количеством находок. Во всех слоях многочисленны обрезки кожи или скопления отходов от заготовок; особенно много их около конюшни на южном участке в квадратах 238—239. Сапожники, несомненно, жили и работали в самой крепости. При простоте покроя обуви с низким верхом и без отдельной подошвы или мягкой подошвой, имели чрезвычайно простую форму (см. рис. 28, 7 на стр. 65). Сапожные шилья все прямые, не выгнутые,— в виде простых, обоюдоострых, квадратных в сечении стержней (длиной 14,8; 7,7; 7,5 см) без упора в основании рабочей части (рис. 33, Образцы обуви все, очевидно, принадлежат черному люду крепости — это простые, весьма примитивные рабочие башмаки,туфли, поршни. богатой обуви нет; есть пара детских туфель

Простейший тип обуви —поршни из одного куска кожи (рис. 26, 4); носок и пятка образованы разрезом кожи и стягиванием ее так, что задник и нос представляют собранные к одному месту складки; в бортах поршня делаются прорезы, в них продевается сыро-

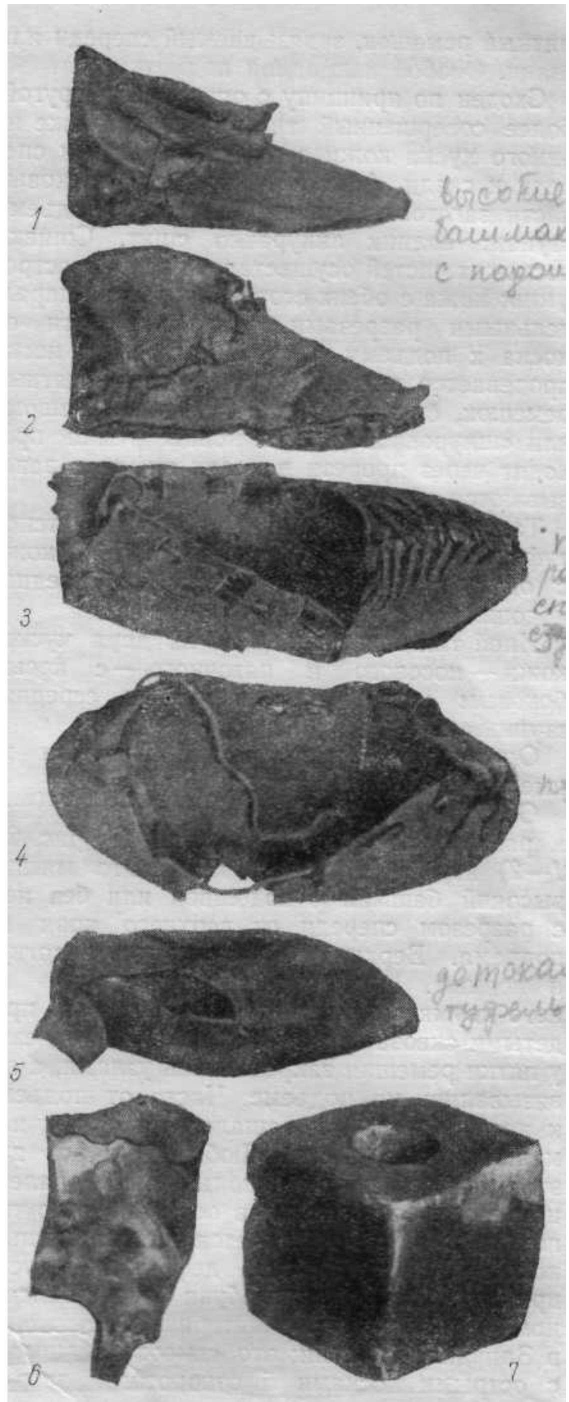

Рис. 26

1—5 — образцы кожаной обуви; *6* — обломок игрушки— конька желто-коричневой поливы; 7 — глиняный поливной подсвечник

мятный ремешок, завязываемый спереди или сзади. Особой накладной подметки нет.

Сходен по принципу с описанным другой, более совершенный тип поршней, также из одного куска кожи с двумя разрезами спереди и сзади (рис. 26, *3)*; здесь носковые части заготовки больше, достигая подъема ступни; задник аккуратно сшит. Сшивка носковых частей осуществлена весьма остроумно: кожа с обеих сторон прорезана параллельными разрезами, удлиняющимися от носка к подъему, затем в разрезы от носка продевается длинный и тонкий сыромятный ремешок, стягивающий их плотным «швом» или «шнуровкой»; далее концы ремня проходят через прорези в краях туфли и завязываются сзади на пятке.

Так же просты покрой и шитье детской туфельки (рис. 26, *5)* из одного куска кожи с одним продольным швом по середине подошвы и задника.

Иной тип поршня шился из двух кусков кожи — носового и пяточного — с косым боковым швом от лодыжки к середине ступни.

Описанные образцы простой обуви не имели особой подметки.

Остальные образцы обуви принадлежат к разным по закройке и пошивке (рис. 26, */—2)* вариантам одного типа. Это мягкий высокий башмак с подошвой или без нее, с разрезом спереди от верхнего края до подъема. Верхний край иногда подогнут и подшит. Башмак «зашнуровывался» на ноге двумя сыромятными ремешками, продетыми сквозь прорезы от пятки к подъему; у пятки ремешки закреплялись узлами, а завязывались на подъеме. Часто от подъема к носку башмак украшался наколами или мелкими дырочками. Любопытно, что для этой простой обуви использовались далеко не первые сорта кожи, а остатки от других пошивок: часто наблюдается вставка клиньев кожи, наращивающих дефектные куски при закройке. Этот тип обуви близок описанному Е. Мельник по материалам раскопок в Западной Волыни; это «высокие башмаки с острыми носками и отворотами вверху, доходившие немного выше мыщелка и сшитые наподобие современных татарских из двух кусков кожи с одним продольным швом по середине подошвы»[1]. Как видим, фасон тот же; отличен лишь покрой и пошив; последний, однако, схож с пошивом описанной выше детской туфли. Сходную мягкую обувь описывает В. Б. Антонович по материалам древлянских курганов. Обувь «состояла из тонкой вычиненной кожи, сложенной в два пласта. Имела вид небольших полусапогов, достигавших немного выше лодыжки, с широкими отворотами, спускавшимися до стопы. Подошвы не было, и сапог состоял из 4 пластин, сшитых четырьмя продольными швами: 2 по бокам, 1 вдоль подошвы (ступни? — *Н. В.)* и 1 по середине верхней поверхности стопы. Спереди сапоги оканчивались острыми носками»[1]. Особенно следует отметить разнообразие типов гродненской обуви и ее пошива. В этом смысле существенны материалы из раскопок в Давидгородке, где обувь из погребений также характеризуется большим разнообразием пошива. Вся она из мягкой кожи; большая часть скроена из одного куска кожи со швом на подошве, другая часть имеет шов на подъеме; есть обувь, сшитая из двух частей — головки и подошвы. Некоторые образцы сохранили частые проколы на подъеме, как полагает исследователь,— след вышивки[2].

Отдельные аналогии гродненской обуви можно указать в ряде мест. Мягкая обувь типа туфли, но со швом по середине подъема известна по материалам Райковецкого городища[3]. Аналогии гродненской обуви можно указать также в Смоленске (кожаные поршни с продетым в прорезы края ремешком для завязки) и в Новгороде-Великом — и здесь характерно преобладание мягкой обуви и редкость образцов с жесткой подошвой; головки обуви иногда украшены, как и гродненские, наколами[4]. Гродненская обувь типа башмаков с отворотами очень близка также «черевикам» из раскопок в Гнезно, сходная, что особенно интересно, с обувью, изображенной на бронзовых вратах Гнезненского собора; она отличается лишь закройкой — гнезненские «черевики» имеют головку, скроенную из двух симметричных кусков кожи со швом от носка по подъему; несколь-

[1] Е. Мельник Раскопки в земле лучан. ТАС XIт1стр.496

[1] В. Б. Антонович. Раскопки в стране древлян. СПб., 1893, стр. 16.

[2] R. Jakimowicz. Dawidgródek, стр. 18—19.

[3] В. К. Гончаров. Райковецкое городище, стр. 127, табл. XXX-8.

[4] Л. И. Якунина. Новгородская обувь XII—XIV вв. КСИИМК, вып. **XVII, стр. 38** и след.

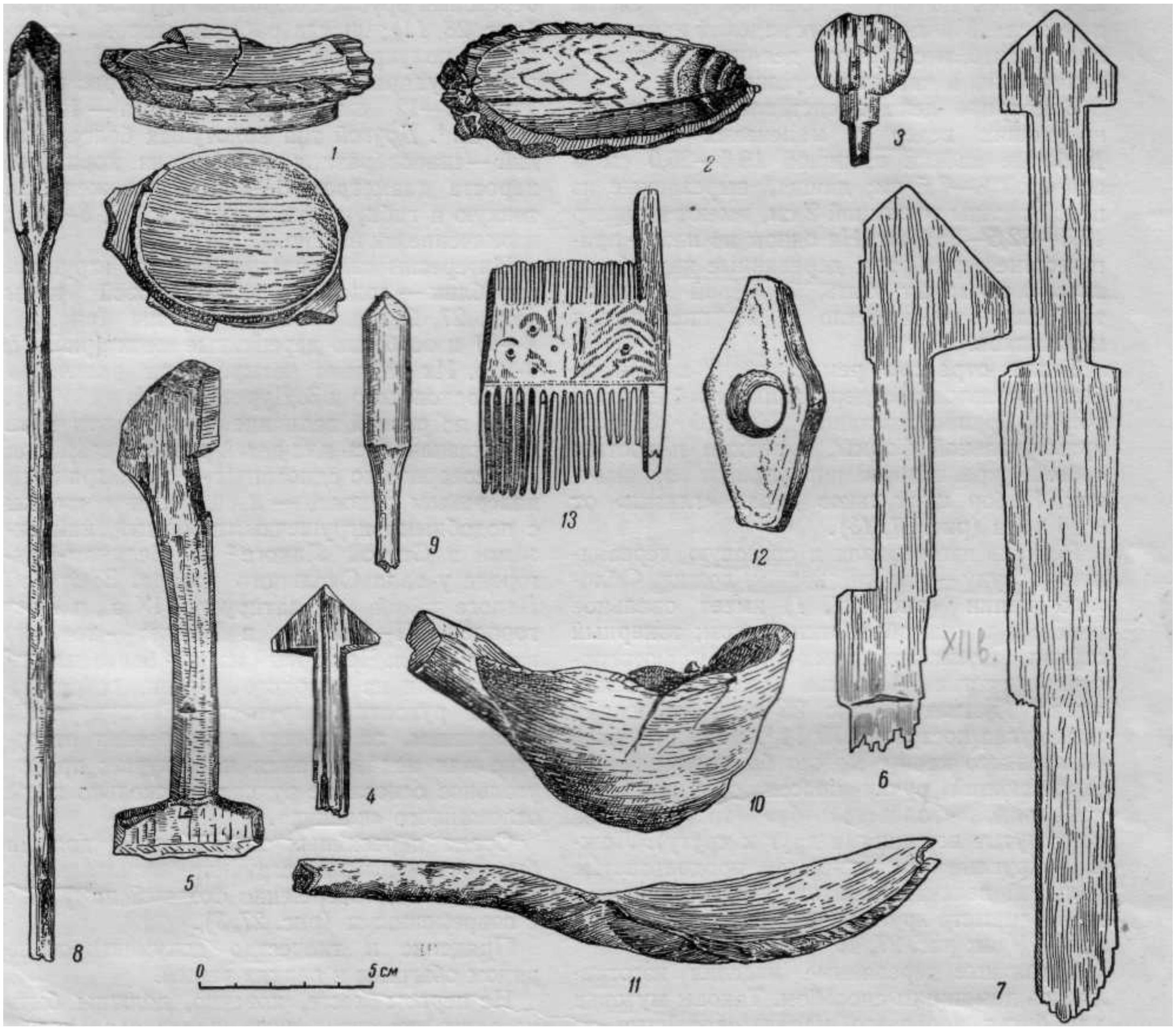

Рис. 27. Деревянные изделия

1 — донце чашки; 2 — игрушка—лодочка из сосновой коры; *3* — колок от струнного инструмента; *4—7* — игрушечные мечи; *8*, *9* — игрушечные стрелы; *10, 11* — черпаки; *12* — дверной запор; *13* — гребень

ко отлично и крепление ремней без пяточных узлов [1].

Таким образом, гродненская обувь XII—XIII вв. является характерной для русского и западнославянского быта этого времени; особенно же должны быть отмечены ее южные аналогии припятско-волынского круга.

[1] J. Kostrzewski. Kultura prapolska, стр. 174—175; Z. A. Rajewski. Gnieznieńske wyroby skórzane... «Gniezno», tab. LVII—LVIII.

Среди кожаных изделий из Гродно особый интерес представляет фрагмент кожаных креплений лыж. Петля, надевавшаяся на носок сапога, прошита сыромятными ремешками и имеет прорезы для подгонки к обуви и завязок; пяточный ремень туго захлестнут мертвой петлей за носовой ремень.

Деревообделочный промысел представлен очень разнообразными изделиями от мелких и крупных бытовых и хозяйственных вещей

и игрушек до орудий сельского хозяйства в ремесла. Многие из этих изделий настолько сросты, что, несомненно, делались не ремесленниками, а каждым горожанином.

Бондарное дело представлено остатками небольших ведер и маленьких кадушек. Дубовые клепки вышиной 19,5—26,0 см и шириной 3—7,5 см; днища, вырезанные из целой тесины толщиной 2 см, имеют диаметр 17,5—32,5—35,0 см. На одном из них — пригоревшие зерна ржи; деревянные кади были тарой, а может быть, и мерой сыпучих тел, как это известно и из письменных источников.

Также отраслью ремесленного характера было производство деревянных гребней; они обычно крупнее костяных (7Х 10,6Х8,5 см), прямоугольной формы, с редким и частым зубом, украшенные циркульным орнаментом. Набор циркульков давал «глазки» от 9 до 3 мм (рис. 27, *13).*

Резчики изготовляли и столовую деревянную посуду — чашки, ковши, ложки. Обломок чашки (рис. 27, 1) имеет овальное днище и следы обработки ножом; токарный станок, видимо, не применялся. По фотографии известна большая полусферическая миска (диаметр около 25 см), найденная около угла постройки № 14 [1]. На фрагментах обугленного ковша можно было- проследить украшающий ручку поясок орнамента из двух рядов «волчьего зуба» (треугольники, повернутые вершинами друг к другу). Ложки — круглые и овальные, продолговатые большой величины, похожие скорее на черпаки (диаметр круглой— 10 см, длина овальной — 9 см; рис. 27, *10—11).*

Остальные деревянные изделия изготов-.лялись домашним способом. Таковы мутовки для битья коровьего масла, сделанные из тонкой сосны, с обрезанной розеткой сучков (рис. 28, /); маленький неизвестного назначения молоточек со скошенными бойками (рис. 28, *2);* лопаты (рис. 28, *4),* лодочные весла (рукоять — 80 см, лопасть — 36 см) и разнообразные колотушки. Среди них бытующие и поныне в белорусской деревне «пральники» — инструменты двоякого назначения: им бьют («толкут») стираемую на реке одежду, а также отбивают головки льна. «Пральник» представляет собой обычно квадратный или прямоугольный в сечении березовый брусок с короткой круглой ручкой (рис. 28, 11); иногда рабочая сторона оставляется полукруглой, не обработанной, чтобы рука не ударялась о камень. Размеры: рукоятка 9—12 см, ударная часть—12,5—20,0 см [1]. Другой тип колотушек более легкий — шарообразная головка из корневого нароста диаметром 8—10 см насажена на тонкую и гибкую рукоятку (рис. 28, 5—*10);* назначение их неясно.

Интересны самодельные детские игрушки: кораблик — лодочка из сосновой коры (рис. 27, *2),* деревянные стрелы (рис. 27, *8—9)* и особенно деревянные мечи (рис. 27, *4*—7). Их найдено четыре (при раскопках И. Иодковского и 3. Дурчевского и в 1949 г.). Судя по разной величине рукояти, эти мечи предназначались для детей разного возраста. Три совершенно однотипны — с трехгранным навершием рукояти — и совершенно сходны с подобными игрушечными мечами, найденными в Старой Ладоге[2] и Великом-Новгороде у вала Окольного города. В Старой Ладоге такой меч датируется IX в., в Новгороде— XI—XII вв., в Гродно — все они в слое XII в. Четвертый из них более массивен, сделан из твердого дерева, сохранившаяся рукоятка округлая, с полукруглым навершием, под которым прорезано отверстие для подвешивания на шнурке; прямоугольное основание рукояти несколько шире отломанного «клинка».

Среди деревянных вещей особо должен быть отмечен колок струнного музыкального инструмента, совершенно сходный по форме с современными (рис. *27,3).*

Прядение и ткачество документировано рядом обычных и редких вещей.

На первом месте, конечно, должны быть названы многочисленные пряслица; среди них преобладают овручские из розового шифера, большую группу составляют пряслица из серого сланца, глиняные — единичны. Одно из шиферных пряслиц (см. рис. 30, *1)* замечательно двустрочной процарапанной надписью: «г(оспод)и помози рабе своей не ...».

[1] Фонды ГГИАМ, фото № 108.

[1] Подобные, но плоские колотушки есть в раскопках Гнезно. J. Kostrzewski. Kultura prapolska, стр. 205. Они широко распространены в сельском быту Белоруссии, Смоленщины, северо-восточной Польши («киянки»). K. Moszyński. Kultura ludowa słowian, t. I. Kraków, 1929, s. 596, rус. 498—499 и др.

[2] В. И. Равдоникас. Старая Ладога, СА.ХП, стр. 35—36.

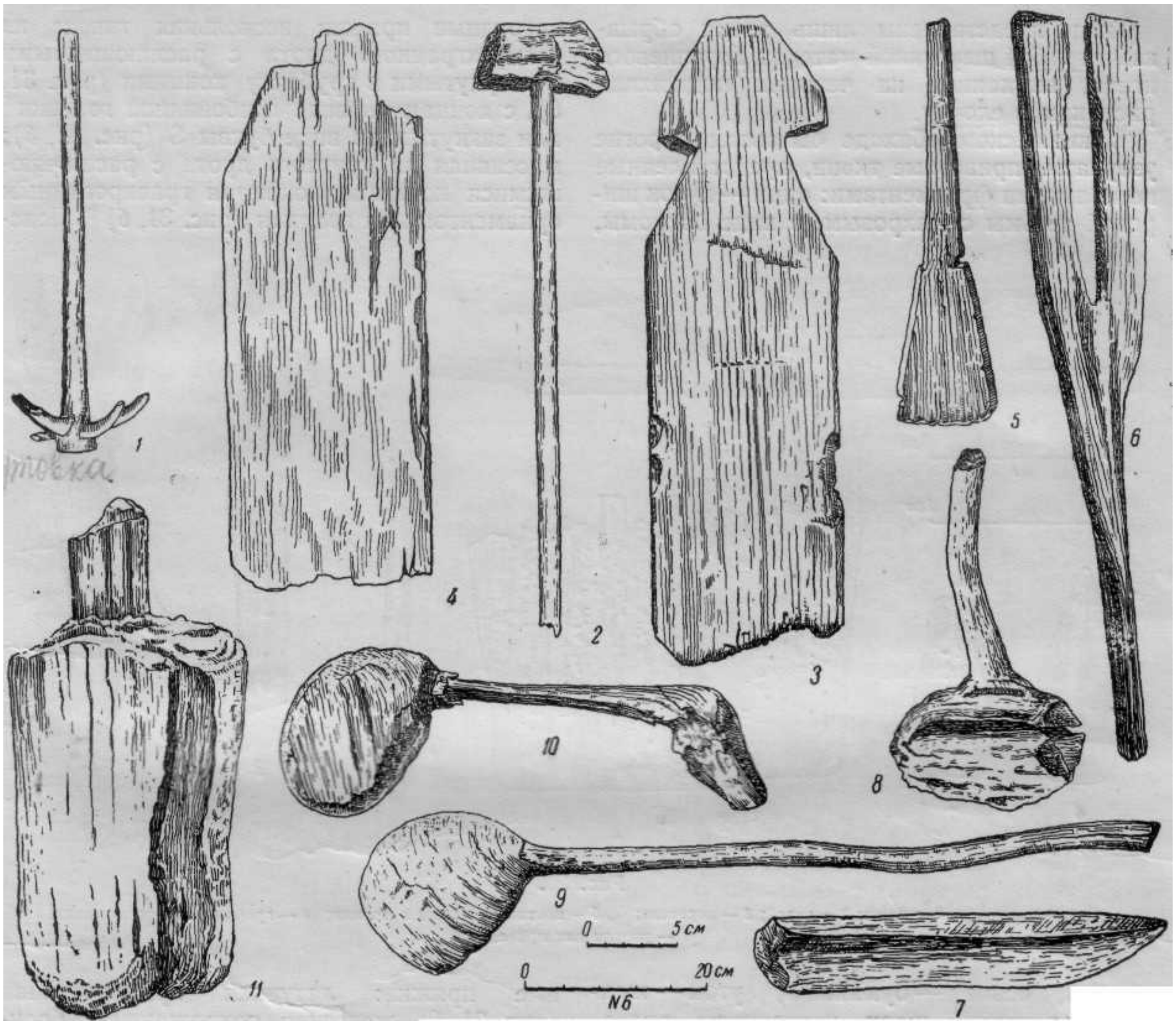

Рис. 28. Деревянные изделия

1 —мутовка; *2*— молоточек; *3* — доска забора; *4—5* — лопатки; *6* — неопределенный предмет; 7 — сапожная колодка; *8—10* — колотушки; *11* — „пральник"

Последние буквы написаны неразборчиво. 3. Дурчевский предполагал чтение «не дай...». По своему положению в слое это пряслице датируется серединой или третьей четвертью XII Б.

Среди деревянных изделий есть обломок деревянного веретена в виде простой, выструганной ножом палочки с коническим утолщением на конце; на стержень веретена свободно надевается большинство крупных пряслиц (рис. 29, *3)*. Найдены обломок деревянной, грубо сделанной ножом рогули для насадки кудели при прядении (рис. 29, 7), большой костяной гребень для чесания льна с короткими зубцами толщиной 10 мм (рис. 29, *6)* и обрывки крученых ниток и шнуров из льна и конопли.

От ткацких станов сохранились отдельные деревянные части: «навой» для намотки выпряденных ниток (рис. 29, *2)* и «сбои», закрепляющие кросна (рис. 29, *1*). Возможно, что головками «навоев» являются костяные наконечники с цилиндрической полостью внутри и отверстием для шпенька; на вершине одного из них — вырезы для поворота головки пальцами (рис. 29, *4—5)*.

Ткани представлены лишь тремя обрывками грубой шерстяной материи коричневого цвета, вытканной на четырех подножках рисункомвелочку.

В княжеском обиходе бытовали дорогие узорчатые привозные ткани, представленные несколькими фрагментами: один—кусок широкой тесьмы с махровым, в виде бахромы, концом, основа — бумажная, уток — желтый, золотистый шелк, поверхность атласная; второй — кусок ткани с бумажной основой и шелковым тонким утком типа парчи с неразборчивым, видимо, растительным орнаментом; третий — кусок шелковой узорной ткани коричневого тона; орнамент восстанавливается плохо, но, кажется, его основным элементом была фигура типа «знака Рюриковичей» (рис. 30, *4).*

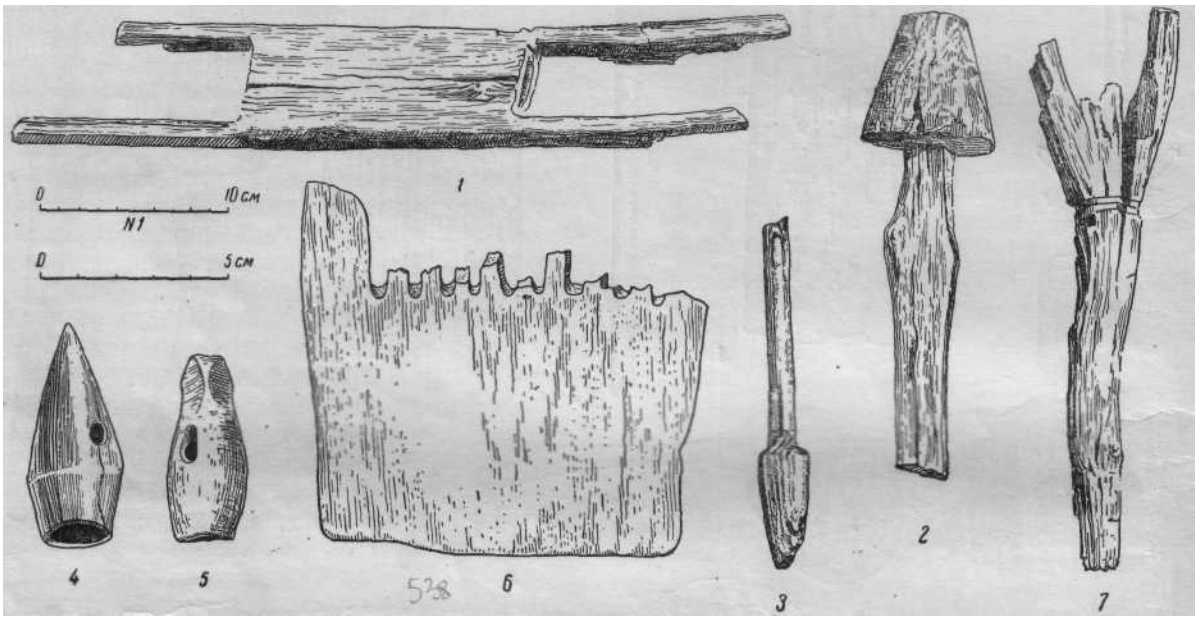

Рис. 29.

1 — сбои от ткацкого стана; 2 — навой; 3 — веретено; *4, В* — костяные головки навоев; *6* — гребень для чесания льна; „7 — рогуля для прядения

В связи с тканями упомянем очень тонкие (0,25—0,5 мм), хорошо отполированные швейные иглы длиной 45—56 мм, очень близкие к современным, и бронзовый наперсток с грибовидной ячеистой головкой (рис. 30. *2-3).*

Принадлежности одежды и украшения представлены богаче и разнообразнее, чем и ранний период жизни крепости. Бронзовые нагрудные пряжки нескольких типов: из четырехгранного дрота с расплющенными и свернутыми в трубочку концами (рис. 31, 5), с концами в виде грибовидной головки [1] или загнутыми в виде буквы S (рис. 31, *3);* массивная из круглого дрота с расширяющимися концами, покрытая гравированным орнаментом или гладкая (рис. 31, *6)* [2]. Поясные пряжки: латунная прямоугольная (рис. 31, *9),* железная, подражающая бронзовой лировидной (рис. 31, *11);* особенно красива плоская бронзовая шестиугольная пряжка, украшенная зубчиками-насечками и мелкими кружками (рис. 31, *10).* Кроме костяных пуговиц и застежек, встречена бронзовая пуговица в виде круглого бубенчика с разрезом. Браслеты — все бронзовые, от простых из полукруглого узкого дрота или тонкой и узкой пластинки с глазковым орнаментом (рис. 31, *4, 7)* [3] до широких,

[1] Подобные пряжки см.: А. А. Спицын. Гдовские курганы. СПб., 1903, табл. XXI, /; XXIV, *15* (XIII—XIV вв.).

[2] Почти точная копия дрогичинской пряжки. См. Древности северо-западного края. СПб., 1890, табл. II, *29* (XII—XIII вв.).

[3] Подобные браслеты — в славянском могильнике XI—XII вв. в Черневичах, близ впадения Диены в

густо украшенных гравированным узором (рис. 31, *1, 2).* Перстни бронзовые (рис. 31, *15, 17)* с несомкнутыми концами из трехгранного дрота (с насечкой) или из полукруглого дрота (ложновитого). Из Нижней церкви происходит медный перстень-печать

Рис. 30.
1 — надпись на шиферном пряслице; *2* — бронзовая игла; *3* — бронзовый наперсток; *4* — схема орнамента шелковой ткани

с изображением мальтийского креста, награвированным на восьмигранном щитке (рис. 13, *16).* Из бронзовых подвесок отметим проволочное браслетообразное височное кольцо « S-образным замком, характерное для польских памятников XI—XII вв. (рис. 31,5) ', маленькую зерненую лунницу (рис. 31, *14),* три круглые монетообразные привески с изображением выпуклого креста (рис. 31,- *13).*

Особо следует отметить оловянные литые украшения — звездчатый «колт» и пластину створчатого браслета-наруча с ложнозерненым узором (рис. 32).

Бусы представлены различными типами, в основном сходными с ассортиментом бус предшествующего времени. Больше всего стеклянных бус: бисерных и кольцевых зеленого (14), синего (3), желтого (I) и лилового (2) цветов; пронизок (3); бороздчатых (1 желтая); миндалевидных (2); кубических (1); круглых молочного стекла (7). Встречаются пастовые пестрые (3) и однотонные коричневые (3) бусы. Сердоликовых бус — две (овальная и четырехгранная).. Существенна находка бронзовой бусы «минского типа» (рис. 31, 18), распространенного в погребениях дреговичей, древлян и волынян; эти бусы производились, вероятно, в Турове или Владимире-Волынском '.

Наконец, в слоях XII—XIII вв. Замковой горы найдено много обломков стеклянных браслетов. Среди них есть и ложновитые и круглые, темносиние, темнозеленые, фиолетовые, бледножелтые, черные, коричневые с желтой спиральной полоской.

Перечислим отдельные находки.

Замки преобладают цилиндрические (найдено и несколько ключей к ним; рис. 33, *2—6);* среди них отметим миниатюрный замочек длиной всего в 3,5 см, стоящий на грани слесарного и ювелирного дела. Нутряных врезных замков большого формата совсем нет; они применяются, судя по двум небольшим, хорошо отделанным медным ключам с бородкой (рис. 33, *10—//*), только для ларцов или укладок. Найдена железная ручка от небольшого ларца (рис. 33, /).

Кресала преимущественно овальные; калачевидные'—-единичны. Много маленьких ножей — от 5 до 13 см длиной и разнообразной формы оселков. Единичные находки: древолазный шип, хорошо сохранившийся напильник в виде изогнутого ножа с косой насечкой и стамеска (рис. 33, *13—14),* железная «подковка» прямоугольной формы с четырьмя шинами и двумя прорезями (рис. 33,*12)* [2].

Западную Двину. Е. и В. Голубович. Славянские поселения правобережья Дисны. КСИИМК, зып.XI.

[1] См. K. Musianowicz. Kabłączki skronowe — próba typologii i chronologii. «Swiatowit», t. XX, tab. III; Ее же. Cmentarzysko wczesnodziejowe w Łowiczu. «Swiatowit», t. XVIII, s 213.

[1] Б. А. Рыбаков. Ремесло. «История культуры древней Руси», т. 1. М.—Л., 1951, стр. 99; Его же. Торговля и торговые пути. Там же, стр. 354.

[2] Назначение этой подковки неясно. К. Мощинский приводит подобную, но большего размера «подковку» с четырьмя шипами из гродненских этнографических материалов, определяя ее как приспособление для хождения по льду. K. Moszyński. Kultura ludowa slowian, t. I, гус. 511-3. Подобные

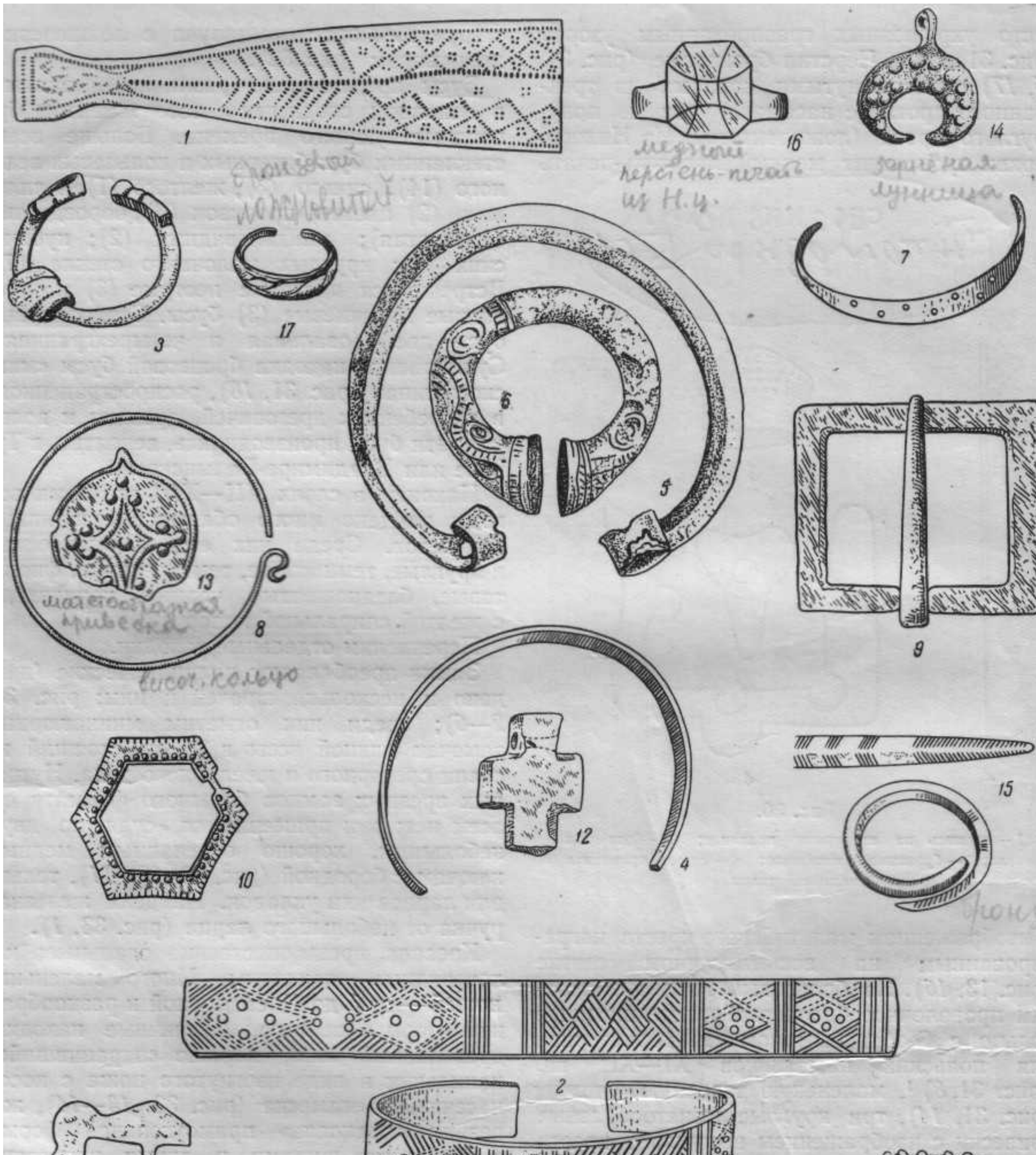

Рис. 31.

1, 2, 4, 7 — браслеты; *3, 5, 6* — пряжки; 8 — височное кольцо; *12* — янтарный крестик; *13* — подвеска; *14* — лунница; *15—17* — перстни; 9—11 — поясные пряжки; *18* — бусина

Особо следует сказать о группе ремесл, стоящих на грани большого искусства,— ювелирном литье и косторезном деле.

Мелкое художественное литье украшений представлено большой серией литейных формочек и несколькими целыми и обломанными льячками.

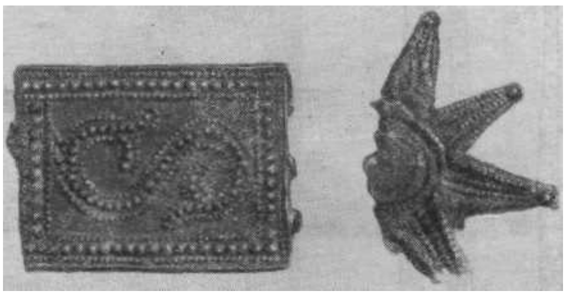

Рис. 32. Обломки литых из олова украшений — наруча и. звездчатой подвески

Льячки-тигельки — глиняные, миниатюрные (высота 46—53 мм, диаметр 30—35 мм), яйцевидной формы с маленькими плоскими рукоятками, похожие с первого взгляда на курительную трубку (рис. 34, *1—2).*

Ввиду большого интереса литейных форм опишем каждую формочку в отдельности.

Три из них подобны описанной выше формочке для бляшек со зверем и птицей. Они сделаны из необработанных с краев кусков плотного известняка. Первая форма (рис. 34, *3)* — для миниатюрной лунницы с шишечками на концах и глазковым и точечным орнаментом и овальной бляшки с точечным узором; на обороте формы—оставленные незаконченными углубления для овальной бляшки и какого-то квадратного предмета и поперечные бороздки для соединения с верхней плоской крышкой формы. Вторая форма (рис. 33, *4)*—для круглой подвески с изображением креста, напоминающего майоликовые кресты Коложской церкви (диаметр подвески 20 мм); форма вырезана на плоской, почти не обработанной большой плитке известняка (23 X 8 X 1,3 см). Третья — обломок плоской двусторонней формочки (рис. 34, *5;* толщина—13 мм, ширина 60 мм) для отливки двух копоушек и крестообразной подвески с ромбической решеткой в центре и тремя шариками на концах (поперечник 18 мм).

Остальные формочки — иного типа, они тщательно сделаны из того же известняка и одна из шифера:

1. Двусторонняя форма (рис. 34, *6)* для отливки звездчатой семилучевой ложнозерненой подвески (диаметр 25 мм) с воронкообразным литком (размер формы — 42 X X90 мм). Сохранились обе половины формы; на одной — отверстия для скрепляющих штифтов, на другой — конические углубления для их концов. На боковых сторонах формы — насечки для точного соединения ее частей. На тыльной стороне формы тщательно сделана с применением циркуля графическая схема отливки для распознавания формы, когда в ней производилось литье.

2. Две четверти четырехчастной формочки (рис. 34, *7)* для отливки крупной ложнозерненой бусы (длиной 19 мм) с двумя воронкообразными литками; на одной — гнезда для штифтов, на другой — сквозные отверстия для их вставки, два выреза на углу для связывания формы бечевкой и насечки для точного соединения частей формы.

3. Обломок четверти четырехчастной формочки (рис. 34, *8)* для трехбусинной ложнозерненой серьги (длина бусы 6 мм) с гнездом для штифта и со следами канальцев для них на обломанных торцах.

4. Одна четверть четырехчастной формы (рис. 34, *11)* для трехбусинной ложнозерненой серьги примерно того же размера, что и предыдущая, с воронкообразным литком, двумя канальцами, двумя гнездами для штифтов и двумя вырезами для связывания формы.

5. Две четверти четырехчастной формы (рис. 34, *9)* для отливки трехбусинной серьги с ложнозернеными бусами, с воронкообразным литком, канальцами для штифтов и рисками на наружных сторонах для соединения частей формы. На одной стороне формы — проба конического маленького сверла и три «глазка» — проба циркулька.

6. Две половинки формы (рис. 34, *12),* аналогичной предыдущей, для двух бус меньшего размера.

7. Особо должна быть отмечена одна четверть четырехчастной формы для трехбусин-

железные «подковки».— треугольные с тремя и овальные с двумя шипами — есть в коллекции изделий из Княжой горы. КГИМ, 17-13.

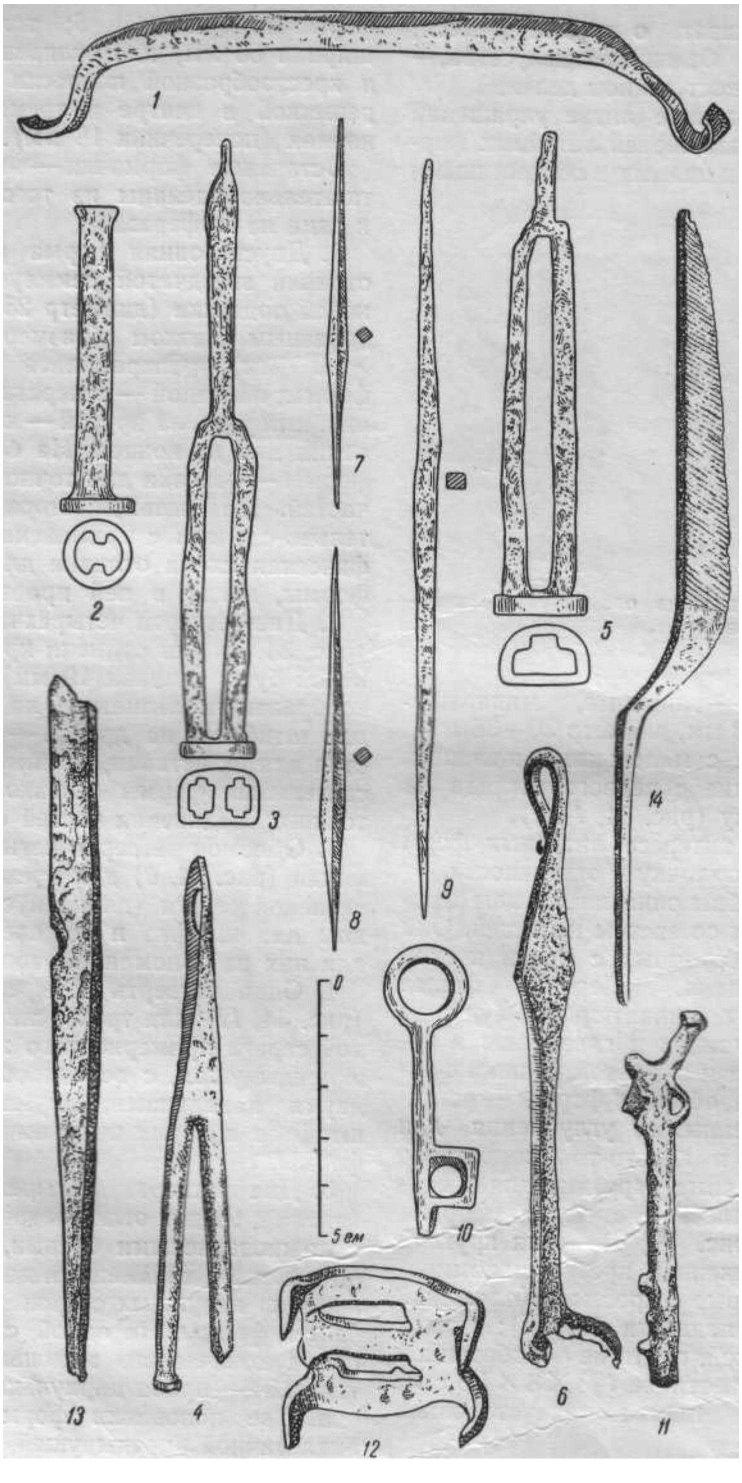

Рис. 33

1 — ручка от ларца; *2—6* — ключи от трубчатых замков; *7—9* — шилья; *10, 11* — ключи; *12* — подковка; *13* — стамеска; *14* — напильник

ных серег с крупными (длиной 13—14 мм) ложнозернеными бусами с воронкообразным литком, двумя гнездами и двумя канальцами для штифтов. На ее боковой наружной поверхности тщательно процарапан «знак Рюриковичей» (рис. 34, *10).* Он не имеет пока точной аттрибуции и близок знакам типа «процветшего креста», известным по ряду изделий русского прикладного искусства XII—XIII вв. [1]

8. Половина двухчастной формы из шифера (рис. 34, *13)* для отливки пластинчатого перстня, орнаментированного насечками (диаметр 24 мм), с воронкообразным литком и двумя бронзовыми штифтами. При отливке в отверстие формы вставлялся цилиндрический вкладыш.

Обилие льячек и формочек с несомненностью свидетельствует, что ювелир-литейщик жил здесь же, в крепости, и здесь занимался своим ремеслом. Наличие на одной формочке прочерченного рисунка описываемой вещи — звездчатой привески может указывать на одновременность литья в нескольких формах; рисунок делался для того, чтобы различить находящиеся в работе формы. Существенно отметить, однако, что ни одной вещи, отлитой в этих формочках, не найдено на месте; очевидно, они быстро уходили из мастерской в обиход княжеского двора либо Б городские посады.

Из вещей ювелирного литья найдены всего две, не отвечающие, однако, ни одной из описанных формочек:

1. Фрагмент плоской оловянной[2] семи- или восьмилучевой звездчатой подвески (диаметр 54 мм); в центре — диск с гравированной решеткой в круглой рамке с «глазками», лучи разделаны выпуклыми линиями под зернь или скань; на концах лучей шарики (рис. 32).

2. Оловянная пластинка (42Х32 мм), на коротких сторонах — следы обломанных петель; может быть, это створка браслета-наруча; прямоугольная рамка и S-образный завиток растительного орнамента исполнены ложной зернью (рис. 32) [1].

Описанная выше серия литейных разъемных «имитационных» форм принадлежит к типу, определенному в специальном исследовании как «киевский» и датированному первой половиной XIII в., кануном монгольского завоевания[2]. Появление этих формочек было связано с потребностью массового изготовления подражающих убору знати украшений, спрос на которые предъявляло городское население. Естественно думать, что усовершенствование формочек принадлежало киевским ювелирам, откуда это техническое новшество распространилось в периферийные городские центры. Однако дату этого этапа в развитии ювелирного литья, на наш взгляд, следует отодвинуть на конец или последнюю четверть XII в. Гродненские формочки принадлежат в основном слоям VI—-VII западного участка, т. е. слоям, близким к времени разрушения Нижней церкви в 1183 г. Факт отсутствия среди находок в Киеве отлитых в данных формочках вещей может объясняться не только тем, что эти формочки появились накануне монгольского завоевания, которое помешало их широкому производственному использованию. Городские посадские территории как в Киеве, так и в других городах изучены еще слишком мало, а именно в этих районах и должна была оседать главная масса украшений, имитирующих богатый убор феодальных верхов. Если «имитационные» формочки, действительно, изготовлялись в Киеве, то должно было пройти некоторое время, пока они попали в руки гродненского литейщика, либо пока гродненские мастера изготовили по киевским «образцам» формочки на месте. Отметим также, что серия гродненских «имитационных» форм своим числом резко меняет количественное соотношение киевских и «иногородних» формочек. Возможно, что последующее исследование древнерусских городов, которое только начато, еще более изменит этот баланс. Во всяком случае очень важно отметить быстрое проникновение киевских

[1] А. А. Спицын. Декоративные топорики. ЗОРСА, XI, Пгр., 1915, стр. 222, рис. 5; А. С. Гущин. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. Л., 1936, табл. XVI (3 и 5), XXV, XXVII (10—13), XXXII, XXXIII, XXXIV (14) и стр. 69, 76, 77, 81, 82.

[2] Химический анализ М. П. Эллентух. Спектральный анализ установил следы примесей, указывающих, что использованный здесь металл тождествен по составу современному металлическому нерафинированному олову.

[1] Характер орнаментальной рамки близок орнаменту бронзовых тисненых пластинок, встречаемых в древностях восточной Литвы.

[2] Г. Ф. Корзухина. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания. СА, XIV, стр. 217 и след.

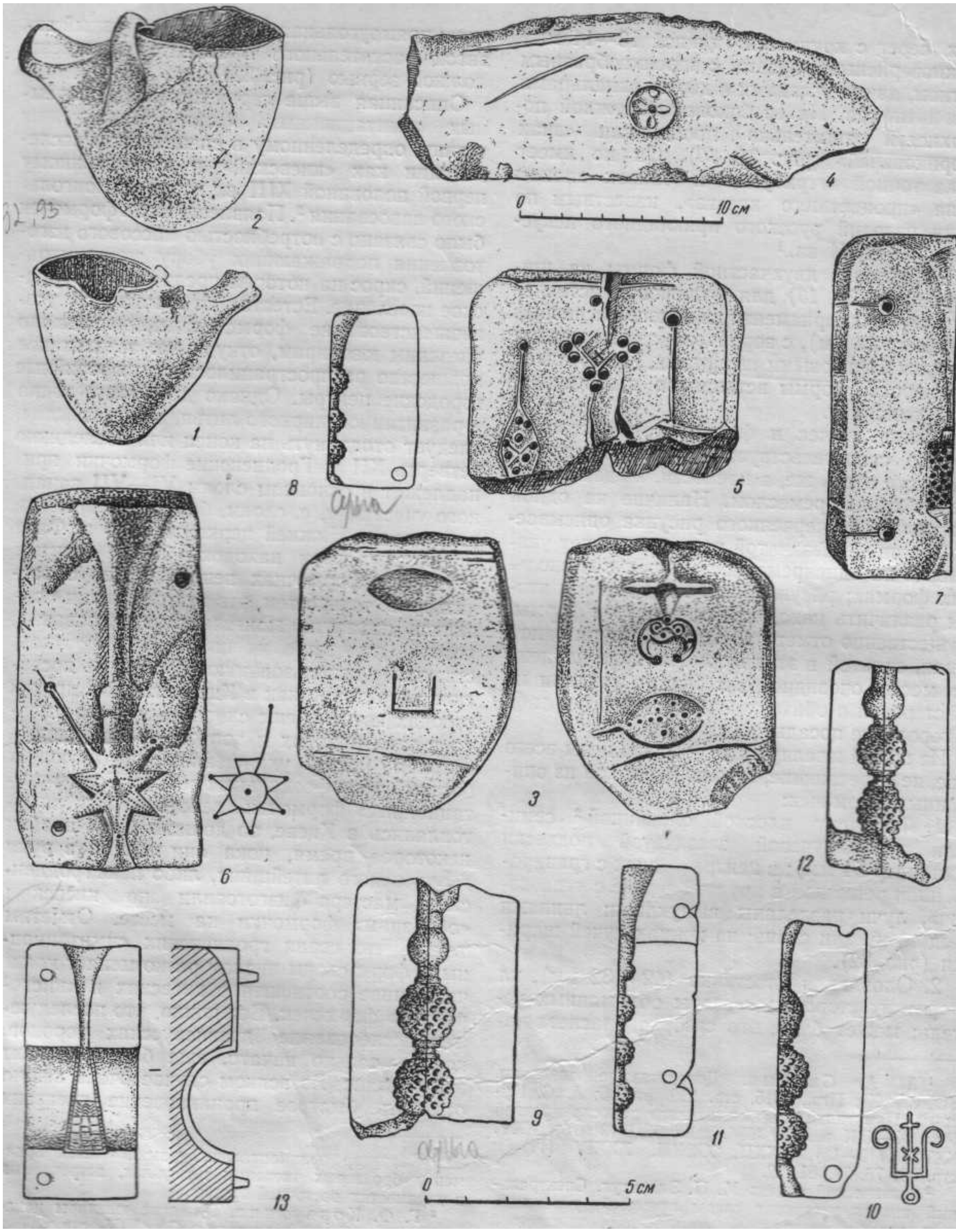

Рис. 34

1—2 - тигли-льячки; *3-13* — литейные формочки

технических новшеств в такой удаленный город, как Гродно.

Костерезное дело переживает в Гродно XII—XIII вв. определенный подъем. О его развитии говорит обилие полуфабрикатов и отходов; найден целый рог оленя, начатый очисткой от его бугристого покрова (рис. 35, 1). Наряду с примитивными проколками из метакарпальных костей (рис. 36, *20)* и из заточенных и полированных концов рога (рис. 36, *11—12),* застежками из необработанной кости и с простой сверлиной для пришивки к одежде (рис. 36, *13),—* появляются многочисленные тонкие и художественно обработанные изделия. Таковы изящные орнаментированные рукояти, обкладки и обоймицы от ножей (рис. 36, *8, 18, 19)*; орнамент одного из них близко напоминает орнамент посуды с зигзагообразным поясом в полосках насечки (ср. рис. 25, *19)*-

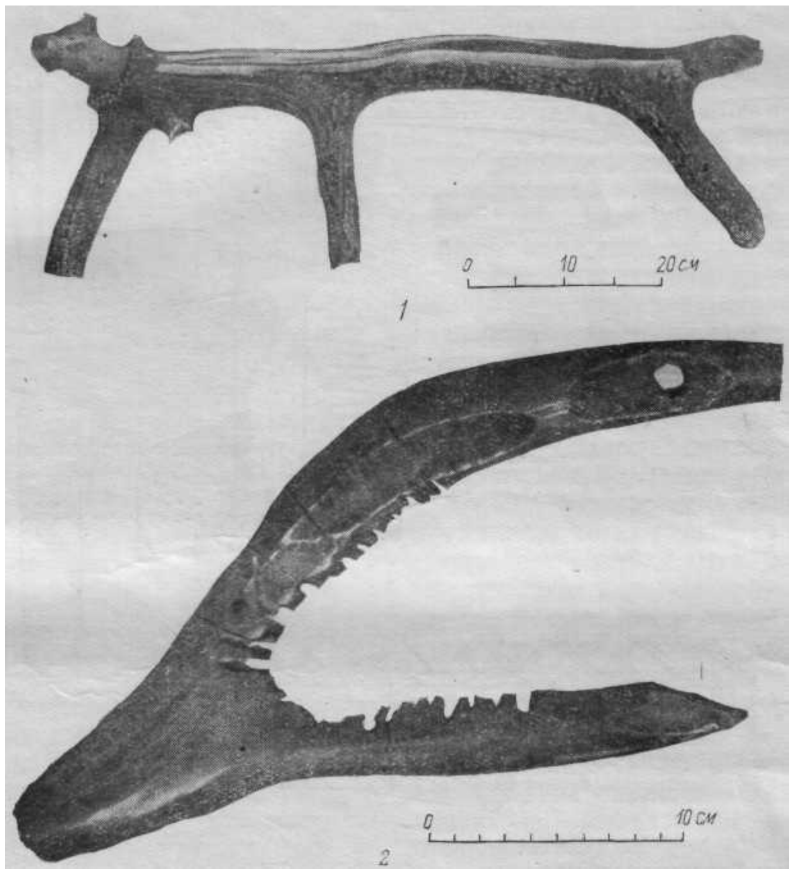

Рис. 35.

1 — рог оленя, начатый обработкой; 2 — костянной крюк

Прекрасно выполнена костяная накладка-застежка с вырезом для пальцев (рис. 36, *2)* Видимо, костяная пластина (известная лишь по рисунку) была украшена очень красивым орнаментом из ромбов, перекрещенных внутри (рис. 36, 3). Много гребней (рис. 36, *9, 14, 15),* в большинстве трапециевидной, реже лировидной формы, двусторонних без орнамента; один —с обкладкой на медных штифтах. К одежде относятся крупные и мелкие, прекрасно обработанные застежки (рис. 36, *7, 16)* [1], пуговицы из тщательно срезанного эпифиза со сверлиной в центре (диаметр 25 мм), поясные накладки причудливой формы (они есть и в готовом виде, и в виде заготовок, вырезанных по трафарету) (рис. 36, *21).* Кроме обычной орнаментации

[1] Очень близкие типы костяных застежек имеются среди костяных изделий из Плиснеска. Коллекции ЛГИМ.

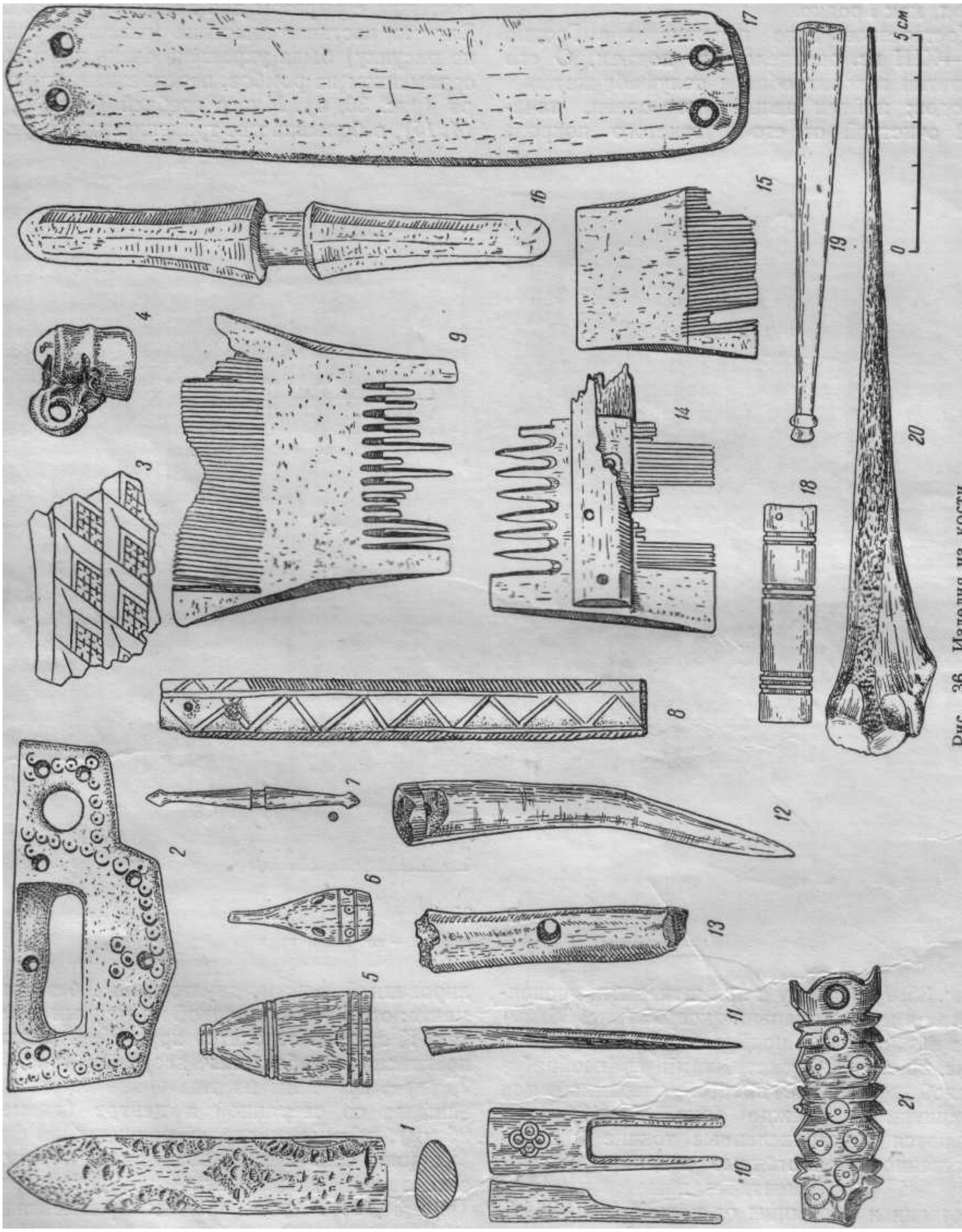

Рис. 36. Изделия из кости

циркулярными «глазками» различных диаметров, следует отметить очень нарядный прием узорного обжигания кости; на рис. 36, *1* представлен костяной полированный наконечник, орнаментированный смыкающимися кругами и насечками; фон и внутренние полосы кругов темнокоричневого тона, подпаленные, основные круги — светлые.

предположение,— что крюк служил для ссучивания веревок[1].

Как мы отмечали выше, на одной из каменных литейных формочек сохранились следы пробы циркулька, которым сделано несколько «глазков»; следовательно, формочка была в руках костереза. Подобную же пробу циркулька сохранил один из янтарных крестиков. Костерезы располагали и набором

Рис. 37. Шахматная фигура — ладья

Гродненские костерезы располагали появившимися в Киевщине в X в. небольшими токарными станками для изготовления мелких изящных поделок из кости или твердого дерева; так, на токарном станке выточены миниатюрные игрушки — бирюльки (рис. 36, *5—6*).

Наряду с подобными «ювелирными» художественными вещами те же мастера делали грубо приспособленные для тех или иных хозяйственных надобностей крупные вещи. Таков большой крюк, сделанный из слегка подтесанного ножом оленьего рога (рис. 35, *2)*; вверху — сверлина для подвешивания, на внутренних гранях — ряд неглубоких пропилов. Свидетельством того, что эта вещь вышла из рук коетереза-профессионала, является циркульный "глазок» на одном из срезов. Назначение крюка не ясно; возможно, что он служил для подвески мясных туш, пропилы же на внутренних гранях со следами стертости, словно через них проходила и терлась нить, допускают и другое

мелких и крупных сверл для сверления отверстий под штифты, скреплявшие костяные пластины с основой, а также для высверливания цилиндрических каналов в обоймицах, навершиях и т. п. «Зернь» формочек наносилась маленьким сверлом с конической головкой. Не дает ли это основания предположить, что мелкие, требующие тонкой обработки поделки из камня (формочки) или янтаря изготовлялись теми же костерезами? [2]

В этой связи рядом с произведениями гродненских костерезов и ювелиров XII—XIII вв., отмеченными высоким художественным совершенством, должна быть рассмотрена, может быть, и не относящаяся к работе местного мастера уникальная миниатюрная скульптура из светлого желтоватого камня с серовато-зелеными прожилками,

[1] Этот предмет был опубликован И. Иодковским как «загадочный». См. «Z otchłani wieków», 1936, XI, стр. 112—113.

[2] Ср. Г. Ф. Корзухина. Ук. соч., стр. 232.

изображающая ладью с четырьмя воинами (рис. 37).

По инвентарю ГГИАМ она значится найденной в слое дерева I западного участка, однако З. Дурчевский в своем кратком очерке раскопок не упоминает об этой выдающейся вещи. Судя по ее негативу, находящемуся в серии негативов с надписями Иодковского[1], статуэтка была найдена при его раскопках и не имеет точного стратиграфического определения.

Обратимся к самой вещи. Ладья длиной 55 мм и шириной в бортах 15 мм поддерживается ножкой с прямоугольной подставкой, в которой просверлено круглое отверстие. Ладья — с двумя одинаково острыми носами; по бортам — круглые отверстия для весел; гребцов не видно — они закрыты палубой («под полубы»). На палубе четыре крошечных фигурки воинов: на носу фигурка лежит или полулежит, согнув ноги в коленях, и смотрит вперед; на корме сидит кормчий; посередине ладьи у обоих бортов также были фигурки, теперь отломанные. На бортах у кормы, по середине и на носу повешено по три миндалевидных щита; висящий рядом с кормчим щит превратился как бы в большое «весло» в его правой руке. На щитах и на корпусе ладьи — украшение в виде четырех точек, простейший орнамент, символизирующий, по остроумной гипотезе Б. А. Рыбакова, защиту «со всех четырех сторон света»[2].

Форма и характер ладьи полностью отвечают тому, что мы знаем по источникам XII—XIII вв. о русских речных судах особого типа, предназначенных для боя на воде, в особенности на реках, с возможностью двустороннего хода и защищавшей гребцов палубой, на которой находились лишь закрытые броней доспехов и управлявшие ладьей воины. Летопись приурочивает это усовершенствование ко времени борьбы за Киев в 1151 г. и приписывает его киевскому князю Изяславу: «бе бо исхитрил лодье дивно: беша бо в них гребьци гребуть невидимо, токмо весла видети, а человек бяше не видети, бяхуть бо лодье покрыты досками, бяхуть бо борци стояще горе (т. е. наверху, на палубе) и стреляюще, а кормника два беста, един на корме, а другый на носе и аможе хотяхуть — тамо (и) пойдяхуть, не обращающа лодьями». Вариант этого текста называет ладьи этого типа «насадами»[1]. Они были особенно удобны для передвижения по рекам в условиях опасности нападения. Весьма вероятно, что ладьи-насады широко применялись и в пограничной обстановке Принеманья. Теперь мы имеем вполне реалистическое изображение подобной ладьи-насада, исполненной, несомненно, русским мастером с большим искусством и наблюдательностью. Бесспорно, раннюю дату этой замечательной скульптуры подтверждает и миндалевидная форма щитов, распространенных в Европе до XIII в.[2]

Единственным объяснением назначения описанной вещи является, на наш взгляд, признание ее фигурой богатого и высокохудожественного набора шахматной игры. В незаслуженно забытой историками шахмат работе И. Савенкова[3], справедливо отвергающей мнения о позднем появлении шахмат на Руси с востока (татары) или с запада (тевтонские рыцари)[4], утверждается правильная точка зрения о появлении шахмат на Руси еще в VIII—IX вв. в результате русско-арабских торговых связей. Исследователь особо остановился на вопросе о замене в русской игре «колесницы» «ладьей» в соответствии с бытовым и военным значением ладьи в древней Руси[5]. Гродненская статуэтка является прекрасным подтверждением взглядов И. Савенкова. При этом существенно подчеркнуть, что шахматная фигура превосходно отразила тип реального судна середины XII в. Более поздними потомками гродненской ладьи являются фигуры шахмат работы холмогорских резчиков XVI—XVII в.,

[1] Фонды ГГИАМ, негатив № 409.

[2] Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство и скульптура. «История культуры древней Руси», т. П. М.— Л., 1951, стр. 406—408.

[1] Н. Н. Воронин. Средства и пути сообщения. «История культуры древней Руси», т. II. М.— Л., 1951, стр. 288, 289.

[2] А. В. Арциховский. Оружие. «История культуры древней Руси», т. I, стр. 438; A. Demmin. Die Kriegswaffen. Leipzig, 1891, стр. 559.

[3] И. Савенков. К. вопросу об эволюции шахматной игры. «Этнографическое обозрение», 1905, № 1, стр. 97 и след.

[4] Д. Саргин. Древность игр в шашки и шахматы. М., 1916; Л. Бахман. Шахматная игра в историческом развитии. Л., 1925, стр. 154; М. С. Коган. История шахматной игры в России. Л., 1927, стр. 19.

5 И. Савенков. Ук. соч., стр. 106—107; о ладье в древнейшей индийской чатуранге и в позднейших вариантах игры см.: A. van der Linde. Geschichte und Literatur des Schachspieies. Berlin, 1874, Bd. I, стр. 81 и 115.

среди которых есть довольно архаичная однопарусная ладья с круглыми вырезами в бортах для весел [1]; более поздние фигуры представляют уже «корабли» [2]. Таким образом, можно считать, что в обиходе княжеского двора в Гродно при Всеволодковичах был художественно исполненный, несомненно, русским мастером набор шахматной игры.

Теперь обратимся к наиболее выдающемуся проявлению культуры Гродно XII в. — его архитектурным памятникам.

[1] И. Савенков. Ук. соч., табл. 2, нижний ряд, изображение второе слева, и стр. 94 и 107.

[2] Там же, табл. . 2. По профилю и конструкции (корпус на прорезной подставке) гродненская шахматная фигура близко напоминает фигуру «терге» (телеги-ладьи) в наборе сойотских Шахмат в коллекциях Музея этнографии Академии Наук СССР. См. С. Н. Замятнин. О старинных русских шахматах. «Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в.». М.—Л., 1951, стр. 151 рис. 3—6.

VI. АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ XII В.

1

Чтобы подойти к характеристике и оценке остатков монументального строительства XII в., открытых раскопками на горе Старого замка, целесообразно сначала рассмотреть более полно сохранившийся памятник гродненской архитектуры — церковь Бориса и Глеба на Коложе (рис. 38), хотя, как увидим ниже, эта постройка хронологически стоит после зданий крепости.

В русской литературе не было сомнений в принадлежности этого памятника XII веку — именно с ним связывался приведенный выше текст Ипатьевской летописи под 1183 г. о пожаре каменной церкви в Гродно: «Того же лета Городен погоре всь и церкы каменая от блистания молние и шибения грома»; да и все технические и художественные особенности памятника не вызывали сомнений в его древности [1], К вопросу о его дате мы обратимся впоследствии. Сейчас же восстановим историю его разрушения. Некоторые материалы для ранней поры жизни здания дают раскопки И. Иодковского, связанные с его ремонтом[2].

Разрушение Коложской церкви началось, повидимому, очень рано, вскоре после перехода Гродно под власть Литвы, и было

[1] Лишь И. Иодковский писал, что «в Литве несомненно древнейшим стилем, с которым Литва познакомилась, является готический. Памятники XIII—XV вв. выстроены в этом стиле и духе, который держался еще в продолжение почти всего XVI в.». И далее в примечании: «Единственным исключением является Коложская церковь в Гродне, построенная, как нам думается, Войселком, после его возвращения из Афона, так как навряд ли могла уцелеть во время татарского нашествия 1241 г., тем более, что нет никаких следов реставрации XIII—XIV вв. Вообще византийский стиль в Литве не имел никакого значениях И. Иодковский. Замок в Мире. «Древности», Труды комиссии по сохр. древних памятников, МАО, т. VI, М., 1915, стр. LXIV—LXV и прим. 1.

[2] Основным источником для истории памятника являются труды Игнатия Кульчинского, бывшего архимандритом Коложского монастыря в 30-х годах XVIII в.: «Инвентарь Городненского Коложского монастыря... составленный в 1738 г.» (Археографический сборник документов, относящихся к истории северо-западной Руси, т. IX, стр. 409—412. Вильно, 1870; далее сокр. АС) и «Хроника игуменов... Гродненского Коложского монастыря», в которую включен ряд ценных документов (там же, стр. 412 и след.). Последующие авторы неизменно пересказывали данные И. Кульчинского. См., например, «Коложа» (анонимная статья на основе материалов местного краеведа И. Кулаковского), «Виленский вестник», 1864, № 17—19 (то же — «Древности» МАО, т. I, М., 1865, стр. 38); эта статья использована автором статьи «Гродненская Коложская церковь» — «Литовские епархиальные ведомости», 1866, № 3, стр. 98—108. Наиболее существенны: Р. Диков. Материалы для истории Коложской церкви в г. Гродно; Памятная книжка Гродненской губ. на 1887 г. Гродно, 1886; Иосиф. Гродненский церковно-православный календарь. Воронеж, 1899, ч. II; сведения по истории памятника даны также в предисловии к АС IX, стр. VI—X и прим. 18; И. Корчинский. Древняя Коложская церковь во имя св. князей Бориса и Глеба в г. Гродно. Гродно, 1908. Первое научное описание памятника опубликовал виленский учитель рисования В. Грязное: Коложская Борисо-Глебская церковь в Гродне, «Труды Виленского предварительного комитета по устройству IX археологического съезда». Вильна, 1893. М. Соколовский писал о памятнике в своих «Studia i szkice z dziejów sztuki i cywilizacji» (Kraków, 1899), датируя его временем около 1167 г. Далее памятник был издан В. В. Сусловым в атласе «Памятники древнерусского зодчества», вып. VI, СПб., 1900, табл. 1 и текст. Обстоятельная монография о памятнике с публикацией его новых обмеров, произведенных в 1926 г., была издана М. Валицким (M. Walicki. Cerkiew św. św. Borysa i Gleba na Kołoży pod Grodnem. «Studia do dziejów sztuki w Polsce», t. I. Warszawa, 1929). Последней работой о Коложской церкви является книжка И. Иодковского, содержащая новые материалы, выявленные при его раскопки (J. Jodkowski. Świątynia warowna na Kołoży w Grodnie. Grodno, 1936; далее — сокращенно: SW).

связано с неоднократными нападениями немцев, пожарами и опустошениями города. Заброшенный и запустевший храм сначала стал местом захоронения покойников, о чем свидетельствует погребение головой на запад с плоским бронзовым браслетом, прослеженное И. Иодковским в алтарной апсиде; погребение прорезало слой известковой подготовки майоликового пола[1]. Как увидим ниже, при описании раскопок Нижней церкви в крепости, и в ее руинах в XIII—XIV вв. также имели место погребения этой поры.

Майоликовые плитки полов были, видимо, растащены населением. Образовавшийся над уровнем древнего пола тонкий слой чернозема (5—8 см) с обломками горшков и пятнами угля, скорее всего, представляет собой естественное отложение перегноя. Время этого слоя хорошо определяется концом XIII — началом XV в.— с ним связаны находки крупного железного наконечника стрелы арбалета, бронзового перстня с родовым не русским знаком (см. рис. 99, стр. 179), пражского гроша Вацлава II (1298—1300 г.) и двуденара Витовта (ок. 1390 г.)[1].

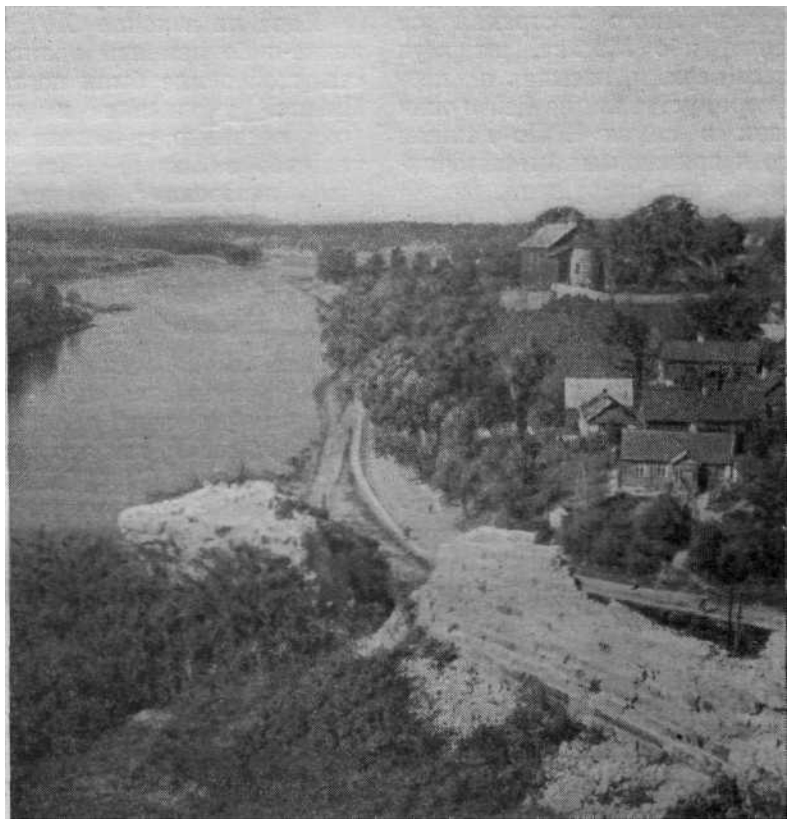

Рис. 38. Вид на Коложскую церковь с мыса Старого замка. (На переднем плане руины угловой башни замка)

Когда рухнули своды и купола здания,— мы точно не знаем. Во всяком случае документы начала XVI в., связанные с восстановлением памятника Богушем Богувитиновичем, указывают, что церковь «несколько десятков лет стояла опустевшая и обвалилась (i opała) и службы божьей в ней не было» и что Богувитинович «тую церковь оправил и некоторыми

[1] SW, стр. 45.

[1] Там же и рис. на стр. 44, 48 и 50.

многими церковными потребами и святостями, колоколами и многими другими вещами надал и наложил»[1]. Тот же И.Кульчинский пустил в обращение фантастическую версию о том, что якобы разрушение сводов храма произошло во время литовской войны Ивана III. «Во время сей войны разорен был не только монастырь, но и самая церковь много пострадала от огня и разрушения, ибо Москва, штурмуя замок, снесла весь верх, и, насыпав на церковь песку и мусора, уставила на ней пушки и палила из них в замок»[2]. По данным И. Кульчинского и приводимых им источников можно думать, что разрушение храма и состояло в падении сводов и глав. Описывая ремонт Богуша Богувитиновича, И. Кульчинский пишет: «сей пан... видя Коложскую церковь очень разрушенной ... прежде всего восстановил разрушенные стены и сделал на церкви крышу, а затем и внутру украсил дом божий с должной пышностью...»[3]. Точно так же, как привилей Сигизмунда I, так и благословенная грамота митрополита Ионы говорит, что Богуш «воздвигнул и наложил опустевшую церковь»[4]. Очевидно, что разрушение сводов повлекло за собой и разрушение верхней части стен, которые пришлось сначала «наложить», чтобы покрыть здание кровлей.

Вид храма после его восстановления представлен на гравюре Матвея Цюндта (1568—1572 гг.), где храм изображен с юго-восточной стороны (рис. 39). Его алтарная пониженная часть покрыта на два ската, а сам храм — высоким четырехгранным шатром с главкой. Загадочным является изображение у юго-западного угла храма круглой башни,» увенчанной небольшим куполом. Едва ли она принадлежала самой церкви, так как ход на хоры, как увидим ниже, помещался внутри здания. Возможно, что это остаток каких-либо укреплений, некогда окружавших храм. Это изображение вызвало законные сомнения в его документальности '.

Едва ли в конце XVI в. производились какие-либо ремонты здания, хотя на монастырской земле были поставлены «муляром Шахно» кирпичная и известковая печи (они, очевидно, снабжали материалом строительство в Замке) [2]. Затем снова «церковь была разорена»[3]. Может быть, и ее коснулись работы 1650—1660 гг., когда наместник монастыря Макарий «отстраивал монастырь и фольварк», хотя прямых указаний на это нет[4]. Однако вскоре, в результате хищничества архимандрита Митрофана Друцкого-Соколинского, здание снова пришло в запустение: «церковь стояла пустой без дверей и окон, а летом служила логовищем скота" 5, так что после 1692 г. архимандрит Симон Огурцевич «возобновил, хотя и не вполне, разоренную церковь» (в это время на монастырской земле работал кирпичный завод) [6]. В течение XVI и XVII вв. в церкви продолжались захоронения[7]. В начале XVIII в. архимандрит Иосафат Иоахимович задумал строить новый каменный храм и, видимо, ликвидировать древний, но по сложившимся обстоятельствам этой затеи ему не удалось осуществить и «много заготовленного уже кирпича было отнято у него» [8]. Данные начала XVIII в. свидетельствуют, что через два столетия после работ Богуша Богувитиновича церковь снова «не имеет покрытия, но только четыре стены»[9]. Уже в 1720 г. размытый Неманом обрыв подошел вплотную к храму, вызвав наклон его стен[10]. И. Кульчинский сообщает, что

[1] АС IX, стр. 419 (Привилей Сигизмунда I, 1506 г.). См. также выражение в жалованной грамоте Богуша Богувитиновича, что церковь была «опалая». Там же, стр. 418.

[2] АС IX, стр. 416; см. возражения Иодковского (SW, стр. 10 и 19), И. Корчинского (ук. соч., стр.8) и М. О. Кояловича («Церковный вестник», 1887, № 10, стр. 188); последний резонно предполагает, что храм обрушился вследствие немецких нападений. Любопытно, что версия Кульчинского в XIX в. была заменена версией о разрушении сводов войсками Карла XII, который якобы в 1703 г. «остановился на берегу Немана, занял Коложу, и, сбросив крышу с церкви, устроил на ней свою батарею». Коложе. «Виленский вестник», 1864, № 19, стр. 5; Гродненская Коложская церковь, «Литовские епархиальные ведомости», 1886. № 3, стр. 104.

[3] АС IX, стр. 417.

[4] Там же, стр. 420.

[1] M. Walicki. Ук. соч., стр. 10.

[2] АС IX, стр. 434.

[3] АС IX, стр. 440.

[4] Там же.

[5] Там же, стр. 442; Писцовая книга Гродненской экономии, т. II, стр. 238.

[6] АС IX, стр. 444—445.

[7] При обрушении церкви в Неман в 1853 г., по сообщению очевидца, на берегу долго лежали надгробные плиты с надписями XVI и **XVII** вв. Архив ИИМК. фонд ИАК. 1894 г.. дело № 233.

[8] АС IX, стр. 452.

[9] АС XIII, стр. 12.

[10] SW, стр. 12.

он пытался приостановить оползень: «Велел построить у подошвы горы забор, привалить его навозом, а также посадить разные деревья» [1].

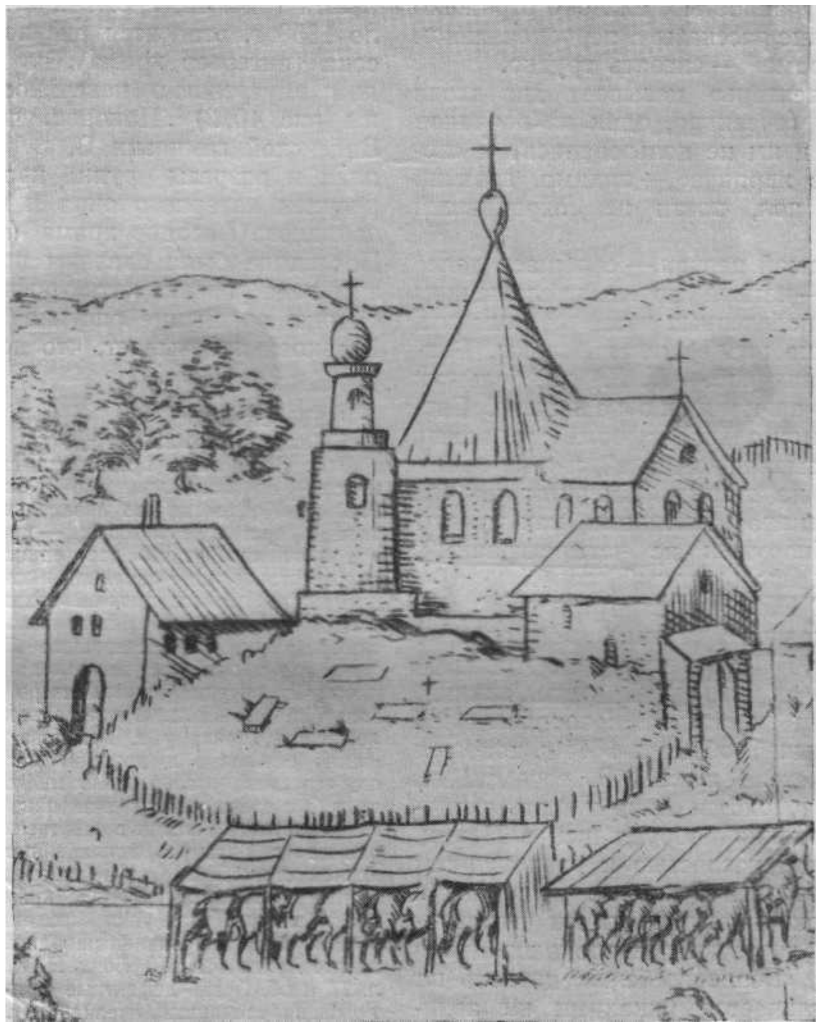

Рис. 39. Коложская церковь в XVI в. (По гравюре М. Цюндта)

«Инвентарь» 1738 г. И. Кульчинского, детально фиксирующий состояние памятника к этому времени, сообщает, что церковь «не очень давно покрыта гонтовой кровлей, которая еще прочная. На верху три купола. Два меньших с железными позолоченными крестами с медными, также позолоченными лучами на перекрестьи. Третий большой купол на самой середине крыши высоко поднят с большим железным крестом»[1]. Термин «kopuła» может иметь значение не только буквальное — «купол», «купольный свод», но и «башенка», «вышка». Последующий текст «Инвентаря» сообщает, что «каменные своды в той древней церкви к тому времени обвалились», так что предполагать, что в 1738 г. еще сохранялась хотя бы часть сводов с древними главами, не приходится —

[1] АС IX, стр. 409.

[1] Там же, стр. 410.

это были деревянные фальшивые главы начала XVIII в.[1] Как мы видели выше, уже при восстановлении здания Богушем Богувитиновичем на шатровой кровле была лишь одна глава. Было ли новое деревянное трехглавие случайностью, или оно отражало какие-то древние рассказы о первоначальном трехглавии храма[2],— сказать трудно.

Далее «Инвентарь» называет два входа внутрь храма (очевидно, один из порталов был заложен и им не пользовались) и «хороший пол из кирпича»,— видимо, древний майоликовый пол, почти не сохранивший поливы[3].

«Посреди самой церкви,— сообщает далее «Инвентарь»,— четыре круглых, сложенных из кирпича и побеленных известью колонны, которые раньше поддерживали своды. Ближе к двери (западной.— *Н. В.)* две больших четырехгранных колонны»[4]. Сведения о прямоугольной форме западных столбов не вызывали сомнений, и такими они показывались на старых обмерных планах памятника. Однако раскопками, как увидим ниже, был обнаружен не четырехгранный, но круглый северо-западный столб.

Середина XIX в. была трагичной для Коложской церкви[5]. Неман все сильнее разрушал гору. В 1840 г. появилась угрожающая трещина в западной стене здания. Пока тянулась волокита с вопросом об укреплении осыпей, обрыв в 1845 г. подошел уже к самой стене храма. В ночь с 1 на 2 апреля 1853 г. южная стена и часть западной стены здания обрушились в Неман. С поразительной косностью и равнодушием отнеслись светские и духовные чиновники к укреплению сохранившейся части памятника. В 1857 г. литовский митрополит писал в Синод, что «Борисоглебская церковь на Коложе не отличается никакими ни архитектурными, ни артистическими (так !) особенностями и не заслуживает таких больших издержек, какие требуются на ее исправление...» (!) [6].

[1] Валицкий относит их к 1591—1619 гг. (?). Ук. соч., стр. 18.

[2] Так полагал И. Корчинский. Ук. соч. стр. 23.

[3] АС IX, стр. 410.

[4] Там же, стр. 411.

[5] История разрушения изложена у Иосифа (ук. соч., стр. 470 и след.) и у И. Корчинского (ук. соч., стр. 12 и след.).

[6] Иосиф. Ук. соч., стр. 505.

Общий вид церкви до ее разрушения, к счастью, был сохранен в ряде рисунков. Несомненно, натурным рисунком, сделанным до катастрофы 1853 г., является зарисовка Мартином Ольшинским западного фасада храма (рис. 40, 1) [1]. Также ко времени около 1850 г. относится рисунок Войцеха Герсона (интерьер храма), на котором мы видим внутреннюю поверхность южной стены (рис. 40, *2)* [2]. Наконец, учитель рисования Виленской гимназии В. В. Грязнов сделал план и разрезы руин храма, детальный рисунок алтарного окна и виды южного и западного фасадов храма (рис. 40, 5 и *4).* Последние были сделаны по памяти, через три года после катастрофы — в 1856 г.[3] Однако сравнение рисунка Ольшинского и Грязнова показывает, что последние весьма

[1] SW, стр. 15.

[2] Там же, стр. 28.

[3] В. В. Грязнов представил свои рисунки в комиссию по возобновлению Коложской церкви в 1904 г. «Коллекция его акварельных рисунков,— читаем в протоколе комиссии,— представляет интерес в том отношении, что дает единственный материал для восстановления западной и южной стен, а также апсиды диаконика, причем архитектурная обделка входов и окон показана настолько ясно, что дает материал для их реставрации больший, чем такие же двери и окна, оставшиеся до сего времени. Так, напр., из рисунка южной двери видно, что архивольт ее был схож с архивольтом окон в апсидах; последние (окна) у г. Грязнова нарисованы совершенно отчетливо в крупном масштабе. Из других его чертежей, сравнительно мелкого масштаба, видно, что в стене апсиды диаконика был такой же ход, какой остался доныне в жертвеннике. Тем не менее рисунки г. Грязнова, исполненные *после обрушения южной стороны храма,* не дают полного представления о первоначальном виде храма, так как в то время, когда эти рисунки исполнялись, купол, своды, южная стена и половина западной уже не существовали». Архив ИИМК, фонд ИАК, 1894 г., д. № 233, л. 77 и об. Очень дефектные фотографии с рисунков Грязнова, сделанные, очевидно, П. П. Покрышкиным, есть в фотоархиве ИИМК (0.672). Рисунки В. В. Грязнова были изданы в литографских копиях Р. С. Кудрявцева 1867 г. в литографии А. И. Парли в Вильнюсе. На первом листе («Детальные чертежи развалин древней Борисоглебской Коложской церкви близь г. Гродны») даны план и разрезы руин и рисунок голосников; на втором («Борисоглебская Коложская церковь в том виде, как она была до ее разрушения от разлива р. Немана») представлены в медальонах — вверху западный, а внизу южный фасад; в виньетке—надпись «1856 года», повидимому, датирующая рисунки В. В. Грязнова. Литографии очень точно передают подлинник, почему мы и публикуем рисунки Грязнова в копии Р. Кудрявцева. Их уже публиковали Корчинский и Иодковский (SW, стр. 8—9).

точны. Другие рисунки имеют меньшую документальность. Таковы рисунок Н. Орды, изданный в литографии в 1875—1879 гг., изображающий храм после разрушения с юго-западной стороны [1]; литографии по рисункам И. Трутнева 1867 г., представляющие восточный и северный фасады храма [2]; рисунок Михаила Кулеша, изображающий церковь с юго-востока, но очень мелко [3]; наконец, также мелкий рисунок Н. В. Круковского, помещенный в «Русском художественном листке» В. Тимма [4].

В 1864 г. в «западные губернии» России была направлена Русским археологическим обществом экспедиция для зарисовки и обмеров памятников древности; в ее составе были художники Д. М. Струков, С. А. Покровский и архитектор И. И. Горностаев [5]. Последний был в Гродно [6] и обмерял Коложскую церковь [7].

В 1873 г. в уцелевшей алтарной части, была устроена часовня; в связи с этими работами были обнаружены остатки росписи; в то же время были заложены кирпичом входы на лестницы в стенах боковых апсид, и, главное, «древние, узкие, стройно-фигурчатые окна в отделении алтаря и в некоторых других местах тоже были заложены

[1] Издан в монографии Валицкого (ук. соч., стр. 1, рис. 1). Надпись под литографией относит постройку Коложской церкви к 1409 г. одним из пленников Витовта! (Там же, стр. 11).

[2] SW, стр. 7. Отдел архит. графики ГИМ — литография из издания П. Н. Батюшкова. Стоит отметить, что к северо-востоку от храма изображены как бы руины здания кирпичной кладки.

[3] SW, стр. 19.

[4] 1858 г., № 8; здание изображено с юго-восточной стороны.

[5] Архив ИИМК, фонд III, д. № 393 и 395.

[6] В своем письме в РАО из Гродно от 26 августа 1864 г. И. Горностаев указывал, что он познакомился там с местным архитектором Г. Форбаном, который занимался «реставрацией» Коложской церкви (подпорная стенка), и далее, сообщая о своих планах, писал: «постараюсь изучить (Коложскую церковь.- *Н. В.)* как можно совестливее». В последующем письме он дал во многом верную оценку памятника. Архив ИИМК, фонд III, 1864 г., д. № 45, лл. 26 об., 31—32.

[7] Памятники древнерусского зодчества, вып. VI, табл. I. СПб., 1900 (далее—сокращенно: ПДРЗ). Эти обмеры крайне схематичны и не во всем точны. Так, например, не показаны остатки убранства среднего деления западного фасада, нанесены далеко не все голосники, разрез по жертвеннику оказался «вывернутым», в разрезе А — В не показан проем внутренней лестницы в северной стене.

наглухо, а пробиты новые для окон отверстия, более просторные и прямые» [1].

В 1889 г. произошли новые разрушения церкви — рухнула под откос апсида диаконика. В 1894 г. по инициативе епископа Иосифа началось дело «о сохранении от дальнейшего разрушения древней Коложской церкви» [2]. Существенно, что к 1898 г. здание получило деревянную кровлю и стену, а также был основательно укреплен берег под храмом [3]. В то же время внутри храма монастырские власти вели какие-то земляные работы 4. В 1904 г. возник вопрос о восстановлении Коложской церкви в первоначальном виде «с возведением недостающих частей по образцу существующих»; над исследованием памятника и проектом его реставрации работал П. П. Покрышкин, к материалам которого мы обратимся ниже [5]. Комиссия, руководившая работами, признала, что для исследования фундаментов апсид и северной стены необходимо их обнажить «отдельными местами» траншеей шириной до $1^1/_2$ аршина, а далее провести «систематические раскопки внутри и снаружи храма для изучения нижних частей здания, погребенных под строительным мусором, скопившимся в храме и вокруг него от обрушения сводов и стен, а также под естественным наносным слоем земли. Мусор и наносную землю необходимо внимательно исследовать, так как в них могут встретиться интересные детали храма» [6]. В какой мере был осуществлен этот план раскопок, мы не знаем, есть лишь отдельные упоминания о разведочных работах. В 1910 г. были проведены консервационные работы по памятнику, а в 1911 г. заложены ниши и портал северной стены [7].

[1] Иосиф. Ук. соч., стр. 505.

[2] Архив ИИМК, фонд ИАК, 1894 г., д. № 233.

[3] Иосиф. Ук. соч., стр. 536; Архив ИИМК, фонд ИАК, 1894 г., д. № 233. лл. 75—80.

[4] Архив ИИМК, фонд ИАК, 1894 г., д. № 233, лл. 42—43. Художник Д. Струков писал в ИАК в 1897 г., что «внутри храма... производят работы копания, которые могут грозить опасностью разрушиться стенам и столбам древнейшего здания».

[6] Архив ИИМК, фонд ИАК, 1894 г., д. № 233, л. 54. К сожалению, кроме отрывочных записей, дневников работы П. П. Покрышкина не сохранилось.

[6] Архив ИИМК, фонд ИАК, 1894 г, д. № 233.

[7] «Древности», Труды комиссии по сохр. древних памятников. МАО, т. IV. М. 1912, стр. 136, 137 и 275.

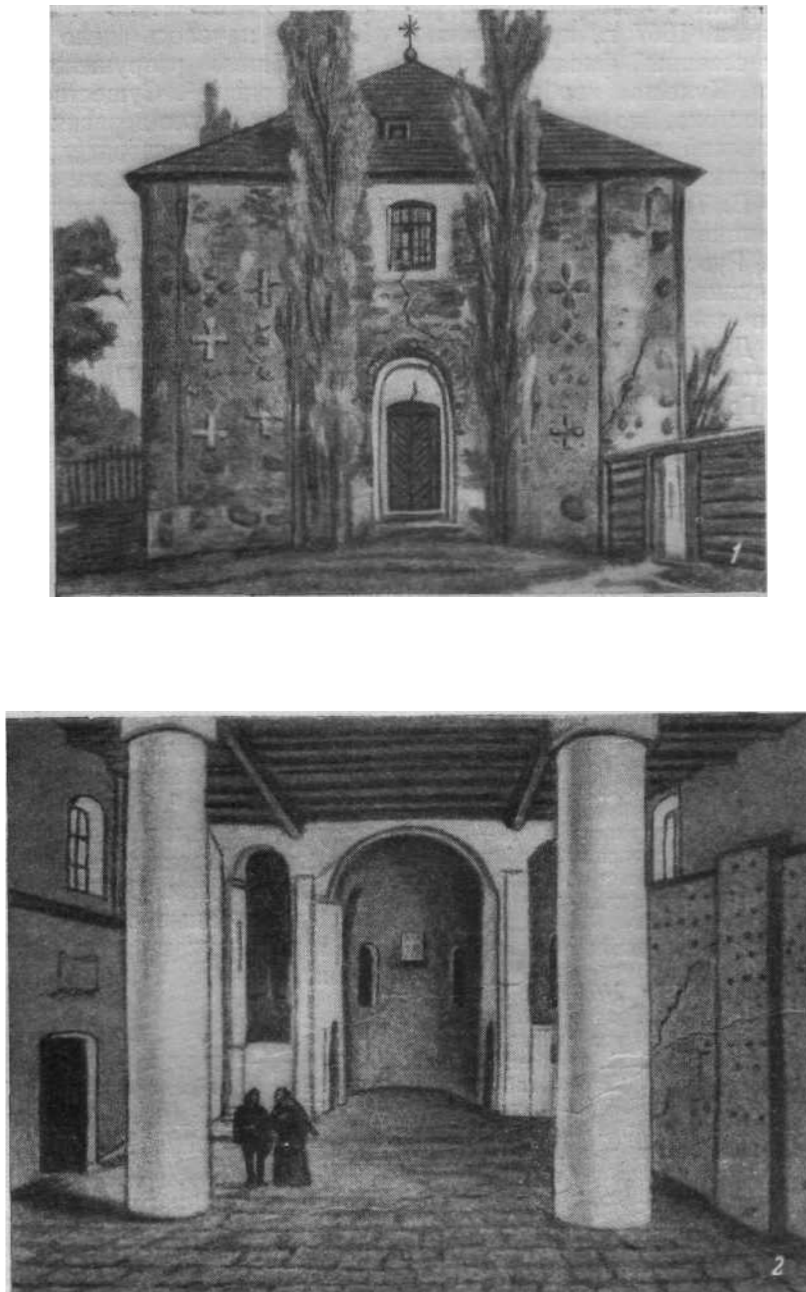

Рис. 40а. Коложская церковь до разрушения

1— западный фасад (рисунок М. Ольшинского); 2 — внутренний вид (рисунок В. Герсона)

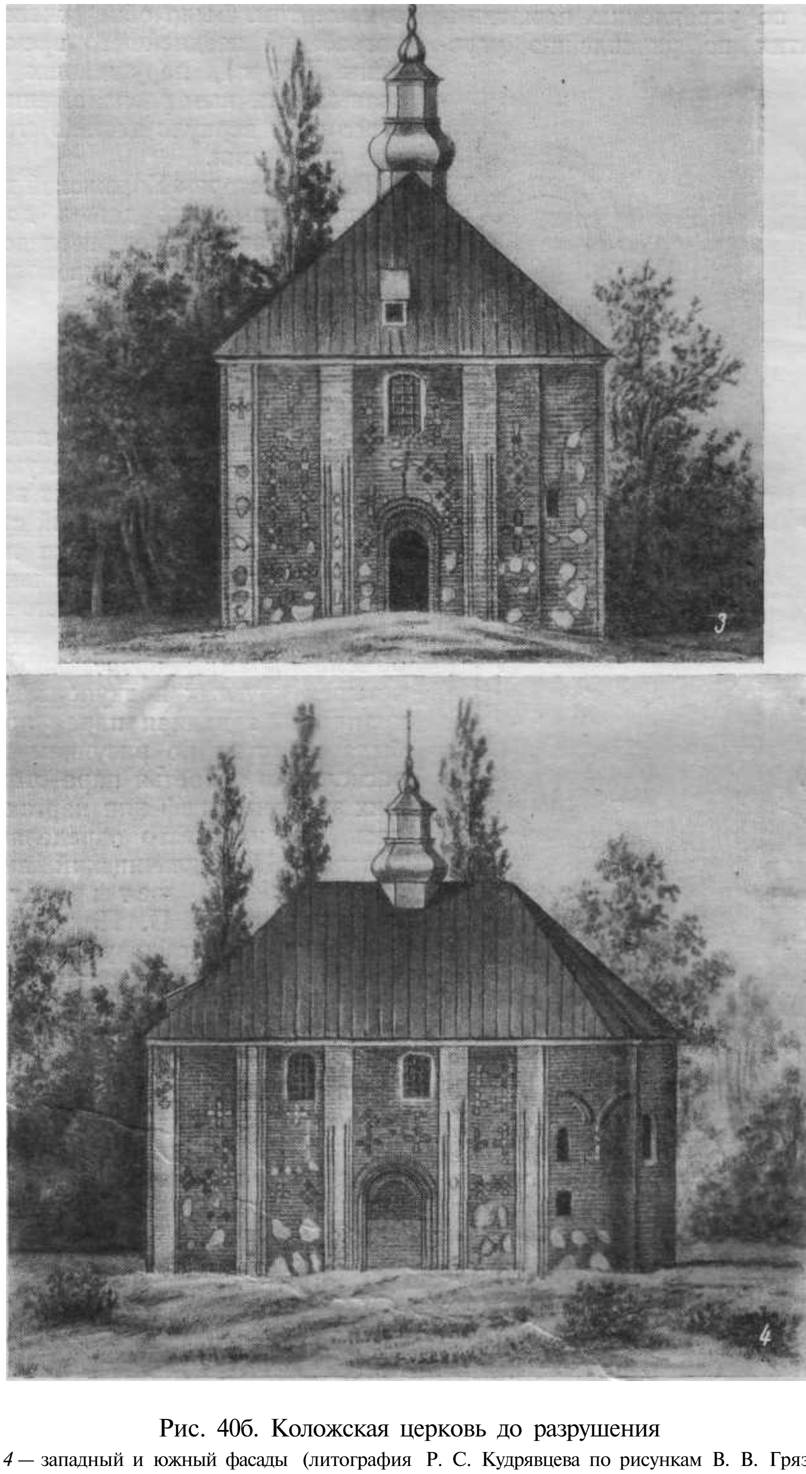

Рис. 40б. Коложская церковь до разрушения

3 и *4* — западный и южный фасады (литография Р. С. Кудрявцева по рисункам В. В. Грязнова)

В 1934 г. появились новые трещины в стенах Коложской церкви, в связи с чем специальный Комитет по укреплению памятника провел мероприятия по укреплению угро-

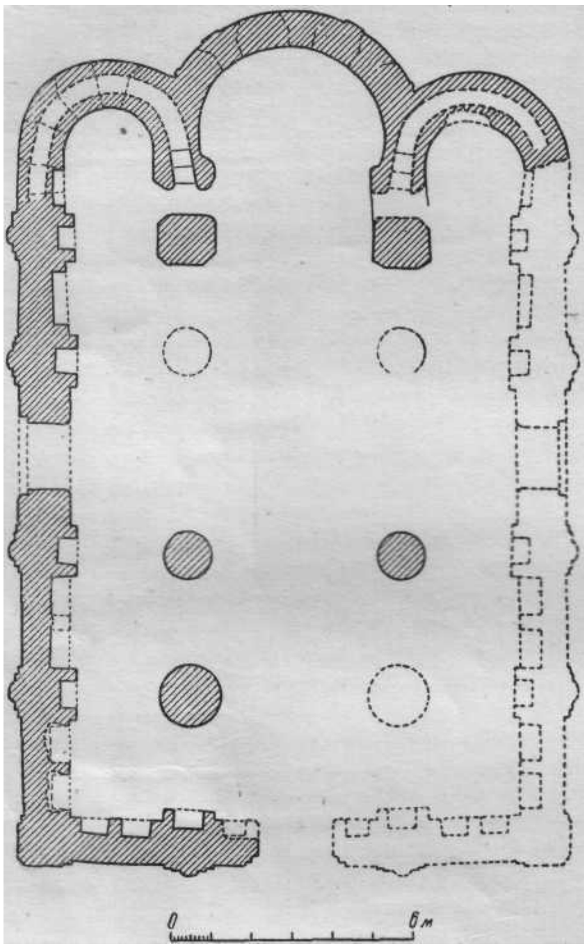

Рис. 41. Коложская церковь. План. (По обмерам П. П. Покрышкина; пунктиром показаны несохранившиеся части)

жавшего оползанием берегового откоса и, кроме того, осуществил планировку окружающего здание участка до первоначального древнего уровня. Как оказалось, вокруг храма за его многовековую жизнь отложился значительный (до 1,5 м) культурный слой, нарастание которого усиливалось тем, что около апсид и северной стены храма было в XII и XIX вв. кладбище. При работах 1935 г. здесь, около апсиды жертвенника, было вскрыто погребение XII в. головой на запад, в слое были найдены шиферное пряслице и обломки горшков с линейным орнаментом. Было обнаружено также много погребений позднейшего времени (до середины XIX в.), нарушивших более ранние своим хаотичным расположением [1]. Удаление этого слоя вернуло зданию его первоначальные пропорции.

Такова история Коложской церкви, в итоге которой памятник дошел до нас в виде руин, поставив перед исследователями ряд не разрешимых до конца вопросов о своем первоначальном облике.

2

В своем современном виде Коложская церковь представляет следующую картину (рис. 41). Сохранились (без верхних частей) северная половина западной стены, северная стена, апсиды жертвенника и алтаря с их сводами и парой прямоугольных со срезанными под 45° углами восточных столбов, точнее,— частей восточной стены основного объема храма, прорезанной арками. Из четырех круглых подкупольных столбов сохранилась западная пара, восточная пара была известна по рисункам и установлена раскопками [2]. Третья пара столбов, отделявших западный неф или нартекс, не сохранилась, но их место определяет положение лопаток. И. Кульчинский писал, что эти столбы были четырехгранными [3], раскопки же П. П. Покрышкина 1904 г. и И. Иодковского обнаружили круглый, более мощный, чем подкупольный, северо-западный столб [4]. Ряд перечисленных выше материалов позволяет составить представление о рухнувших частях храма. Наиболее важны рисунки В. Грязнова, повторенные в литографии Р. Кудрявцева (рис. 40, *3* и *4)* и рисунок М. Ольшинского (рис. 40, *1),* изображающие западный и южный фасады здания; литография И. Трутнева представляет

[1] SW, стр. 35, 38.
[2] Там же, стр. 49.
[3] «Вблизи от главных дверей — две большие четырехгранные колонны с двумя чуланчиками, в которых теперь ничего нет, только немного извести, котел». «Чуланчики» могли помешаться в нишах западной стены (?). АС IX, стр. 411.
[4] SW, стр. 47; см. план П. П. Покрышкина (рис. 41).

восточный фасад с несохранившейся южной апсидой; она зафиксирована и в обмерах И. Горностаева[1]. Интерьер храма до разрушения дает рисунок Войцеха Герсона (рис. 40, *2)*. Наконец, мы располагаем обмерами и обстоятельной фотофиксацией здания, сделанными в 1904 г. П. П. Покрышкиным[2] и в 1926 г. сотрудниками Варшавской политехники[3]. Используя весь этот материал, обратимся к характеристике памятника.

Прежде всего остановимся на его технических данных.

Снятие в 1935 г. окружавшего здание культурного слоя XII—XX вв. и разведка фундаментов храма обнаружили следующую картину (рис. 42). Кирпичная кладка стен покоилась на фундаменте глубиной 1,50 м из валунного камня средней величины. Камни не были скреплены связующим раствором и были лишь пересыпаны землей или песком[4].

Кирпичная кладка стен порядовая, со швом связующего, иногда превосходящим толщину кирпича. Раствор извести — с примесью кирпичной крошки, мелко рубленной соломы и угольков; последние могли попасть в известь при ее обжиге. Перевязь швов соблюдается относительно. Внутренняя полость стены частью заполнена кирпичным ломом и мелкой булыгой, так что система кладки в целом носит характер промежуточный между оплошной кирпичной и полубутовой кладкой.

Кирпич Коложской церкви изготовлен из местной желто-жгущейся глины[5]; однако обжиг неодинаков; значительная часть кирпича имеет красный тон — свидетельство неполного обжига или присутствия окисленного железа; часть кирпича обожжена до желтого тона. Размеры стенного кирпича варьируют в пределах:

Толщина	от	3,0	до	4,0	см
Ширина	„	16,0	„	17,5	.
Длина	„	25,0	„	29,5	.

Кроме обычного кирпича, в Коложе применен лекальный и фасонный кирпич — со скругленным углом для обломов пилястр, с полукруглой широкой стороной для вы-

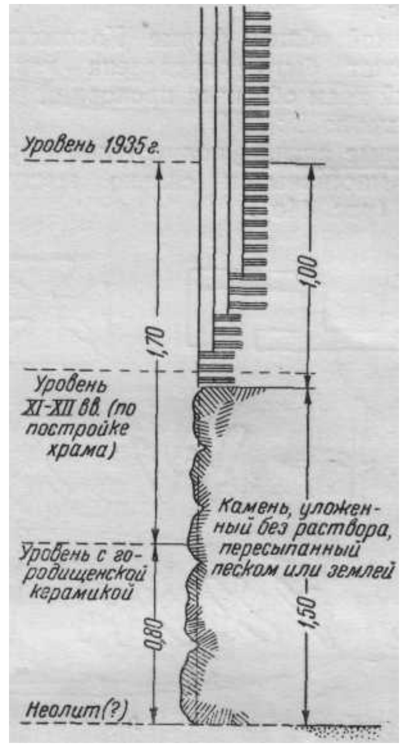

Рис. 42. Коложская церковь. Кладка фундамента. (По И. Иодковскому)

кладки профиля арочных проемов окон, со скошенными короткими сторонами (трапециевидный) для кладки срезанных под 45° углов столбов и угловых лопаток.

Кирпич имеет знаки на длинной стороне. Их зарегистрировано сравнительно немного (рис. 43) [1]. Среди них есть «буквенные»

[1] ПДРЗ, вып. VI, л. 1.

[2] Архив ИИМК.

[3] Фонды ГГИАМ. Обмеры изданы в указанном сочинении М. Валицкого. Памятник заслуживает новых специальных обмеров и исследования с удалением штукатурки и закладок.

[4] SW, стр. 37.

[5] Красные глины очень редки в районе Гродно и залегают лишь в малых количествах. Сведениями о кирпичных глинах и их обработке мы обязаны главному инженеру Гродненского комбината стройматериалов С. Г. Короткевичу.

[1] Кирпичи со знаками в очень небольшой доле выходят на поверхность кладки. Поэтому их больше выявляется в разрушенных частях. Так, например, в обвале небольшого участка западной стенки «терема» на Замковой горе мы собрали более десятка кирпичей со знаками. При осмотре фасадов Коложской церкви (без лесов), мы могли обнаружить лишь один знак, зарегистрированный и изданный В. Грязновым и И. Иодковским (на второй с востока лопатке северного фасада).

знаки, иногда образующие группы в 3—4 значка (например, рис. 43, *14, 15).* Как увидим ниже, некоторые из знаков совпадают со знаками кирпича башен гродненской крепости.

В самой общей форме Коложская церковь может быть определена как шестистолпный храм обычных пропорций (отношение примерно 2 : 3,14).

Алтарные апсиды полукруглой формы довольно массивны и сильно выступают к востоку (рис. 44а).

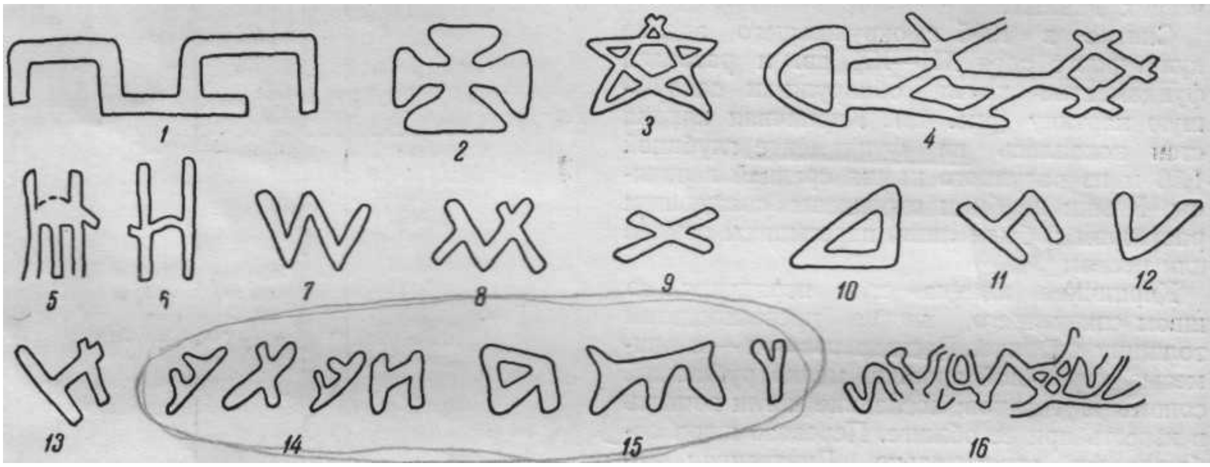

Рис. 43. Знаки на кирпиче Коложской церкви. (По В. Грязнову и И. Иодковскому)

В средней апсиде по ее периметру идет кирпичное седалище для клира [1]. В простенках апсиды помещены проходы и окна в боковые апсиды и узкие лестницы, идущие в толще стен последних до высоты 5 м И выходящие на северную и южную стены (об их назначении — ниже). Интересной технической деталью являются перекрытия лестницы в апсиде жертвенника. Здесь сначала вместо свода идут перекрытия из наклонно положенных дубовых досок толщиной 5 см и шириной 30, 33, 45 см, а далее — полуциркульные сводики с превосходно сохранившимися следами опалубки из узких досок шириной 8, 10, 15 см. Видимо, в связи с устройством лестницы южное и среднее окна северной апсиды были на две трети заложены: северное же окно было заложено в XVI в.

В отличие от обычной системы подкупольные столбы не крестчатой, но круглой формы; это, по существу,— колонны [1], переходящие к крестчатому сечению на большой высоте. Эта форма столбов выделяет центральное пространство храма, придавая ему более просторный, «зальный» характер. Западная пара столбов была также круглой, но большего сечения соответственно большей ширине лопаток. П. П. Покрышкин в своей реконструкции (рис. 45) оставляет их круглыми на ту же высоту, что и остальные столбы, связывая столб единственной аркой с лопаткой западной стены, что является предположением исследователя. Однако указание И. Кульчинского на четырехгранную форму столбов позволило И. Иодковскому предположить, что круглой была лишь короткая нижняя часть столба; в качестве аналогии данного решения он приводил подхорные столбы Спасо-Евфросиниева собора в Полоцке и Волотовской церкви в Новгороде [2].

О хорах И. Кульчинский точно не сообщает, но нет сомнения, что они были. Иной вопрос — были ли они каменными, или представляли собой бревенчатый настил. Вероятнее последнее: на высоте 5 м от пола стены храма утончаются, образуя значительный уступ, на который и мог опираться настил хор [3].

[1] SW, стр. 41 и рис. на стр. 46; план в указанном сочинении В. Грязнова.

[1] Колонны утолщены в основании при ремонте 1904 г. Архив ИИМК, фонд ИАК, 1894 г., д. № 233.
[2] SW, стр. 23.
[3] Во время наших работ в Гродно стены здания были полностью оштукатурены, что не позволило тщательно обследовать кладки, проверить следы сво-

Однако хоры не ограничивались одной западной четвертью храма. Описанный уступ идет вдоль всей северной стены, так же, как его имела, судя по рисунку Войцеха Герсона, и южная стена. Этот уступ доходит на востоке до конца центрального поперечного нефа — до места выхода с упомянутых лестниц в стенах боковых апсид. Таким образом, приходится признать, что, продолжая хоры, по всей длине боковых стен шли узкие деревянные балконы[1]. Так представлял себе устройство галлерей и П. П. Покрышкин.

Следовательно, западные хоры связывались с алтарными входными лестницами, но, видимо, это был не единственный вход. Приведенные выше рисунки западной и южной стен храма (рис. 40, *1, 3* и *4)* воспроизводят любопытную особенность западного фасада — очень большую ширину его южной угловой лопатки, лишенной майоликового убранства и украшенной только камнями. Возможно, что и южная стена была толще и в ней был устроен дополнительный ход на хоры непосредственно из церкви. И. Иодковский, отмечая эту особенность западного фасада, полагал, что «лестничная клетка» помещалась в западной стене[2]. К предположению о внутристенном ходе склоняет и наличие на западной лопатке узкого оконца, очевидно, и освещавшего лестницу[1].

В нижних частях стен и лопаток сделан ряд узких — высоких или низких — арочных ниш. Ныне они почти все заложены и оштукатурены[2] и недоступны для обследования, но все они представлены на чертежах И. Горностаева и фото П. П. Покрышкина (рис. 46). Над северной парой ниш западной стены (так же, как над аркой северного портала) выложена разгрузная арка. Назначение этих ниш трудно определить. Для аркосолиев они мелки и узки. Высказывалось предположение, что это ниши для сидения[3] или для установки статуй[4]. Возможно, что эти единственные свободные от голосников участки стен в нишах были использованы и для фресковых изображений отдельных фигур в рост или погрудных.

В храм вводят три двери с арочным верхом, очень вытянутые по своим пропорциям.

В верхней части стен располагались узкие окна с арочными перемычками; полнее всего их остатки сохранились в северо-западном углу храма (рис. 47). Здесь их по два в каждом из угловых делений фасада; можно предположить, что в средних широких делениях фасадов, отвечавших средним нефам, было по три таких окна. В восточных членениях северного и южного фасадов окна могли быть несколько подняты, так как здесь проходила лестница на боковые галлереи. Не может быть никакой речи о том, что окна имели характер бойниц, о чем писал И. Иодковский, назвавший и свою книжку о памятнике «Укрепленный храм на Коложе в Гродне», хотя храм и мог в случае опасности стать местом обороны, как это было не раз

дов и каких-либо деревянных креплений под боковыми «балконами».

[1] Вопрос о назначении лестниц в апсидах вызвал различные предположения. Так, например, В. Грязнов полагал, что они вели «на хоры или палаты и тайники, находившиеся над алтарными сводами» (ук. соч., стр. 367). Ясно, что это недоразумение, так как лестница выходит на северную и южную стены и кончается гораздо ниже алтарных сводов. Более близок к истине был Иосиф, писавший, что лестницы вели на «бывшие при западной части храма хоры и тайники» (ук. соч., стр. 537). И. Горностаев полагал, что это ход «для священников к приделам, устроенным в былые времена на существовавших тогда боковых галлереях» (Архив ИИМК, фонд **III**, д. № 45, л. 31 об.). В. В. Суслов в тексте к чертежам И. Горностаева соединял обе эти версии (ПДРЗ, вып. VI, текст). Наиболее фантастична гипотеза А. И. Некрасова, считавшего на основе неправильно истолкованного изображения храма на гравюре 1568—1572 гг. (он не обратил внимания на ориентировку гравюры и принял западную сторону за восточную; он также считал, что Коложская церковь стоит на берегу «Западной Двины»!), что боковые апсиды «заканчивались башнями», на которые и вели лестницы. Эта ошибочная мысль связывалась с изображением автором Коложской церкви как памятника, находящегося под влиянием «немецкого варианта романского зодчества»! (А. И. Некрасов. Очерки по истории древнерусского зодчества XI—XVII вв. М., 1936, стр. 84).

[2] SW, стр. 63, пр. 39. Правда, далее Иодковский высказал противоположное мнение, что с юга могла быть лестничная башня (там же, стр. 50). Вероятно, это второе предположение вызвано изображением Коложской церкви на гравюре Цюндта, рассмотренной выше.

[1] И. Горностаев пишет: «Один старик уверял меня, что есть такие же (как в апсидах.— *Н. В.)* лестницы и в западной стене, но что теперь они заложены». Архив ИИМК, фонд III, 1864 г., д. № 45, л. 31 об.

[2] Закладка ниш и северного портала произошла в 1908 г. ИАК, вып. 28, стр. 76; «Древности», Труды комиссии по сохр. древних памятников, МАО, т. IV, стр. 275. Архив ИИМК, фонд ИАК, 1894 г., д. № 233, л. 63—64.

[3] В. Грязнов. Ук. соч., стр. 369; В. В. Суслов — ПДРЗ, вып. VI, текст; M. Walicki. Ук. соч., стр. 13.

[4] А. И. Некрасов. Ук. соч., стр. 84.

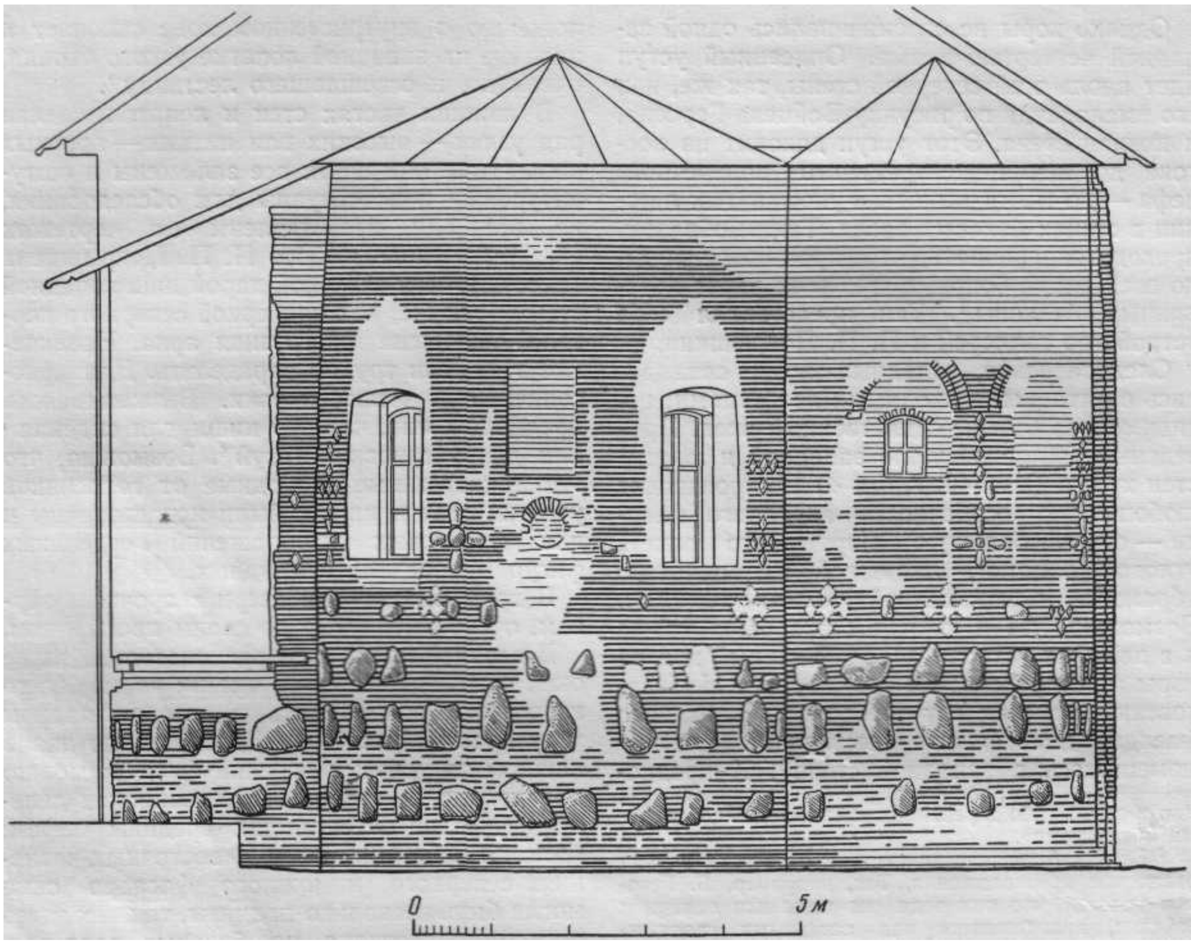

Рис. 44а. Коложская церковь. Восточный фасад. (По М. Валицкому, с дополнениями по натуре)

в истории древней Руси. Такие же окна с бровками из лекального кирпича были в алтарных апсидах.

Наиболее яркой и своеобразной чертой Коложской церкви является обработка ее фасадов. Они членятся плоскими трехуступчатыми лопатками, сближающимися с пучковыми пилястрами смоленского храма Михаила архангела, Троицкого собора в Пскове, церкви Пятницы в Чернигове и ряда других памятников конца XII в. Однако верхний элемент лопатки в Коложской церкви является не полуколонкой, но плоской тягой со скругленными углами. Угловые западные лопатки простые, плоские. Характерной чертой является срез их углов под 45°. Лопатки опираются на невысокий цоколь, имеющий также уступчатый профиль и образующий при сопряжении с лопатками своеобразную ступенчатую «базу» (рис. 48). На фасадах апсид никаких тяг нет, но арки их окон были украшены нарядным профилем из лекального кирпича.

Вся поверхность стен вплоть до узких срезов угловых лопаток, средних тяг пилястр и простенков меж окнами убрана с необычайной роскошью вставками полированных и необработанных плоских валунов и майоликовых плиток коричневого, зеленого и желтого тона (рис. 49). Камень использован двух пород — это граниты и гнейсы разнообразных оттенков, строго подобранных, однако, в определенной гамме тонов — коричневых, красных, темномалиновых, серовато-зеленых и оливковых. Крупные камни

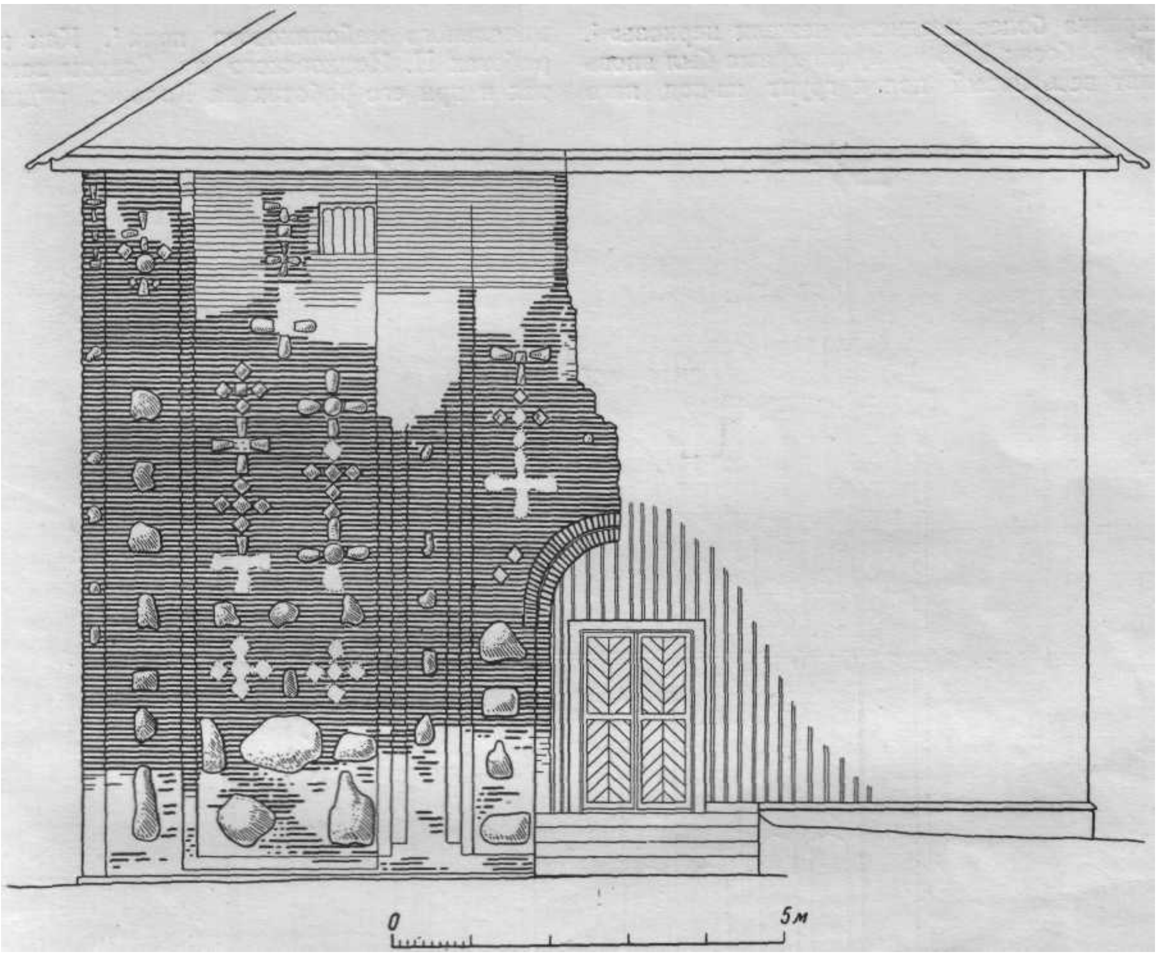

Рис. 44 б. Коложская церковь. Западный фасад. (По М. Валицкому с дополнениями) по натуре)

сосредоточены в нижних частях стен и около входов, выше они мельче; также мелкие камни подобраны для узких плоскостей лопаток. Из майоликовых плиток набраны разнообразные фигуры крестов со скругленными или трапециевидными лопастями или составленные из пяти обычных квадратных плиток, поставленных на угол. На северном фасаде дважды изображен крест на ступенчатой "голгофе». В размещении крестов и камней наблюдается известная симметрия, но зодчие-декораторы не придерживаются ее строго, внося определенный дух живописности и свободы в систему убранства в целом. Эта черта декора Коложской церкви роднит его с народным искусством вышивки. Основной красный фон кирпичной кладки со сравнительно широкими белыми швами не был закрыт побелкой и образовал великолепное сочетание с полихромией камня и майолики.

Обратимся к убранству интерьера храма.

Частичные вскрытия нового пола внутри церкви были произведены еще в 1904 г. «Разведки, произведенные ныне (в 1904 г.— *Н. В.)* в области северо-восточной колонны, выяснили, что на глубине около аршина ниже существующего пола скрывается древний пол, состоящий из квадратных крупных кафельных плит зеленых, белых и красных, а в строительном мусоре встречены обломки терракотовых плиток с рельефными орнаментами и мелкие квадратные кафельные плитки; между северными колоннами под древним полом найдено погребение в деревянном гробе и обрывки материи. Под жертвенником обнаружен склеп, сложенный из

кирпича более позднего, нежели церковь»[1]. При работах 1935 г. внутри храма был вновь снят весь новый пол и грунт из-под него был вынут до древнего уровня, на котором прослежены незначительные остатки первоначального майоликового пола[1]. Как при работах И. Иодковского на Старом замке, так и при его работах на Коложе, видимо,

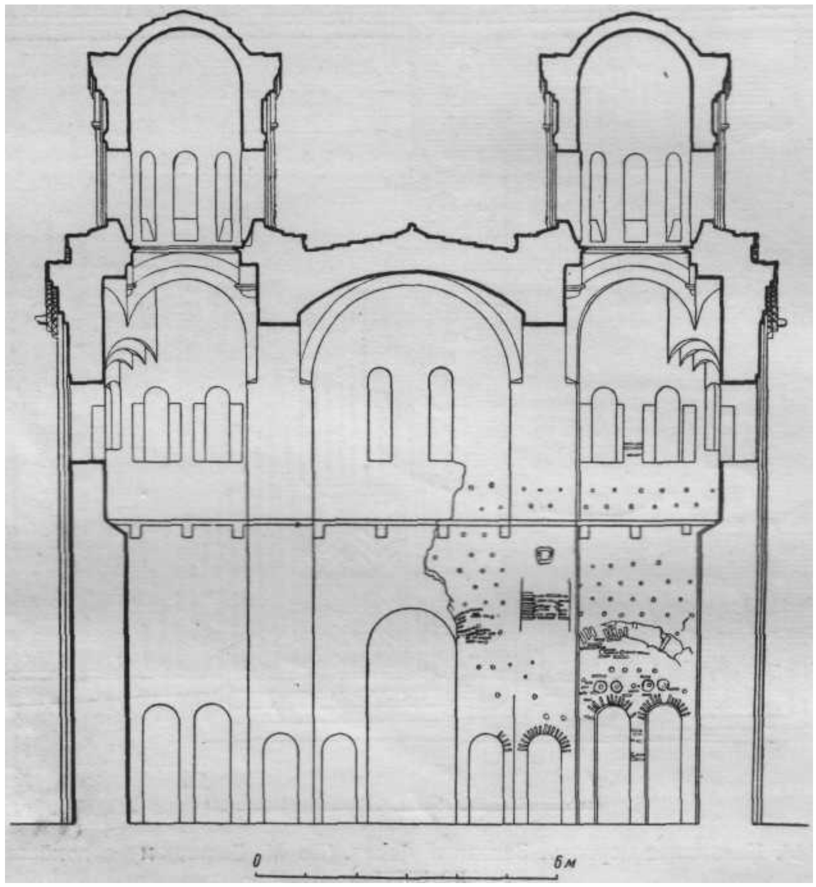

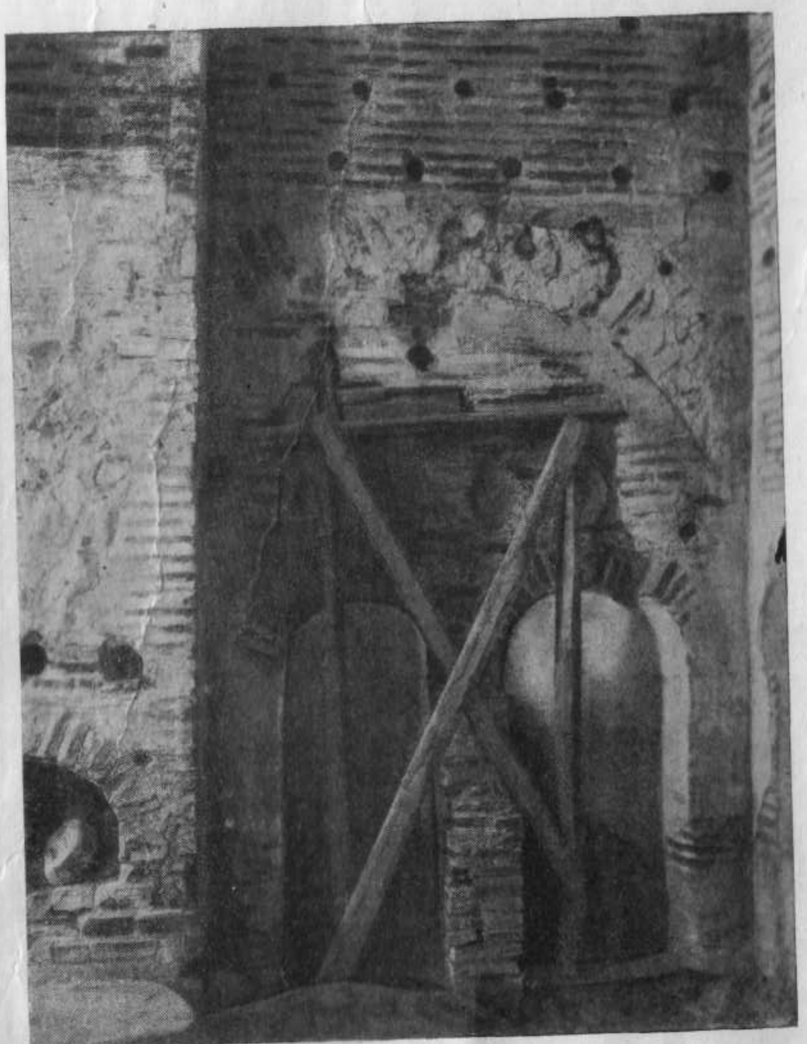
Рис. 45. Коложская церковь. Поперечный разрез по западному нефу и реконструкция верха. (Чертеж П. П. Покрышкина)

полностью отсутствовала какая-либо фиксация: ни раскопки снаружи храма, ни земляные работы внутри его не отражены какими-либо чертежами. Поэтому единственным источником остаются описание работ и фотографии, данные в его книге.

Прежде всего древний пол был разрушен рядом позднейших погребений и разрытий. Таковыми были: 1) большая кирпичная крипта Богуша Богувитиновича в северном нефе, использованная позже для погребения княгини Анны Головиной-Голицыной

[1] Архив ИИМК, фонд ИАК, 1894 г., д. № 233. Данные об этих разведках находим в листках из записной книжки П. П. Покрышкина (Архив ИИМК, фонд № 21, д. 546, л. 21, 22): «30 мая 1904 г. открыт изразцовый пол на 1 арш. ниже нынешнего (зарисовка.— *Н. В.)*—крупные квадраты: зеленые, белые и без поливы (красные). Это с зап. стороны с.-в. столба. Весьма радовались» (л. 21). Далее сделана зарисовка плана, где меж северными подкупольными столбами показана яма с надписью: «покойник». Далее: «В яме 1: между нынешним полом и уровнем плинта колонны попадались кирпич нынешних размеров, булыга, квадрат, плита (зарисовка плитки с рельефным диагональным крестом; см. ниже рис. 50, 1.— Н. В.). Под нынешним полом — насыпной слой».

[1] Книга Иодковского не освещает проведенных позже работ в южном нефе, еще не законченных в 1935 г.

1

2

Рис. 46. Коложская церковь

1 — ниши западной стены; 2 — ниши северной стены

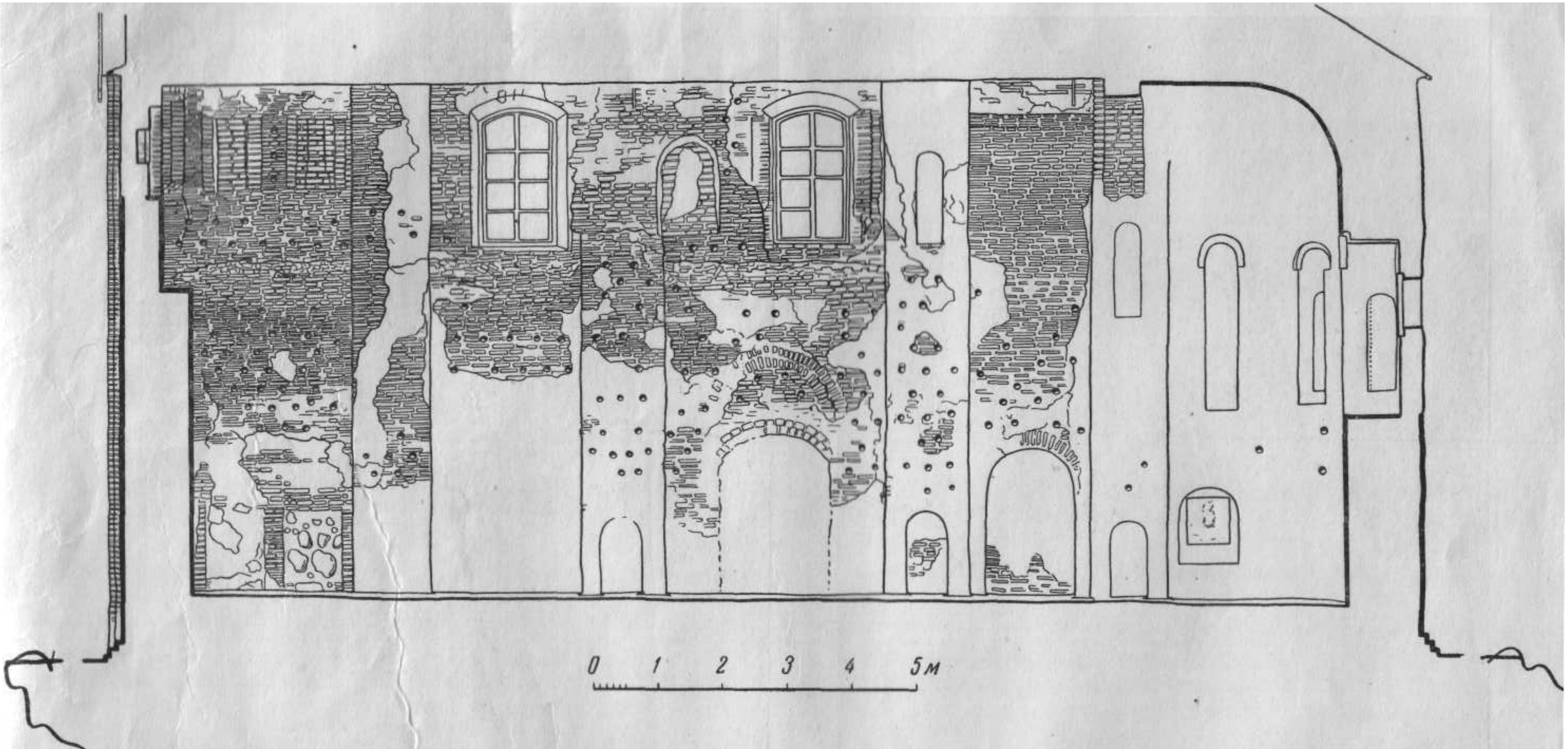

Рис. 47. Коложская церковь. Продольный разрез. (По М. Валицкому)

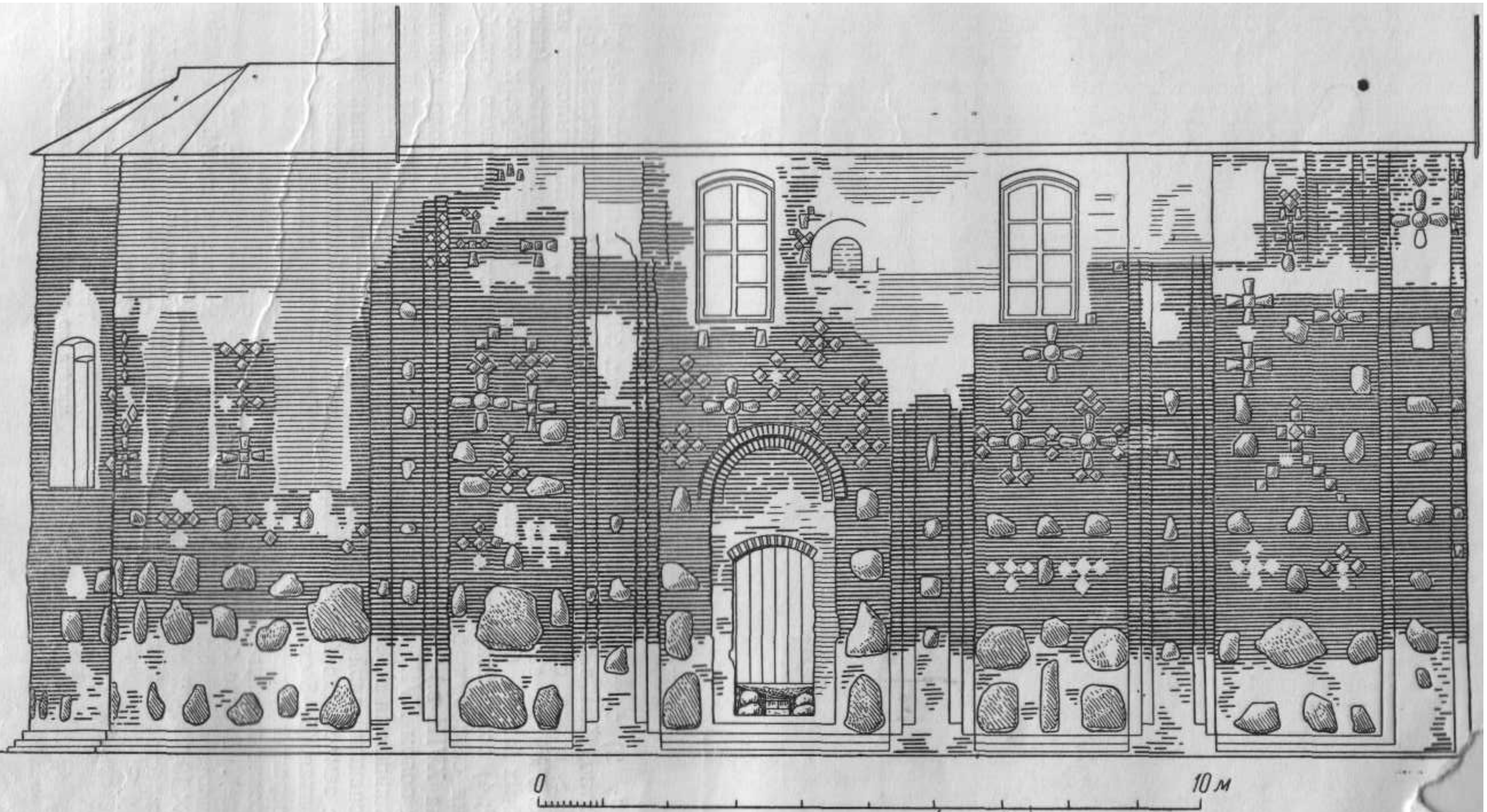

Рис. 48. Коложская церковь. Северный фасад. (По М. Валицкому с дополнениями по натуре)

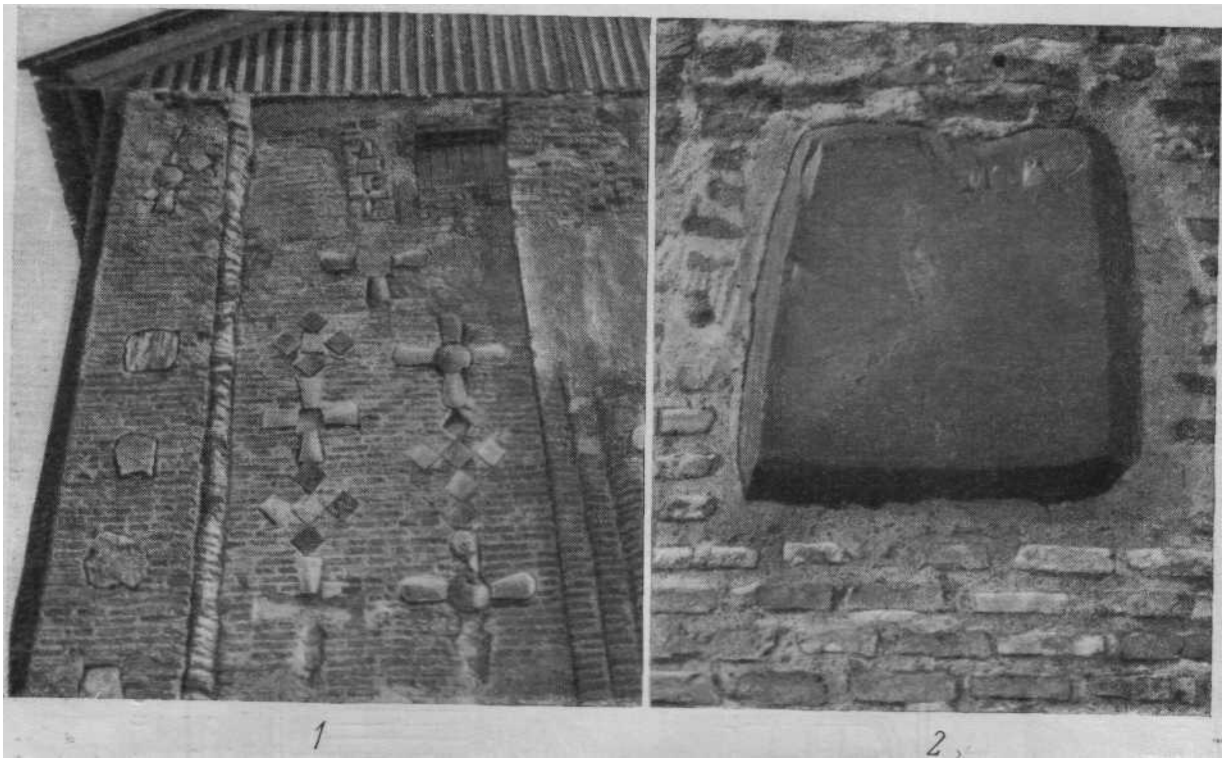

Рис. 49. Коложская церковь
1 — деталь западного фасада; 2 — деталь фасада главной апсиды

(ум. 1784г.) [1]; 2) погребение в главной апсиде вероятно, XIII в.)[2]; 3) погребение в среднем нефе около фундамента нового иконостаса головой на запад с ожерельем из многогранных синих бус с золотистыми прожилками[3]; 4) погребение меж северными подкупольными столбами в склепе (вероятно, середина XVIII в.)[4].

Под новым полом XУll в. из мраморных плит, перестилавшимся в 1898—1901 гг., был не раз перекопанный слой насыпного песка, смешанного с землей (до 45 см толщиной). Ниже шла тонкая (5—8 см) прослойка черной земли (перегноя), лежавшая непосредственно на уровне древнего пола (о ней мы говорили выше). В слое были найдены обломки майоликовых плиток пола и толстых плиток 19,5 X 19,5 X 4,2 см без поливы с выпуклым крестообразным орнаментом

[1] АС IX, стр. 423; SW. стр. 46—47
[2] SW, стр. 45.
[3] Там же. стр. 49.
[4] Там же и рис. на стр. 41.

(рис. 50, *1)* [1]. Незначительные участки майоликового пола сохранились: а) в апсиде жертвенника, где пол выложен из квадратных и треугольных плиток (цвет не указан)[2]; б) в среднем нефе, к юго-западу от северо-восточного круглого столба,— также из квадратных и треугольных плиток[3]; в) в северном нефе около крипты Богуша Богувитиновича из желтых и зеленых квадратных и треугольных плиток[4]; г) в алтарной апсиде — из фигурных желтых и зеленых крестообразных плиток (рис. 50, *2)*[5]. Повидимому, плитки укладывались на слой

[1] SW, стр. 41.
[2] Там же, стр. 40 и рис. на стр. 42, 43.
[3] Там же, рис. на стр. 41.
[4] Там же, стр. 47.
[5] Там же, стр. 45 и рис. на стр. 44 и 46. Плитки подобной формы известны из раскопок В. В. Хвойко в Белгороде. Н. Д. Полонская. Археол. раскопки В. В. Хвойко 1909—1910 гг. в местечке Белгородке. Труды Московского предварительного комитета по устройству XV археол. съезда. М. 1911 стр. 63, рис. 47.

щебня и известкового раствора, о котором упоминает И. Иодковский [1].

При сносе грунта снаружи церкви были найдены обломки майоликовых плиток в форме кольца с внутренним диаметром 10,4 см и наружным — около 14,4 см темно-коричневой и зеленовато-синей поливы с отверстием посередине для вставки круглой маленькой плиточки другого тона (рис. 50, *2)*. Скосы краев — кнаружи для сцепления

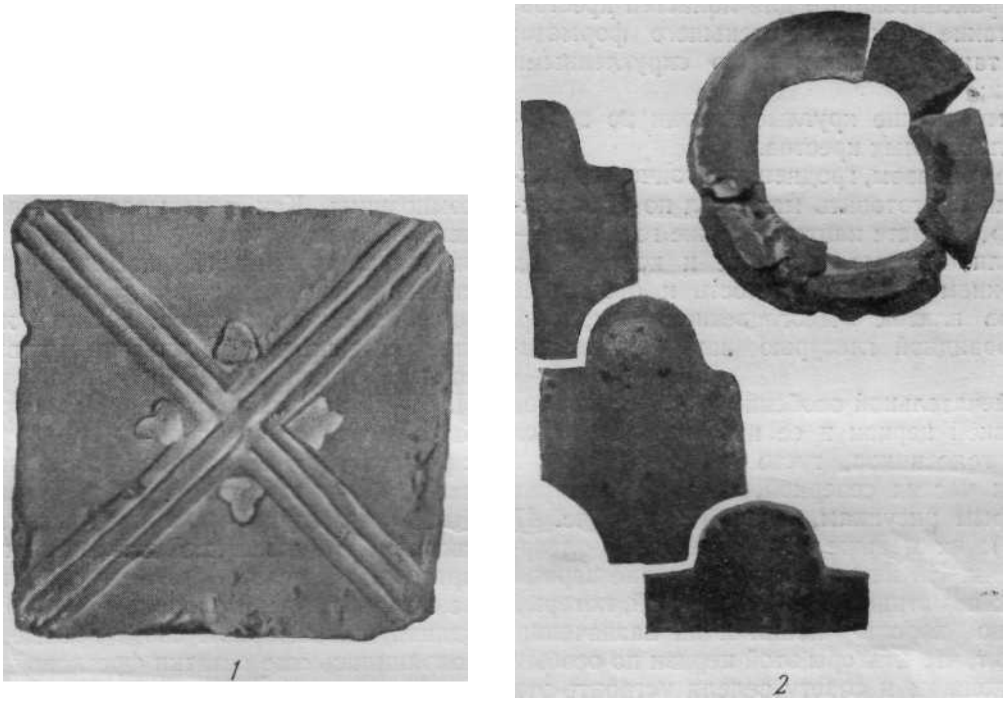

Рис. 50. Коложская церковь. Плитки пола

с соседними плитками. И. Иодковский относил эти плитки к фасадному убранству храма (видимо, по причине находки вне здания) [2]. Однако по своему размеру плитка этого типа совпадает с дисковидными плитками коврового узора под куполом Нижней церкви (см. ниже). Возможно, что и в среднем нефе Коложской церкви была часть пола более сложного узора. Отметим, что кольцеобразная плитка отвечает своим размером формату малых квадратных и треугольных плиток (со стороной 14 см), т. е. могла выступать в сочетании с ними. Таким образом, для майоликового убранства пола храма Коложской церкви были изготовлены следующие сорта плиток:

1) квадратные (26X26 см);

2) треугольные (равнобедренные со стороной 26 X 26 X 34 см);

3) квадратные меньшего формата (14X 14 см);

4) треугольные меньшего формата (14 X X 14 X 19 см).

Крупные квадратные и треугольные плитки были применены для вымостки среднего нефа [1], плитки меньшего размера — в апсиде жертвенника [2];

5) крестообразные целые (12X9,2X X 1,8—2 см);

6) крестообразные половинки продольные;

7) крестообразные половинки поперечные [3];

8) кольцеобразные (диаметром 14,4 см); последние предполагают при выполнении из них простейшего узора еще две формы плиток:

9) круглые диаметром 10,4 см, заполняющие отверстие кольца;

[1] SW, стр. 45, 49.
[2] Там же, стр. 39, 40.

[1] SW, рис. на стр. 43 и 41.
[2] Там же, рис. на стр. 42. Размеры взяты по этому фото.
[3] Там же, стр. 45.

10) треугольные с одной вогнутой стороной, сводящие кольцеобразную плитку к форме квадрата;

11) квадратные неполивные с рельефным крестом.

К этому ассортименту майоликовых плиток следует добавить те их разновидности, которые были применены только в убранстве фасадов:

12) круглые для средокрестий;

13) трапециевидные для лопастей крестов;

14) такие же плитки меньшего формата;

15) такие же плитки со скругленными торцами;

16) маленькие круглые плитки во входящих углах малых крестов.

Таким образом, гродненские гончары должны были приготовить материал по 16 «стандартам». О цвете плиток мы уже говорили — они были желтые, зеленые и коричневые. Подчеркнем их одноцветность и отсутствие остатков плиток с многоцветной, например, мраморовидной глазурью или орнаментами [1].

Примечательной особенностью кладки стен Коложской церкви и ее интерьера является обилие голосников, густо расположенных в верхних частях северной, западной и, судя по старым рисункам, южной стен (рис. 47 и 40, *2)*; их меньше лишь в апсидах алтарной части. На них обратил внимание первый историк памятника И. Кульчинский, который довольно хорошо понял и их назначение: «Говорят, что ктиторы этой церкви по особым соображениям и совету велели устроить эти отверстия с горшками для более приятного резонанса, производимого эхо богослужения и песнопений» [2]. Голосники Коложской церкви выполнены в спирально-ленточной, технике и имеют" следующие размеры (в сантиметрах):

Высота		49,5	41,9
Диаметр	горла	9,0	9,2
	плеч	27,2	23,1
	дна	13,8	11,3 [3]

При этом преобладают голосники большого формата. Как и голосники Нижней церкви, они украшены параллельным линейным орнаментом, густо покрывающим верхнюю часть тулова от горла до плеч, а ниже — из редко расположенных линий. Коложские голосники более темного оттенка, как бы задымленные. Несомненно, что голосники оценивались зодчими не только как акустическое средство, но как конструктивный материал; об этом говорит наличие голосников, например, в ступенях лестниц в алтарных апсидах и в щековых частях перекрывающих лестницу сводиков.

Вопрос о первоначальном живописном убранстве Коложской церкви может быть решен лишь предположительно. Сохранившаяся северная стена и часть западной стены столь густо усеяны отверстиями заложенных в кладку голосников, что на их поверхности не было ни одного участка, где могла бы быть помещена даже небольшая живописная композиция. Как показывает рисунок Войцеха Герсона (рис. 40, *2),* изображающий внутренность храма до падения его южной стены, последняя была также испещрена горловинами голосников. Нижние же части стен были прорезаны описанными выше высокими нишами. Во время раскопок П. П. Покрышкина и И. Иодковского не было встречено ни одного куска штукатурки с росписью; во всяком случае они не упоминают об этом. Единственным местом, где были сравнительно большие участки стен и сводов без голосников и где можно было применить роспись, был алтарь. В литературе есть указание, что еще в XIX в. до ремонта здания «на алтарном своде кое-где местами сохранились еще остатки фресковой росписи: слабо виднелся очерк головы какого-то святого и расписной каемчатый карниз» [1]. Более точные данные сообщает В. Грязнов: «Внутренние стены были расписаны фресками, как это обнаружилось при устройстве в 70-х гг. настоящего столетия часовни (в виде деревянной перегородки) в средней части алтаря. Когда стали отбивать штукатурку, то из-под извести были открыты штукатурами в алтаре 2 ангела; эти мастера разбили фрески и вновь заштукатурили их. Заметны были в 1864 г. в правой алтарной части (апсиде диаконика? — *Н. В.)* силуэты св. Троицы и в средине (алтарной апсиде? — *Н. В.)* крест корсунской формы, а сверху столбов меж алтарных арок фрески, изобра-

[1] SW, стр. 39.
[2] АС IX, стр. 411.
[3] SW, стр. 27.

[1] Иосиф. Ук. соч., стр. 494. Автор цитирует здесь весьма реалистическое описание состояния памятника в романе В. Крестовского «Две силы».

жающие луну и солнце» [1]. Место последнего фрагмента показано на поперечном разрезе храма, сделанном В. Грязновым. Характер и расположение остальных спорны. С фресок (среди них было «изображение княжича») были сделаны акварели. И. Иодковский полагал, что" это "остатки росписи, современной храму[2]. Если принять это мнение, то убранство интерьера выглядело следующим образом. Роспись украшала лишь алтарную часть храма. Стены основного помещения храма оставались нерасписанными; они могли быть побелены, или же, скорее, «мозаичная» розово-белая фактура кладки с гладко затертыми швами оставалась открытой. Роспись могла здесь украшать лишь высокие ниши в нижних частях стен.

Ни от алтарной преграды, ни от утвари Коложской церкви не сохранилось в земле ничего. Возможно, впрочем, что при раскопках как П. П. Покрышкина, так и И. Иодковского не обратили внимания на мелкие обломки металла и скопление угля. Из Коложской церкви происходит лишь один предмет, относящийся, повидимому, к ее древней утвари,— это хранящийся в Институте истории Литвы Академии наук Литовской ССР бронзовый водолей (рис. 51). Он был издан Ф. Покровским в числе других вещей Виленского музея древностей с кратким описанием: «Бронзовый водонос из Коложской (Гродно) церкви; верхняя часть головы всадника отломлена, недостает также меча в правой руке всадника и затвора отверстия на голове коня». Автор полагал, что это вещь униатской поры в жизни храма [3]. Однако этот редкий памятник прикладного искусства, несомненно, более ранний и восходит к XII—XIII вв. Он заслуживает специального изучения и издания, здесь же мы ограничимся его краткой характеристикой в связи с его принадлежностью к утвари Коложской церкви [1].

Водолей представляет собой фигуру рыцаря верхом на коне; высота всей скульптуры 24 см, длина 19 см. Фигура коня[2] грузная, с широкой круглой грудью и тяжелой головой на короткой мощной шее, с выпуклыми глазами и большими ушами; подстриженная грива, перекинутая на левую сторону шеи, передана двумя схематично ограниченными полосами параллельной гравировки (может быть, это броня?). Вода наливалась через отверстие во лбу коня, закрывавшееся крышечкой на шарнире, и выливалась через круглое отверстие на конце морды. Хвост обработан, как и грива, параллельными линиями и как бы развевается четырьмя прядями. На левом боку коня и на животе, ближе к передним ногам, есть круглые отверстия; их назначение неясно,— может быть, они связаны с процессом отливки. Конь взнуздан широкой уздой, украшенной орнаментом из треугольников, с круглыми выступами удил; повод как бы соединяется при помощи таких же выступов с «петлями», надетыми на уши коня. Передний нагрудный ремень шлеи, изображенный контуром, украшен, как и узда, треугольниками; спереди спускаются на ремешках металлические украшения — среднее в виде трилистника или лилии и лунницы по бокам. Под седлом с низкими краями — ковер с зубчатыми вырезами по краю. Стремена натянуты напряженно выпрямленными ногами всадника в сапогах с острыми носами и шпорами. Его фигура передана обобщенно и несколько наивно; особенно неумело сделаны непропорционально тонкие руки; левой всадник держит повод, в правой был, скорее всего, меч — кисть сжата в кулак. Руки для прочности соединены пластинками с шеей коня. Голова всадника сохранилась лишь в нижней части; лицо с крупными мясистыми чертами обрамлено небольшой подстриженной бородой, переданной короткими штрихами. Одежда — типа длинного кафтана — плотно

[1] В. Грязнов. Ук. соч., стр. 370.

[2] SW, стр. 20—21. Не исключено, однако, что эти фрагменты принадлежали к началу XVI в.— к реставрации храма Богушем Богувитиновичем, который после надстройки стен и кровли «внутри украсил дом божий с подобающей роскошью» (АС IX, стр. 417). В 1520—1546 гг. при церкви была живописная школа (SW, стр. 11). Окончательный ответ на этот вопрос могут дать лишь поиски остатков росписи в алтарной части храма. Копий с фресок нам найти не удалось.

[3] Ф. Покровский. Виленский музей древностей. Вильно, 1892, текст к табл. XXI. Полный экземпляр этого издания — в библиотеке ИИМК (Г. 691).

[1] Приношу сердечную благодарность старшему научному сотруднику Института истории Литвы Академии наук Литовской ССР П. 3. Куликаускас, доставившему мне фотографии, рисунки и детальное описание водолея, позволившие составить полное предварительное представление о памятнике. Позже водолей был изучен мною в натуре.

[2] Правая передняя нога была отломана и позднее приварена.

обтягивает торс всадника; на уровне груди — опоясывающая нашивка, соединенная с подобными же нашивками, идущими через плечи и около шеи. Одежда имеет сзади разрез и спускается по сторонам широкими

Рис. 51. Бронзовый водолей из утвари Коложской церкви

полами, украшенными продольными линиями и косой насечкой. Рукоять водолея удачно сделана в виде прикрепленного сзади к нашивке кафтана и как бы скрутившегося плаща с бахромой на конце [1].

Описанный коложский водолей остался неизвестным автору монографии о памятниках этого типа Я. И. Смирнову[2]. Изданный им бронзовый водолей XII в. из Харьковской области, найденный у села Кочетка на Донце, по своему типу близок коложскому — это также фигура рыцаря на коне [1]. Однако в художественном и техническом отношении харьковский водолей значительно совершеннее; детали снаряжения коня и всадника сделаны с большей точностью и пониманием их назначения. Коложский водолей по сравнению с ним грубоват и примитивен. Его дата — также, повидимому, XII в.; об этом говорят удила с мундштуком и низкие выступы седла [2]. Как полагает Я. И. Смир-

[1] По характеру оформления рукояти аналогичен акваманил в виде фигуры льва, найденный под Вильнюсом. Spraw. Kom., t. IV, z. 3, s. XCIII, fig. 44.

[2] Я. И. Смирнов. О бронзовом водолее западноевропейской работы, найденном в Харьковской губ., «Труды Харьковского предвар. комитета по устройству XII археолог, съезда», т. 1. Харьков 1902, стр. 481—494.

[1] Ныне в экспозиции ГГИАМ.

[2] A. Demmin. Ук. соч., стр. 661; W. Bocheim. Handbuch der Waffenkunde. Leipzig, 1890, стр. 193; M. G. Demay. Le costume de guerre et d'apparat...

нов, подобные водолеи изготовлялись «в немецких областях», откуда и попадали на Русь [1]. Наличие такого водолея в Гродно, на западном порубежье Руси, вполне понятно.

В то же время коложский водолей говорит о наличии в Коложской церкви в XII—XIII вв. разнообразной металлической утвари. Как увидим далее, в убранстве алтарной преграды Нижней церкви большую роль играла золоченая гравированная медь; медной или бронзовой была и ее утварь. При единстве художественного облика обоих гродненских храмов можно предположить, что и в Коложской церкви была применена аналогичная система украшения преграды и преобладала медная утварь, покрытая «жженым златом».

В целом интерьер Коложской церкви был исключительно эффектным и своеобразным. Высокие и подчеркнуто стройные порталы вводили внутрь храма. Входивший через западный вход видел сразу всю глубину к высоту его пространства. Хоры были подняты достаточно высоко, чтобы их перекрытия не создавали полумрака и чувства придавленности, как это было во многих других храмах XII в. К тому же западная пара столбов была круглой, хоры представляли прямолинейный деревянный настил на балках, так что при взгляде из нартекса вид на центральное пространство храма не ограничивали дуги арок. Вдоль боковых стен тянулись от хор до алтаря узкие, также деревянные балконы. Квадратная центральная часть храма, залитая светом окон средней главы и северных и южных окон, резко отличалась от интерьера обычных крестовокупольных храмов. Вместо крестчатых мощных столбов, дробящих пространство на четко и остро подчеркнутые ячейки, здесь введены стройные круглые столбы, лишь очень высоко переходящие к крестообразному сечению и сообщающие интерьеру свободный, «зальный» или «полатный» характер. В то же время колонны подчеркивали вертикальную динамику пространства, легкость здания. В этом впечатлении немалую роль играли стройные, вытянутые проемы порталов узких высоких ниш внизу стен, как бы подчеркивавших «легкость» вышележащей стены, игравшей красно-белой рябью, просвечивающей сквозь известковую затирку кирпич-

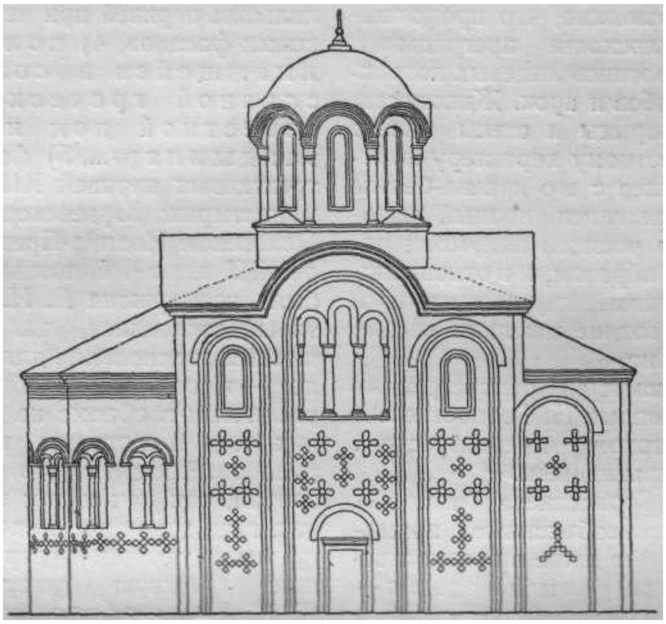

Рис. 52. Коложская церковь. (Реконструкция И. Горностаева)

«Memoires de la societe nationale des antiquares de France». Serie IV, t. V. Paris, 1875, p. 159—161, pl. XIX; p. 163, pl. XX.

[1] Я. И. Смирнов. Ук. соч., стр. 484; см. также Б. А. Рыбаков. Торговля и торговые пути. «История культуры древней Руси», т. I, стр. 333.

ной кладки и испещренной круглыми отверстиями голосников. Мерцающий бликами света цветной майоликовый пол немало содействовал общему оптимистическому настроению интерьера. Далее пространство алтаря с его глубокими апсидами должна была отделять алтарная преграда с цветными пятнами икон; возможно, что продолжением живописной плоскости преграды и являлась фресковая роспись лицевых поверхностей алтарных столбов и арок. Живописью были, возможно, покрыты и стены апсид. Светлому, жизнерадостному характеру помещения для молящихся с его красно-белым колоритом противополагался полный матовых красочных пятен росписи полумрак алтарной части. Таким образом, и в отношении основных черт трактовки внутреннего пространства храма его зодчие мыслили весьма смело и самостоятельно.

В заключение рассмотрим реконструкции памятника, предложенные И. Горностаевым и крупнейшим знатоком древнерусского зодчества П. П. Покрышкиным.

Реконструкция И. Горностаева (рис. 52) поражает совершенно необъяснимой примитивностью и неточностью даже в воспроизведении сохранившихся частей здания — майолик, окон; убранство из вставок камня не показано вовсе. Однако заслуживает внимания одна черта этого проекта: видимо, принимая во внимание выделение в интерьере центральной четырехстолпной части с ее круглыми колоннами и отличие сложных лопаток фасадов этой части от плоских угловых лопаток притвора, И. Горностаев представил его пониженным, но опустил при этом прекрасно сохранившиеся именно в этой части окна.

Несравненно документальнее основанный на детальном изучении памятника, но далеко не бесспорный проект реставрации, предложенный П. П. Покрышкиным (рис. 53).

Наиболее сложен вопрос о венчающих частях Коложской церкви. Ответ может быть лишь предположительным, так как никаких реальных данных мы не имеем. Как мы отмечали выше, «Инвентарь» 1738 г. упоминает три деревянные главы на Коложской церкви, которые могли воспроизводить старую композицию верха здания[1].

[1] И. Корчинский. Ук. соч. стр. 23.

В объяснениях П. П. Покрышкина в отношении трехглавия храма, данного в его проекте, было сказано, что оно оправдывается: «1) планом сей церкви, 2) требованиями архитектурного силуэта, который ухудшится, если отказаться от этих куполов, 3) отсутствием примеров однокупольных церквей при четырех закомарах боковых фасадов, 4) полной аналогией, имеющейся в солунекой православной греческой церкви X в., известной под названием «Казанджиляр»..., 5) фактом существования трехглавых церквей XII в. в Новгородских монастырях: Юрьевском и Антониевом и в Псковском Иоанно-Предтеченском монастыре XIII в. ...»[1]. Гипотеза П. П. Покрышкина была поддержана А. Н. Померанцевым, который согласился, что «...в плане церкви имеется и основание для двух боковых куполов — массивные столбы, которые, конечно, увеличены в объеме не для деревянных легких хор и которым нечего нести, кроме куполов»[2]. Однако это соображение не бесспорно, так как и при наличии двух западных глав западные столбы имели бы нагрузку меньшую, чем центральные столбы, несшие большую главу. Предположенное П. П. Покрышкиным трехглавие храма заставило автора проекта прибегнуть к совершенно необычной для русского зодчества XII в. системе перекрытий. Диаметр центральной главы был дан меньше по сравнению с размером, определяемым расстановкой четырех подкупольных столбов; в связи с этим вместо обычных парусов пришлось ввести систему дополнительных арок на консолях. Точно так же под угловыми главами автор ввел систему тромп и ступенчатых арок, а в перекрытии храма сильно вспарушенные крестовые своды (см. рис. 45). Следовательно, центральная глава должна быть больше и массивнее, а наличие двух угловых глав далеко не бесспорно. При этом остается открытым вопрос о причине большего диаметра западных столбов[3].

[1] Архив ИИМК, фонд ИАК, 1894 г., д. № 233, л. 73 (разрядка моя.— *Н. В.).*

[2] ИАК, вып. 57, стр. 56.

[3] Если допустить едва ли вероятную пониженность нартекса, то западные столбы получали нагрузку от расположенной над ними стены. См. замечание В. В. Суслова. ИАК, вып. 57, стр. 56.

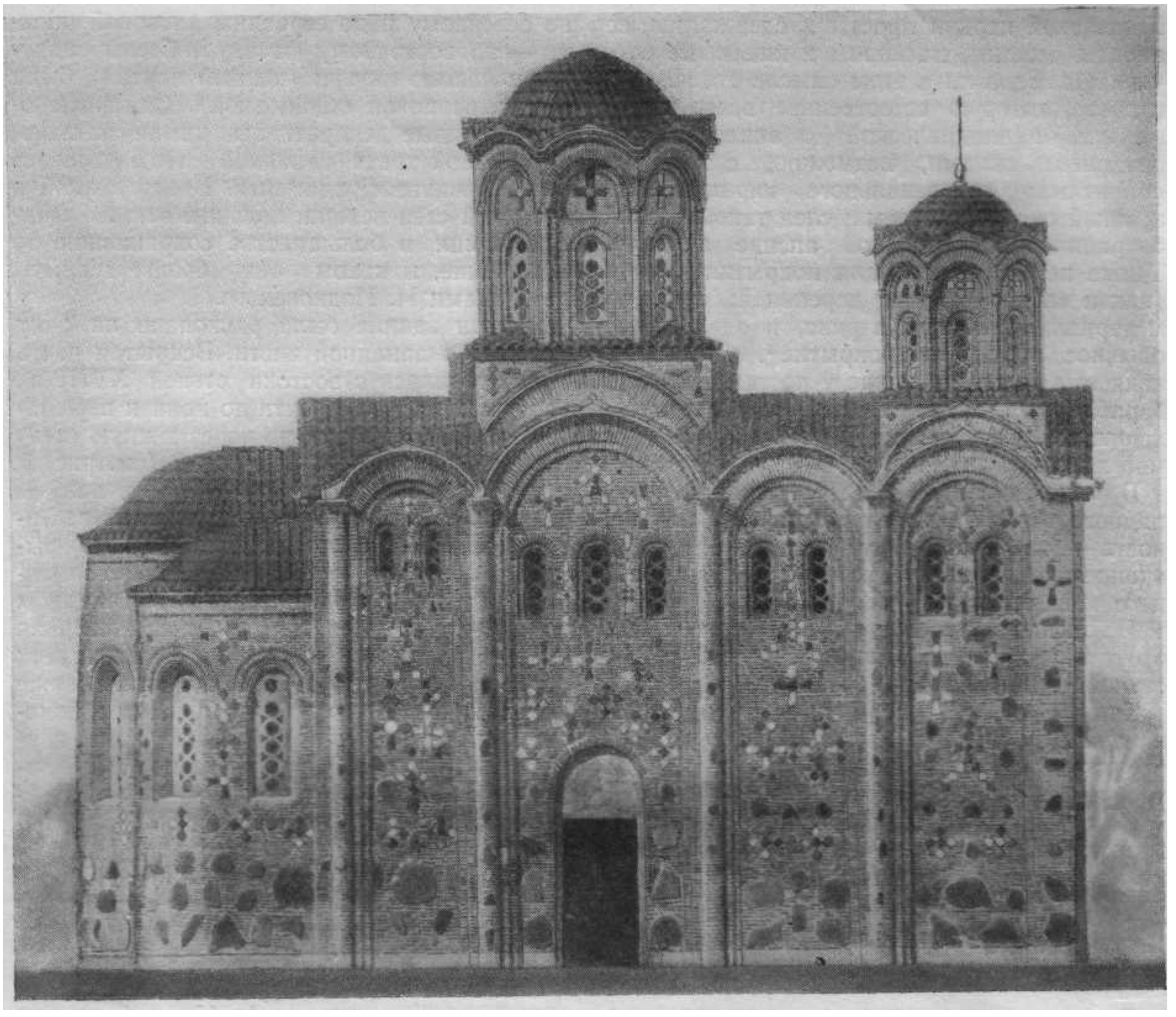

Рис. 53. Коложская церковь. (Реконструкция П. П. Покрышкина. Северный фасад)

Предположив, что храм мог иметь одну мощную главу, расположенную при этом точно посередине продольной оси храма, измеряемой вместе с апсидами, можно думать, что алтарные апсиды не были пониженными, но имели почти равную высоту с основным объемом здания. При этом оно приобретет строгую симметричность и уравновешенность (рис. 54) 1.

Вызывает возражение и трактовка глав. При совершенно своеобразном облике всего памятника и особенно оригинальности его фасадного убранства представленные в проекте П. П. Покрышкина главы поражают своим сугубо «византийским» обликом, восьмигранной формой, глубоким рельефом граней с полуколонками на углах и арочным завершением. Эти черты, видимо, продиктованы солунским образцом, использованным автором. Выступавший при обсуждении проекта К. К. Романов указывал, что «проект слишком близок к Солунским церквам, покрытие Коложской церкви следовало бы выдержать проще...» 1. При всей украшенности архитектурные формы

[1] Изложенными замечаниями к проекту П. П. Покрышкина я обязан К. Н. Афанасьеву.

[1] ИАК, вып. 57, стр. 56 (разрядка моя.— *Н. В.*).

Коложской церкви просты и сдержанны, ее апсиды мощны, массивны и никак не расчленены. Едва ли в этом смысле отличалась и глава, которую естественнее всего представить цилиндрической с аналогичными алтарным окнами, возможно, с теми же «бровками» из лекального кирпича над арочкой оконного проема; след такой бровки сохранился на северной апсиде алтаря[1]. Также нет оснований для покрытия купола (как и сводов храма) черепицей: судя по материалам Нижней церкви, и здесь было обычное свинцовое покрытие[2]. Домыслом являются и выступающие у постаментов под барабанами дополнительные «закомары-кокошники», а также килевидная форма закомар храма.

В реконструкции П. П. Покрышкиным западного фасада не отражена его особенность — широкая лопатка южного угла с оконцем, связанная с устройством внутреннего хода на хоры.

Наконец, в проекте П. П. Покрышкина отсутствует открытый при раскопках 1935 г. ступенчатый цоколь.

Таковы соображения к вопросу о первоначальном облике Коложской церкви. Реконструкция этого примечательного памятника требует специальных новых исследований.

До раскопок на Замковой горе Коложская церковь представлялась загадочным, одиноким в своем своеобразии храмом, стоявшим почти вне связей с архитектурой остальной Руси.

3

К началу работ 1949 г. руины Нижней церкви представлялись в следующем виде.

В процессе довоенных раскопок храм был открыт с внешней стороны целиком по западному и южному фасадам, до портала — по северному и до середины алтарной апсиды — по восточному фасаду[1]. Стены снаружи и частью внутри (южный портал) были вычинены новой облицовкой[2]. Однако многие фасадные декоративные камни выпали, а в южной трети западной стены имелось выкрашивание фундамента. Вдоль южной и западной стен лежали большие отшлифованные камни, в большинстве сохранившие то положение, в каком они были вскрыты раскопками И. Иодковского.

Внутри здание было раскопано на одну четверть в западной части. Вскрытая часть ограничивалась с востока стеной XVIII в., прорезающей храм почти до пола и перешагивавшей первоначально через южную стену Нижней церкви большой аркой (см. рис. 5, стр. 21). В северо-западном углу, в полу — углубление для погребения. Первый северный столб сохранился на значительную высоту, но обкрашивается, как и северо-западная часть стен храма. В северо-западном углу стен — сквозная трещина, северная стена отклонилась наружу, особенно ветх кусок стены около северного портала; также к северу слегка наклонна северная половина западной стены. Перед западным порталом внутри — несколько больших отшлифованных камней, по сторонам — пол из неполивной плинфы, сильно осевший по направлению от стены к востоку.

Судя по ряду фотографий фонда ГГИАМ, на значительную глубину была вынута засыпь и из южного нефа храма, затем снова заполненного осыпью руин.

Стена XVIII в., выбранная довоенными раскопками в южном нефе Нижней церкви, служила как бы подпорой завалу камня и щебня в восточной нераскрытой части здания. Эта стена толщиной 0,92 м поднимается до отметки 4,21 м, меж I и II северными столбами она утолщается уступами в обе стороны по 0,18 м; с севера она опирается на развалины северной стены Нижней церкви и далее выложена аркой, разрушенной почти целиком. В южной части фундамент

[1] В качестве примера более строгого и характерного для XII в. решения главы укажем на реконструкцию Каневского собора. См. П. Г. Юрченко и Ю. С. Асеев. Канiвський собор. «Архiтектурнi пам'ятники». Киiв, 1950, стр. 87, рис. 96.

[2] Возможно, что эта подробность вызвана указанием В. Грязнова, что «крыша и купол были из цветной глазурованной черепицы красивой формы, как видно из найденных цветных черепиц, в середине храма на глубине 1 м» (ук. соч., стр. 367). Очевидно, В. Грязное счел за черепицу обломки майоликовых плиток пола либо фасадной декорации. Ни одного обломка черепицы у Коложской церкви не найдено. SW, стр. 67, прим. 44.

[1] К концу 1933 г. были вскрыты южная и западная стены Нижней церкви и 3—4 кв. м пола внутри церкви в ее западной части. GW, стр. 11. Раскрытие восточной и северной стен и расширение раскопа в западной части храма производились, видимо, в последующие годы в связи с подготовкой к укреплению и облицовке руин.

[2] Фонды ГГИАМ, фото № 524.

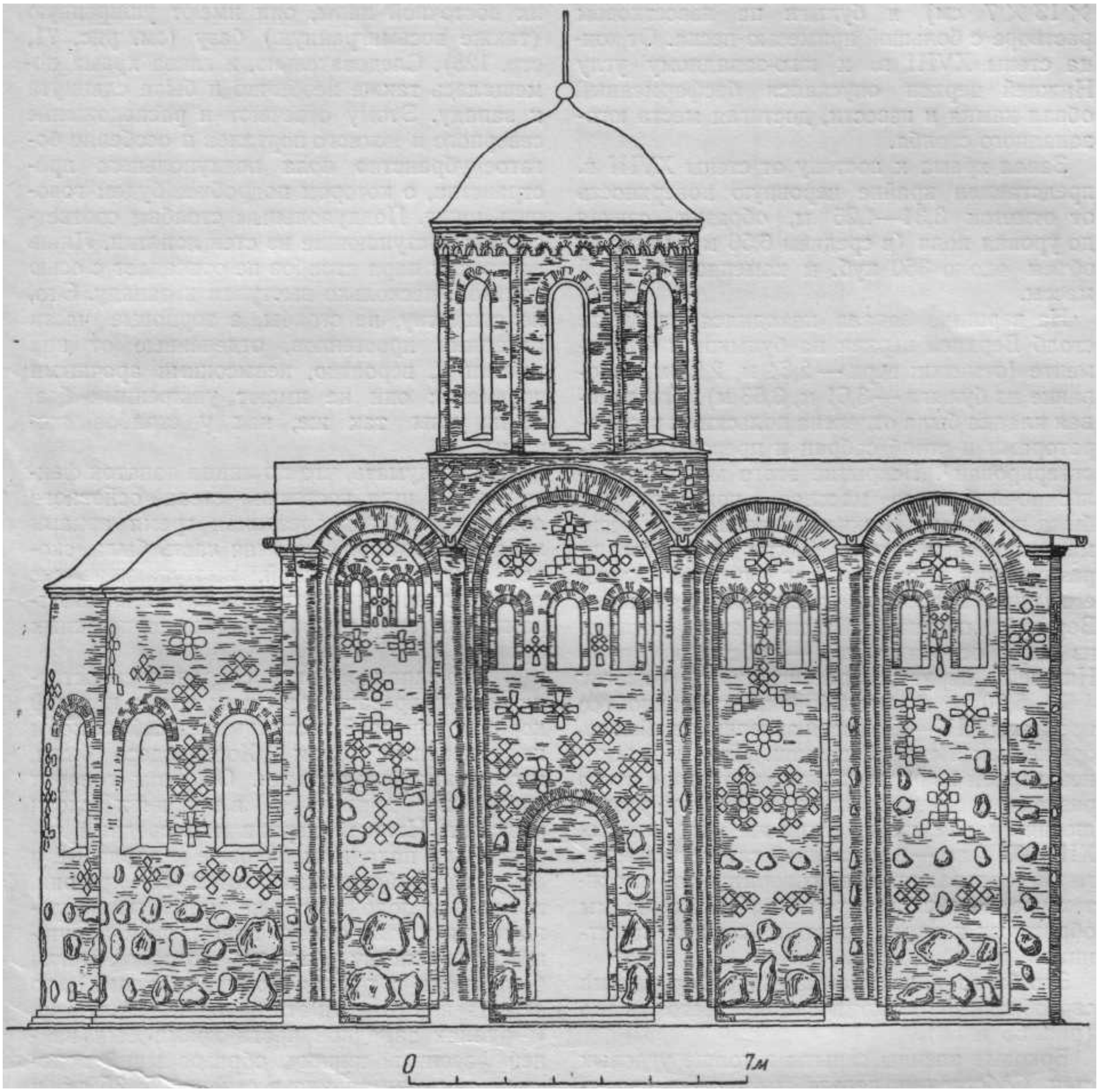

Рис. 54. Коложская церковь. Схема реконструкции

стены не достигает пола церкви и опирается на развал ее кладок. Стена сложена из кирпича (с преобладающим размером 29 X X 13 X 7 см) и булыги на известковом растворе с большой примесью песка. От конца стены XVIII в. к юго-западному углу Нижней церкви опускался бесформенный обвал камня и извести, достигая места юго-западного столба.

Завал храма к востоку от стены XVIII в. представлял крайне неровную поверхность от отметок 3,34—4,25 м, образуя, считая до уровня пола (в среднем 6,50 м), мощный объем около 360 куб. м каменно-щебневой массы.

На вершине завала находился на месте столб Верхней церкви на булыжном фундаменте (отметки: верх — 2,84 м, 2,93 м, основание из булыги — 3,61 м, 3,63 м). Его лицевая кладка была отделена польскими реставраторами и столб собран и превосходно реставрирован[1]. Вскрытие этого мощного булыжно-щебневого массива, под которым была погребена Нижняя церковь, дало весьма интересные новые факты для истории разрушения здания и последующей жизни его руин вплоть до постройки над ними Верхней церкви. Массив этот состоял из двух основных зон — собственно руин Нижней церкви, достигавших отметок 4,80—5,20 м, и верхней зоны, связанной со временем XIII—XIV вв. и завершающейся сооружением Верхней церкви. Данные раскопок первой зоны мы изложим в конце этого раздела в связи с анализом причин разрушения здания, наблюдения же над фактами XIII—XIV вв.— в последней главе настоящего исследования, где говорится об архитектуре литовского времени. Сейчас же мы обратимся к характеристике самого памятника.

Это большой шестистолпный собор, весьма своеобразный по композиции своего плана (рис. 55 и 56).

Боковые апсиды скрыты в толще угловых стен. Собственно, нельзя говорить о «полукружиях» этих апсид — они заменены здесь неглубокими дугообразными впадинами в кладке стены и начинаются не от пола, а на высоте 1,04 м. Средняя апсида как бы вдвинута внутрь храма и выступает на фасаде довольно плоской дугой.

[1] Spraw., стр. 26—27.

Столбы — восьмигранной формы; точнее, это квадратные пилоны со срезанными под 45° углами. Четыре западных столба мощнее их восточной пары, они имеют уширенную (также восьмигранную) базу (см. рис. 71, стр. 128). Следовательно, и глава храма помещалась также необычно и была сдвинута к западу. Этому отвечают и расположение северного и южного порталов и особенно богатое убранство пола подкупольного пространства, о котором подробнее будем говорить ниже. Подкупольным столбам соответствуют выступающие из стен лопатки. Лишь восточная пара столбов не совпадает с осью лопаток, несколько выступая к западу. Это, по существу, не столбы, а торцовые части алтарных простенков, отделенные от них узкими и, вероятно, невысокими арочными проемами; они не имеют уширенных баз, но их углы так же, как у столбов, скошены.

Можно думать, что по линии лопаток фактически и шла восточная стена основного объема храма, прорезанная тремя арками входов в алтарь. Алтарная часть была, скорее всего, пониженной, выступающие же торцы алтарных простенков служили лопатками для опоры продольных подпружных арок.

В юго-западном углу сохранились остатки частью врезанной в стены храма круглой коробки винтовой лестницы, ведшей на хоры над западным нефом [1]. Хоры здесь были, несомненно, сводчатыми. Об этом говорят следующие данные. В верхних слоях развалин Нижней церкви над средним нефом были находимы половые квадратные и фигурные майоликовые плитки. Так как они, по своему положению, не могли принадлежать ни к полу самого храма, ни к наружному убранству (плитки которого могли быть лишь в руинах по краям храма), то естественно отнести эти находки к полу хор. В руинах западной части храма был найден фасонный кирпич, образовавший половину восьмигранника в сечении в 35 см и стороной в 10 см. Следовательно, в верхних частях здания были опоры этой формы и

[1] И. Иодковский выражался о назначении лестницы весьма неопределенно,— что она вела «на чердак или на «закомары» (как бы камеры под сводами), к которым в Коложской церкви вел ход внутри стен из алтаря» (GW, стр. 11).

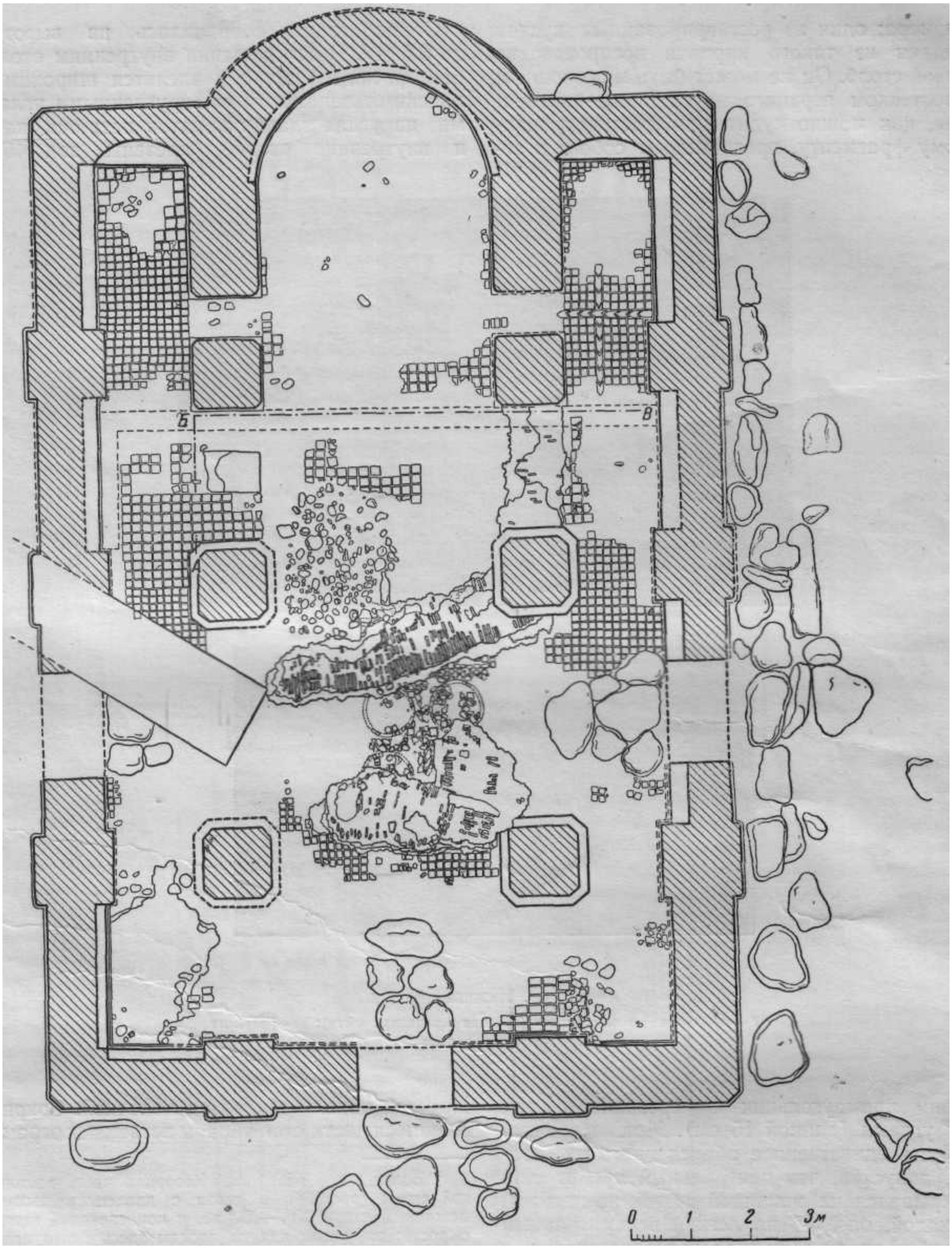

Рис. 55. Нижняя церковь. План

размера; один из реставрированных кусков кладки из такого кирпича воспроизводит такой столб. Он не может быть межоконным простенком верхнего яруса окон,— последние, как можно судить по реставрированному фрагменту, представляют собою в сечении прямоугольник со срезанными под 45° углами (длиной 15 см). Можно предположить единственное объяснение этой детали, допустив, что центральный пролет хор открывался не сплошной аркой, но двойной аркадой, опертой на легкий восьмигранный столб. Аркада выходила непосредственно в подкупольное пространство.

Стены храма сохранились на высоту до 3,5 м [1]. В соответствии внутренним столбам фасады (рис. 57) членятся широкими плоскими лопатками со скругленными углами; на углах здания лопаток нет; они, как и внутренние столбы, срезаны под 45°. Простой цоколь образован полочкой. Сохранившиеся части стен убраны вставками огром-

1

2

Рис. 56. Нижняя церковь

1 —общий вид после раскопок (средняя и западная части); 2 — фрагмент арочного проема

[1] Более всего разрушена северная часть восточной стены (рис. 58) в связи с давлением вышележавшей стены XIV—XV вв. и конденсацией здесь сырости; наружная кладка апсиды здесь почти полностью разрушилась, кирпич раскис декоративные камни выпали из кладки.

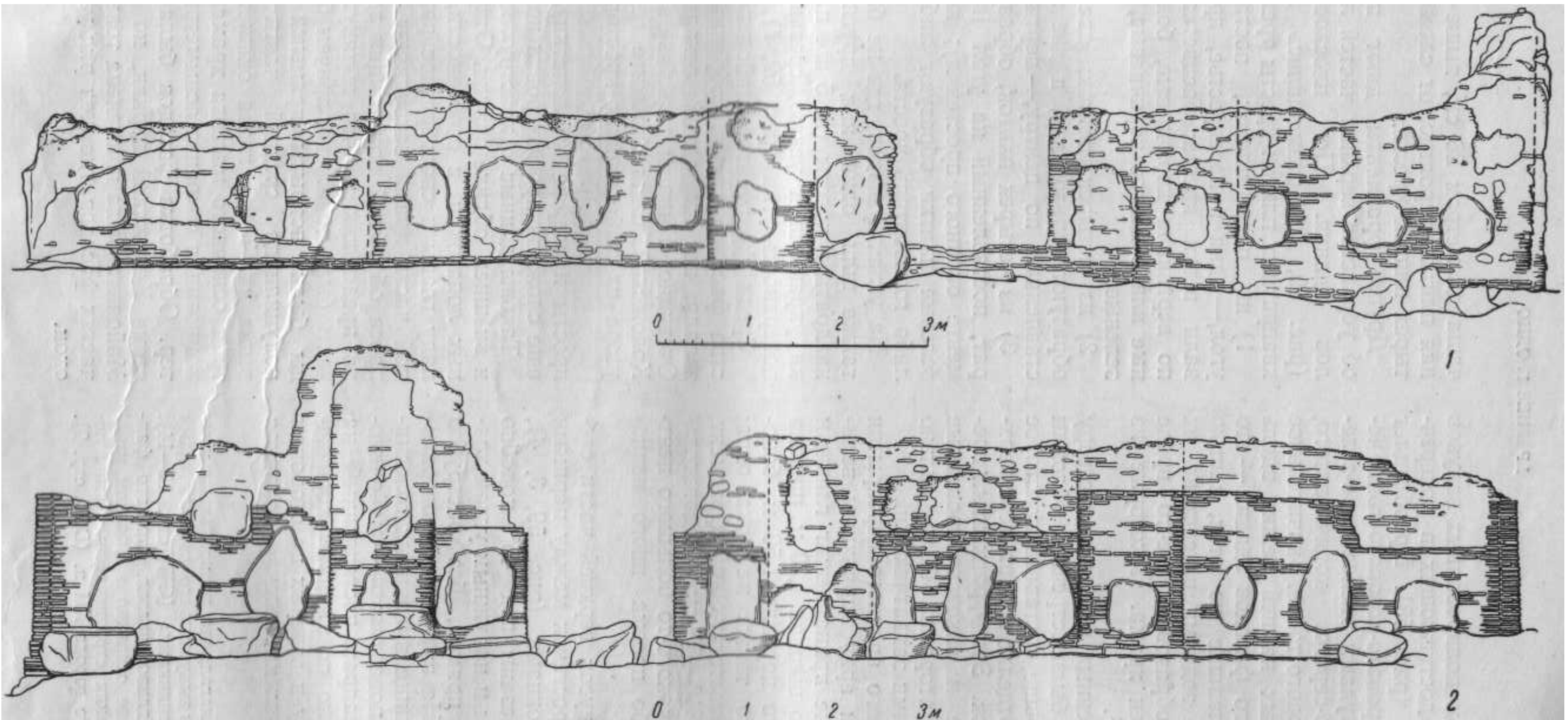

Рис. 57. Нижняя церковь

1—северный фасад; *2*—южный фасад

ных плоских, частью полированных валунов гранита и гнейса, достигающих в поперечнике 1,35—1,40 м (рис. 58). Преобладает обычный гранит серовато-розового тона, чередующийся с валунами гнейса серо-зеленого, коричневато-серого, коричневатого, красновато-фиолетового тонов. Значительное количество подобных камней лежит вдоль южного и западного фасадов здания — это камни, частью выпавшие из стен, частью не использованные зодчими вследствие их массивности; они образовали нечто вроде отмостки около стен храма. Некоторые из них отполированы [1].

В процессе довоенных раскопок к северу и западу от храма были встречены обломки его стен, позволяющие составить некоторое представление об отделке и характере верхних частей фасадов. Эти фрагменты, прекрасно собранные и законсервированные польскими реставраторами, были сильно разрушены немецкими захватчиками.

Фрагмент большого арочного перекрытия с сопровождающим арку кирпичным валиком (рис. 56, *2)* не принадлежит главным входам в храм (его ширина 1,10 м, ширина меньшего западного портала 1,50 м, боковых— 1,70 м); это также не арка окна; как показывает соответствующий фрагмент, окна имели пролет 48—50 см. Следовательно, это арка либо какого-то большого центрального окна, либо проема иного назначения [2].

Сохранившийся кусок верхней части стены представляет простенок между парными узкими арочными окнами (рис. 59, *3, 4),* углы простенка срезаны под 45° подобно внутренним столбам и наружным углам храма; просвет окна прямой, без раструбов внутрь и наружу. На внутренней поверхности простенка — днища вмазанных голосников. На фасадной поверхности — майоликовые украшения: квадрат, поставленный на угол из симметрично посаженных коричневых вверху и внизу и зеленых по сторонам плиток; ниже вставлена зеленая поливная чаша диаметром 26 см, выше — одна зеленая плитка, вероятно, от сложенного из четырех плиток креста.

Другие фрагменты дают представление об убранстве верхних частей лопаток и углов здания. По плоскости лопаток (рис. 59, *2)* размещались наборные из квадратных плиток кресты трех типов:

1) из пяти плиток, поставленных на угол,— одна в перекрестье, другие образовали ветви креста; расцветка — 3 плитки по вертикали коричневые, боковые — зеленые или в центре коричневые, а остальные зеленые;

2) из четырех плиток; две коричневые образуют горизонталь, а две зеленые, поставленные по центру,— вертикаль креста;

3) из четырех плиток, образующих квадрат, поставленный на угол (как на фрагменте оконного простенка); коричневые и зеленые плитки образуют либо вертикаль, либо горизонталь креста.

На углах фасадов, где не было лопаток, также шли один над другим наборные квадраты и кресты (из 5 и 4 плиток); плитки украшали и узкую, срезанную под 45° поверхность угла (рис. 59, 1).

Среди фрагментов майоликового убранства фасадов храма, собранных в пластах завала, нет ни одной лекальной плитки. Очевидно, Нижняя церковь в отличие от Коложской была скромнее ее и не имела узора из майоликовых крестов; ее фасады были сравнительно проще, так же как более просты и сдержанны лопатки, не имеющие еще сложной профилировки коложских.

Таковы данные о конструктивной системе и внешнем облике здания. Отсутствие угловых лопаток и, в особенности, сдвиг к западу главы и своеобразное решение алтарной части храма затрудняют решение вопроса об общей композиции здания. Можно предположить, что вытянутая алтарная часть была понижена, причем боковые апсиды были покрыты прямыми кровлями, а полуцилиндр средней части поднимался выше их. Тогда глава окажется над центром основного массива храма, но в целом композиция сохранит асимметричный характер. Обработка фасадов была подобна системе Коложской церкви, но скромнее ее. Майолика была применена только в верхних частях фасадов, где шел ряд узких арочных окон.

[1] И. Иодковский полагал, что полированные камни вокруг храма были вынуты из его стен литовцами и служили им «жертвенниками» (GW, стр. 12—14). 3. Дурчевский справедливо указал, что это фантастическое утверждение основано на полном игнорировании и непонимании стратиграфии. Камни лежат *под* слоем русского города XII в. (DSZ, стр. 9).

[2] Об этом ниже.

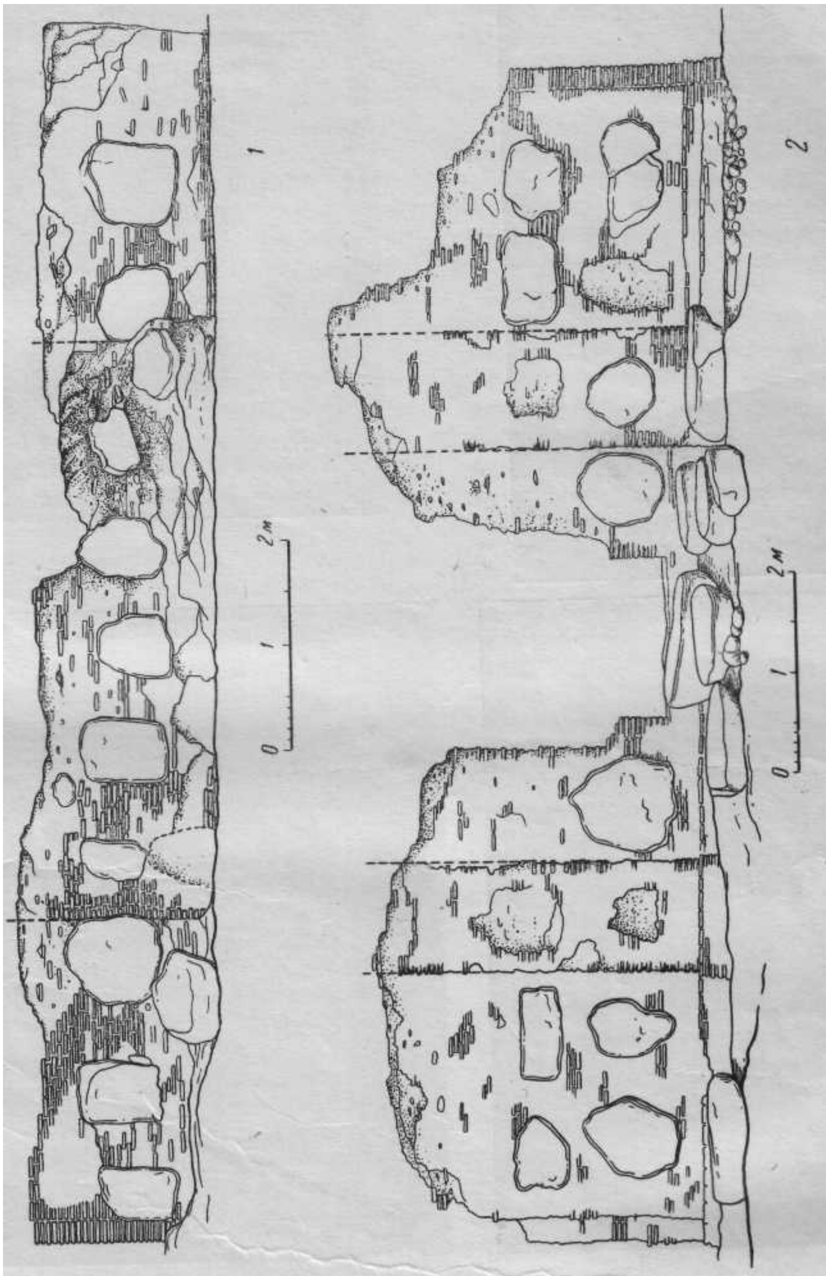

Рис. 58. Нижняя церковь

1 — восточный фасад; 2 — западный фасад

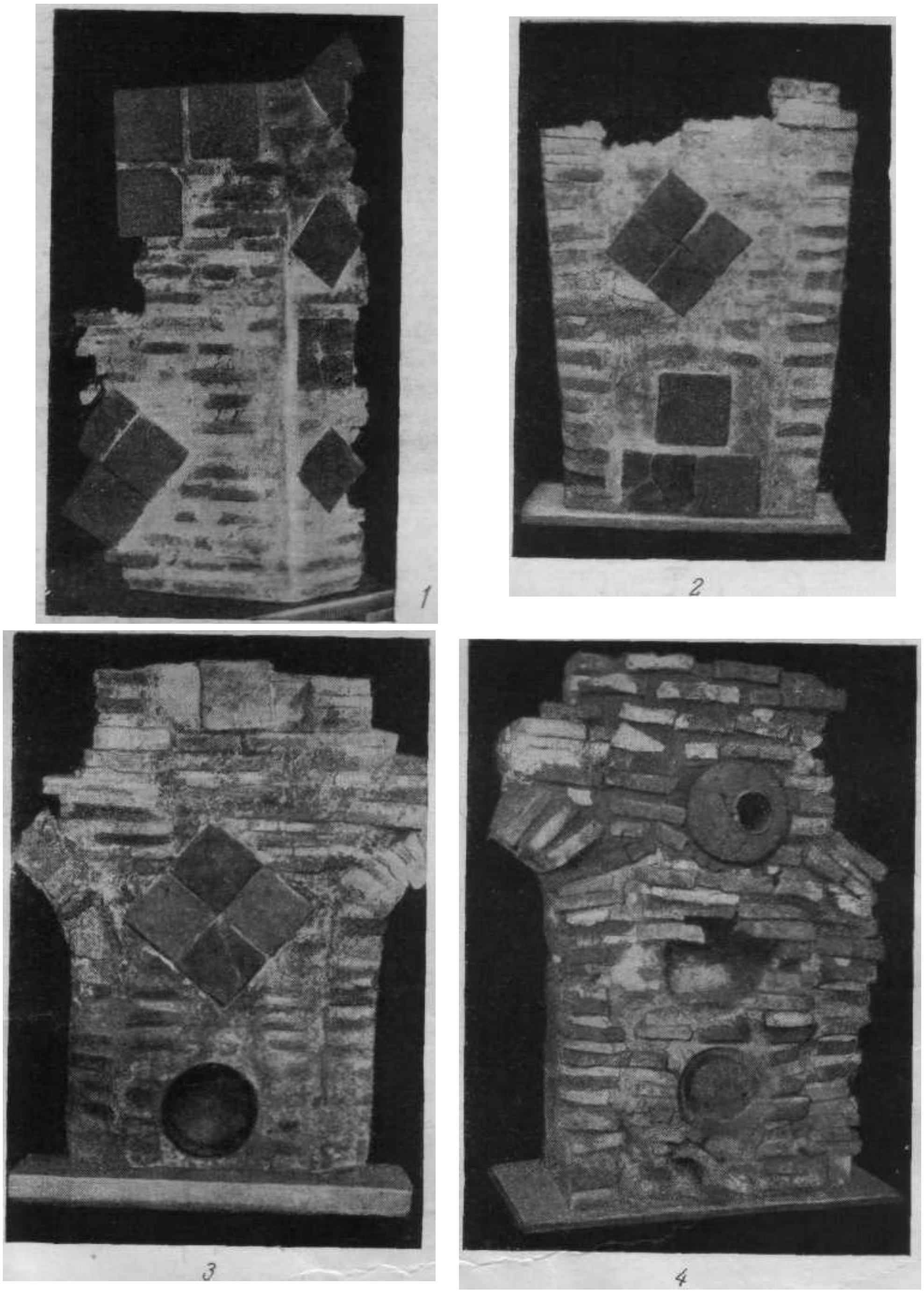

Рис. 59. Нижняя церковь

Архитектурные фрагменты: 1 - обработка угла здания; *2* - часть лопатки; *3* - простенок между парны и окнами; *4* — тот же фрагмент с внутренней стороны

Рис. 61. Нижняя церковь. Каменная вымостка и майоликовый пол у южного портала

Как можно судить по найденным в северном и южном раскопах кускам и крупным слиткам сплавившихся в огне листов металла (толщина обрезков 2—3 мм), кровля на храме была «побита свинцом» по сводам закомар, как это было обычно в архитектуре XII в. С большой осторожностью можно предположить, что купол главы был покрыт медью — ее небольшой обломок был встречен в северном раскопе.

Обратимся теперь к внутреннему убранству здания и характеристике его интерьера и прежде всего к его майоликовому полу.

В алтарной апсиде (рис. 55) майоликовый пол не сохранился вовсе, лишь по ее краям, около стен кое-где уцелели обломки плиток, сдвинутых с места падением кладки свода, а частью вбитых в грунт боком; песчаная подсыпка с сохранившейся по местам известковой подготовкой была продавлена тяжестью врезавшихся кирпичей. Сохранившиеся остатки вымостки из квадратных плиток меж алтарными столбами позволяют думать, что здесь набор был не диагональным, а в виде фигур крестов.

В жертвеннике и северном нефе майоликовый пол сохранился лучше всего. Здесь он представляет обычный набор из квадратных майоликовых плиток, уложенных рядами так, что плитки одного тона желтые, зеленые или коричневые идут по диагонали под 45° к осям храма. У восточной стены жертвенника есть неправильной формы участок, не замощенный майоликой; здесь, видимо, был стол для обрядовых действий. Между II и III северными столбами майоликовая выстилка прерывается вставленным

в пол большим валунным камнем, сильно выступающим над его поверхностью.

Майоликовый пол диаконика сохранился крайне фрагментарно — лишь около стен и по углам, но и эти немногие плитки сильно побиты. Лишь в части прохода из диаконика в южный неф пол сохранился хорошо; здесь обычный шахматный узор обогащен введением двух пересекающихся кайм из желтых и коричневых плиток в виде ласточкина хвоста (рис. 55).

Между II и III лопаткой у южной стены пол нарушен опущенным неглубоко под его уровень погребением (№ 7), которое осталось не вскрытым, так как над ним находится одна из стоек перекрытия [1].

Против южного портала настил пола южного нефа из плиток обрамляет искусно уложенные в своеобразной симметрической композиции большие полированные камни серо-фиолетового и розоватого тона, образующие как бы «коврик» около входа (рис. 61). Как камни, так и настил плиток сильно осели по направлению от южной стены к северному нефу (на 35 см на отрезке в 1,5 м).

Расчистка пола в среднем нефе на участке между II и III парами столбов выявила его крайне разрушенное состояние,— здесь только частично сохранился настил из квадратных плиток. На участке же меж I и II столбами в подкупольном пространстве, в пересечении осей порталов, сохранилась, хотя и в очень разбитом и фрагментарном виде, часть великолепного узорчатого майоликового пола. В обрамлении пересекающихся широких лент желто-зеленой плетенки вписаны в квадраты желтые круги с орнаментальными крестами (рис. 60) [2].

[1] Это погребение, очевидно, принадлежит XII веку и синхронно с погребением, вскрытым еще при довоенных раскопках в северо-западном углу храма (№ 9) и также неглубоко опущенным под уровень пола. Никаких данных об погребении № 9 нет. По словам очевидцев раскопок, тут было погребено «духовное лицо», т. е. возможно, что кто-либо из княжей семьи, постриженный перед смертью в монахи.

[2] На издаваемой акварели майолики плитки показаны с их восстановленным цветом даже в тех случаях, когда их поверхность сколота, но по натекам или частично сохранившейся поливе можно установить их цвет. Плитки, совершенно лишенные следов поливы, оставлены белыми. Неясным остается вопрос о цвете центральной круглой плитки в кругах с крестами; вероятнее всего, она была коричневой, как и круги на концах ветвей креста.

Меж западными столбами узор ограничивался полосой, набранной из мелких квадратных плиток. Самый же притвор был выстлан простой плинфой (26 X 15 см), в обрамлении которой выступали лишь полированные камни у западного портала.

Кроме обычного набора пола из квадратных плиток и коврового набора в подкупольном пространстве среднего нефа, мы можем предполагать третий тип майоликового набора из фигурных плиток крестообразной формы, известной по Коложской церкви (см. рис. 50, стр. 97), где ими был выстлан пол алтаря [1]. Одна такая плитка с желтой поливой была найдена рядом с Нижней церковью около ее северо-восточного угла. Однако настаивать на этом по единичной находке, и то вне церкви, мы не можем.

Если пол храма был исключительно богато украшен, то стены были лишены какого бы то ни было убранства. Судя по множеству обломков голосников, собранных при раскопках руин Нижней церкви, они так же обильно, как в Коложской церкви, были пущены в кладку стен. Во всех пластах обвала Нижней церкви, как и на фрагментах столбов и сводов, не было обнаружено никаких следов фресковой росписи. Повидимому, храм и не был расписан. На сохранившихся участках внутренней поверхности стен видно, что выжатая из швов известь растиралась, не покрывая всего кирпича, и, таким образом, стена оставалась красно-белой [2]. На ее фоне выступали лишь горловины голосников.

Видимо, именно в силу обнаженности стен внимание гродненских художников было сосредоточено на богатом убранстве деревянной алтарной преграды. От нее осталась лишь проходящая перед восточными столбами полоса угля шириной 25 см, углубляющаяся в песчаную подсыпку на 15—20 см. Она простиралась и в боковые нефы: в северном — меж III столбом и стеной — в песок вдавлены крупные угли и небольшие головни (см. рис. 55, стр. 107). Следы пожара идут такой же полосой, лишенной майоликовой вымостки, вдоль северной стены между III и II столбами. Возможно, что пре-

[1] SW, рис. на стр. 44 и 46.

[2] Затирка швов резко отличает древнюю кладку от реставрированных наружных участков, где (сознательно или случайно) затирки швов не сделано.

Рис. 62

1—3 — медные гравированные пластины из зоны алтарной преграды; *4* — литая фигурка Дмитрия Солунского; 5 — литая позолоченная фигурка Христа

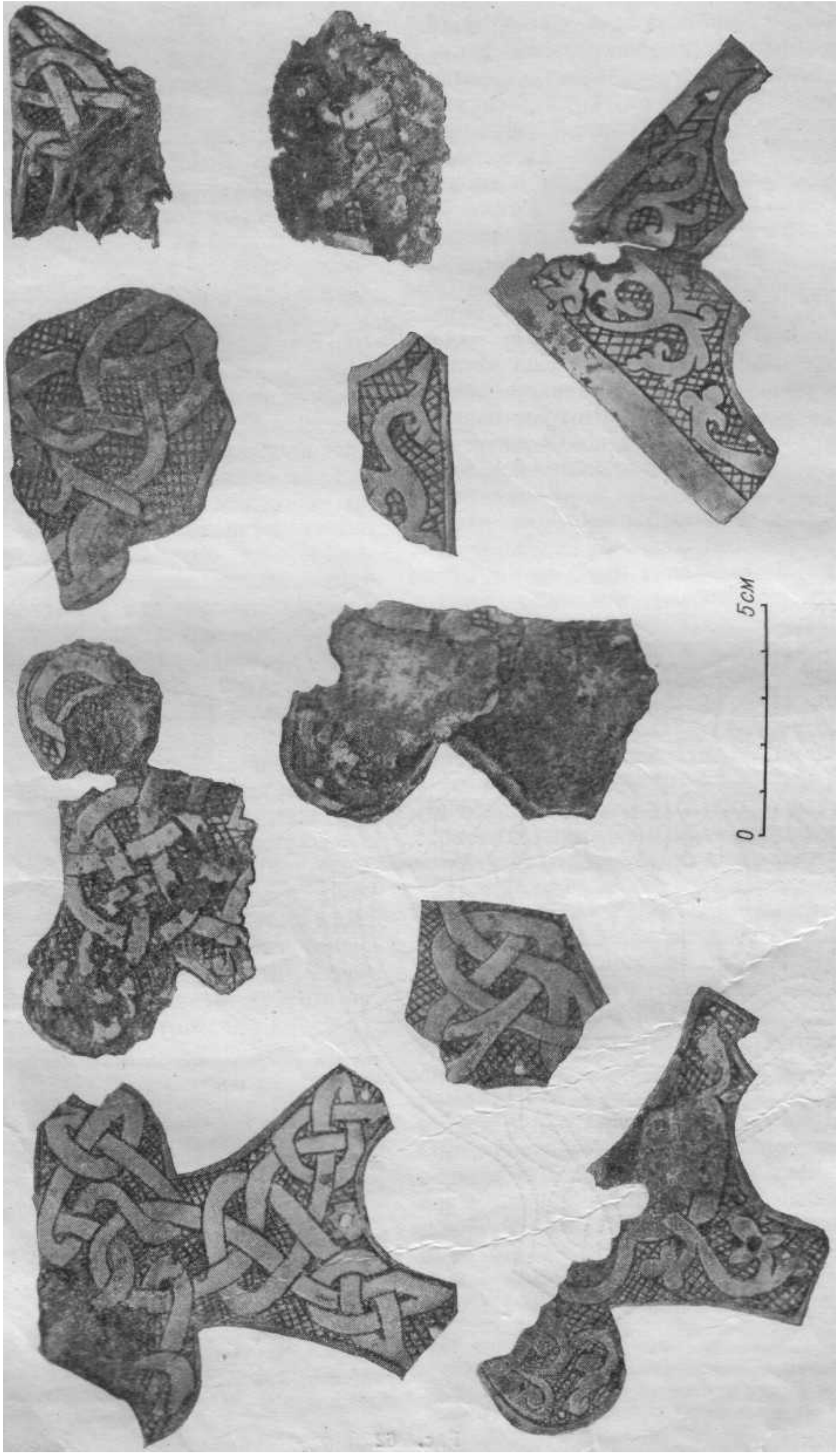

Рис. 63. Обломки медных гравированных пластин из зоны алтарной преграды

града имела здесь повернутое вдоль стены крыло.1

При расчистке полосы алтарной преграды (особенно против III южного столба) было собрано большое количество железных гвоздей, костылей и крючьев, вероятно, скреплявших раму преграды и служивших для

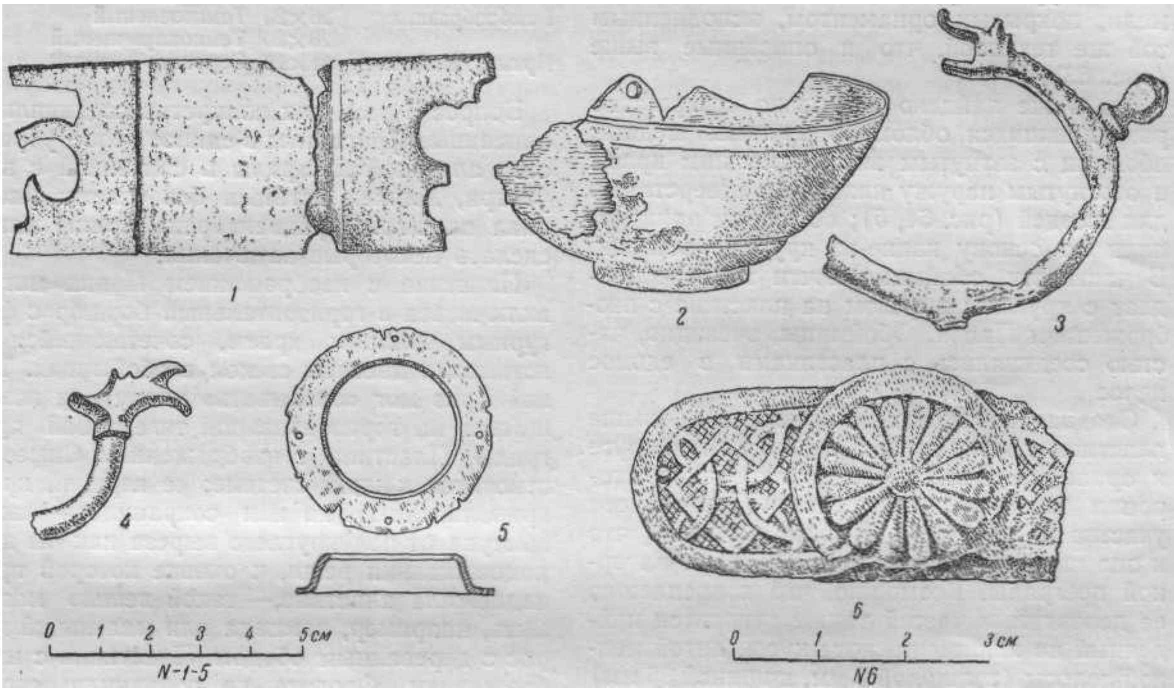

Рис. 64

1 — медная накладка; 2 — бронзовая лампада; *3,4* — фрагменты бронзового паникадила; 5 — обоймица для укрепления цветных стекол; *6* — медная гравированная пластина

подвески икон и пелен, а также куски расплавленного свинца. Особенно важны находки, позволяющие судить об убранстве алтарной преграды или связанной с ней утвари.

На майоликовом полу, при выходе из жертвенника, была найдена плоская медная пластина с гравированным изображением св. Феодота[2] в круглом медальоне и обрамлении орнаментальной плетенки; пластина

[1] Симметричный участок у южной стены был занят погребением № 7.

[2] Изображение юного святого в апостольских одеждах со свитком не может быть изображением св. Федора, так как святой с этим именем — воин. Можно предполагать, что на пластинке изображен один из 70 апостолов — именно Феодот, или юный Иоанн Богослов; тогда надпись будет читаться «ОЕ(олог)». Указанием на это я обязан В. И. Антоновой

сохранила следы огневого золочения червонным золотом, на фоне которого резко и четко выступают глубокие черные линии гравированного рисунка (рис. 62, *1)* '. Эта пластина совершенно сходна по стилю и технике с двумя другими пластинами, найденными раньше.

Одна, не имевшая паспорта, происходит из раскопок И. Иодковского и, скорее всего, найдена им при раскопках в западном нефе храма, где также были найдены сильно обгоревшие бронзовые энколпионы киевского типа[2]. Это пластина с изображением апостола Павла, также в круге и орнаменте (рис. 62, *2)*. Она имеет отверстия для гвоздей, следовательно, была прибита на какую-то основу. Пластина подверглась действию огня и позолоты не сохранила.

Вторая пластина (рис. 62, *3)* была найдена З. Дурчевским в IV слое на западном участке. Она сохранилась хуже всего (потому издаем ее в прориси). Существенно, что

[1] Техника исполнения близка к технике узора на подсвечнике из Княжой горы. КГИМ, В. 25.7670.

[2] Фонды ГГИАМ, № 1535.

над медальоном с изображением св. Симеона (богоприимца?) сохранился конец, видимо, полукольцевого выреза как бы для подвешивания.

На протяжении угольной полосы алтарной преграды была найдена также серия обломков фигурно-вырезанных пластин красной меди, покрытых орнаментом, исполненным той же техникой, что и описанные выше (рис. 63).

Здесь же найдено несколько совершенно разрушившихся обломков круглых медных обоймиц с загнутым внутрь верхним краем и отогнутым наружу нижним с отверстиями для гвоздей (рис, 64, 5); обоймицы прикрепляли на основу какие-то круглые вставки. В частности, обоймица почти точно совпадает с круглым вырезом на пластине с изображением Павла. Обоймицы, очевидно, частью соединялись с пластинами в единое целое.

Сходная по технике с описанными выше пластина красной меди с розеткой в круге и орнаментом книжного характера по сторонам была найдена в слое VII западного участка (рис. 64, *6)*. Весьма вероятно, что и она является частью того же убора алтарной преграды. Возможно, что к креплению ее деревянных частей также относится найденный на южном раскопе кусок литой медной полосы (толщиной 2 мм, шириной 35 мм) с орнаментальными прорезями на обломанных концах (рис. 64, *1)*; на ее обороте отлит паз шириной 40 мм как бы для доски, прижимавшейся этой «скобой».

Можно полагать, что медные обоймицы (найдены обоймицы только круглой формы) закрепляли на самой преграде или помещенных на ней иконах выпуклые вставки из цветного, непрозрачного стекла, найденные И. Иодковским на полу храма и названные в описи ГТИАМ «глазками». Эти вставки — круглой, овальной, ромбообразной прямоугольной формы, выпуклые с лицевой и плоские или вогнутые с тыльной стороны, с нижними закраинами, слегка отогнутыми наружу для лучшего сцепления с гнездом обоймицы.

Приведем их описание:

Форма	Размеры в мм	Цвет
Круглые	20	Светлозеленый
Круглые	25	Молочно-зеленый с коричневыми прожилками
Круглые	(обломок)	Черно-синий
Круглые	25	Молочно-зеленый
Круглые	22	Зеленый
Овальные	50x30	
	18x10	Золотисто-фиолетовый
	35 x 29	Зеленый
Ромбообразные	26x20	Темнозеленый
	26x20	Темнокоричневый
Прямоугольные	21x16	Серовато-зеленый

Вопрос о том, как конкретно соединялись описанные фрагменты в единое целое убранства алтарной преграды и связанной с ней утвари, должен остаться без ответа: материал слишком фрагментарен. Можно лишь сделать некоторые замечания.

Пластина с изображением Павла могла включаться в горизонтальный бордюр с фигурным нижним краем, сочетающийся с вставками цветных стекол в обоймицах. Такой фриз мог «оковывать» икону или помещаться на горизонтальной тяге самой преграды. Пластина с изображением Симеона относится к иной системе; ее верхний край криволинейный, на нем сохранилась часть выступа от полукруглого выреза как бы для подвешивания вещи, к оковке которой принадлежала пластина,— такой вещью могла быть, например, лампада или маленький хорос с деревянным ободом. Пластинка с изображением Феодота не сохранила своих краев, и судить, как и к чему она была прикреплена, мы не можем. Отметим лишь, что только Симеон изображен в фас; Павел и Феодот, изображенные вполоборота с жестом моления, могли входить в состав композиции деисусного характера. Остальные фрагменты фигурных пластин, возможно, оковывали резные части преграды, какие-либо колонки с «дыньками» и т. п. Одна из них — угольник (рис. 63) — оковывала, вероятно, угол иконы. Стилистическое единство всех описанных фрагментов и тождество их технического исполнения свидетельствуют, что все они — лишь жалкие, утерявшие богатый покров «жженого золота» остатки единого, искусно выполненного богатого ансамбля алтарной преграды. В него включались шитые пелены и иконы [1].

[1] Возможно, что некоторые из икон были мозаичными. Найдены (место неизвестно) три выпавших мозаичных кубика — два золотых на красной сургучеобразной основе, третий — охровый на белой основе. Фонды ГГИАМ, № 3841.

Факт нахождения в разных местах вне храма фрагментов убранства алтарной преграды Нижней церкви свидетельствует, что в процессе ее разрушения уцелевшие металлические обломки отыскивались и растаскивались населением, может быть, теми же ремесленниками, которые занимались литьем украшений. Это позволяет нам связать также с Нижней церковью ряд найденных вне ее металлических предметов и составить некоторое представление об ее утвари.

Внутри самого храма на ковровой майолике подкупольного пространства была найдена литая из красной меди рельефная фигурка святого высотой 65 мм (рис. 62, *4)*; на плоской оборотной стороне ее (вверху и внизу) — следы отломившихся шпеньков для прикрепления к основе. По нахождению фигурки под куполом можно предположить, что она происходит от хороса и прикреплялась к его обручу; возможно, однако, что место находки случайно, и фигурка украшала переплет какой-либо богослужебной книги. На первый взгляд, можно принять эту фигурку за изображение ангела, у которого обломано правое крыло; однако фигурка целая и, по всем данным, изображает св. Дмитрия Солунского; об этом говорят броня, короткий плащ, движение рук, вынимающих меч из ножен. Подобные изображения Дмитрия есть на русских печатях XII в. [1]

К церковной утвари, несомненно, принадлежат вещи, найденные вне храма и непонятные в обстановке описанной выше хозяйственной и жилой застройки вокруг него. Таковы обломки «ветвей», повидимому, паникадила из красной меди со «змеиными» головами на концах (рис. 64, *3, 4)* [2] и две бронзовые лампады. Одна лампада (рис. 64, *2)* — полусферической формы, с двумя ушками и поддоном (диаметр 80 мм, высота 43 мм) [3], другая — более крупная (диаметр 17 см, высота 6 см), с ушками, имеющая в сечении форму квадрифолия (как новгородские кратиры и лампады из землянки киевского ремесленника [1]; рис. 65, *2)*; в отличие от киевской — с рельефными фигурами святых и масками с отверстиями для колец — гродненская лампада проще и лишена скульптурной обработки, только по ее граням и по краю около поддона идет полоска косой насечки.

Наконец, последняя вещь, несомненно, также принадлежащая к утвари храма,— это лишенная паспорта литая из бронзы миниатюрная (высота 43 мм, основание 12 мм) фигурка Христа (или святого) в спадающей прямыми складками одежде (рис. 62, 5). Головка фигурки цельнолитая, туловище полое; на поверхности сохранились следы позолоты. Фигурка, видимо,— фрагмент богатого убора переплета книги или деталь какого-то богослужебного предмета, украшенного накладными рельефными изображениями.

Таким образом, наряду с утварью из драгоценных металлов, которая, вероятно, была своевременно изъята из разрушавшегося здания, в Нижней церкви была многочисленная медная утварь, возможно, позолоченная «жженым златом» и не уступавшая своим художественным эффектом золотой.

Последний вопрос, связанный с Нижней церковью,— это вопрос о звоннице. От ее колоколов остались отдельные обломки, глубоко врезавшиеся при падении в толщу культурного слоя.

Один колокол упал еще до пожара 1183 г.— его осколки не имеют следов огня. Один его обломок (95 X 80 мм, толщина 17 мм) сохранил часть грубовато исполненной надписи из четырех выпуклых букв: «рабу» (рис. 65, 1). Очевидно, по краю колокола шла вотивная надпись, вероятно, с именем князя Всеволодки.— строителя Нижней церкви (об этом — ниже). Таким образом, дата надписи — первая половина XII в. Гродненский обломок является пока одним

[1] См. В. И. Антонова. Историческое значение изображения Дмитрия Солунского из г. Дмитрова. КСИИМК, вып. XLI, стр. 85 и след.

[2] Почти точная аналогия — из городища «Девица» близ Сахновки Каневского района. Б. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V, табл. IX, рис. 238 [издатель назвал изображение «головкой верблюда» (?), стр. 31].

[3] Лампада, повидимому, аналогична найденной в Райковецком городище. В. К. Гончаров. Ук. соч., табл. XXI, рис. 4. Подобная лампада — из раскопок В. Хвойки (?), но с тремя ушками (КГИМ, В. 1457) и из Княжой горы (КГИМ, В. 1458).

[1] В. Мясоедов. Кратиры Софийского собора в Новгороде. ЗОРСА, т. X, Пгр., 1915; М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950, стр. 25 и след. (вероятно, обе лампады сделаны в одной форме); см. также подобную «кадильницу» в собрании Ханенко (Древности Приднепровья, вып. VI, табл. XL, рис. 597), также КГИМ (В. 2015; в форме трифолия); подобная лампада из Княжой горы, оплавившаяся (старый № С. 67074).

из древнейших примеров колокола с рельефной надписью [1].

Второй колокол упал при пожаре 1183 г.; его остатки представлены бесформенными слитками расплавившегося металла; один из них весит 27,14 кг и облеплен углем хагоревших бревен. Колокол был, видимо, крупный.

Никаких следов особой — деревянной или каменной — звонницы не было обнаружено. Повидимому, колокола висели на самой

(рис. 56, *2)*, и был связан с помещением звона.

Таким образом, раскопки Нижней церкви дали материал для суждения не только об общем облике неизвестного до того памятника гродненского зодчества, но и для характеристики его внутреннего — весьма своеобразного — убранства и утвари. Суммируем эти наблюдения.

Храм княжеской крепости.- был построен почти в центре ее укрепленного треуголь-

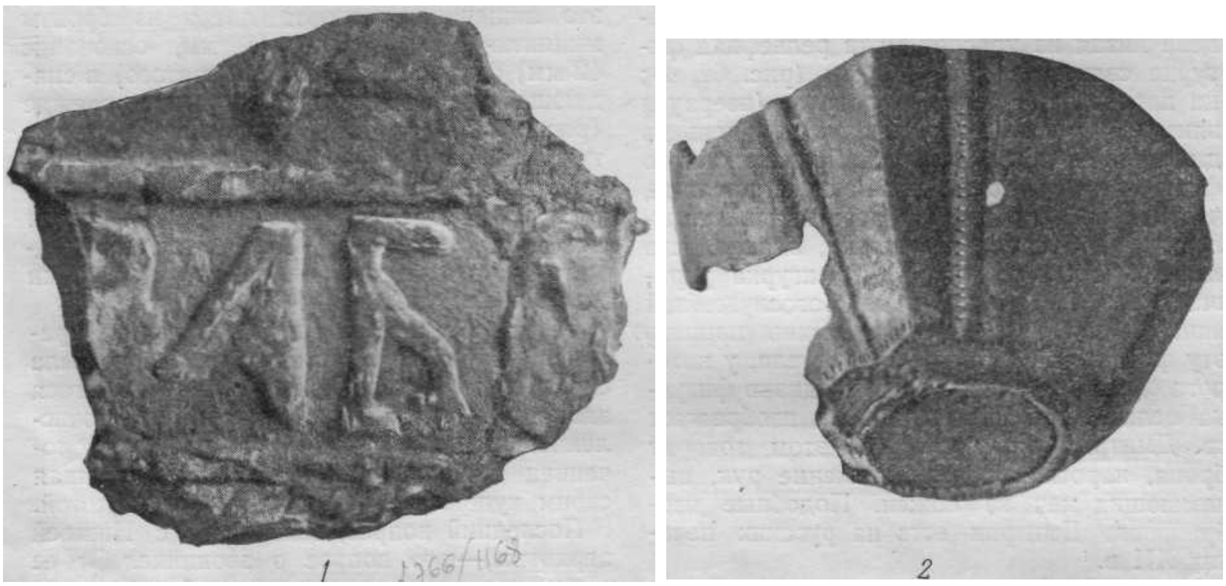

Рис. 65

1 — обломок колокола с надписью; 2 — лампада

церкви; была ли для них особая надстройка или они помещались в каком-либо проеме в одной из стен — мы не знаем. В пользу последнего предположения говорит то, что большой кусок сплавившегося в огне колокола был найден при работах И. Иодковского, т. е. р я д о м со стенами Нижней церкви, так как Иодковский обходил руины храма сравнительно узкой траншеей. Возможно, что описанный выше фрагмент стены церкви с арочным проемом, более узким, чем портал, и более широким, чем окна

ника и был доступен обозрению со всех сторон: его стены, богато убранные глыбами цветного камня внизу и яркими майоликовыми плитками в верхних частях, высоко поднимались над единичными деревянными постройками. Из узких окон хор открывался широкий вид на низовья Немана и безбрежные леса, уходившие за горизонт. Серебристые свинцовые кровли храма и его, может быть, побитая золоченой медью глава видны были издалека. Три простых арочных входа вводили внутрь княжеской церкви. За порогом лежали гладкие полированные камни, образуя как бы «коврики» при входах. Под хорами был простой кирпичный пол; дальше, в резком контрасте с ним, стлался цветистый узор майолик, залитых светом из большого купола, и мерцавший шахматный набор желтых, зеленых и корич-

[1] Ср. «Лишь в середине XIV в. начали делать надписи на колоколах, приклеивая восковые модели букв к глиняному колоколу". Н. Оловянишников. История колоколов и колокололитейное искусство. М., 1912, стр. 31. О литье колоколов по восковой модели в XI—XII вв. см. Б. А. Р ы б а к о в. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 248—249.

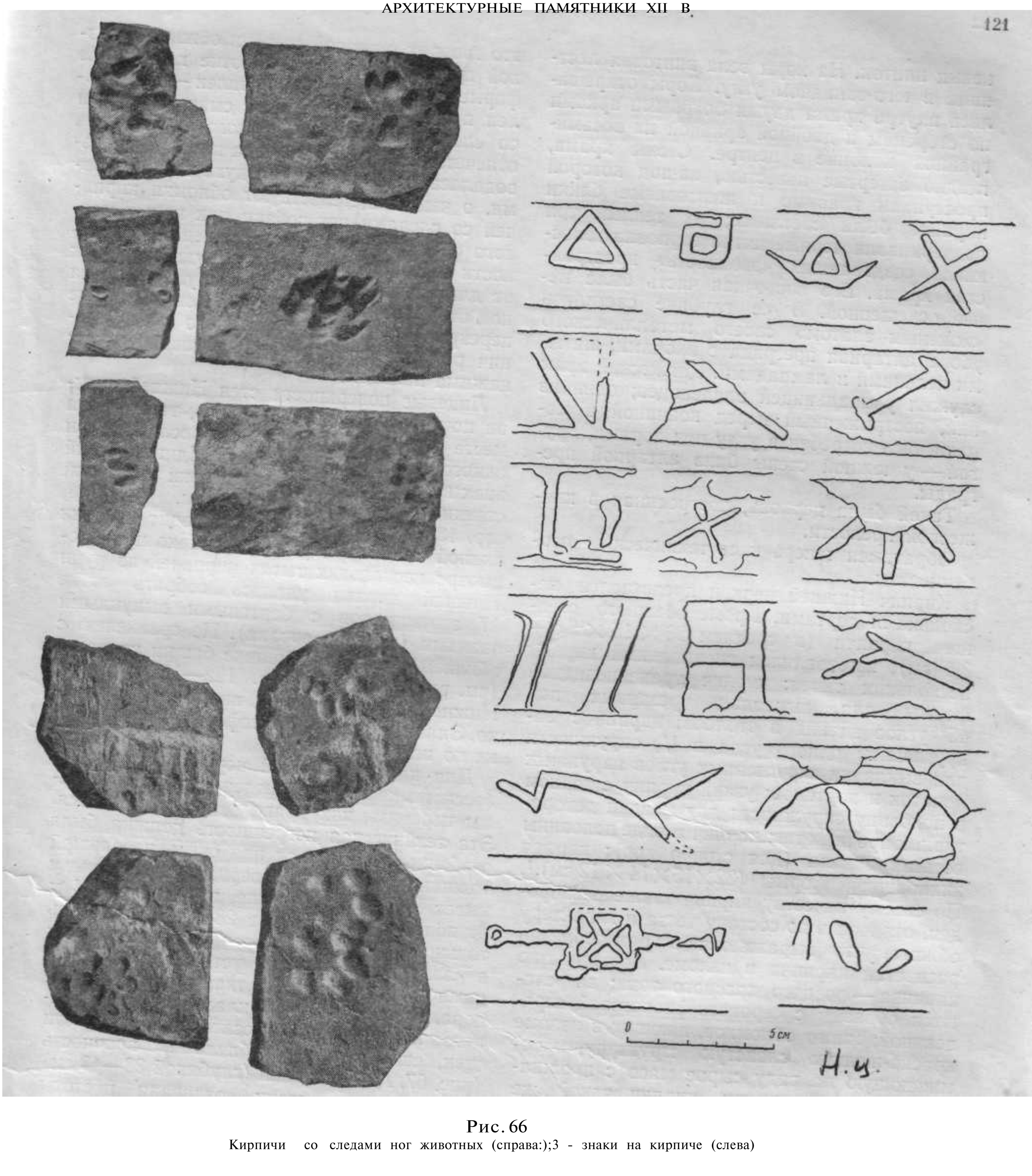

Рис. 66
Кирпичи со следами ног животных (справа:);3 - знаки на кирпиче (слева)

невых плиток. На хоры вела винтовая лестница в юго-западном углу. Хоры открывались внутрь храма двумя боковыми арками по сторонам и двойной аркадой на восьмигранной колонне в центре. Стены храма, гладко затертые известью, из-под которой проступали красные и желтоватые блики кирпича, были светлыми; их теплый тон подчеркивали черные пятна горловин голосников, создававших «звонкость» пространства храма. Его восточная часть была менее освещенной. В ее глубине светилась «жженым златом» своего металлического убора алтарная преграда с иконами, шитыми пеленами и лампадами. Княжеский храм служил усыпальницей владельцев; один из них, постриженный перед кончиной в монахи, был погребен в углу под хорами, другой — у южной стены близ алтарной преграды.

Такой была церковь, построенная в княжеской крепости.

Обратимся теперь к ее техническим особенностям.

Кирпич Нижней церкви представлен несколькими сортами. Кроме обычного стенного кирпича (в среднем 26 X 15 X 2,5—3,5 см), изготовлялся специальный кирпич нескольких типов: кирпич трапециевидной формы для выкладки срезанных под 45° углов здания и столбов; кирпич с закруглением одного угла в $^1/_4$ окружности для выкладки скругленных углов наружных лопаток и порталов; узкий кирпич с торцом в половину окружности для кладки декоративных арочных тяг; кирпич в виде половины восьмигранника (для столба хор); кирпич клиновидной формы (32X 15X14 X 12 см) [1]. По своему качеству кирпич также разнороден, отличаясь по составу теста и характеру обжига, что выражается в разнообразии расцветки кирпича в изломе. Большинство кирпича — ровного красного тона; встречаются образцы с серовато-фиолетовой сердцевиной; много обломков, дающих в изломе красно-желтую слоистую структуру, напоминающую по виду сырое мясо с прожилками жира; наконец, кирпич такой же «муаровой» структуры, но резко отличной расцветки: в изломе видны яркие желто-зеленые и жирно-черные слои глины. Все это говорит о разной степени обжига и плохой предварительной обработке глины. По форме кирпич часто неправилен — покороблен при обжиге или имеет смятые кромки со следами досок кирпичного станка или отпечатками пальцев. Сушка кирпича производилась на открытом воздухе под навесами, о чем свидетельствуют обломки кирпичей со следами ног собаки или копыт мелкого рогатого скота (рис. 66, слева). О прочности этого кирпича судить трудно, так как от длительного нахождения руин, сначала под открытым небом, а затем в сырой толще перекрывавшего их культурного слоя, кирпич разрушился и порой распадается от нажима пальцем.

Лицевые поверхности стен Нижней церкви почти полностью осыпались, так что на месте в кладке не удалось проследить ни одного знака на кирпиче. Единственный знак на кирпиче новой облицовки восточной стенки южного портала (см. 74б, *33*, стр. 133), скорее всего, происходит из руин южной башни («терема»). Однако при просмотре нескольких тысяч кирпичей из руин Нижней церкви удалось собрать лишь 17 экземпляров с бортовыми выпуклыми знаками (рис. 66, справа). По сравнению с обилием знаков на кирпиче башни крепости (см. рис. 74а—74г, стр. 132—135) кирпич Нижней церкви метился, видимо, очень редко. Знаки часто очень бесформенны и нечетки по исполнению.

Для кладки Нижней церкви характерна бессистемность в соблюдении тычка и ложка; перевязь, как правило, не соблюдается. Эта техническая погрешность должна была особенно сказываться при очень небольшой толщине стен: так, северная стена внизу имеет 1,04—1,06 м, выше, на уровне 1,04 м от пола, делает уступ в 28 см и, становясь тоньше (75—76 см), превращается как бы в «заполнение» между устоями с внутренними и внешними лопатками по осям распора. Введение внутрь кладки необработанного камня, при относительной тонкости стен, еще более ослабляло их прочность (рис. 67, *1*). Голосники (глубиной 38—48 см) при укладке в стену создавали пустоты более чем на половину толщины стены. Несомненно также, что фасадные декоративные вставки больших валунов не содействовали стойкости стен. При описанных особенностях кладки понятна легкость ее

[1] Кирпич этой формы встречен только при расчистке южного нефа против III южной лопатки. Его назначение неясно.

вертикального расслаивания. Это можно было особенно ясно наблюдать на руинах II южного столба, часть которого упала лицом вниз, сохранив по углам выкладку из трапециевидных кирпичей (рис. 67, *2*). Точно так же на внутренней поверхности южной стены между II и III лопаткой произошел большой скол кладки.

Судя по обилию обломков голосников, они были широко применены в кладке верхних частей стен. Голосники представляли собой высокие кувшины с круглым туловом и длинным, узким горлом (рис. 68, *1*). Размеры голосников следующие [1]:

Высота	33,0	38,5	39,8	39,8	41,5	42,0	43,0[2]
Диаметр горла	9,2	9,1	9,5	9,5	9,2	8,8	8,2
плеч	23,5	22,0	23,0	24,5	25,0	25,0	25,0
дна	13,7	13,1	12,7	13,5	14,0	14,0	12,0

Все голосники исполнены, как и киевские амфоры, в спирально-ленточной технике лепки, швы которой внутри даже не сглажены; материал — желтая и красная глина. Поверхность голосников покрыта довольно густым параллельно-линейным орнаментом; он реже, чем на коложских голосниках; на плечиках иногда протянута полоска волнистого орнамента.

Особо следует сказать о материале и кладке майоликового пола.

Зодчие располагали плитками трех тонов — желтого, зеленого и коричневого, т. е. обычной для майолики всех архитектурных школ XII в. гаммы.

Основным материалом являлись крупные квадратные плитки (17X17 см), которыми выстилались большие участки пола.

Мелкие квадратные плитки (13X13, 11X11, 10,5X10,5; толщина —2 см) применялись, очевидно, для заполнения тех поверхностей пола, где не могли быть уже уложены крупные плитки, например, у самых стен храма или в зонах соприкосновения шахматного набора с узорчатым. Так, мелкие плитки прослежены около южной стены на участке меж порталом и лестницей на хоры, по северной стене — около портала по направлению к западу, наконец, к западу от руин свода — меж западными столбами, где простая кирпичная вымостка притвора сменялась подкупольным ковровым узором.

[1] SW, стр. 29.

[2] Есть отдельные образцы высотой до 48 см.

Разновидностью прямоугольных плиток являлись плитки в виде римской цифры V, из которых сделаны каймы пола прохода в диаконик.

Наконец, для исполнения орнаментального пола мастера располагали целым набором фигурных плиток (рис. 60).

Всего для убранства пола были применены плитки 17 фасонов.

Можно думать, что плитки изготовлялись местными гончарами. Любопытно, что и найденная при раскопках игрушка-конек (см. рис. 26, *6,* на стр. 61) покрыта той же желтой и коричневой поливой, что и плитки.

Так как лишенные плиток участки пола, на которых можно было бы изучить технику их укладки, были плотно придавлены мелким щебнем руин, который под давлением вышележащего груза буквально врезался в грунт, наши заключения по этому вопросу носят в известной мере предположительный характер. Внутреннее пространство храма было заполнено на глубину 40—50 см от уровня пола мелким булыжником, пересыпанным землей. Затем его поверхность была выровнена чистым песком, подвергшимся утрамбовке. По нему наносился слой известкового раствора толщиной 3—4 см. Обычный диагональный набор из квадратных плиток, видимо, не требовал никакой разметки,— он укладывался механически по большому угольнику; в узких местах мастер переходил от крупных плиток к мелким или клал у стен колотые половинки больших плиток. При этом наблюдается не всегда точная укладка мастером плиток определенного цвета по диагонали,— он иногда сбивается (например, в жертвеннике и диаконике) [1]. Для кладки сложного коврового узора (рис. 60) подкупольного пространства необходимо предположить точную разметку узора на известковой подготовке и разграфку его основных элементов. Нужно отметить, что размеры участка подкупольного узорного пола были определены без точного учета размеров площадки, так что II южный столб врезался в ленту плетенки. Угловой юго-восточный прямоугольник пола внутри плетенки оказался не кратным мелким плиткам, поэтому пришлось применить их половинки. В кладку южного

[1] Этому способствовала нечеткость тона плиток; так, например, желтые плитки имеют часто зеленый оттенок, а зеленые — желтоватый.

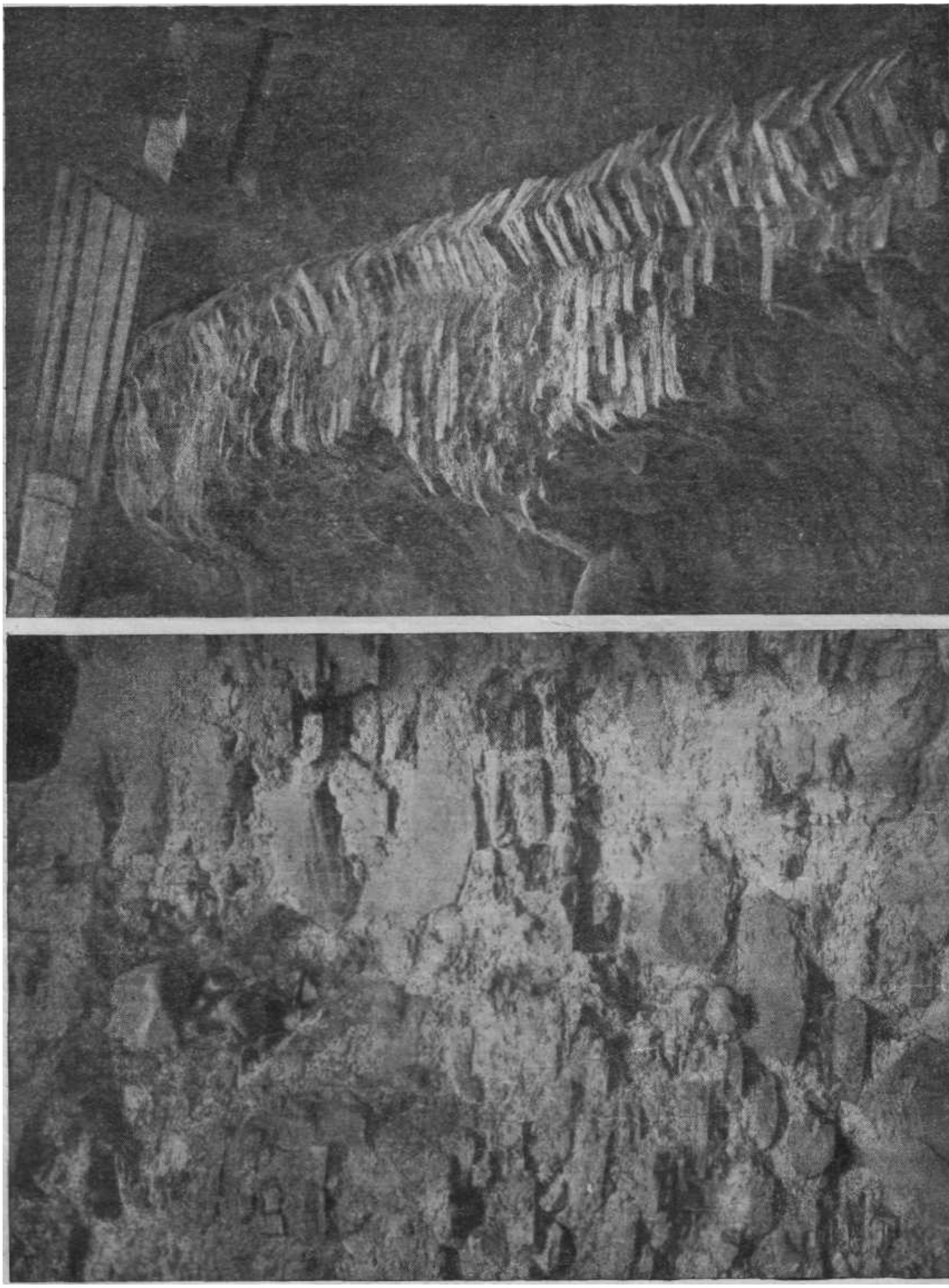

Рис. 67. Нижняя церковь

1 — кладка внутренней полости стены; *2* — отколовшаяся кладка столба

круга с крестом странным образом врезается квадратная плитка (может быть, результат разрушения). Но эти отдельные погрешности почти незаметны при красоте и яркой цветистости узора в целом.

Выше, при характеристике литейных форм, мы видели, с какой свободой резчик формы или мастер-литейщик нанес на обороте тонкий и сложный рисунок плетеного ленточного орнамента (см. рис. 16, *2,* стр. 43). В связи с узором майоликового пола упомянем интереснейшие находки двух кирпичей-плинф с прочерченным на них еще до обжига рисунком. Один (рис. 68, *2,* справа) сохранил эскиз сложного плетеного орнамента, другой (рис. 68, *2,* слева) дает часть какого-то «чертежа», содержание которого неясно. Первый обломок найден среди обломков кирпичей XII в. при очистке фундаментов стены XIV—XVI вв. (против западной башни), второй — в слое руин в апсиде Нижней церкви. Эти орнаментальные графитти показывают, что знакомство со сложной орнаментикой было доступно и камнерезам, и даже простым кирпичникам. В то же время они говорят, каким мог быть «образец», т. е. проект узора ковровой майолики, исполненный строителем Нижней церкви. Можно предположить, что самая форма помещенных в кругах крестов была подсказана формой бронзовых или медных маленьких крестов-тельников с шариками на концах, широко распространенных на Руси и найденных также и в Гродно. Что касается койм желто-зеленой плетенки, то этот мотив мог быть взят как из книжного орнамента XI—XII вв.[1], так и, скорее всего, из прикладного искусства. В этом смысле особенно интересна орнаментика костяных изделий, где при помощи разной величины циркульков для «глазкового» орнамента легко мог быть, построен узор типа гродненской майоликовой каймы. Примеры такой плетенки на костяных обкладках XI—XII вв. из раскопок в Гнезно дают особенно убедительные образцы[2]. Таким образом, можно думать, что мотивы узорчатого пола под куполом Нижней церкви были почерпнуты не только из книжной графики, но главным образом из народного прикладного искусства XII в.

Игравшие важную роль во внутреннем и особенно внешнем убранстве храма разноцветные валуны гранита и гнейса клались, как правило, без обработки — наружу естественной плоскостью. Но многие из них, особенно лежащие на земле у южного и западного фасадов церкви, поражают мастерством почти зеркальной шлифовки поверхности и точно срезанных под определенным углом и так же заполированных фасок. Эти памятники деятельности гродненских камнесечцев свидетельствуют о том, что они могли изготовлять не только грубо обработанные жернова, но владели весьма совершенной техникой художественной обработки камня.

В процессе раскопок Нижней церкви удалось определить и причины ее раннего разрушения.

При работах по укреплению фундамента юго-западного угла церкви было установлено, что его кладка состоит из мелкого булыжника, пересыпанного черной землей без применения связующего раствора[1]. Его глубина 45—50 см (рис. 69). Подвижность подобной кладки была, видимо, одной из, основных причин вскоре начавшегося разрушения здания. К тому же фундамент лежал не на материке, а в описанном выше насыпном, «нивелировочном» слое. Показателем его подвижности является сильная осадка пола храма под давлением его руин (на коротком отрезке меж южной стеной и II южным столбом уклон равен 35 см!). С северной стороны, где были глубокие, заполненные засыпкой котлованы, грунт был особенно нестоек и вызвал неравномерную

[1] См., например, киевскую рукопись XI в. Слов Григория Богослова собрания Гос. публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. В. В. Стасов. Славянский и восточный орнамент. СПб., 1887, табл. XLI, рис. 2, 5, 9; также в западнорусских рукописях — там же, табл. LXXXIX, рис. 8.

[2] Gniezno, стр. 80, рис. 9; стр. 81, рис. 10.

[1] Подобную кладку имел фундамент Михайло-архангельской церкви в Смоленске: «в песчаном грунте, укрепленном, вероятно, распорками, сделан фундамент из мелкого булыжного камня (в среднем величиной с кулак) насухо, без всяких следов проливки известью, затем верх фундамента присыпан небольшим (5—7 см) слоем песка и по нему пролит известковый раствор, а дальше идет сплошная кирпичная кладка стен». И. М. Хозеров. Архитектура Белоруссии XI—XII вв. Архив Академии архитектуры СССР, № Б-2066, стр. 17. Сходная техника кладки фундамента из булыжника насухо установлена архитектором А. В. Столетовым в Успенском соборе во Владимире на Клязьме (1158—1161 гг.).

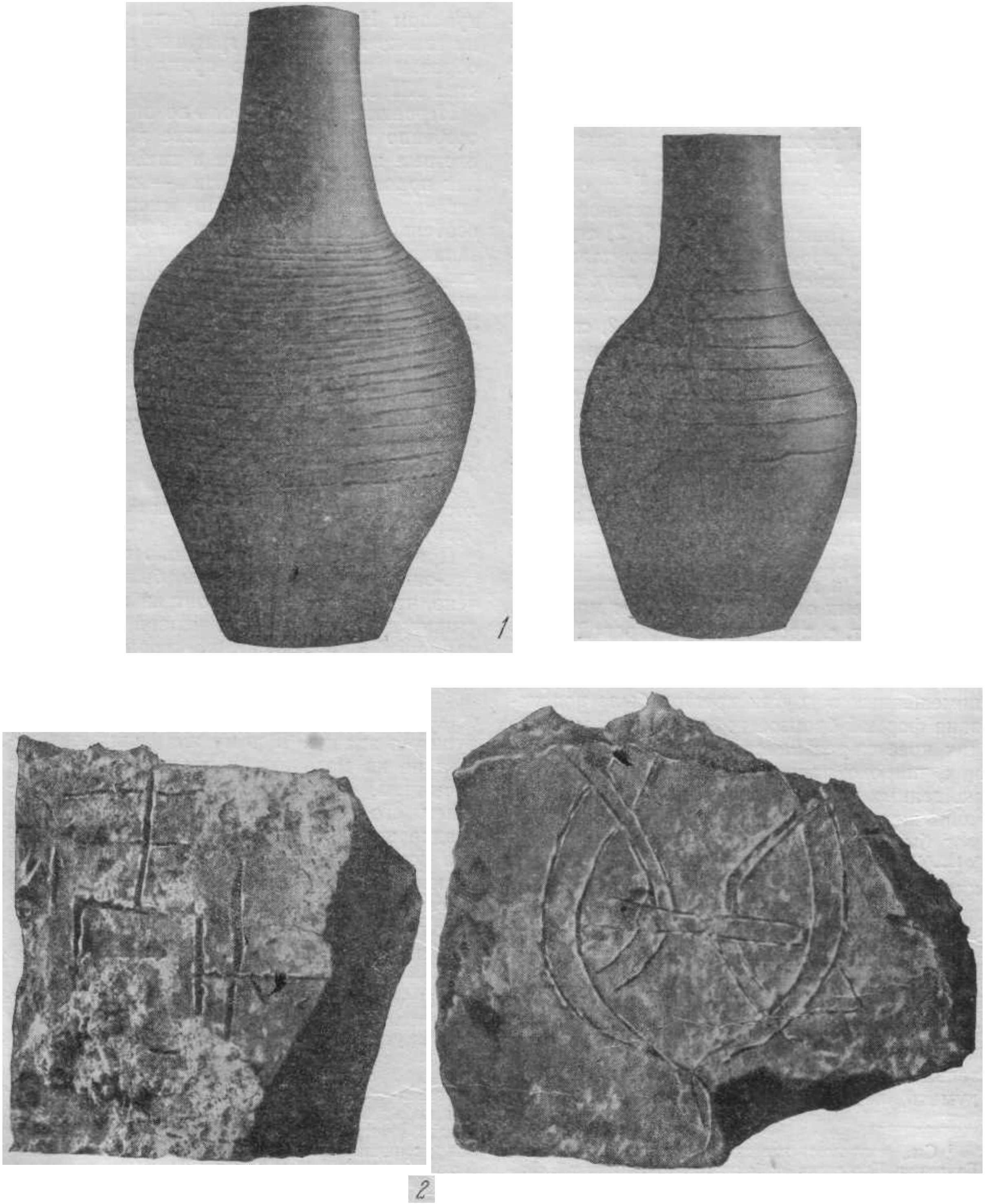

Рис. 63. Голосники (1) и кирпичи с графитти (2)

осадку. Как упоминалось выше, северная половина западной стены имеет уклон к северу, а в северо-западном углу проходит старая сквозная трещина. Осадка западной стены к северу на участке от лопатки до угла достигает 5—6 см. Северная стена, насколько позволяют судить ее нижние части (она сохранилась хуже других стен), имела наиболее сильный уклон; так, промер III северной лопатки показал, что на высоте от пола церкви 1,40 м она отклоняется от вертикали к северу на 13 см. Уклон или оползание кладки к северу имеют II и III северные столбы, простенок жертвенника и III южный столб. Описанные выше особенности кладки,— отсутствие перевязи, введение внутрь кладки булыжников средней величины и крупных — в фасадную кладку,— также содействовали деформации здания.

Видимо, вскоре после постройки Нижней церкви начали появляться угрожающие признаки ее разрушения, которые потребовали укрепительных мероприятий. Можно думать, что остатками таких креплений являются лежавшие около алтарной апсиды в слое руин 1183 г. и ниже его доски и бревна. Против апсиды на глубине 6,02—6,30 м лежали вперехлест толстые тесины как бы обвалившейся подпорной конструкции. Под ними, в уровне 6,44 м и ниже, лежали также под углом к апсиде два толстых (38 см) не связанных между собой бревна; северное имело на конце чашку, в которой лежало (вдоль апсиды к северо-западу) более тонкое (18 см) бревно. В северной части раскопа под углом к северо-восточному углу храма лежали два также толстых (26—32 см) бревна.

Повидимому, процесс нарушения равновесия масс здания шел быстро и удар молнии и пожар, отмеченный летописью под 1183 г., был лишь толчком, завершившим разрушение храма.

Раскопками установлены следы этого пожара. Деревянный порог западного входа был с внутренней стороны наполовину обуглен. На небольшом пространстве у входа были найдены слитки металла (главным образом серебра); в западном нефе было много кусков угля и якобы были обнаружены обгоревшие скелеты[1]. В главной апсиде, как говорилось выше, были прослежены полосы и пятна гари,— может быть след сгоревших икон и деревянной обстановки алтаря; полоса угля перед алтарными столбами обозначала место деревянной алтарной преграды. Все это с достаточной ясностью свидетельствует, что Нижнюю церковь, действительно, постиг сильный пожар и запись Ипатьевской летописи под 1183 г. относится именно к ней, а не к Коложской церкви, как думали прежде.

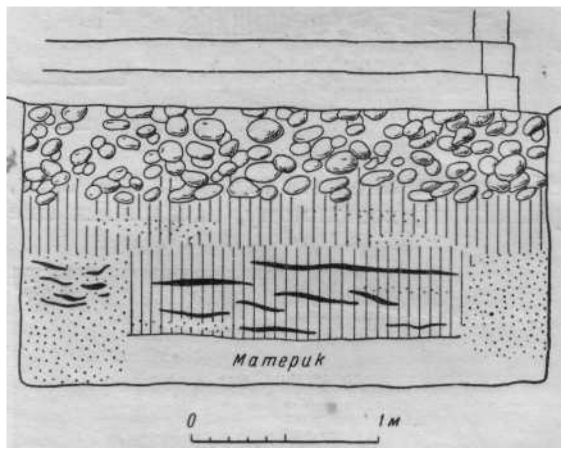

Рис. 69. Нижняя церковь. Фундамент юго-западного угла

Профиль руин (рис. 70) по линии от стены XVIII в. до **III** северного столба и далее поперек храма к углу III лопатки южной стены рисует с достаточной ясностью историю его разрушения.

Обнаруженный непосредственно на полу храма п е р в ы й пласт развалин относится к катастрофе 1183 г. В этом пласте удалось проследить и расчленить отдельные блоки сводов и упавших столбов (см. рис. 55, стр. 107). Между западными столбами открылась часть подпружной арии, сохранившаяся лучше в южной половине и разрушенная в северной. Юго-западный столб был разрушен полностью: сохранилась лишь часть его северо-восточного угла; II южный столб разрушен почти до основания, он сохранил лишь 3—4 ряда кладки. К востоку от него лежала часть его лицевой кладки, на северо-запад, до встречи со стеной XVIII в., лежала также лицевая кладка длиной около 4 м (рис.67, *2).* II северный столб, хотя сильно обопрел и имеет ряд трещин, сохранился хорошо, уцелела и его уширенная

[1] SW, стр. 46, 61, прим. 31; GW, стр. П.

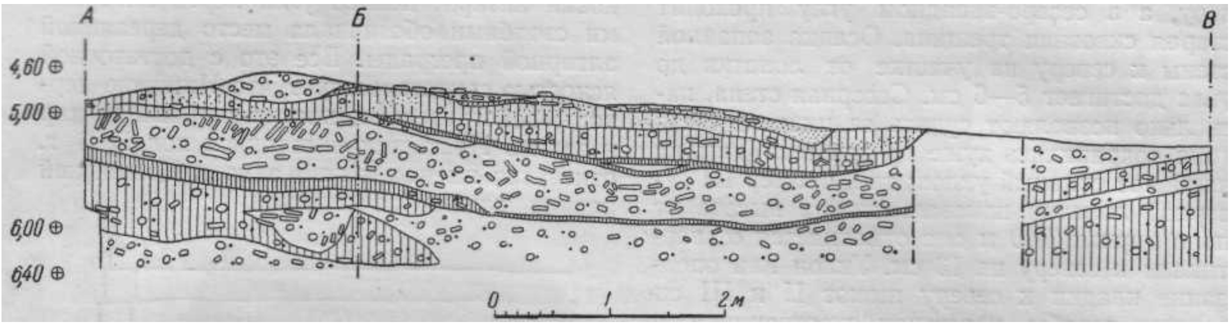

Рис. 70. Поперечный профиль руин Нижней церкви

база (рис. 71). Все упавшие части кладок лежали на слое мелкого щебня с прослойками гумуса общей толщиной 30—40 см, отражающем, повидимому, начавшийся еще

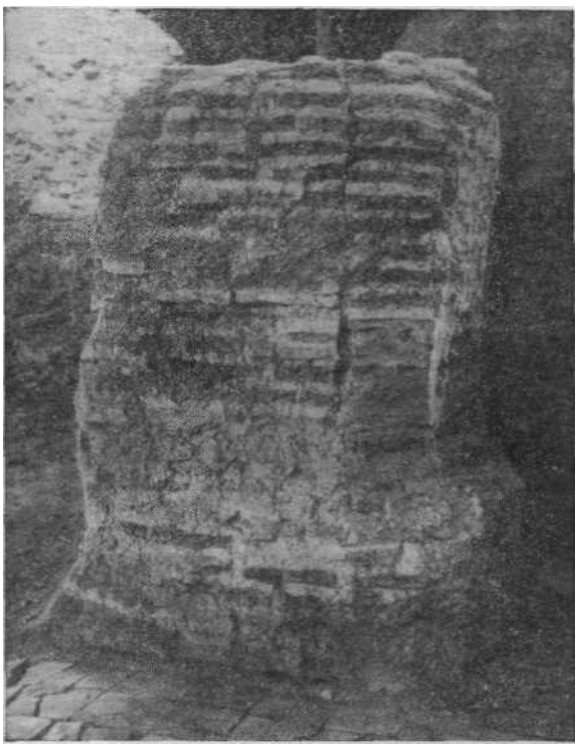

Рис. 71. Нижняя церковь. Второй северный столб

до 1183 г. медленный процесс разрушения я осыпания кладки.

Таков первый пласт руин, хорошо читающийся и в профиле.

Выше его перекрывает тонкая — от 2 до 10 см—прослойка черного культурного слоя, отложившаяся в очень недолгий промежуток времени и перекрытая сверху весьма мощным вторым пластом разрушения Нижней церкви; он также в свою очередь перекрыт тонким черным слоем земли; над ним — слой мелкого щебня, перемешанного с землей, отражающий постепенное разрушение уцелевших еще стен здания, осыпь которых смешивалась с гумусом и пылью. Над ним — песчаная нивелировочная засыпь под позднейшей кирпичной вымосткой (о ней ниже).

Прослойки гумуса, перекрывающие два пласта руин, не носят характера сплошных слоев, но лежат пятнами в углублениях развалин, а местами исчезают. Единственный массовый материал в обоих слоях — сотни обломков голосников. В единичных обломках встречена бытовая посуда, полуфабрикаты из кости, обломок оселка, железный ножик, часть замка. Очевидно, что после начавшегося разрушения входить внутрь руин было опасно, чем и объясняется ничтожное здесь количество бытовых находок.

Таким образом, гибель здания не была единовременной. Сначала в 1183 г. внутрь храма обвалилась часть сводов и столбов. Затем руины покрылись небольшим растительным слоем, но стены и часть столбов, а может быть, и перекрытий еще стояли. Далее последовало и их разрушение, образовавшее второй пласт. Судя по следам пожара — обугленности постройки № 31 к востоку от Нижней церкви, связанной со слоем ее второго разрушения,— последнее было сопряжено с какой-то общегородской катастрофой, происшедшей, судя по незначительности гумусного слоя, через сравни-

тельно небольшой промежуток времени, возможно в середине XIII в.

Дальнейшую судьбу руин Нижней церкви мы осветим в предпоследней главе настоящего исследования.

4

К югу от Нижней церкви, на краю плато над Неманом, сохранились остатки кирпичного здания, открытого Иодковским в 1932 г. (рис. 4, *1*). Руины лежат почти вплотную к стене замка Витовта. Южная часть постройки еще в древности обрушилась в Неман, о чем выразительно свидетельствует сохранившаяся часть восточной стены, оползшая к склону замкового холма (рис. 72).

О стратиграфической обстановке руин нам почти ничего не известно. И. Иодковский сообщает лишь, что при их вскрытии были найдены шиферные пряслица, глиняные грузила от сети, щипчики, наконечники стрел, железные ножи, много обломков круглых и ложновитых браслетов из цветного стекла, обрывок льняной ткани, деревянные веретена, каменные ядра 12—15 см в диаметре; внутри и снаружи было много обломков разноцветных, подобных коложским, майоликовых плиток, а также слитки расплавленного и листового олова, свидетельствующие о первоначальной металлической кровле здания[1]. К этому перечню уже по материалам фондов ГГИАМ можно добавить ключ от трубчатого замка, бронзовый наперсток, костяные трапециевидные гребни, разнообразные костяные поделки (проколки, накладки, рукоятки), шпору, огниво, железное шило и др.[2] В этом перечне мы ясно ощущаем пройденный И. Иодковским обычный русский культурный слой XII—XIII вв., совершенно сходный по содержанию слою других участков замка. Однако именно на основании этих типовых находок ИОДКОВСКИЙ заключил, что открытые руины — остаток здания «светского назначения» и признал его «теремом».

Каменные ядра — единственное, что обратило особое внимание Иодковского при уничтожении позднейших слоев литовской поры на участке руин. К этим слоям относятся также наконечники арбалетных стрел XIII—XIV вв.

Восстанавливая положение здания в шкале слоев замка, нужно отметить, что верхняя кромка его фундамента и основание кирпичных стен лежат в уровне 6,37—6,40 м, т. е. немного **выше** уровня цоколя Нижней церкви (6,60 м).

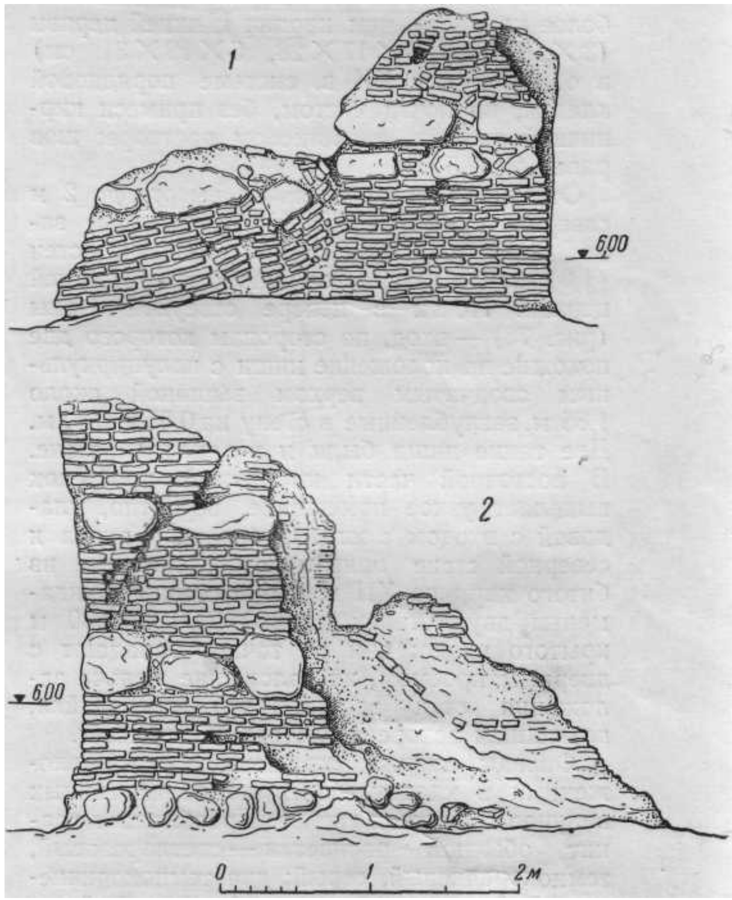

Рис. 72. Южная башня

1 — восточный фасад; *2* — западный фасад

Фундамент очень незначителен — он достигает глубины 30—40 см; его основание состоит из забутки битым кирпичом, политой известковым раствором, поверх которой выложены валунные камни; выше начинается кирпичная кладка стены. Слой под фундаментом содержит фрагменты керамики XII в., обломки кирпича-плинфы, кусочки извести, т. е. остатки **предшествовавшего, более раннего** строительства.

[1] GW. стр. 10.

[2] См. фото с планшетов времени Иодковского №358, 395, 418, 425, 426 в фондах ГГИАМ.

Ниже идет «нивелировочный» слой со следами пожара деревянных строений, какой мы видели выше на южном и северном раскопах. Таким образом, здание строилось несколько позже Нижней церкви, когда над «нивелировочным» песком успел отложиться небольшой культурный слой, содержащий следы строительства Нижней церкви.

Здание сложено из кирпича, несколько более крупного, чем кирпич Нижней церкви (3X16X28, 4X17X28, 5X19X31 см) в обычной для XII в. системе порядковой кладки, на почти чистом, без примеси кирпичной крошки, известковом растворе; шов равен 2—2,5 см.

От здания сохранилась «а высоту до 2 м северная стена и сильно разрушенные западная и восточная стены. Толщина стен (1,04 м) близка толщине стен Нижней церкви. Почти в центре северной стены (рис. 73) —вход, по сторонам которого две похожие на коложские ниши с полуциркульным сводчатым верхом вышиной около 1,85 м, заглубленные в стену на 0,55 и 0,69 м. Две такие ниши были и в западной стене. В восточной части кирпичный простенок выделяет узкое помещение, вероятно, кладовой с входом с юга. Снаружи, у входа к северной стене примыкают сложенные из битого кирпича XII в. и булыжника фундаменты двух стенок длиной 2,30 и 3,30 м крытого входа; они не точно совпадают с дверным проемом, их заложение мельче заложения стен здания — это пристройка, возникшая вскоре после его завершения.

Фасады здания украшены рядами вложенных в кладку, почти не обработанных валунов гранита и гнейса. Преобладает гранит обычной расцветки—светлорозовый, темнокоричневый, серый; два темнокоричневых гнейсовых валуна подобраны в той же гамме. Камни пропорционально масштабам постройки мельче камней фасадов Нижней церкви. Если найденные при земляных работах Иодковского майоликовые плитки не относятся к руинам Нижней церкви, то очевидно, что и описываемое здание имело в своей верхней части майоликовый полихромный убор [1].

[1] Иодковскнй отмечает, что плитки, найденные около Нижней церкви, были отличны от плиток «терема» «по внешнему виду и размерам» (?). GW, стр. 11.

Особо следует сказать о знаках на кирпиче описанной постройки, послуживших темой особой статьи И. Иодковского[1]. Все они — выпуклые, вырезавшиеся на доске формы вглубь, все — на длинной стороне «ложка» кирпича; клейм, оттиснутых печаткой, какие известны, например, из смоленских памятников[2], нет. Насчитано несколько десятков знаков, частью повторяющихся. Среди них несколько буквенных (Т, Н, N, М, А; рис. 74, *19—33)*, кресты (рис. 74, *11—17)*, изобразительные знаки в виде стрелы, молотка, двусторонней вилки (древнерусское «мотовило»; рис. 74, *34—39)*, разнообразные геометрические фигуры и плетенки (рис. 74, *44—64)*, сложные орнаментальные знаки, среди которых интересны подобия конька (рис. 74, *40—42)* и лировидный знак (рис. 74, *43)*. Некоторые из знаков — буквенные, плетенки, крестовидные — напоминают знаки «а кирпиче Коложской церкви (ср. рис. 43, *2, 4, 6, 16;* стр. 88).

Особенное внимание привлекает группа знаков, принадлежащих к типу княжеских тамг (рис. 74, */—10)*. Эти знаки находят аналогию в персонально не определенных знаках, встречающихся на дрогичинских пломбах[3], что позволяет высказать предположение, что часть дрогичинских пломб принадлежала Гродно. Один из вариантов этого знака (трезубец с крестом внизу, рис. 74, *10)* находит аналогию в знаке на кирпиче церкви Дмитрия во Владимире-Волынском первой половины XII в. (рис. 74, *65)* и в горшечном клейме из Плиснеска (XI—XII вв.) [4]. Весьма правдоподобно, что знак двузубца с крестом ввел Всеволодко Давидович гродненский[5], от которого он и перешел к его преемникам.

Судить о первоначальном облике здания мы можем лишь весьма приблизительно.

[1] J. Jodkowski. O znakach na cegle «teremu» książęcego w Grodnie (оттиск из WNA, t. XV, 1933)^ Kraków, 1934.

[2] И. М. Хозеров. Знаки и клейма кирпичей смоленских памятников зодчества древнейшего периода. «Научные известия Смоленск, гос. университета», т. V, вып. 3. Смоленск, 1929.

[3] Б. А. Рыбаков. Знаки собственности... СА,. VI,[4] рис. 55—56.

[4] І. Д. Ст а р чу к. Розкопки городища Пл1снеська в 1947—1948 рр. «Археолог, пам'ятки УРСР», т III,. Ки1в, 1952, табл. II, рис. 4.

[5] А. В. Соловьев. Новые раскопки в Гродно. Записки русск. научн. института в Белграде, 1935, вып. 13.

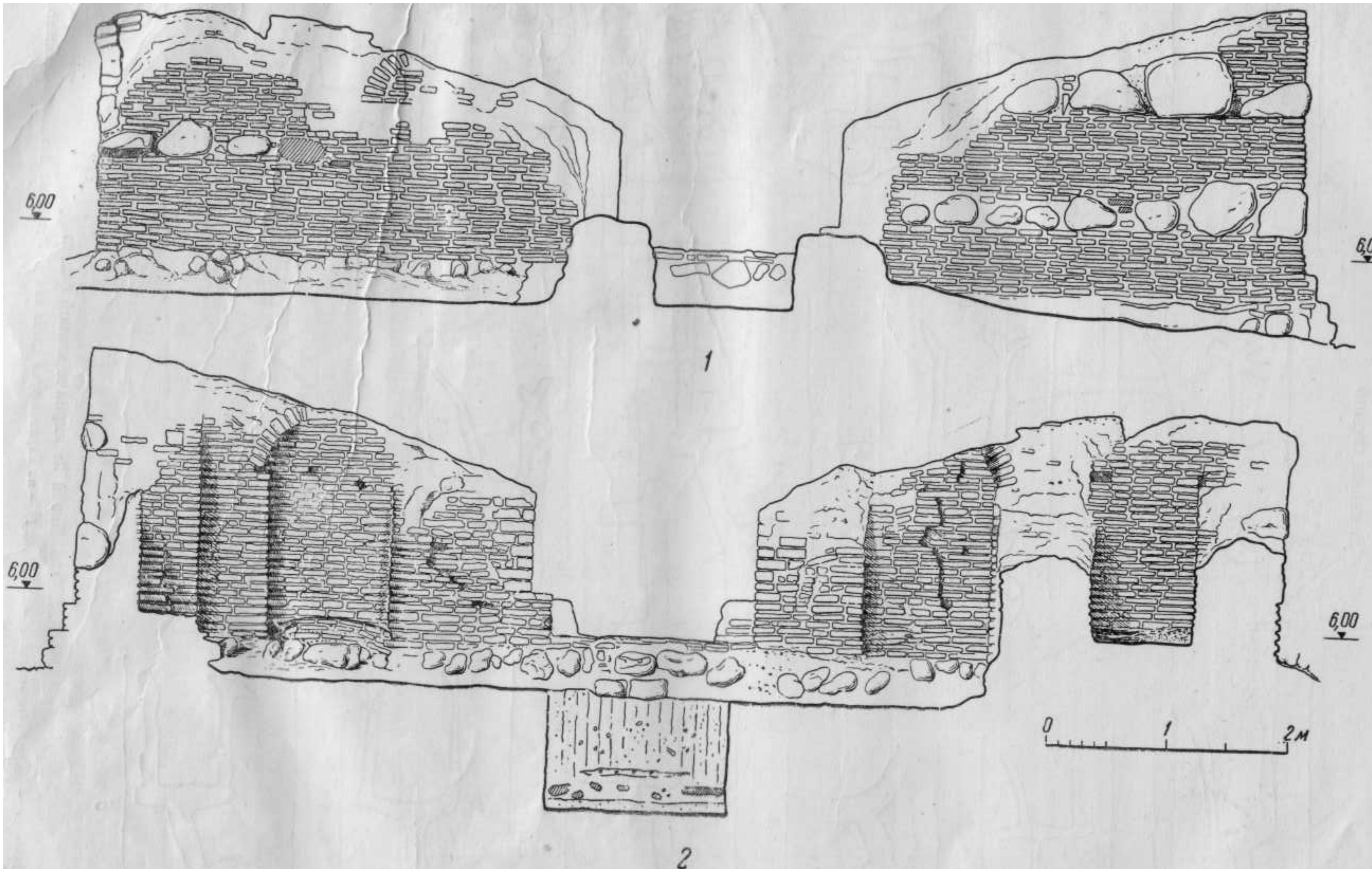

Рис. 73. Южная башня

1 — северный фасад; 2 — внутренний вид северной стены

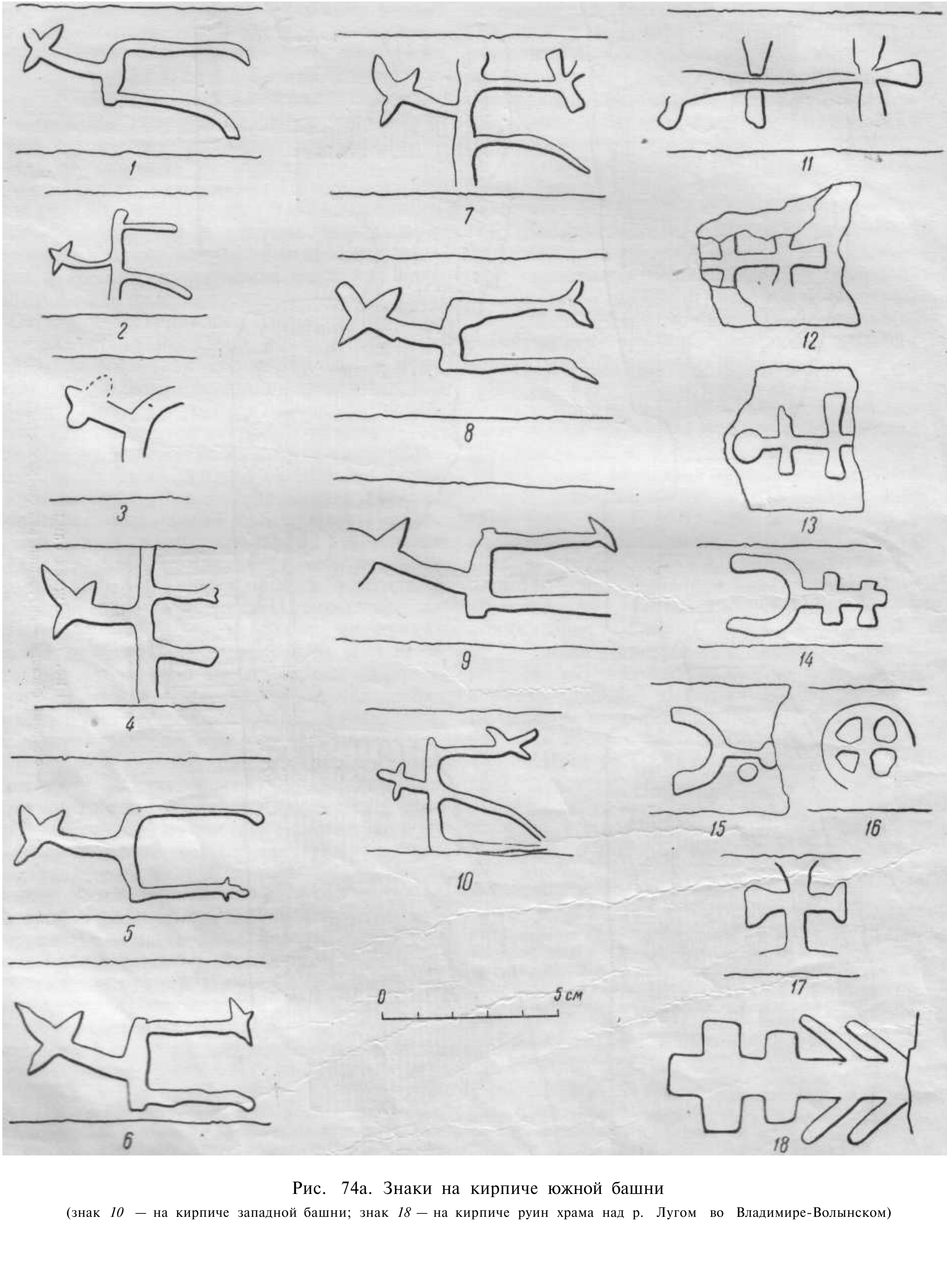

Рис. 74а. Знаки на кирпиче южной башни

(знак *10* — на кирпиче западной башни; знак *18* — на кирпиче руин храма над р. Лугом во Владимире-Волынском)

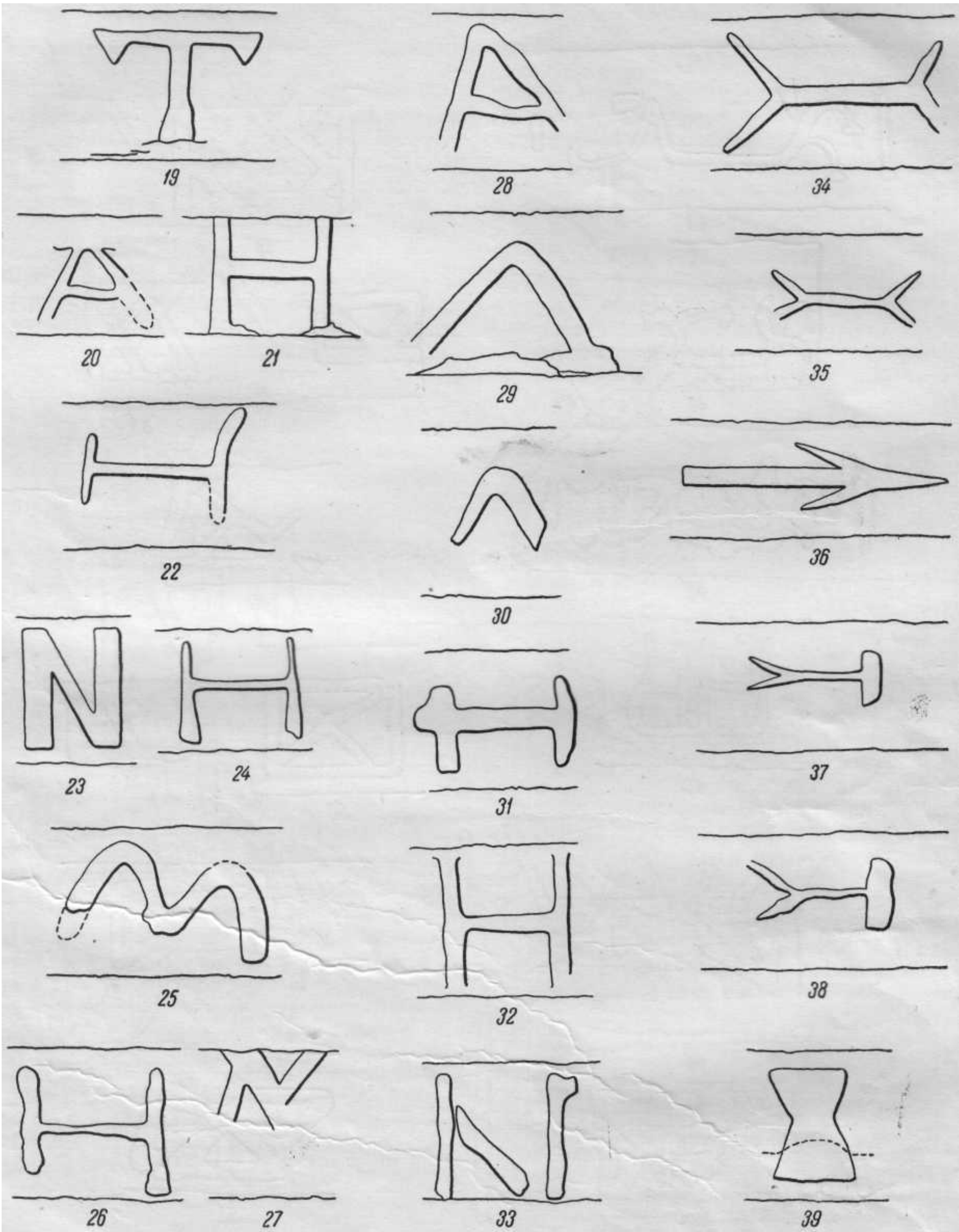
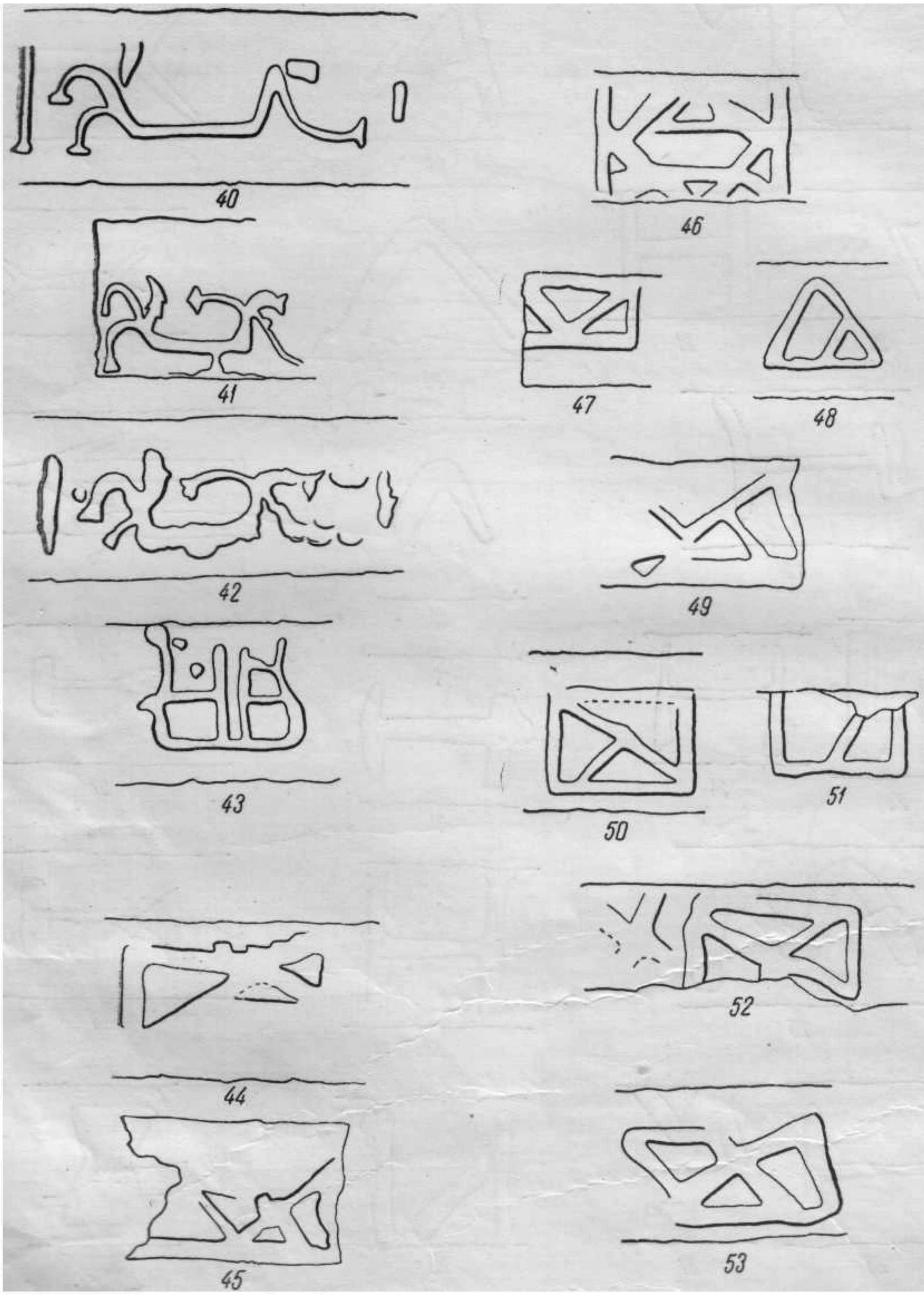
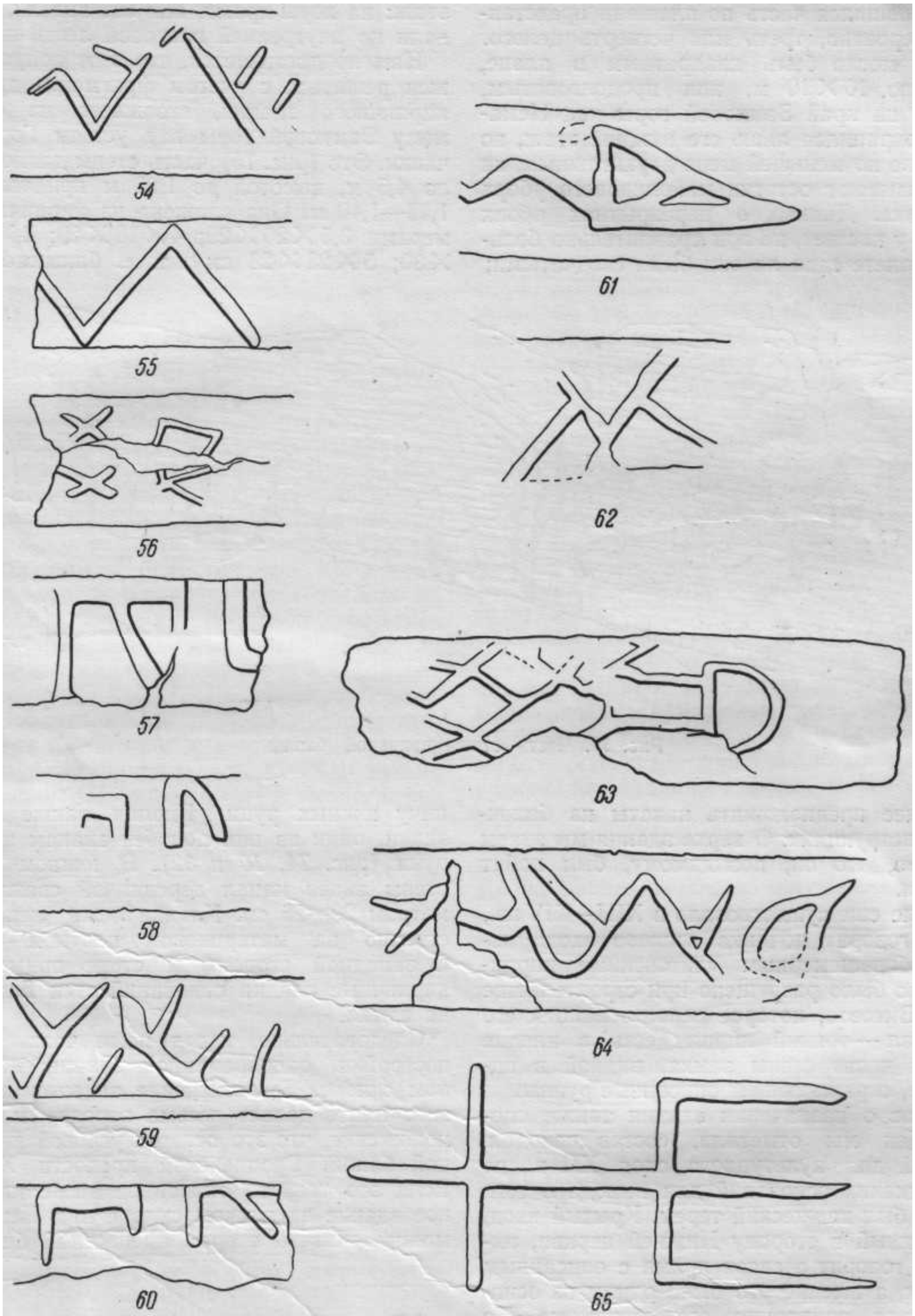

Рис. 74б. Знаки на кирпиче южной башни
(знак 32 — на кирпиче западной башни; знак 38—на кирпиче в перелицовке Нижней церкви)

74в. Знаки на кирпиче южной башни

74г. Знаки на кирпиче южной башни
(знак 65—на кирпиче руин храма над р. Лугом во Владимире-Волынском)

Сохранившаяся часть по площади представляет, вероятно, треть или четверть целого. Здание могло быть квадратным в плане, примерно 10Х10 м, или продолговатым, выходя на край Замковой горы над Неманом. Сохранился лишь его нижний этаж, но оно было по меньшей мере двухэтажным, на что указывают остатки майоликового убора его верха. Данных о перекрытиях обоих этажей у нас нет, но при сравнительно большом пролете едва ли они были сводчатыми; вероятнее предположить накаты на балочных конструкциях. О верхе здания мы знаем лишь то, что он, повидимому, был побит свинцом.

Здание еще существовало в XIII—XIV вв., о чем говорит починка косяков входа изнутри большемерным «литовским» кирпичом. Оно было разрушено при строительстве замка Витовта, которое использовало и его материал — тонкий кирпич есть в кладке нижней части стены замка, видной в павильоне, ограждающем описанные руины.

Вопрос о назначении здания также спорен. Как мы отметили, состав находок, обычный для культурного слоя XII в., не дает никаких оснований для вывода о том, что это был княжеский терем. Крытый вход, обращенный в сторону Нижней церкви, ничего не говорит о связи храма с описанным зданием, а именно это было одним из оснований для признания его «теремом». Не связывался с хорами храма и его второй этаж: на хоры храма, как мы видели, попадали по внутренней винтовой лестнице.

Нам представляется, что этот вопрос должен решаться с учетом фрагмента другого кирпичного здания, стоявшего на самом мысу Замковой горы над устьем Городничанки. Это (рис. 75) часть стены длиной около 4,5 м, высотой до 1,80 м при толщине 1,38—1,40 м. Она сложена из кирпича размерами 3,5 X 20 X 29; 4 X 18 X 29; 4 X 23 X X 30; 5 X 23 X 28 см [1], т. е. близкого кирпичу южных руин. Кирпич также имеет знаки, один из них подобен знакам южных руин (рис. 74, *10* и *32)*. В южном торце стены виден канал деревянной связи диаметром 20—25 см. Кладка лежит непосредственно на материковом плотном песке. С западной стороны к стене примыкают кирпичные кладки оснований стен Баториева замка.

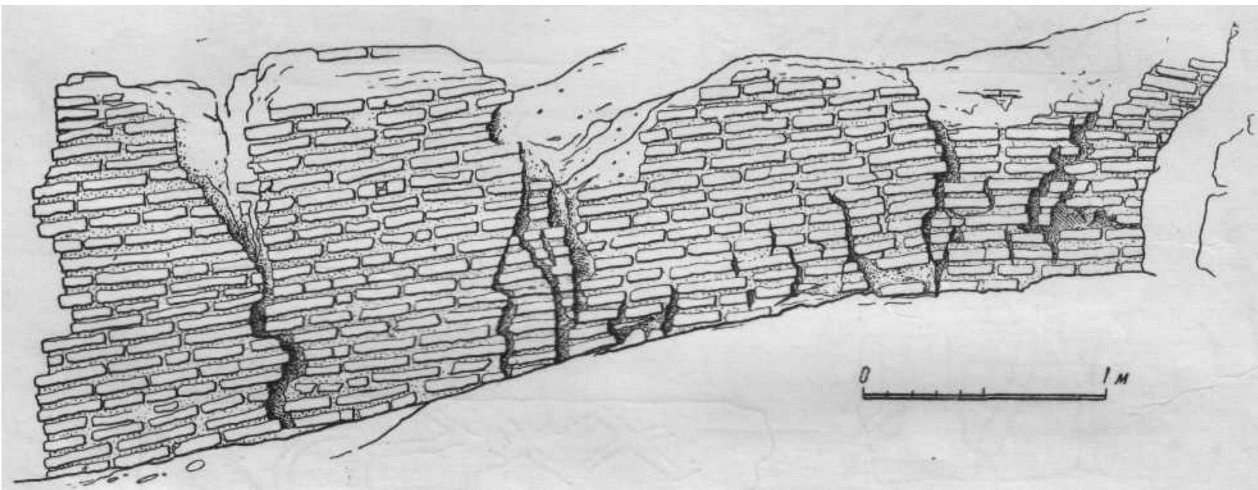

Рис. 75. Часть стены западной башни

Следовательно, перед нами часть стены постройки, одновременной зданию на южном склоне. Ее положение на мысу замкового плато делает весьма вероятным предположение, что это остаток угловой кирпичной башни Гродненской крепости XII в. Если это так, то описанное выше кирпичное здание на южном склоне «ад Неманом можно считать второй крепостной башней,

[1] При данных длине и толщине ширина некоторых экземпляров—13, 14, 16 см.

которая, возможно, соединяла боевые и жилищные функции [1].

По-видимому, башни соединялись земляными валами с деревянными стенами на них тыновой или срубной конструкции.

Что касается собственно дворцовых зданий — жилища княжеской семьи, то они, скорее всего, располагались в восточной части крепости на месте позднейшего дворца Батория — ныне здания музея, т. е. около главного входа в крепость, обращенного к городу.

5

Обратимся к вопросу о датировке архитектурных памятников Гродно.

Со времен первого историка Коложской церкви — И. Кульчинского этот памятник привлекал большой интерес. Любопытно, что за отсутствием письменных источников И. Кульчинский обратился к сравнению гродненского памятника с полоцким Софийским собором и отметил, что Коложская церковь «как по кирпичу, так и по извести, подобна. соборной полоцкой церкви». Считая последнюю постройкой 1200 г., И. Кульчинский к этому времени относил и Коложский храм[2]. Не вызывал сомнений этот вопрос и в последующих публикациях памятника в русской литературе, где его дата определялась XI—XII веками или, чаще, XII веком[3], и в монографии М. Валицкого, датировавшего памятник концом XII в.[4] Однако в польской же довоенной литературе появились иные точки зрения, заставляющие нас вновь коротко вернуться к этой теме. Стремление оторвать древнее Гродно от связей с Русью и русской культурой или прикрыть и замолчать эту связь диктовало подчас весьма странные суждения о датировке Коложской церкви. Так, уже упоминавшийся выше Г. Ловмянский, возражая против датировки Коложской церкви М. Валицким (конец XII в.), ставил вопрос о том, не была ли церковь построена в начале XV в., когда Витовт поселил здесь пленных псковичей-коложан! На позднейшее возникновение церкви указывает, по его мнению, и ее расположение вне замка за Городничанкой: «древнейшая церковь должна была встать, если не в крепости, то на посаде или в подгородьи»[1]. Эта «гипотеза» свидетельствует о незнакомстве автора с существующей основной литературой о памятнике и древнерусском зодчестве вообще.

Открытие новых памятников на Замковой горе привлекло особый интерес к вопросу об их историческом значении. Мало знакомый с историей русского зодчества древнейшей поры И. Иодковский внес особенно много путаницы в вопрос о датировке гродненских памятников.

Он полагал, что Нижняя церковь — постройка XI в. и сравнивал ее с церковью Благовещения в Витебске, которую почему-то относил к рубежу X—XI в.![2] Выдвигая особую роль в истории Гродно Давида Игоревича, незадачливого князя, много скитавшегося по Руси и побывавшего недолго в Тмутаракани, Иодковский считал его строителем Нижней церкви, мастеров которой Давид привел якобы из Тмутаракани. Косвенным доводом в пользу того, что «творцом гродненской резиденции» был Давид, являлось соображение, что юный Всеволодко к моменту женитьбы на Агафий, дочери Мономаха, должен был иметь в Гродно терем и вообще условия, равные киевским, и что сам тесть Всеволодки Владимир Мономах «должен был обеспечить своей дочери хотя бы минимум того, что она имела в Киеве,— скромный терем и храм по соседству»![3]

Дату Коложской церкви И. Иодковский стремился поместить также в раннее время — он считал, что литовцы захватили

[1] Существенно нахождение около или внутри южной башни каменных ядер (12—15 см в диаметре), которые В. Голубович связывает с концом XIV в. и началом применения артиллерии (Голубович, стр. 33—34). Это может служить лишним подтверждением боевого назначения башни, сохранявшегося ею и в XIV в., в связи с чем ее и реставрировали.

[2] АС IX, стр. 409. Корчинский не без основания считал, что под «соборной полоцкой церковью» Кульчинский разумел храм Спасо-Евфросиниева монастыря (ук. соч., стр. 19). Имеющиеся в литературе указания, что в Коложской церкви «во внутренней стене ее имеется камень, на котором высечен 1064 год,— очень возможно, что это год ее построения» («Виленский вестник», 1898, № 44),— являются недоразумением: никакого камня с датирующей записью в действительности нет.

[3] См. приведенные выше публикации и исследования.

[4] M. Walicki. Ук. соч., стр. 28—29.

[1] H. Łowmiański. Studia..., т. II, стр. 273, прим. 1.

[2] J. Jodkowski. Pieczęcie..., стр. 166.

[3] Там же, стр. 165 и 169.

Гродно уже около 1190 г.[1], и поздняя дата русского храма его никак не устраивала. Возражая против датировки М. Валицким Коложской церкви концом XII в., И. Иодковский утверждал, что подобные монументальные постройки не могли возникнуть в период охвативших Русь, особенно после падения Киева в 1169 г., усобиц, когда оживилась литовско-ятвяжская экспансия[2]. Стремясь сдвинуть дату памятника вглубь, Иодковский сравнивал знаки на его кирпиче со знаками Софийского собора в Полоцке XI в.[3] Характер же кладки Коложской церкви он считал типичным для «древнейших памятников византийско-русского строительства»[4]. А. В. Соловьев высказывал в отношении Коложской церкви предположение, что она была построена в 1116—1117 гг. в связи с перенесением в 1115 г. гробниц Бориса и Глеба[5].

Чтобы окончательно снять возможность подобных разноречий, достаточно привести наиболее объективные сравнительные данные о технике кладки. Как мы видели, все гродненские здания сложены из кирпича в системе обычной порядовой кладки. Эта система характерна для XII столетия[6]. В его первой половине еще встречаются случаи старой техники чередования рядов камня и кирпича и прием «полосатой» кладки с чередованием утопленного и покрытого штукатуркой ряда кирпичей с рядом, выходящим на поверхность стены. В частности, пример запоздалого применения opus mixtum мы встречаем в витебской церкви Благовещения XII в.[7], а «полосатую» кладку — в постройках Бельчицкого Борисоглебского монастыря в Полоцке первой половины XII в.[8] Следовательно, памятники Гродно никоим образом не могут быть датированы раньше XII столетия и даже раньше его второй четверти. Самый кирпич гродненских зданий по своим размерам характерен для XII в. Приведем таблицу кирпича построек различных русских областей (см. стр. 139).

Как видно из приведенных данных, самый материал гродненских памятников чрезвычайно типичен для архитектуры своего времени — XII в. Можно лишь отметить, что древнейшая постройка Гродно — Нижняя церковь — имеет наиболее тонкий кирпич, какой имели лишь близкие ей по времени постройки полоцкого Борисоглебского на Бельчицах монастыря (до 1159 г.).

Взаимоотношение возраста гродненских построек между собой может быть установлено лишь относительно. Как мы видели выше, слой строительства Нижней церкви лежит непосредственно на «нивелировочной» насыпи, выровнявшей участок и уничтожившей следы пожара древнейшего городка XI—XII вв. Следы ее строительства прослеживаются под фундаментами южной башни крепости. Следовательно, Нижняя церковь старше крепостных башен и синхронна началу княжеского поселения на Замковой горе. Естественно предположить, что храм был построен первым гродненским князем — Всеволодкой в пределах между 1116 г. (или 1128) и 1141 г.— годом его смерти.

Постройка крепостных башен происходит позже, скорее всего,— в третьей четверти XII в. Об этом говорит не только стратиграфия, но и наличие на кирпиче их руин многочисленных знаков, редких в Нижней церкви и имеющихся на кирпиче Коложского храма. Последний, несомненно, является наиболее поздней постройкой.

Характерно, что в Коложской церкви получают развитие решительно все архитектурные детали, как бы только «зарождающиеся» в Нижней церкви. Необычная форма столбов со срезанными углами, являющаяся оригинальной чертой Нижней церкви, как бы подготавливает переход к круглым колоннам Коложского храма. В Нижней церкви мы видим широкие плоские лопатки, которые лишь скруглены на углах, благодаря чему они приобретают более мягкую, пластичную форму. В Коложской церкви лопатка становится почти «пучковым пилястром»: на основную широкую прямоугольную лопатку как бы накладываются две более узкие, последняя — со скругленными углами; если добавить тонкую полуколонку, то мы получим сложный пилястр типа Михаило-архангельской церкви в Смоленске.

[1] GW, стр. 12.
[2] SW, стр. 59, прим. 29.
[3] Там же, стр. 59, прим. 25.
[4] Там же, стр. 37.
[5] J. Jodkowski. Pieczęcie..., стр. 166, прим. 20.
[6] М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950, стр. 206.
[7] М. М. Шчакацiхiн. Нарысы з гiсторыi беларускага мастацтва, т. I. Мiнск, 1928.
[8] Н. Воронин. У истоков русского национального зодчества. Ежегодник Института истории искусств Академии Наук СССР, т. I. М.— Л., 1952, стр. 264 и след.

Памятник	Дата	Размеры кирпича в см		
		длина	ширина	толщина
Киев, Десятинная церковь	989 г.	31	30	2,5
Чернигов, Спасский собор	1024—1036 гг.	32	30	3
Полоцк, Софийский собор	Конец XI в.	30,5—35,0	20—24	2,5—3,5
Киев, Большой храм на Кудрявце	То же	33—36	27—30	4—4,5
Смоленск, собор	1101 г.	20—23	17—18	4,8
		35	24	4,8
Киев, Выдубицкий монастырь (склеп)	Начало XII в.	32	31	3,5—4,5
Чернигов, Борисоглебский собор	XII в.	30—32	22—26	5
Витебск, церковь Благовещения	Первая половина XII в.	33	27	4,5
Канев, церковь Георгия	1144 г.	31—35	21—23	5
Смоленск, церковь Бориса и Глеба	1145—1146 гг.	24,5—31,5	19—22	4—4,5
Киев, Кирилловская церковь	1146—1171 гг.	33	24	5,5
Владимир-Волынский, церковь Дмитрия	Первая половина XII в.	26	21	4
Гродно, Нижняя церковь	То же	26	15	2,5—3,5
Старая Ладога, церковь Климента	1153	20,5	15,5	5
		30,5	18,0	5,5
Полоцк, Борисоглебский собор на Бельчицах	Первая половина XII в.	31—33	15,5—21,5	2,5—4,0
Полоцк, малый храм на Бельчицах	То же	25	18	3
Владимир-Волынский, Успенский собор	1160 г.	24	21	4,5
		35	24	5
Смоленск, церковь Петра и Павла	Вторая половина XII в.	23—24	23—24	4
Чернигов, Елецкий собор	То же	33—37	17—27	3—4,5
Старая Ладога, Успенская церковь	Конец XII в.	22—23	18—19	4—5
Чернигов, Благовещенский собор	1186 г.	25	18	3—4
		35	28	5
Гродно, башни крепости	Вторая половина XII в.	29—33,7	15—21,5	3,5—5,5
Гродно, церковь Бориса и Глеба на Коложе	Конец XII в.	25—29,5	16—17,5	3—4,5
Белгород, церковь 12 апостолов	1197 г.	28—30	18—20	3—6
Чернигов, церковь Пятницы	Конец XII в.	27—23	16—20	4,5—5
Киев, церковь на Вознесенском спуске	То же	28	20	4,5

Однако гродненские зодчие предпочли использовать плоскость лопатки для убора вставками цветных камней. В связи с усложнением формы пилястр обогащается и доколь; если в Нижней церкви он состоит из одной полки, в Коложе их две, с ними очень эффектно сочетаются основания пилястр, образуя оригинальную ступенчатую "базу».

В системе убранства фасадов полированными камнями мы также видим накопление определенного технического опыта, развивавшегося в направлении преодоления отрицательного влияния этих вставок в кладку на устойчивость стены. Как мы видели выше, в Нижней церкви камни чрезвычайно велики и массивны (так, на южном фасаде один камень достигает 1,35—1,40 м в поперечнике). По выпадам камней прослеживается их значительное заглубление в кирпичную кладку. Лежащие около западной и южной стен Нижней церкви камни, частью превосходно отшлифованные и имеющие тщательно сделанные фаски, представляли

собой, несомненно, заготовленные для укладки в стену декоративные вставки. Однако их величина и особенно толщина уже здесь смутила строителей, оставивших их без употребления. Так, например, большой черно-коричневый камень, лежащий около юго-западного угла Нижней церкви, имеет толщину до 50 см; следовательно, он занял бы в кладке около половины толщины стены. В Коложской церкви для убранства фасадов применены камни значительно меньших размеров, а крупные камни единичны. Так, на северном фасаде три камня достигают максимальной величины 90 см в поперечнике; на апсидах же это камни сравнительно небольших размеров, несколько больше или меньше 50 см. Это оправдало себя и технически (здесь почти не наблюдается выпадов камня) и создало новый художественный эффект. Если в Нижней церкви убранство фасадов представляло контраст крупных «мазков», цветных пятен камня неправильных форм в нижней части стен, со сравнительно мелкими и геометричными пятнами майоликовых вставок в верхней половине фасадов, то в Коложской церкви мы находим уже более целостную декоративную систему, где естественный и искусственный материал—камень и майолика — хорошо согласованы. Характерно при этом, что если в Нижней церкви узкие плоскости срезанных углов стен украшались лишь майоликовыми плитками, то в Коложской эти грани убраны вставками мелких цветных камней, которые внедряются в зону майоликового убора, поднимаясь также высокой по узким плоскостям лопаток.

Нужно отметить и большее техническое совершенство Коложской церкви. Ее кирпич гораздо более высокого качества, чем кирпич Нижней церкви, его тесто лучше промешано, в нем нет часто наблюдаемой в кирпиче построек Замковой горы слоистости, обжиг равнее. Сама кладка более выдержана в отношении перевязи швов. То, что стены Коложского храма устояли при всех страшных катастрофах, свидетельствует о его высоких конструктивных качествах.

Наконец, при всем своеобразии Коложской церкви аналогии некоторым ее особенностям мы найдем лишь в памятниках второй половины XII или начала XIII вв. Так, например, прием круглых столбов, примененный в дворцовом соборе Боголюбовского замка (1158—1165 гг.) 1, встречается позже в памятниках конца XII—XIII вв. — в соборе Ивановского монастыря в Пскове[2], в известной по упоминанию летописи холмской церкви Козьмы и Демьяна[3]. Общее стремление к свободе и вертикальной динамике интерьера сказывается также в памятниках этого позднего времени. Таковы, например, церковь Михаила архангела в Смоленске (1191—1194 гг.) [4] и Георгиевский собор в Юрьеве-Польском (1230—1234 гг.) [5].

Все оказанное позволяет утверждать, что Коложская церковь построена значительно позже Нижней. Весьма вероятно, что это произошло после пожара 1183 г. и крушения Нижней церкви, когда возникла потребность в новом храме. Почему его построили вне крепости, за Городничанкой,— мы не знаем; была ли здесь загородная княжеская усадьба или монастырь, или же сюда распространялся посад,— покажут лишь раскопки[6]. Посвящение храма Борису и Глебу, возможно, было связано с тем, что к этому времени умерли старшие Всеволодковичи Борис и Глеб и младший брат Мстислав построил храм в честь их патронов: как мы помним, упоминания *о* Борисе и Глебе гродненских кончаются на 1169 г.

Таким образом, хронология гродненских построек представляется в следующем виде: Нижняя церковь — вторая четверть XII в. (1116—1141 гг.), башни крепости — третья четверть XII в., Коложская церковь — 80-е годы XII в.

Вопрос об исторических связях гродненской архитектурной школы представляет особый интерес.

Прямых и полных аналогий ее памятникам мы пока не имеем, что свидетельствует о ее большой самобытности[7]. Но отдельные

[1] Н. Н. Воронин. Памятники владимиро-суздальского зодчества XI—XIII вв. М.— Л., 1945, стр. 36—37.

[2] В. В. Суслов. Материалы к истории древней новгородско-псковской архитектуры. ЗРАО, 1887, т. III.

[3] «...имать 4 столпы от цела камени истесанаго держаща верх...». ПСРЛ, т. II, стб. 845.

[4] Н. Н. Воронин и М. К. Каргер. Архитектура. «История культуры древней Руси», т. П. М.— Л., 1951, стр. 287—288.

[5] Н. Н. Воронин. Памятники..., стр. 72.

[6] Обследование разрытии около Коложской церкви не обнаружило здесь никаких значительных следов древнего культурного слоя.

[7] См. разработку этой темы в указанной монографии Валицкого.

черты композиции плана и архитектурно-декоративных приемов мы найдем в ряде памятников других областных архитектурных школ XII в. Так, например, прием помещения боковых полукружий алтаря в толще боковых стен восточного фасада мы находим в памятниках ближайших к Гродно древнерусских городов Полоцка и Витебска. В витебской церкви Благовещения восточная стена очень мощна, так что ниши жертвенника и диаконика имеют значительную глубину и полный профиль апсиды; однако снаружи они ничем не выражены, и на восточном фасаде выступает единственная мощная полуцилиндрическая апсида алтаря[1]. В полоцкой Спасо-Евфросиниевской церкви алтарная апсида особенно резко и подчеркнуто выдвинута вперед[2]. В Нижней церкви в Гродно мы находим своеобразный вариант того же приема: здесь средняя апсида как бы «вобрана» или вдвинута внутрь храма, выступая наружу очень плоской и мало выразительной дугой; боковые же «апсиды» сведены к очень плоской дуге, незначительно заглубленной в стену. Нужно признать, что этот прием как бы не додуман до конца. Однако выше, при предполагаемой нами пониженности углов восточной части храма, центральная апсида выступала очень сильно и определенно.

Устройство деревянных хор в Коложской церкви имеет ряд параллелей — в черниговском Спасском соборе, новгородской церкви Спаса-Нередицы и других памятниках. Известной параллелью к боковым переходам на хоры в Коложе может служить устройство внутристенного хода в Васильевской церкви в Овруче и черниговской церкви Пятницы (конец XII в.). Позже в новгородской церкви Федора Стратилата 1360 г. мы встретим деревянный переход, шедший от хор вдоль южной стены к приделу над диаконикому.

Прием двойной аркады хор, примененный в Нижней церкви, находит аналогию в близком по времени соборе Кирилловского монастыря в Киеве (около 1146 г.)[3].

[1] М. Шчакацıхıн. Ук. соч., табл. 20.

[2] Там же, табл. 23.

[3] А. С. Асеев. Архıтектура Кирилıвського заповıдника. «Архıтектурнı пам'ятники». Киıв, 1950 стр. 78.

Своеобразие архитектуры Коложской церкви, являвшейся до раскопок на Замковой горе единственным и загадочным в своей изоляции памятником, вело к самым противоречивым предположениям о его принадлежности к той или иной школе. Так, например, Н. Щекотихин связывал этот памятник с архитектурой полоцко-смоленского круга[1]. Однако в Полоцке до середины XII в. (а может быть, и позднее) господствовала техника «полосатой» кирпичной кладки с утопленным рядом (храмы на Бельчицах). Открытый раскопками Минского замчища безымянный храм XII в. имеет своеобразную технику кладки с булыжной бутовой основой стены и облицовкой из мелкотесаных блоков известняка[2]. Витебская церковь Благовещения сохраняет старую систему смешанной кладки из рядов кирпича и камня[3]. В Гродно же мы имеем кирпичную порядовую кладку во всех памятниках.

Выше, при рассмотрении отдельных сторон материальной культуры Гродно, мы не раз указывали на ее южные киевско-волынские связи; с Волынью была связана и гродненская княжеская династия. Еще М. Соколовский указывал, что церковь Бориса и Глеба в Гродно, как и овручский храм Василия, связаны с волынской строительной культурой[4]. Позже указывалось, что этот памятник стоит «посредине меж киево-черниговской и галицко-украинской архитектурой».

Владимир-Волынский был одним из крупнейших центров строительной деятельности и только его слабая археологическая изученность не позволяет пока выдвигать его на одно из первых мест в истории русского зодчества XI—XIII вв. Во Владимире установлены места по меньшей мере тринадцати каменных построек[5]. Сохранились и относительно изучены лишь Успенский собор и развалины храма над Лугом.

В 1880 г. в связи с реставрацией Успенского Мстиславова собора 1157—1160 гг.

[1] М. Шчакаıихıн. Нарысы з гıсторыı беларускага мастацтва, стр. 124.

[2] В. Р. Тарасенко. Раскопки Минского замчища в 1950 г. КСИИМК, вып. XLIV, стр. 128.

[3] М. Шчакацıхıн. Ук. соч., табл. 21.

[4] M. Sokołowski. Studja i szkice..., стр. 425.

[5] О. Цинкаловський. Матерıяли до археологи Володимирського повıту. Зап. НТШ, т. CLIV, Львов, 1937, стр. 201—203.

В. Б. Антоновичем и А. В. Праховым были произведены раскопки древнего храма над р. Лугом в урочище «Старая Катедра». Это шестистолпный храм, сложенный из кирпича на цемяночном растворе, с квадратными столбами и полуколоннами «а фасадных лопатках'. Значительная толщина стен храма позволяет предполагать устройство внутренних ходов на уровне хор, как в Овруче. По своему типу памятник далек от гродненских построек, сближаясь с памятниками черниговской школы — Борисоглебским собором в Чернигове и Кирилловским в Киеве[2]. Однако некоторые его черты заслуживают внимания. «В архитектурном отношении поражает в этой церкви,— читаем в отчете,— обилие голосников (резонаторов) в стенах и необыкновенное разнообразие форм и размеров кирпичей, употреблявшихся, судя по их формам, для постройки колонн сводов и разных деталей, и доказывающее затейливость постройки»[3]. Эти черты особенно близки гродненским памятникам. Притвор храма «Старая Катедра» отделялся от храма стеной, в нем было 3 аркосолия и два — в северо-западной части храма. Притвор и аркосолии были расписаны фресками, в остальных частях храма их следов не обнаружено. В алтаре прослежены четыре деревянных столба от надалтарного кивория и пол из майоликовых плиток, уложенных концентрически к полукружию апсиды; плитки квадратные $2^3/_4$ вершка (12 см) шириной и треугольные равнобедренные разной величины 1'/з—2'/з вершка (6—10,5 см); «полива этих кафель отличается красотой и разнообразием красок; преобладает полива перламутрового цвета, затем желтого, темнозеленого с золотистым оттенком, темно- и светлокоричневого и светлозеленого цвета, квадратные же кафли. большей частью темнокоричневого, почти черного цвета, расписаны желтой, зеленой и белой краской» '. Пол основного[1] помещения храма и притвора был из плиток в форме щитков (?) и треугольников $^{3/4}$ — 1 вершок (3,5—4,5 см) толщиной и шириной 31/2 вершка (15,5 см) черного, яркожелтого и зеленого цвета[2]. Любопытно, что среди плинф развалин была найдена, как и в Нижней церкви в Гродно, плинфа с нацарапанным по сырой глине рисунком, изображающим, однако, не орнамент, а фигуру человека[3]. «Рисунок грубый, но существование его на кирпиче доказывает развитие в местном населении, современном построению храма, художественного вкуса, когда и простой рабочий на кирпичном заводе не был ему чужд»[4]. А. В. Прахов датировал открытый раскопками храм концом XI в.— первой половиной XII в.[5]; о правильности последней даты говорит порядовая кирпичная кладка. Предположительно считали этот памятник церковью Дмитрия, которую позже расписал и украсил князь Владимир Василькович[6], но это была вторичная роспись, так как на фрагментах фресок была прослежена двуслойность красочного покрова, а также собраны крепившие грунт гвозди двух типов. В подтверждение высказанного определения авторы отчета указывают, что на стенках голосников не раз встречалась процарапанная буква Д[7].

Сопоставляя голосники гродненских храмов с голосниками из других областей, И. Иодковский пришел к верному заключению, что они отличны от псковских и новгородских — более выпуклых и низких — своей высокой амфоровидной формой, сближающей их с сосудами этого типа из южных областей — предположительно с Волыни[8]. Действительно, голосники из развалин церкви Дмитрия («Старая Катедра»;

'В. С1чинський. АрхiТеКТура старокнязlвсько1 доби. Прага, 1926, рис. 34.

[2] «Архlтектурнl пам'ятники». Киlв, 1950, стр. 71 и 80.

[3] Архив ИИМК, фонд ИАК, 1886, д. 65а, л. 18. См. также Е. Н. Дверницкий. Памятники древнего православия в г. Владимире-Волынском. Киев, 1889, его же. Археологические исследования в г. Владимире-Волынском и его окрестностях. «Киевская старина», 1887, т. XVII, стр. 36—50; Н. П. Теодорович. Город Владимир Волынской губернии в связи с историей Волынской иерархии. Почаев, 1893, стр. 127—132.

[1] Дело № 65а, л. 19.

[2] Там же.

[3] Ввиду большого интереса этой находки приведем ее описание: «Рисунок изображает, как видно, строителя храма в виде воина в латах со шпорами; голова его не покрыта, волосы разделены пробором посередине, бородка маленькая — клином; на нем надета длинная с шитьем одежда. Обе руки подняты вверх, в одной из них — булава, в другой крест» (дело № 65а, л. 19 об.).

[4] Там же, л. 19 об.

[6] Там же, л. 18.

[6] ПСРЛ, т. II, стб. 925.

[7] Дело № 65а, лл. 20 и 20 об.

[8] SW, стр. 27.

рис. 76)[1] очень близки гродненским. Однако это не специальные «голосники», а обыкновенные бытовые амфоры или корчаги с довольно высоким горлом, двумя большими ручками, густо покрытые от плечиков до дна линейным орнаментом. Один из них вышиной около 55 см и наибольшим диаметром — 33 см, другой — вышиной около 50 см и диаметром 27,5 см. В отличие от этих голосников-амфор, гродненские изготовлены специально для закладки в стену — у них нет ручек, горловины вытянуты, но общий амфоровидный абрис сохранен[2]. Нельзя не напомнить еще раз более мелкого факта, связывающего гродненские постройки с Владимиром-Волынским. В руинах того же Дмитриевского храма, наряду с буквенными знаками на кирпиче, был встречен знак, напоминающий гродненские княжеские знаки на кирпиче южной башни (рис. 74, *65;* ср. знаки *1—10* и *65)* *1.*

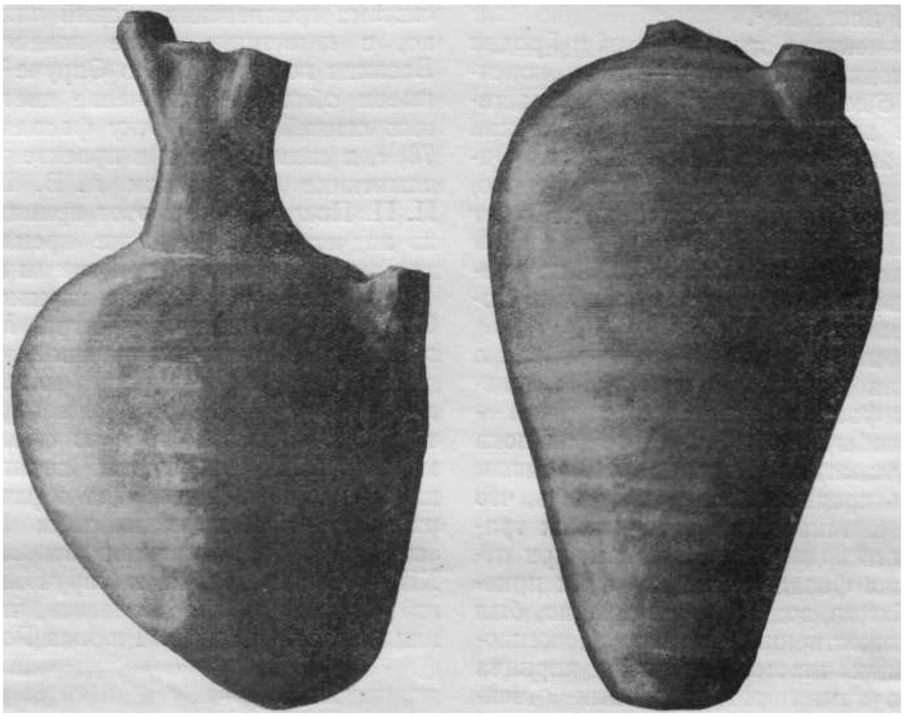

Рис. 76. Владимир-Волынский. Амфоры-голосники из развалин церкви над р. Лугом

На галицко-волынский юг ведут нас и гродненские майолики, особенно сложный орнаментальный набор пола Нижней церкви, не находящий пока аналогии в сохранившихся памятниках. Майоликовыми полами славились храмы Галича; здесь, кроме узоров «строчного» характера, напоминающего орнамент украинских народных тканей[2], были сложные орнаментальные композиции, включавшие в свой состав складывавшиеся из фигурных плиток изображения птиц[3].

[1] Фотоархив ИИМК, III, 6960.

[2] Впрочем, амфоровидные сосуды без ручек, очевидно, изготовлялись и для бытовых надобностей. Подобные сосуды были найдены в Райковецком городище, причем по размерам они близки гродненским: высота до 60 см при диаметре 45 см; диаметр горла 20 см, дна—12 см. В. К. Гончаров. Райковецкое городище, стр. 119.

[1] Фотоархив ИИМК, III, 6961. О. Цинкаловский упоминает, что на кирпиче ряда руин во Владимире-Волынском имелись знаки в виде крестов и трезубцев (Ук. соч., стр. 201—203).

[2] J. Peleński. Halicz... Kraków, 1914, стр. 79,

[3] Коллекции ЛГИМ, III —3105, 3100, 3101. 3559.

Майоликовые полы были и в памятниках других городов русского юго-запада — Звенигороде и Плиснеске. Из археологических раскопок последнего происходит фрагмент желтой фигурной плитки, входившей в состав плетенки типа гродненской каймы пола Нижней церкви [1]. Нельзя не отменить и наличие в народной вышивке Черновицкой области орнамента, тождественного той же гродненской плетенке [2].

Начало каменного строительства в Гродно при Всеволодке Давидовиче было, конечно, связано с деятельностью пришлых мастеров. Скорее всего зодчие Нижней церкви и прибыли из Владимира-Волынского. Однако последующие здания строили, видимо, уже местные княжеские мастера. Может быть, с этим и связаны редкость знаков на кирпиче Нижней церкви и массовое появление их на кирпиче крепостных башен и Коложского храма.

Особенно интересен и сложен вопрос о возникновении и происхождении декоративной системы фасадов гродненских зданий — она столь необычна и богата, что мы пока не можем указать ее прямых источников. Можно лишь предположительно думать, что эта система вытекает из более ранних традиций русского зодчества XI в. Там, при открытой кладке фасадов, выполненных приемом opus mixtum, зодчими, несомненно, был замечен художественный эффект уложенного рядами меж пластов красного кирпича натурального камня разнообразных оттенков. В киевском Софийском соборе темно-красные пятна кварцита местами выступают из-под покрова розоватой цемянки. В фасадах киевских Золотых ворот художественный эффект выступающих «мазков» цветных валунов сказывается сильнее; возможно, здесь зодчие сознательно не стремились прикрыть их раствором. В новгородском Софийском соборе зодчие уже специально подчеркнули декоративное значение вставленных в кладку больших валунных камней; здесь они выступали на фоне гладко затертой и подрезанной цемянки, с особой силой выделяясь на ее розовом фоне [3]. На возможность связи гродненской декоративной системы с древней техникой кладки opus mixtum уже указывалось в литературе [1]. Однако гродненские зодчие делают большой шаг вперед, возводя прием «инкрустации» камня в п р и н ц и п у б р а н с т в а стены и сочетая ее с введением майоликовых вставок.

Наиболее близкую аналогию декоративная система гродненских зданий находит, однако, в памятнике более позднем — церкви Василия конца XII в. в Овруче [2]. Здесь мы имеем обильное включение цветных валунных камней в обработку фасада (рис. 77 и 78) [3], в связи с чем и в проекте реставрации памятника академиком А. В. Щусевым и П. П. Покрышкиным этот принцип был резко подчеркнут [4]. В то же время в кладке храма были обильно применены голосники [5].

Весьма вероятная связь церкви Василия в Овруче с творчеством Петра Милонега,— возможно, смольнянина по своему происхождению и архитектурной школе,— ставит гродненское зодчество в косвенную связь не только с киевской, но и со смоленской архитектурой XII в. Однако полагаем, что в данном случае связь была обратной. Декоративная система полихромии фасада уже есть в Нижней церкви второй четверти XII в. Следовательно, в Овруч она попадает *из* Гродно, и можно полагать, что Милонег или иной зодчий князя Рюрика Ростиславича

[1] ЛГИМ, III, 1730.

[2] Украинский гос. музей этнографии и художественной промышленности в Львове, экспозиция (вышивка рубашки из с. Задубровки, XIX в.).

[3] Н. И. Б р у н о в и Н. Т р а в и н. Собор Софии в Новгороде. «Сообщения Института истории и теории архитектуры Всесоюзной академии архитектуры». М., 1947, вып. 7, стр. 8—9.

[1] M. S o k o ł o w s k i. Ук. соч., стр. 446.

[2] На это впервые указал Сичинский, который, однако, не раскрыл черт сходства (В. С1чинськ и й. Ук. соч., стр. 26). Тот же автор (стр. 22) высказал предположение, что строителем Овручского храма был любимец князя Рюрика Петр Милонег. См. также Д. И л о в а й с к и й. История России. М., 1876, ч. II, стр. 19; М. Н. Т и х о м и р о в. Древнерусские города. М., 1946, стр. 108; П. Д. Барановский. Собор Пятницкого монастыря в Чернигове. «Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР». М.— Л., 1948, стр. 32.

[3] Фотоархив ИИМК.

[4] Архив ИИМК.

[5] «В сводах горшки цельными пластами...». Альбом памятников и видов Киевской, Подольской и Волынской губерний. Киев, 1858, вып. III. См. также П. Н. Б а т ю ш к о в. Волынь. СПб., 1888, стр. 80—81. Здесь интересна легенда о том, как после постройки храма «новокрещенные» овручские бояре просили позволения «погукать и посвистать в церкви, чтобы убедиться насколько она будет г о л о с н а...».

знал гродненские постройки и подражал их приемам. Любопытно, что в черниговской церкви Пятницы повторен редкий в древнерусском зодчестве и характерный для Гродно прием — «среза» угла четверика под 45°.

Что касается убранства гродненских храмов иконами и особенно предметами прикладного искусства, то многие из этих вещей могли быть привозными с юга. В 40-х годах XIII в. Даниил Галицкий получал иконы для храмов города Холма из Киева и Овруча [1], Позже, в некрологе князя Владимира Васильковича волынского (ок. 1270—1288 гг.), летопись рисует примечательную своим богатством картину развития искусства и художественного ремесла в северной части Волынского княжества. Помимо каменного крепостного и церковного строительства этого князя в Берестьи, Каменце-на-Лесне, Владимире-Волынском, Любомле и многочисленных работ по росписи и украшению иконами храмов, нас в связи с памятниками Гродно привлекает большое развитие на Волыни ювелирного дела и художественной обработки металла. Некролог перечисляет «златые иконы» или «иконы на золоте», «кованые из серебра» служебные сосуды или сосуды из «жженого золота», книги в украшенных серебром, жемчугом, эмалями, золотыми рельефами переплетах, иконы, окованные золотом или серебром с «камением драгым», дробницы на храмовых завесах, серебряные и медные кадильницы, гривны и цаты на иконах, литые из меди храмовые врата («и двери солиа медяные»); наконец, волынские мастера слили для церкви Георгия в Любомле «колоколы дивны слышанием»[2]. Можно думать, что это блестящее развитие художественного ремесла на Волыни и особенно художественного литья во второй половине XIII в. не было достижением этого тяжкого для Галицко-Волынской земли столетия, но являлось одной из последних страниц истории волынского искусства, начало которой уходит по меньшей мере в XII в. Мы видели, что в убранстве Нижней церкви в Гродно большое значение имели художественные изделия из меди, покрытой «жженым златом». Строитель Нижней церкви Всеволодко Давидович, скорее всего, обратился за мастерами на родную Волынь, откуда вместе с зодчими и пришли в Гродно авторы убранства окованной золоченой медью алтарной преграды княжеского храма. Возможно, что те же мастера лили храмовую медную утварь.

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 844.

[2] ПСРЛ, т. II, стб. 925—927.

В медных пластинах из Нижней церкви нельзя не отметить как черт сходства с искусством других областей, так и черт местного своеобразия. Техника огневого золочения меди и бронзы была широко распространена на Руси. Большинство художественных вещей церковного обихода, исполненных в этой технике (главным образом пышные храмовые «врата» XIII—XIV вв.: врата собора в Суздале, так называемые «Лихачевские» врата, Новгородские врата б. Успенского монастыря в Александрове и др.), имеют темный фон и золотой рисунок [1]. Эффект гродненских вещей обратный: на золотом фоне выступает черный, глубоко прочерченный резцом контур орнамента или изображений. Из близких по времени произведений русского прикладного искусства с подобной гродненской техникой гравировки по металлу следует назвать знаменитый серебряный потир русской работы середины XII в. Спасского собора в Переславле-Залесском, где гравированные изображения также заключены в двойные круги[2]. Прием гродненских пластин также близок технике «Тверских» врат середины XIV в. (в соборе б. Успенского монастыря в Александрове) [3]. Эти врата были сделаны для тверского собора Спаса епископом Федором в 1343 или 1357 г. На сохранившейся медной пластинке этих врат награвировано изображение Троицы, выступающее черным контурным рисунком на золотистом фоне меди. Возможно, что при тесных связях Тверского княжества с Литовским княжеством в Тверь и была занесена эта сохранявшаяся в его городах старая русская техника [4].

[1] Ф. Я. Мишуков. К вопросу о технике золотой и серебряной наводки по красной меди в древней Руси. КСИИМК, вып. XI, стр. 111.

[2] А. В. Орешников. Заметка о потире Переяславль-Залесского собора. «Археол. известия и заметки», 1897, № 11, стр. 337 и след.

[3] Н. В. Малицкий. К вопросу о датировке «Тверских» врат Александровской слободы. Известия ГАИМК, т. V, Л., 1927, стр. 398.

[4] В собрании Волковыйского музея имеется найденный Г. И. Пех на Водковыйском городище заме-

Для мастеров гродненских пластин характерны свободное пользование различными образцами и вольное сочетание их мотивов в одной вещи. В этом смысле особенно интересна пластинка с изображением Павла. Окружая медальон орнаментом, мастер помещает с левой стороны растительный узор, типичный для монументальных фресковых росписей, а поле справа от медальона покрывает простой геометрической орнаментацией из квадратиков с четырьмя отростками внутри, напоминающей мотивы народного искусства, в частности, ткани и резной кости. На пластинке с Симеоном[1] мастер развернул ленточную плетенку на фоне гравированной решетки[2], использовав широко распространенный в памятниках декоративной пластики, литья и книжной орнаментики прием «ременного плетения»[3]. Изображение Феодота окружено растительным узором. На фигурных вырезных пластинках есть как ленточный, так и растительный орнамент. На маленькой пластинке с диском в центре (см. рис. 64, *6,* стр. 117) мастер поместил розетку, характерную для деревянной резьбы, а по ее сторонам скопировал,

чательный медный медальон с гравированным в той же, что и гродненские пластины, технике изображением воина в кольчуге со щитом, нимбом вокруг головы и русской надписью: ДИМИТРИ. Следовательно, вещи подобной техники были широко распространены в городах Принеманья.

[1] Изображение св. Симеона, может быть, не случайно и имеет более прочную связь с Гродно. Следует отметить, что волынскую кафедру между 1123 и 1136 гг. занимал епископ Симеон, возможно, освящавший Нижнюю церковь (П. Строев. Списки иерархов... СПб., 1877, стб. 1037; ПСРЛ, т. II, стб. 287). Среди княжеских печатей XII в. есть серия не определенных печатей с изображением св. Симеона и знака процветшего креста на обороте. Все они найдены в Дрогичине, где, как мы отмечали выше, среди пломб есть пломбы с гродненским княжеским знаком. Не носил ли Всеволодко христианское имя — Симеон? Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1. Л., 1928, стр. 98—102; атлас, табл. XXV, рис. 2, 3, 7, 8, 9, табл. XLVII, рис. 4.

[2] Обычно подобная насечка делалась для подготовки металлической вещи под эмаль. Но штриховка является и самостоятельным видом графической обработки вещи, например, во владимиро-суздальской пластике, в резной кости и т. п.

[3] Укажем особо на почти тождественный пластинке с Симеоном орнамент на костяных поделках из Райковецкого городища (В. К. Гончаров. Райковецкое городище, табл. XXXI, *14—16) и* из Гнезно, где также более простой орнамент дан на фоне гравированной сетки (J. Kostrzewski. Kultura prapolska, стр. 243, деревянная рукоять ножа).

видимо, с какой-то рукописной книги маленькую заставку[1]. Палеография надписей при изображениях характерна для XII в. Сами изображения на гродненских пластинах по трактовке удлиненных лиц с круглыми глазами, коротким носом и маленьким ртом с опущенными углами и по общей экспрессивности образа могут быть сопоставлены с фресками Спасо-Евфросиниевского собора в Полоцке[2]. Общий принцип художественного замысла пластин — помещение священных изображений в пышном орнаментальном обрамлении — характерен для фресковой монументальной живописи конца XII — начала XIII вв. (ср., например, роспись церкви Георгия в Старой Ладоге конца XII в. и Суздальского собора 30-х годов XIII в.)[4].

Приведенные сравнения и параллели показывают, что монументальное строительство и связанное с ним прикладное искусство заброшенного на край Русской земли, в глубину лесов Принеманья города развивается в тесном и неотрывном взаимодействии с искусством других областей Руси. Мы видели общие черты построек Гродно с памятниками Полоцка и Смоленска. Особенно важно подчеркнуть связи Гродно с галицко-волынским искусством.

При этом гродненская архитектура не выглядит «провинциальным ответвлением» зодчества Волыни или Киевщины. Она имеет в то же время совершенно своеобразный облик, обнаруживает самостоятельные вкусы и творческие искания зодчих. Сделанное выше сопоставление форм Нижней и Коложской церквей показывает процесс органического развития гродненского зодчества, работу мастеров одной местной школы и ее совершенствование. Они не только восприняли технические и художественные приемы, накопленные русским зодчеством, но и обогатили их. Гродненские памятники с их великолепным убранством знали зодчие других областей, в том числе строитель Овручского храма. Однако богатейшее по своему

[1] Подобная заставка — в псалтыри XIV в. Новгородского Деревяницкого монастыря. В. В. Стасов. Ук. соч., табл. LXX, рис. 7.

[2] Приношу благодарность за эти указания В. И. Антоновой и Е. А. Домбровской.

[3] М. К. Каргер. Живопись. «История культуры древней Руси», т. II. М.—Л., 1951, стр. 378; А. А. Варганов. Фрески XI—XIII вв. в Суздальском соборе. КСИИМК, вып. V, М.—Л., 1940.

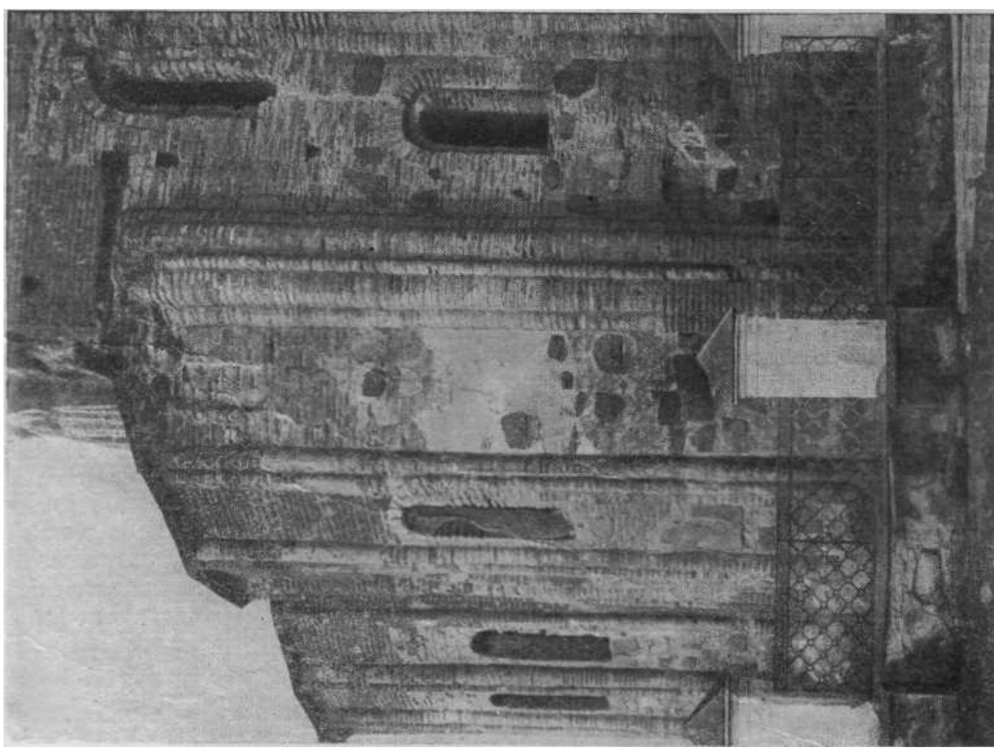

Рис. 77. Овруч. Церковь Василия. Апсиды

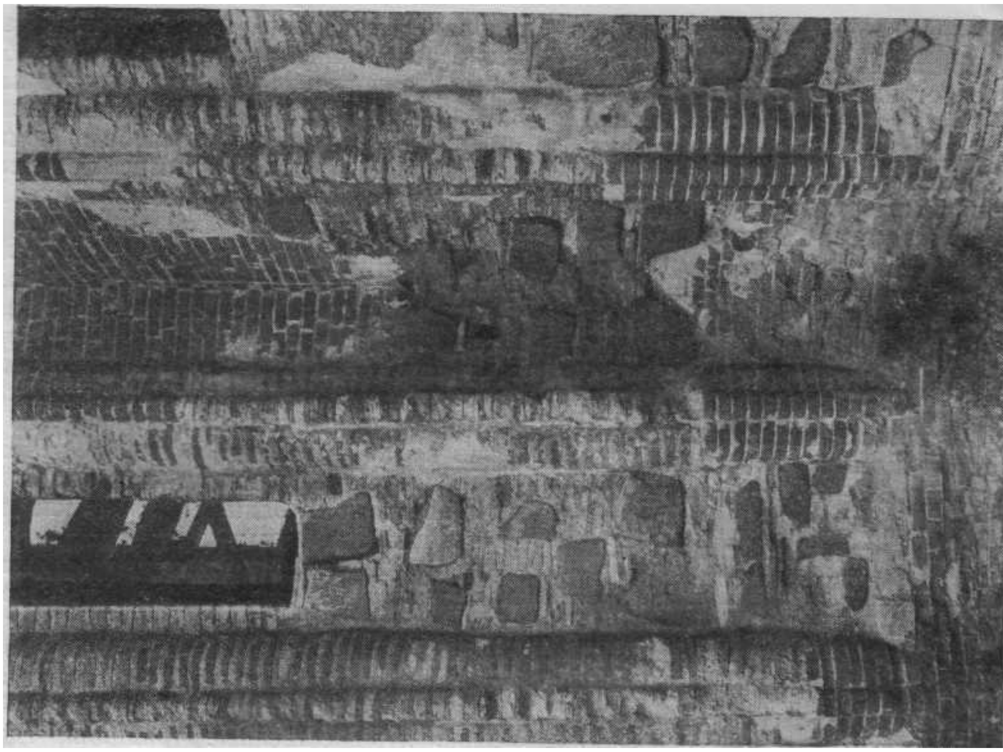

Рис. 78. Овруч. Церковь Василия. Деталь кладки апсиды

эффекту сочетание цветного камня и майолики не было повторено нигде. В области убранства интерьера гродненские зодчие уже в начале своей работы — в Нижней церкви в крепости — показали высокое мастерство: майоликовый ковер подкупольной части пола по красоте и сложности пока не знает себе равных в памятниках других областей XII в.1

Каменное строительство XII в. в Принеманьи не ограничивалось стольным Гродно. Предварительные разведки и сборы на втором крупнейшем городище Черной Руси — Волковыйске позволяют предполагать наличие и там каменного храма. Здесь найдены обломки тонкого кирпича (ширина 12,3—13,5 см, толщина 3,7—3,8 см) и фасонного кирпича в виде трапеции, кирпича с полукруглым концом, сходные с материалом построек Гродно. На коротких сторонах кирпича есть знаки буквенного характера. Найдены также валуны с полированной поверхностью[2]. Последующие раскопки Волковыйского городища позволят осветить его строительство.

Однако нужно признать, что до тех пор, пока не будет проведено больших археологических поисков архитектурных памятников в Слониме, Турове, Пинске, Берестье и Дрогичине, памятники архитектуры Гродно будут вызывать разногласия как в отношении своей исторической оценки, так и в установлении их связей с другими архитектурными школами феодальной Руси. Нужно в заключение особо подчеркнуть, что в глубоком своеобразии полихромного убранства памятников гродненской архитектурной школы, в его яркой красочности и свободе композиции, видимо, отразилось воздействие народного искусства[1]. В этом смысле характер гродненской архитектурной декорации можно сопоставить лишь с новгородской живописью XII—XIV вв., с ее мажорной и острой гаммой ярких, не смешанных тонов, в чем, несомненно, сказались народные вкусы. В русской архитектуре мы встретимся с подобной красочностью и свободой убранства, но в несравненно более развитом виде, лишь в XVI—XVII вв., когда в искусство, даже церковное, хлынули широким и мощным потоком народные эстетические представления, вызвавшие примечательный процесс «обмирщения» культового зодчества и живописи. Столь яркое проявление народных черт в архитектуре Гродно XII в. может быть объяснено тем, что здесь искусство развивалось в удалении от других мощных центров русской культуры, где были сильны канонические художественные традиции, где, несомненно, играл большую роль и контроль над развитием искусства со стороны церкви и княжеской власти. Не случайно, что и по своим техническим приемам, как и по основным композиционным принципам, гродненское зодчество характеризуется большим своеобразием.

[1] Может быть, нечто подобное по сложности узора давал майоликовый пол «великой» Борисоглебской церкви на Смядыни в Смоленске, о чем можно судить по обилию форм плиток. См. И. Орловский. Борисоглебский монастырь. «Смоленская старина», вып. 1, стр. 294.

[2] Сообщение Г. И. Пех и К. М. Поликарповича, которым приношу сердечную благодарность.

[1] Напомним, что в отношении майоликовых полов галичских храмов XII—XIII вв. указывалось на их сходство с орнаментикой народного шитья. «Особенно интересны находки плиток разнообразной формы и расцветки, которые искусно укладывались в геометрический орнамент, напоминая украинские и особенно гуцульскую вышивку с точно таким же геометрическим орнаментом». (В. Сiчинський. Ук. соч., стр. 24).

VII. ГРОДНЕНСКАЯ КРЕПОСТЬ В XIII—XIV ВВ.

1

Важнейшим рубежом в истории русского народа и огромного большинства древнерусских городов, отграничивающим древнейший период их жизни, является монгольское завоевание. Для городов западных окраин Руси этот рубеж не имел такого решающего значения: эти города не подверглись уничтожению, как города центральной и поднепровской Руси. Но ослабление основных русских территорий сделало особенно уязвимыми пограничные районы, вследствие чего их города становятся объектом захватнических устремлений западных соседей.

Русские летописи ничего не сообщают о каком-либо нападении татарских орд на район Принеманья и, в частности, на Гродно. Только в литовских летописях, впитавших различные легенды и предания о начале Литовского княжества и генеалогии литовских князей, есть рассказ о том, как жмудский князь Монтивил послал своего сына Эрдзивила с войском и «панами радными» на опустошенную Батыем Русь: «...И зашли за реку Велю и потом перешли реку Немон и нашли в четырех милях от реки Немна гору красну и сподобалося им учинити на ней город и назвали его Новъгородок и учинил себе в нем князь велики столец и назвался великим князем Новгородцким и пошедши из Новагородка зарубил город Городен, и потом пошол до Берестья и нашел Берестей и Дорогичин и Мелник от Батыя опустошены и покажены а он тыи городы зарубил и почал на них княжити...». Далее рассказывается о пожаловании Эрдзивилом владений вышедшим с ним «панам» [1].

[1] ПСРЛ, т. XVII, стб. 244, 299, 360, 361, 425, 477,

В изложении хроники Стрыйковского эта легенда обрастает новыми домыслами. Согласно Стрыйковскому, Эрдзивил, переправившись через Неман, «встретил в 4 милях гору красну и высоку, на которой был раньше столичный замок княженья русского Новгородок, разрушенный царем Батыем. Там Эрдзивил сразу заложил свою столицу и снова построил замок; овладев без пролития крови большой частью Русской земли, он начал писаться Великим князем Новгородским. Потом, выступив из Новогородка, он также нашел над Неманом старое городище разрушенного Батыем замка и, облюбовав высокий холм, защищенный природными условиями, вновь построил на нем замок, который назвал Гродном [1]. Потом от Гродна пошел в Подляшье, где жили Яцвинги или Ятвези и также нашел Берестье, Мельник, Дрогичин, Сураж, Брянск и Бельск,— города (miasta) с замками, разрушенными царем Батыем. Те все замки на старых городищах Ердзивил снова восстановил и отстроил, а русских христиан, которые уцелели после того несчастного опустошения и завоевания Батыем, принял с любовью под защиту, а они также добровольно присягнули ему в подданстве» [2]. Легендарность этого рассказа выясняется показаниями русских летописей о том, что в 40-х годах XIII в. в принеманских городах Новгородке и Слониме еще сидят русские князья, зависимые от Даниила галицкого.

В старой литературе есть также не находящая опоры в летописях версия о том, что в 1241 г. Гродно было разрушено и сожжено

[1] На поле выноска «Гродно построила Литва».
[2] M. Stryjkowski. Kronika..., т. I, стр. 235.

татарами «хана Кайдана», в борьбе с которыми пал старый гродненский князь Юрий Глебович, которому было в это время якобы 70 лет. Эта версия впервые появляется в трудах историка Литвы Ф. Нарбута. Здесь под 1241 г. в разделе с заголовком «Опустошение земель русских» мы читаем[1]: «Однако Батый, на этот раз недолго пробыв в Червонной Руси, сам отправился в Венгрию, отправив двух воевод своего войска Байдара и Кайдана (прим. Нарбута: Кажется, от имени этого варвара пошло название железных пут, называемых кайданами, пробовать счастья в Польше. Однако раньше чем они пошли к Висле, видимо, для обеспечения себе тыла они повернули от Дрогичина и Мельника к северу. Кайдан опустошил Гродно, Новгородок, Слоним; другой же отряд обратил в пепел Луцк и Пинск. Удельный гродненский князь славянской крови Юрий Глебович пал на защите родины. Весь край меж Бугом и литовской границей в конце 1240 и начале 1241 г. был разорен Кайданом»[2]. «Польский Карамзин» А. Нарушевич ничего не сообщает о захвате и разрушении Гродно татарами[3]. Отсутствие опоры для сведений Стрыйковского и Нарбута в источниках заставляет относиться к ним с большой осторожностью. Однако в польской литературе недавнего времени были сделаны попытки осветить вопрос о татарском походе, охватившем города к северу от Владимира-Волынского. В. Заторский полагает, что Гродно было разрушено войсками Орду-хана[4]. Выступивший с критикой работы Заторского И. Пузина считает достоверными данные литовских летописей, Стрыйковского и Нарбута, предполагая, что последний заимствовал версию об осаде Гродно и гибели князя Юрия из рукописной хроники библиотеки

[1] T. Narbutt. Dzieje starożytne narodu litewskiego. Wilno, 1838, IV, стр. 94—95.

[2] В другом месте Нарбут пишет: «Последний гродненский князь сын Глеба Юрий — старец около 70 лет — пал в битве, защищая свой край от нападения татар в 1241 г.» T. Narbutt. Pomniejsze pisma historyczne Wilno, 1856, стр. 24.

[3] A. Naruszęwicz. Historja narodu polskiego, т. III. Warszawa. 1860, стр. 234—263. См. также K. Skirmunt. Nad Niemnem i Bałtykiem, вып. III. Warszawa. 1909, стр. 13—17.

[4] W. Zatorski. Pierwszy najazd mongolów na Polskę. PHW, t. IX, z. 2, стр. 213.

лидского коморника Верчинского[1]. Он реконструирует и два маршрута татарского похода 1240 г.— отряд Кайду (Кайдана) прошел через Брест, Мельник, Дрогичин, Сураж на Гродно, подвергнул его разрушению и повернул к югу через Волковыйск и Бельск; отряд Орду-хана прошел через Луцк — Пинск на Новгородок и на обратном пути разрушил Слоним[2]. Пузина полагал, что открытые раскопками Иодковского скелеты около Верхней церкви (которую Пузина считал построенной русскими князьями в начале XIII в.) являются скелетами павших при обороне и служат документальным подтверждением его гипотезы. Однако, как увидим ниже, как Верхняя церковь, так и упомянутые костяки принадлежат значительно более поздней поре. В материале раскопок Замковой горы в Гродно также нет никаких данных для подтверждений этой версии. Оценивая сообщение Нарбута о татарском погроме Гродно, И. Иодковский считал их «плодом фантазии заслуженного историка Литвы»[3]. 3. Дурчевский, напротив, принимал версию о татарском захвате города[4].

Упоминание в рассказе Нарбута «хана Кайдана» и отчество русского князя Юрия Глебовича, как бы указывающее на его отца Глеба Всеволодковича, свидетельствует, однако, что этот домысел находил какую-то предпосылку в плохо понятых или перетолкованных источниках или легендах. Одна из трех татарских армий, осуществивших поход на Запад в 1241 г., находилась под командой Субеде и Киданя, но это была южная группировка, прошедшая через Валахию в Трансильванию, затем вступившая в Хорватию и опустошившая Загреб[5]. Таким образом, Кидань не мог оказаться в Принеманьи. Возможно, что Гродно видело под своими стенами татар во время похода армии Бурундая 1258 г., имевшего задачей подчинение юго-западной Руси, но сначала обрушившегося на Литву[6], но опять-таки прямых ука-

[1] J. Puzina. W. sprawie pierwszych walk litwinów z tatarami o Ruś w latach 1238—1243. PHW, t. IX, z. 3, стр. 372—374, 387.

[2] Там же, стр. 381—384.

[3] SW, стр. 59, прим. 29.

[4] DSZ, стр. 2.

[5] В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.—Л., 1950, стр. 222—223.

[6] Там же, стр. 283—284.

заний на это нет, и вопрос о непосредственном захвате татарами Гродно и других городов Принеманья остается открытым.

Однако монгольское завоевание Руси, ослабившее галицко-волынские земли, резко отразилось на судьбах городов Черной Руси, в том числе и на Гродно, определив новую главу его истории, начинающуюся с середины XIII в.

Еще в конце XII в. одновременно с усилением феодального дробления и ослабления русских княжеств литовские племена переживали быстрый процесс феодализации и складывания раннефеодального государства [1]. Его усиление с тревогой отметило «Слово о полку Игореве». О политическом значении рождающегося сильного княжества ясно говорят заключение с ним союзного договора князем Даниилом галицким в 1219 г. и помощь князя Миндовга Даниилу в борьбе 30-х годов с Конрадом мазовецким [2]. Начавшаяся немецкая агрессия сплачивала литовские силы, в 1237 г. они смогли нанести поражение меченосцам под Шауляем; в то же время ослабление Руси монгольским завоеванием облегчало включение в состав державы Миндовга Принеманья. В конце; 40-х годов власть Миндовга уже простирается на принеманские города — Волковыйск Слоним, Здитов, Гродно и Новгородок, являющийся столицей Миндовга [3]. Повидимому, с этого времени принеманская Русь начинает называться «Черной», т. е. подвластной Литве, русской частью Литвы; она явилась основным ядром быстро крепшего Литовского государства. Однако ее связь с Волынью не оборвалась сразу.

В 1248—1254 гг. Даниил галицкий совершает ряд походов на ятвягов, в которых участвуют русские князья Глеб волковыйский и Роман новогородский. Попытка Миндовга расширить свои земли за счет новых захватов русской территории встретила отпор Даниила галицкого, который вторгся в Черную Русь, поднял против Миндовга жмудских князей и нанес ему ряд поражений. В 1253 г. Даниил захватил Гродно. По мирному договору (около 1254 г.) Даниил получил Черную Русь. Однако вынужденное участие Даниила в походе Бурундая на Литву (1258 г.) осложнило отношения с Миндовгом: в Новгородке был убит князь Роман. После смерти Даниила (1264 г.) власть перешла к его сыну Шварну Данииловичу, объединившему в своих руках Галичину, Забужье и Черную Русь.

Дробление Галицко-Волынской земли ослабляло ее позиции в отношениях с Литовским княжеством. Галич и Владимир-Волынский вели каждый свою политику, враждуя между собой. После смерти Шварна Владимир Василькович волынский не смог удержать Принеманья, за ним оставалось лишь Слонимское княжество (позже он получил Волковыйск); основная же территория Черной Руси была захвачена князем Тройденом (1270—1282). В 1274 г. гродненские полки участвовали в его походе на Дрогичин, на что Лев галицкий при поддержке татар ответил ударом по Новгородку. Упрочивая свои позиции в городах Принеманья, Тройден поселил не только в Гродно, но и в принадлежавшем Владимиру Васильковичу Слониме прусов, бежавших от крестоносцев в Литву (1276 г.). Владимир, увидев в этом подготовку нового покушения на русские земли, пошел на Слоним и захватил у Тройдена Турийск на Немане. На следующий год полки галицко-волынских князей с приданным ханом Ногаем татарским отрядом совершили большой поход в Принеманье; татары захватили и ограбили Новгородок; русские войска сделали набег на Волковыйск и осадили Гродненскую крепость, но взять ее не смогли (об этой осаде см. ниже)

Так, на протяжении всего XIII в. в Принеманьи идет борьба литовских и русских феодалов за обладание Черной Русью. Для литовских князей Черная Русь была важнейшей основой их крепнувшего могущества. Сын Миндовга Войшелк в своей борьбе с литовской знатью опирается прежде всего на Черную Русь; во время конфликта с Даниилом галицким он запирается в Гродненской крепости [1]. Князь Тройден, много раз бивший немцев, селит бежавших от них прусов в тех же чернорусских городах — Гродно и Слониме, где были русские

[1] В. Т. Пашуто. Хозяйство и техника средневековой Литвы. ВИ., 1947, № 6, стр. 81; его же. О возникновении Литовского государства. ИОИФ, 1952, № 1, стр. 33 и след.

[2] В. Т. Пашуто. Очерки..., стр. 279—280.

[3] Соображения И. Иодковского о захвате Гродно Литвой в 1190 г. (GW, стр. 12) лишены каких-либо оснований.

[1] ПСРЛ. т. II, стб. 847.

гарнизоны, не уступавшие, по признанию самих немцев, в военной выучке и храбрости западному рыцарству[1]. В обстановке усиливающейся внешней опасности натиска немцев с северо-запада, Польши — с запада, татар — на юге Литовское государство быстро крепнет и распространяет свою власть на русские земли к востоку и югу. При князе Витене (1293—1316 гг.) и Гедимине (1316—1341 гг.) границы литовских владений простираются до Киева на юге, Витебска и Полоцка — на западе. Оценивая факт распространения власти Литовского государства на часть украинских и белорусских земель, Ф. Энгельс указывал, что они «нашли себе защиту от азиатского нашествия, присоединившись к так называемому Государству Литовскому»[2]. Вместе с тем происходит сближение литовской и русской народностей и растет влияние последней во всех областях культуры. Это обеспечивает успех в борьбе с ливонскими рыцарями, яростно пытавшимися приостановить рост литовско-русской силы и захватить литовские земли[3].

В этой борьбе Гродно играло особенно значительную роль как «важнейшая из литовских крепостей, составлявшая ключ к литовским владениям со стороны Мазовии и владений Тевтонского ордена, овладеть которой крестоносцы покушались беспрестанно»[4]. По своей неприступности Гродно занимало едва ли не первое место среди черно-русских городов, наряду с Новгородком[5]. Нападения на эту важнейшую крепость Литовского княжества начинаются походом прусского магистра Конрада Тирберга 1284 г., которому удалось захватить и разрушить крепость. Однако она была, видимо, быстро восстановлена, так что попытки ордена захватить Гродно в 1296 г. оказались тщетными, хотя окрестности и «предгородье» крепости (teritorium et preurbium) были опустошены. В 1306 г. после авантюристической попытки взять Гродно внезапным набегом небольшого отряда в 400 воинов последовал поход большого войска из 100 орденских «братьев» и 6000 всадников, однако маленькая крепость выдержала и этот штурм, а рыцари должны были отступить с большими потерями. То же повторилось в 1311 г., когда после налета небольшого отряда из 5 рыцарей и 400 конных воинов был предпринят большой поход многочисленного орденского отряда и 5000 ратников, также не увенчавшийся успехом. Следующее десятилетие прошло относительно спокойно для города. Это было в значительной мере заслугой талантливого полководца Давида Довмонтовича, назначенного начальником крепости (castellanum de Gartha, capitaneus Grodnensis) и перешедшего к успешным активным действиям против ордена. После его смерти (1326 г.) Гродно вновь подвергается ударам рыцарей, которым удается в 1328 г. после длительной осады захватить и опустошить крепость, но она вскоре снова возвращается в строй литовских твердынь и выдерживает неоднократные набеги рыцарей в 60—70-х годах XIV в. Повидимому, уже в 1376 г. Гродно становится владением выдающегося деятеля литовской истории будущего великого князя Витовта. В сложной политической борьбе между Витовтом и Ягайло Гродно играет немаловажную роль. Предполагают, что в это время рядом со старой крепостью на Замковой горе возникает второе укрепление на смежной с востока высоте — Нижний (или Новый) замок. В 1390 г. после упорной борьбы Ягайло захватывает крепость, но уже зимой следующего, 1391 г. Витовт отбирает ее обратно. В рассказе об этом событии, к сожалению, слишком кратком, есть интересный штрих — упоминается крепостная башня, в которую литовско-русский гарнизон запер польских воинов, стремившихся удержать крепость от сдачи Витовту. Разрыв Витовта с орденом вызвал его походы на Литву; большое войско рыцарей, усиленное иноземными пополнениями, в начале 1393 г. обложило Гродно и после трехдневной осады овладело крепостью, выжгло ее и угнало много пленных. Витовт снова восстанавливает город, однако в 1398 г. в крепости происходит большой пожар, во время которого сам Витовт вместе с женой едва не сгорел в своем дворце. Видимо, после этого пожара и происходит

[1] М. К. Любавский. Очерк..., стр. 13—16.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 10.
[3] Только за время с 1345 г. по 1382 г. тевтоны совершили 66 походов на Литву, а ливонские рыцари — 30 походов. У. Пічэта. История Беларусі ч. 1. М.—Л., 1924. стр. 79.
[4] В. Б. Антонович. Очерк истории великого княжества Литовского, стр. 46.
[5] Там же, стр. 43, прим. 2.

реконструкция города, и на Замковой горе создаются твердыни каменной крепости [1],

Такова в самых общих чертах картина жизни Гродно в XIII—XIV вв. Совершенно ясно, что эта почти непрерывная военная борьба, опустошения пригородных районов и самой крепости, напряжение, связанное с восстановлением ее укреплений, позволявших городу снова стоять на своем посту,— все это не способствовало развитию его благосостояния и должно было найти отражение в его материальной культуре.

2

О судьбе крепостных сооружений на Замковой горе в XIII—XIV вв. мы знаем очень мало. Видимо, старые укрепления еще служили свою боевую службу, были целы южная и угловая башни; южную, как мы видели, ремонтировали еще в XIV в. Вероятно, возобновлялись и деревянные стены крепости. Этим в значительной мере объясняется упорное сопротивление города в борьбе с крестоносцами.

Рассказ летописи о походе галицко-волынских князей на литовские земли в 1277 г. дает ряд ценных сведений о состоянии укреплений Гродно в XIII в. Рать князей Мстислава и Юрия Львовича расположилась без охраны и доспехов в селе под Гродно. «Пруси же и Бортеве (поселенные здесь князем Тройденом), выехавше из города, удариша на не ночь и избиша е все, а другие изоимаша и в город (Гродно) ведоша». Подошедшая рать князя Владимира «начаша собе промышляти о взятьи города. Столп бо бе камен высок стоя перед вороты города, и бяху в нем заперлися Прузи, и не бысть им мимо онь пойти к городу, побивахуть бо со столпа того; и тако приступиша к нему и взяша и (столп), страх же велик и ужасть паде на городе, и быша аки мертве стояще на забороле х города, о взятьи столпа, зане то бысть упование их»[2]. Однако город взять не удалось и борьба окончилась выдачей пленных бояр.

Из данного текста прежде всего ясно, что крепость имела рубленые бревенчатые стены с боевой площадкой наверху, прикрытой брустवером — «заборолами». Повидимому, стена, как обычно в древнерусских крепостях, состояла из заполненных землей деревянных срубов — «городен». Новой частью укреплений была высокая каменная башня, державшая под обстрелом подступы к городским воротам. Неясно, однако, где стояла эта башня. Она не могла стоять непосредственно перед воротами, так как стена крепости шла, конечно, по самому краю Замковой горы и башне негде было стать. Предположение, что она была на территории позднейшего Нового замка, на противоположном краю оврага, и охраняла мост через него к воротам — исключается, так как стоило противнику сжечь мост, как башня оказалась бы отрезанной и бесполезной. Самый текст летописи, говорящей, что мимо столпа нельзя было подойти к «городу», т. е. к крепостным стенам, так как со «столпа» «побивали» осаждавших, позволяет предположить, что башня стояла не буквально «перед воротами», но в ближайшем соседстве с ними, выступая за линию стен так, что с башни можно было защищать и стены («город»), и ворота. Можно», думать, что этот «столп» XIII в. вошел в состав позднейшего замка Витовта, где была высокая круглая башня, стоявшая на изломе восточной стены крепости и сильно выступавшая вперед (об этом ниже). Косвенное подтверждение этому предположению находим в истории борьбы Витовта с Ягайлой. После захвата Гродно в 1389 г. последний оставил в крепости польских воинов, которым, видимо, был подчинен русско-литовский гарнизон крепости. В 1391 г. Витовт смог вернуть Гродно, так как русские и литвины посадили в башню польских солдат и сдали крепость Витовту [1]. Несомненно, что это была не южная и не западная старые башни,— они не играли такой роли в обороне крепости, как восточная, державшая под обстрелом и ворота, и «приступную» восточную стену; к началу осады Гродно Витовтом она и была занята польским гарнизоном Ягайлы, так как являлась ключом к крепости. Литовско-русские воины, очевидно, закрыли входы

[1] Е. Орловский. Гродненская старина, стр. 26—33; В. Б. Антонович. Очерк истории великого княжества Литовского, стр. 42 и след.; А. Барбашев. Витовт и его политика до Грюнвальденской битвы. СПб., 1885, стр. 50 и след.

[2] ПСРЛ, т. II, стб. 579.

[1] А. Барбашев. Витовт и его политика, стр. 50, 51 и 59.

в башню, лишив ее связи со стенами и двором крепости, так что поляки не смогли долго сопротивляться. Подчеркнем, что эта осада происходила до постройки замка Витовтом, еще при старых укреплениях Замковой горы.

Когда была построена эта каменная башня — «столп»,— прямых данных нет. Г. Орловский, опираясь, повидимому, на приведенный выше текст хроники Стрыйковского о восстановлении крепостей Принеманья литовским князем Эрдзивилом и расширительно толкуя его, писал, что этим князем был выстроен новый замок, окруженный земляным валом, и поставлена возле замка укрепленная каменная башня («столп»). При этом автор сопоставил эту башню с известной Каменецкой вежей [1]. Последнее сопоставление вполне правомерно, но оно противоречит гипотезе Орловского. Действительно, на Волыни в XIII в. возникает новый и своеобразный тип крепостных сооружений, представляющих собой либо изолированно поставленные башни, либо башни, связанные с обороной крепости. Мы знаем о высокой веже в центре крепости столицы князя Даниила — Холма, с которой можно было «бити ... окрест града». Это была деревянная башня на каменном фундаменте[2]. Три башни непосредственно перед воротами крепости были в Галиче[3]. Наконец, подвергнуты специальному изучению сохранившиеся волынские башни — Каменецкая, Белавинская и Столпьенская[4]. Вероятнее всего, что и гродненский «столп» был сооружен волынскими горододельцами в период нахождения города в руках волынских князей.

Других каменных частей, кроме старых южной и западной башен и нового «столпа» на восточной стороне, крепость не имела. Это подтверждает и составленный в конце XIV в. список «градом рускым далним и ближним», который, перечисляя «грады Литовьскыи», не называет Гродно каменным[5].

Отложения литовского периода в жизни крепости на Замковой горе представлены на западном участке пятью слоями, образующими в совокупности толщу около 3 м.

[1] Е. Орловский. Ук. соч., стр. 22.

[2] ПСРЛ, т. II. стб. 844.

[3] Я. Пастернак. Старий Галич, рис. 18.

[4] П. А. Раппопорт. Волынские башни. МИА СССР, № 31, М, 1952, стр. 202.

[5] Новгородская летопись по Синодальному списку. СПб., 1888, стр. 448.

Верхнюю их границу образует мостовая замка Витовта, лежащая в уровне 3,40 м[1]. Ниже идут слои от начала XV в. и вглубь до середины XIII столетия. Приведем их нивелировочные показатели (в метрах)[2]:

Слой песок — мусор	3,5—5,5	
„ песок — дерево	4,0—6,0	
„ дерево I	4,75—6,20	
„ „ II	4,96—6,25	(4,55—6,37)
„ „ III	4,90—6,80	(5,0—6,51)

Первоначальная застройка крепости, относящаяся, видимо, ко второй половине XIII в., характеризуется наличием жилых построек, связанных с нижней зоной слоя III западного участка (дерево IIIа) и лежащих на отметках 5,70—6,37 м (рис. 79). Это три тесно поставленные бревенчатые избы, сохранившие лишь свои нижние венцы. Бревна и тесины полов носят следы пожара, местами обнаружены следы угля.

Постройка № 6 размером 3,80 X 3,80 м[3] сохранила деревянный настил пола из широких (до 30 см) тесин. В северо-западном углу — развал глинобитной печи из мелкого булыжника на глине; у ее угла два вертикальных бревна, видимо, от деревянной платформы под печью. Выше сохранялись следы опалубки этой платформы, забранной в паз углового стояка (см. план III слоя, рис. 80).

Постройка № 7 неправильной формы размером 3,75 X 3,80 м поделена перегородкой на две части; в юго-восточном углу выгорожено забранное досками в стойку небольшое (1,20X1,50 м) пространство, к его северной стенке подвалено укрепление из булыжника, в свою очередь ограниченное вертикально забитыми досками; повидимому, здесь также была печь.

Постройка № 8 размером 4 X 4 м сохранила несколько тесин деревянного пола. В северо-восточном углу — развал глинобитной с камнем печи, хорошо сохранившей подпечную деревянную конструкцию настила из плах или бревен с угловым круглым стояком. На полу к западу от печи — несколько кир-

[1] DSZ, стр. 4.

[2] Первая пара цифр—по данным В. И. Голубовича, являющимся выводом из учета нивелировочных показателей частично сохранявшейся паспортизации вещей, вторая пара цифр (в скобках)—высотные отметки по сохранившимся в фондах ГГИАМ чертежам.

[3] Даем везде внутренние размеры.

пичей из руин Нижней церкви; видимо, сюда было обращено устье печи, и пол замостили кирпичом.

К западу от постройки № 6 уцелел небольшой участок мостовой, идущей перед южными стенами изб; повидимому, в эту сторону были и выходы из них.

стка (рис. 80) фиксирует остатки пяти построек (в уровне 5,40—5,60 м), выходящие сюда венцы постройки № 6 (в уровне 5,70—5,81 м) и идущие меж ними мостовые.

Постройка № 1 очень неясна, так как перекрыта настилом; это небольшой сруб — примерно 3 X 3 м.

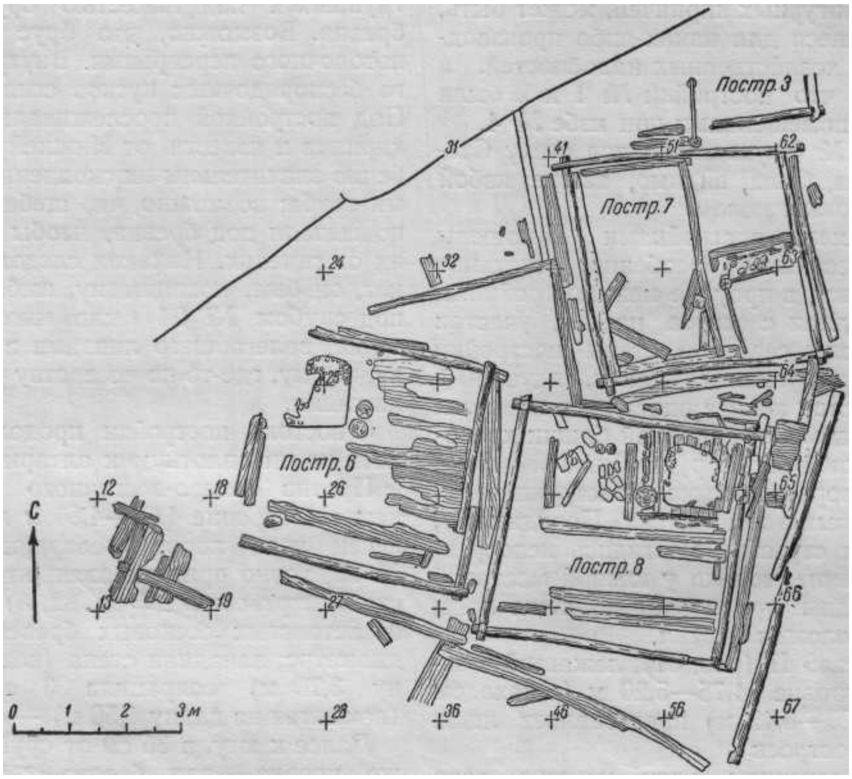

Рис. 79. Западный участок. Слой IIIа

К югу от Нижней церкви сохранились от этого раннего времени лишь невыразительные остатки строения в квадратах 257—258, 238—239. Перпендикулярно стене XVII в. идут два бревна; на их северных концах — широкая тесина и рядом с ней бревно с вырубкой чашки, к которой примыкает не связанное с ней бревно той же толщины; к западу от описанных остатков лежат беспорядочные короткие бревна с различными врубками, явно принадлежавшие к разрушившейся постройке. Возможно, что здесь был Описанные первые жилища, погибшие от огня сменила более густая застройка крепостного мыса. План слоя III западного уча-

Так же невелика постройка № 2, частью разрушенная котлованом работ И. Иодковского; ее размеры — 2,80 X 2,80 м. Судя по обилию здесь обрезков кожи, можно думать, что это были мастерские сапожников.

Постройка № 3 почти целиком уходит под стену замка Стефана Батория; сохранились лишь широкие половицы длиной более 4,5 м.

Постройка № 4, лежащая в центре западного участка, размером 4 X 4 м, повидимому, имела глинобитную с камнем печь в северо-западном углу; около него зафиксированы «камни, облепленные глиной» [1]; внутри изба

[1] Данные плана дополняет фото № 72 в фондах ГГИАМ.

заполнена мелкими беспорядочными обломками дерева. С юга к избе примыкала большая, по площади равная избе, хозяйственная[1] холодная пристройка; видна лишь ее западная стенка из вертикально поставленных досок; пол внутри был настлан из тесин или горбыля шириной до 40 см. На нем около стенки лежали большая каменная плита и несколько фигурных кирпичей, может быть, использовавшиеся для каких-либо производственных или хозяйственных надобностей.

Возможно, что постройки № 1 и 2 были служебными помещениями при избе № 4.

Постройка № 5, уходящая под стену Стефана Батория, была, видимо, также избой 4 X 4 м с тесовым полом.

Проулки меж постройками замощены большими тесинами. Особенно отчетливо видны: мостовая в проулке меж постройками № 1 и 4, идущая с севера на юг, участок мостовой вдоль северной стены постройки № 6 и длинная узкая мостовая, идущая с запада на восток южнее описанных построек и ведшая, видимо, от западной башни крепости мимо южной стены руин Нижней церкви к городским воротам замка. Конструкция настилов мостовых здесь неясна. Повидимому, проходы меж строений мостились непосредственно по земле, только у южной мостовой отчетливо видны продольная круглая лага, на которой положен настил.

«Слой дерева» II (рис. 81), лежащий в основном в уровне 4,75—5,20 м (с заходом вглубь до 6,20—6,42 м) представляет лишь следы двух построек'.

В северо-восточном углу участка ясна стенка из поставленных вертикально досок и горбылей, укрепленных в основании камнями, с примыкающим к ней настилом из тесин (постройка № 1а); она, видимо, аналогична пристройке при избе № 4 предыдущего слоя; на полу был слой свежего навоза до 20 см — постройка была хлевом-свинарней.

В центре участка едва ли случайно расположение дерева, образующего прямоугольник 4 X 4,5 м (видимо, это не бревна); в его юго-западном углу — скопление мелкого булыжника, может быть, от печи (постройка № 1б).

[1] На плане этого слоя нет нумерации остатков построек; мы вводим свою — литерную, чтобы не нарушать нумерации 3. Дурчевского. Постройки им отмечены только со слоя III.

i К югу от руин Нижней церкви в это время стояла только одна постройка (№ 24, рис. 82, 1). Это большой сосновый сруб размерами 5,90 X 5,40 м с соединением углов в обло; пол — из тесин. Нижний венец — в уровне 5,20 м. Внутри сруба параллельно северной стене лежит квадратный в сечении брус, под ним два перпендикулярных, прогнувшихся под тяжестью бруса сгнивших бревна. Возможно, что брус был матицей потолочного перекрытия. Внутри сруба много беспорядочных кусков сгнившего дерева. Под постройкой прослеживались прослойки кирпича и извести от Нижней церкви. Особенно значительны их скопления под бревнами сруба; возможно, что щебень специально подсыпали под бревна, чтобы предохранить их от гниения. Никаких следов печи в срубе нет, он был, повидимому, амбаром. В слоях под срубом № 24 было много сгоревшего зерна, залегавшего линзами в перегное; повидимому, где-то по соседству раньше стояла житница.

С востока постройки продолжали примыкать почти вплотную к алтарной стене руин.

Против северо-восточного угла Нижней церкви в уровне 4,65—4,80 м лежит верхний венец угла хорошо сохранившегося сруба № 29, точно ориентированного параллельно стене жертвенника (рис. 82, *3)*; рубка в обло из нетолстых сосновых бревен 16—18 см в диаметре; западная стена (вскрытая на длину 3,70 м) сохранила 3 венца, южная (вскрытая на длину 1,50 м) —4 венца '.

Далее к югу, в 35 см от сруба № 29, в том же уровне — два бревна северной стенки соседнего сруба № 30 с настилом пола (уровень 4,98 м) из 16 тесин толщиной 3—4 см при ширине от 20 до 40 см (рис. 82, *3)*. Настил положен на длинную продольную еловую лагу. Сохранившаяся часть настила достигает 4 м длины. Любопытной технической особенностью сруба № 30 является вырубка продольного паза не в нижней, а в верхней кромке бревна. Строение № 30 было скотным хлевом, настил пола покрыт плотно слежавшейся толщей коровьего навоза и соломы; от давления фундамента стены XIV—XV вв. настил прогнулся под ней на 20 см.

Характерно, что как описанный сруб № 29, так и хлев № 30 строго ориентированы по

[1] Сруб № 29 внутри не вскрыт, так как над ним поставлена одна из опор перекрытия этого участка, а основная часть сруба уходит в края раскопа.

Рис. 80. Западный участок. Слой III

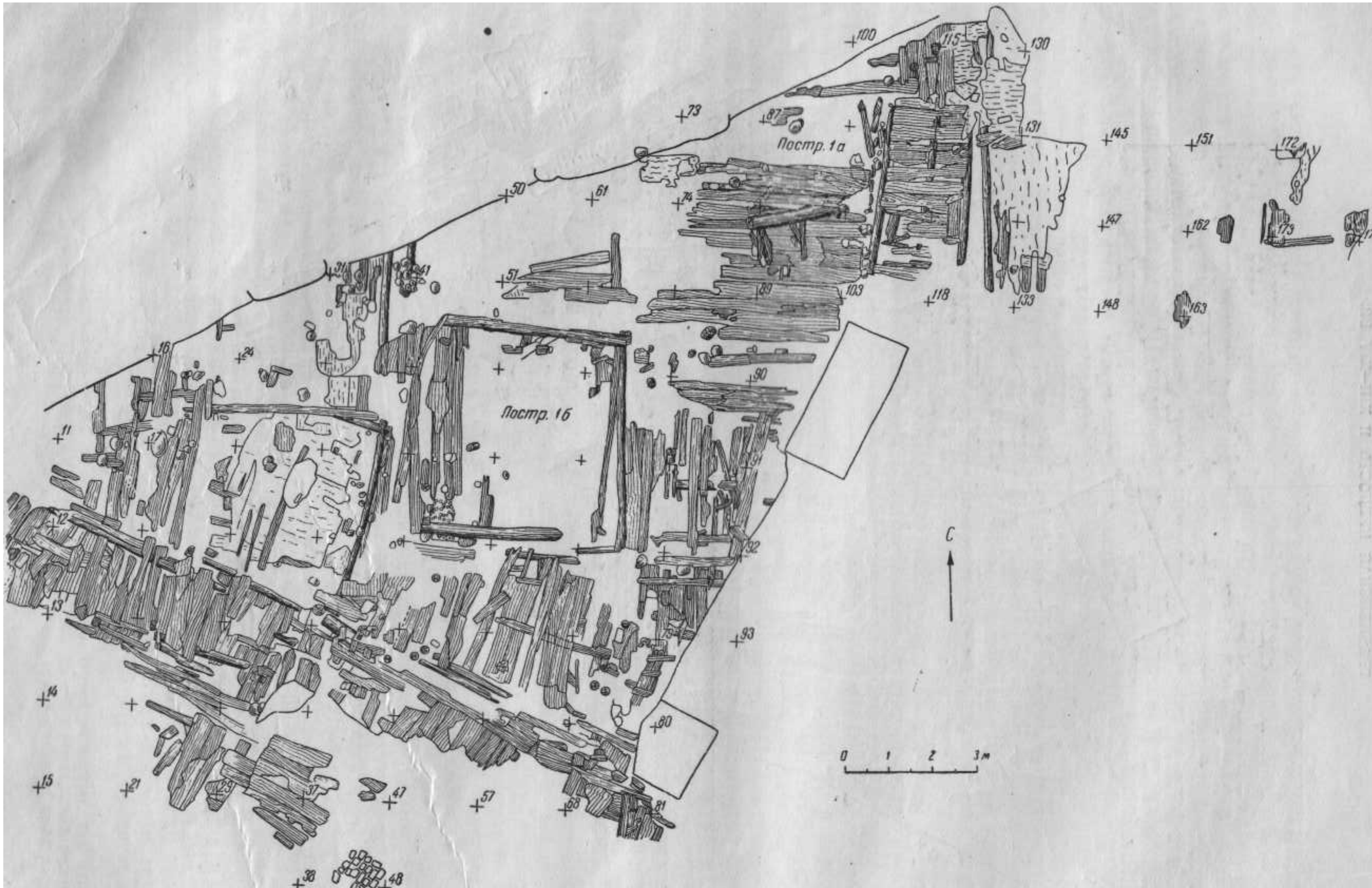
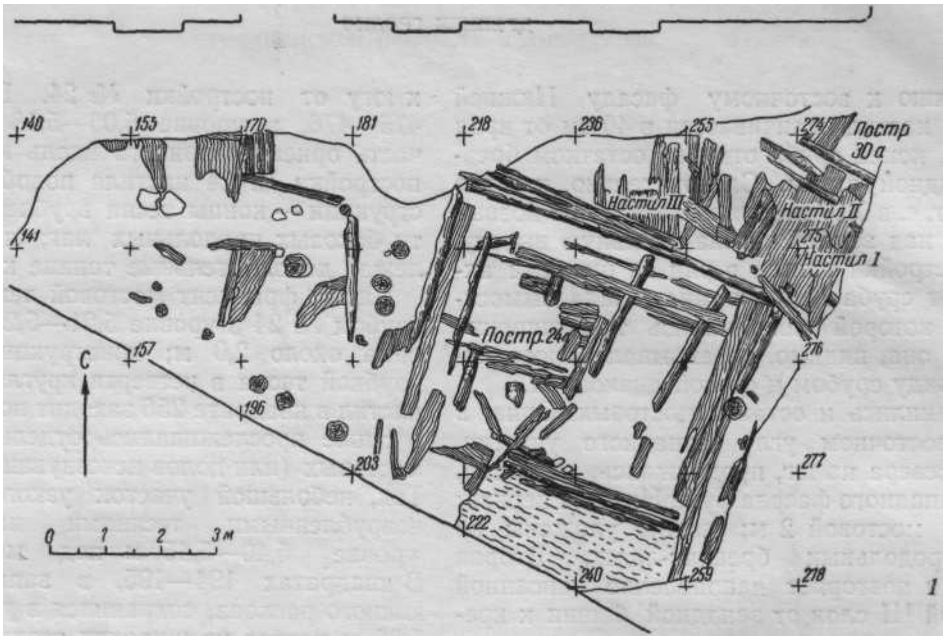
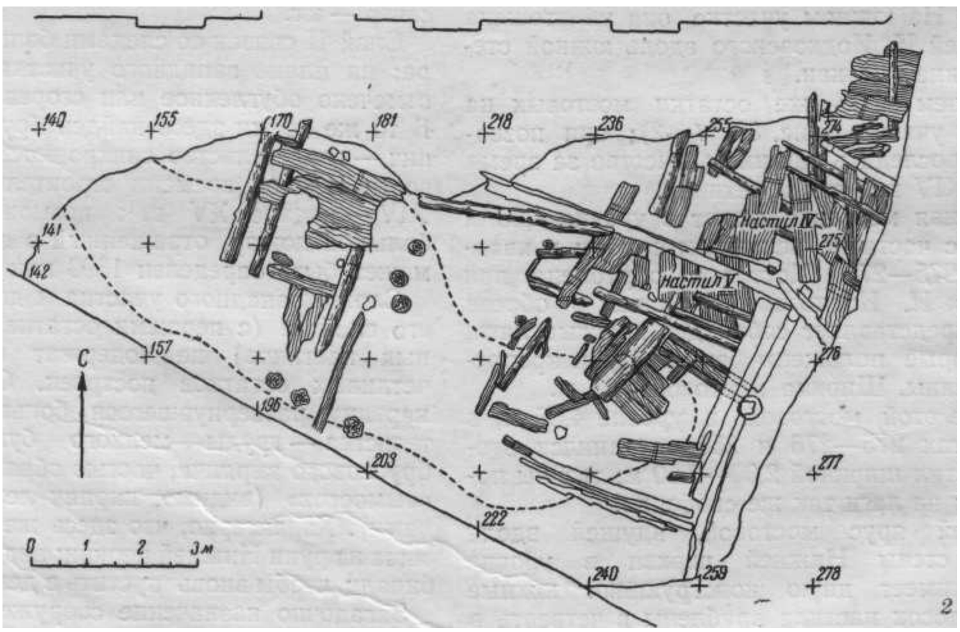

Рис. 81. Западный участок. Слой II

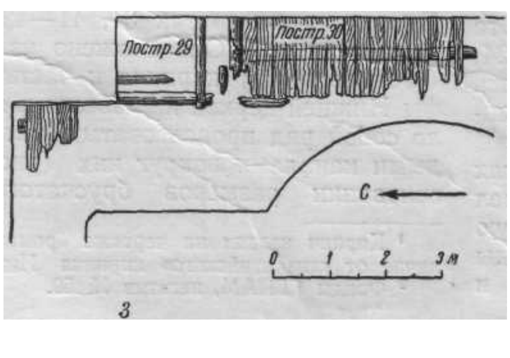

Рис. 82.

1 — южный раскоп, постройки N° 24 и 30а, мостовые *I—III;* 2 —южный раскоп, мостовые IV—V (пунктиром показана граница песчаного слоя); *3* — восточный раскоп, постройки № 29 и 30

отношению к восточному фасаду Нижней церкви; настил оканчивается в 40 см от края апсиды, конец сруба отмечен остатком бревна западной стены. Следовательно, и в это время, т. е. в XIV в., руины храма еще возвышались над землей на значительную высоту. Обе постройки стояли в ряд за руинами алтаря. От сруба № 29 к западу шла вымостка, от которой сохранились три широкие тесины; она, видимо, перекрывала пространство между срубом и стеной диаконика.

Сохранились и остатки мостовых. Одна, в северо-восточном углу западного участка, идет с севера на юг, продолжаясь, вероятно, мимо западного фасада руин Нижней церкви; ширина мостовой 2 м; тесины уложены на трех продольных бревнах-лагах. Вторая мостовая повторяет направление описанной мостовой III слоя от западной башни к крепостным воротам; настил — также на лагах. Это, видимо, устойчивая «магистральная» дорога. На южном участке она уничтожена траншеей И. Иодковского вдоль южной стены Нижней церкви.

Опишем здесь же остатки мостовых на южном участке (рис. 82, *1—2);* они позволяют проследить как их количество за время XIII—XIV вв., так и технику.

Верхняя мостовая лежит в уровне 4,20 м рядом с частично вскрытым срубом в квадратах 275—276. Мостовая обрублена при работах И. Иодковского; видная в обрезе часть представляет собой две круглые лаги, на которые положены без врубки и креплений тесины. Ширина мостовой 2,05 м.

Ниже этой мостовой, в уровне 4,35 м, в квадратах 275—276 и 256 сохранился второй настил шириной 2,30—2,50 м; тесины положены на лаги так же свободно.

Третий ярус мостовой, идущей вдоль южной стены Нижней церкви в уровне 4,08 м, имеет иную конструкцию: южные концы досок настила врублены в четверть в продольную лагу (южная часть мостовой уничтожена траншеей И. Иодковского). Эта мостовая, видимо, одновременна срубу № 24; с восточной стороны последнего сохранилась лага с вырубленной четвертью, так что, может быть, и здесь шел мощеный проулок.

Четвертый настил прослежен в квадратах 194—156, 195—157 на уровне 5,03 м; он шел также вдоль церкви и представлял мостовую из тесин на трех нетолстых лагах. Следы совершенно истлевшего настила имелись и к югу от постройки № 24. В квадратах 475—476, в уровне 5,05—5,18 м, вскрыта часть ориентированного вдоль южной стены постройки № 24 настила подобной же конструкции — концы тесин врублены в четверти боковых продольных лаг; под тесинами лежат дополнительные тонкие круглые лаги.

Пятый фрагмент мостовой лежал уже под срубом № 24 в уровне 5,21—5,29 м. Его ширина около 2,0 м; конструкция — та же с врубкой тесин в четверти круглых лаг. Этот настил в квадрате 256 заходит под настил IV.

Ниже прослеживались отдельные остатки мостовых (или полов исчезнувших строений). Так, небольшой участок узкого настила с неврубленными тесинами . наблюдался в уровне 5,40—5,45 м под мостовой V. В квадратах 194—195, в западной части южного раскопа, сохранился в уровне 5,70—5,85 м настил из широких тесин на толстых круглых лагах, идущий в направлении север — юг.

Слой II связан со следами большого пожара; на плане западного участка много раз отмечено обугленное или сгоревшее дерево. В то же время здесь найден брусчатый кирпич — свидетельство синхронности или близости II слоя времени строительства конца XIV—начала XV в.[1]; возможно, что и большой пожар, отраженный в данном слое, может быть определен 1393 или 1398 годом.

Слой I западного участка и дополняющий его слой 1а (с первыми остатками деревянных настилов) не содержат никаких отчетливых остатков построек. Слой I дает картину развернувшегося большого строительства — груды мелкого булыжника и брускового кирпича, частью[1] образующих род «вымосток» (видимо, кирпич лежал штабелями) . Характерно, что здесь же много кирпича из руин Нижней церкви; видимо, их разбирали, чтобы вновь пустить в дело (рис. 83).

Загадочно назначение сооружения, развалины которого уходят под стену Стефана Батория в квадратах 31, 41—42 и названного «печью»[2]. Оно сложено из брусчатого («готического») кирпича и частью из плинфы Нижней церкви на извести и представляло собой ряд продолговатых камер с тепловыми каналами вокруг них (рис. 84). На основании размеров брусчатого кирпича

[1] Кирпич назван на чертеже «романским» в отличие от «византийского» кирпича Нижней церкви.

[2] Фонды ГГИАМ, негатив № 59.

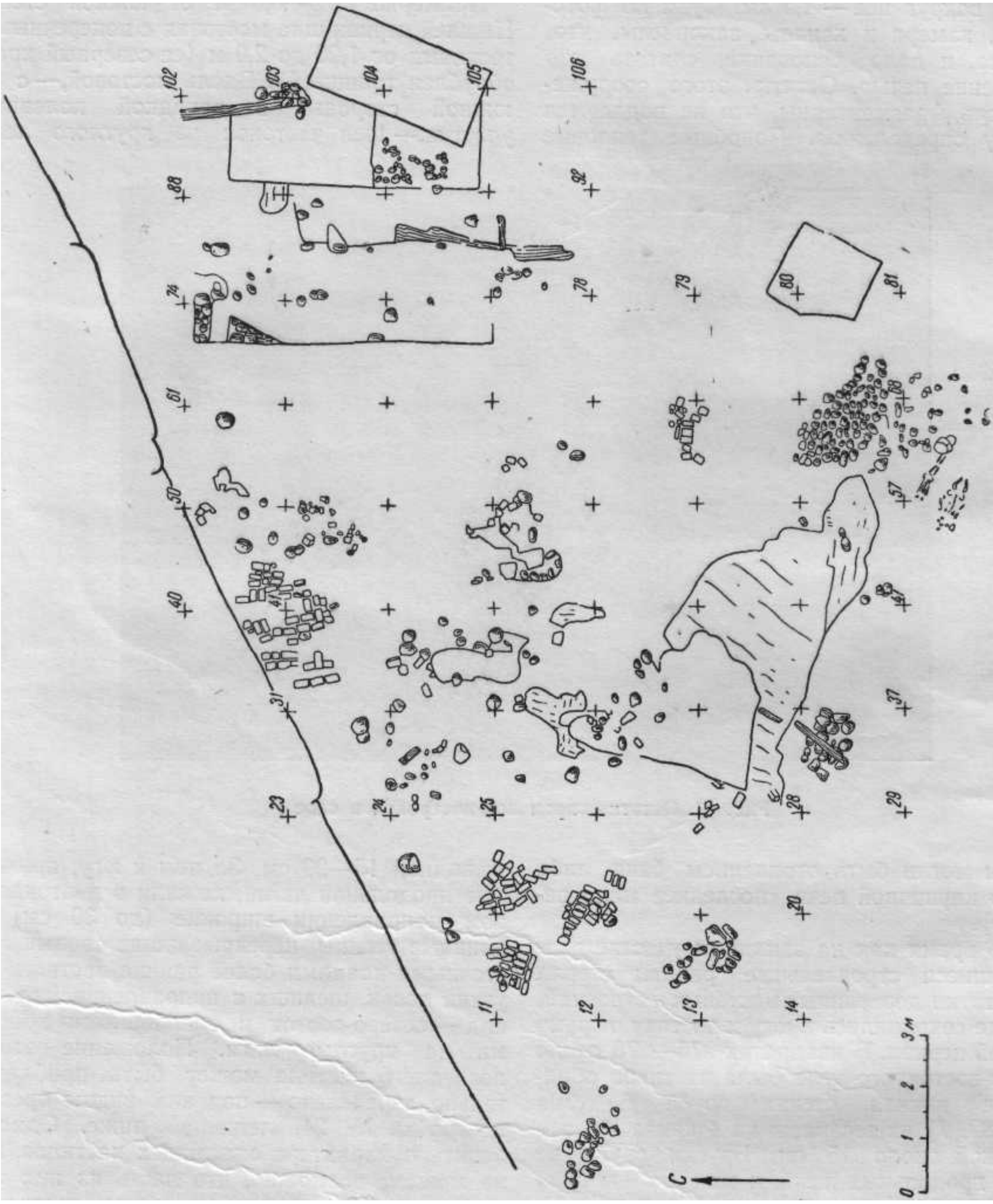

Рис. 83. Западный участок. Слой I

(28X13X8 см) размеры продолговатой камеры составляют 1,23X0,32 м, а ширина канала вокруг нее — 4,5 см. Судя по фотографии, камера и каналы закопчены, что, вероятно, и дало основание считать это сооружение печью. Остатки этого сооружения столь фрагментарны, что не поддаются точному определению. Подобные тепловые

Рис. 84. Остатки кирпичной постройки в слое I

каналы могли быть отоплением бани либо частью кирпичной печи (последнее мало вероятно).

В то время как на западном участке развернувшиеся строительные работы стерли все остатки деревянных мостовых и строений, они еще сохранились к югу и востоку от руин Нижней церкви. В квадратах 275—276 около ее юго-восточного угла была частично обнаружена южная стенка сруба № 30а (рис. 82, /) из тесанных на 4 канта бревен толщиной около 15 см. Бруски сруба не имеют продольных пазов и мшения. От пола сохранилась лишь одна тесина. Уровень основания сруба 4,20 м. Это самая поздняя деревянная постройка из вскрытых раскопками.

Упомянутый выше чертеж южного участка, лишенный нивелировочных данных (рис. 85), повидимому, дает картину участка на уровне выше 4,20 см.

Примерно в 3—3,5 м от южной стены Нижней церкви шла мостовая с поперечными тесинами от 1,20 до 2,0 м (ее северный край обрублен траншеей). Вдоль мостовой,— с ее южной стороны, в западной половине участка,— шел частокол из круглого леса толщиной 15—20 см. За ним к югу, прижатые продольной лагой, лежали в диагональном направлении широкие (до 30 см) и длинные тесины, перекрывавшие своими восточными концами более ранние настилы из узких досок, шедших в направлении юго-запад — северо-восток и опиравшихся концами на круглые лаги. Положение этого последнего настила может быть приблизительно определено —• под ним видны бревна постройки № 24, лежащей ниже. Однако судить о характере описанных настилов мы не можем; возможно, что часть из них является остатками полов каких-то построек; несомненно, мостовой был лишь настил, шедший параллельно стене Нижней церкви [1].

[1] Остатки по меньшей мере двух настилов зафиксированы в чертеже и к югу от стены XVII в.;

/Подытожим наши наблюдения о планировке, типах и технике застройки крепости в литовское время.

Планировку определяли возвышавшиеся в центре крепостного треугольника руины Нижней церкви, которые, как увидим ниже, стали своеобразной усыпальницей XIII—XIV вв., и южная башня крепости. Основные дороги — мостовые — ориентировались сообразно этим постройкам. Устойчивость мостовой, шедшей вдоль южного фасада Нижней церкви, позволяет думать, что здесь была «улица», ведшая от главных восточных ворот крепости внутрь ее территории. Повидимому, подобная же устойчивая «улица» проходила в поперечном направлении с севера на юг мимо западного фасада руин, скрещиваясь у их юго-западного угла с продольной«улицей».

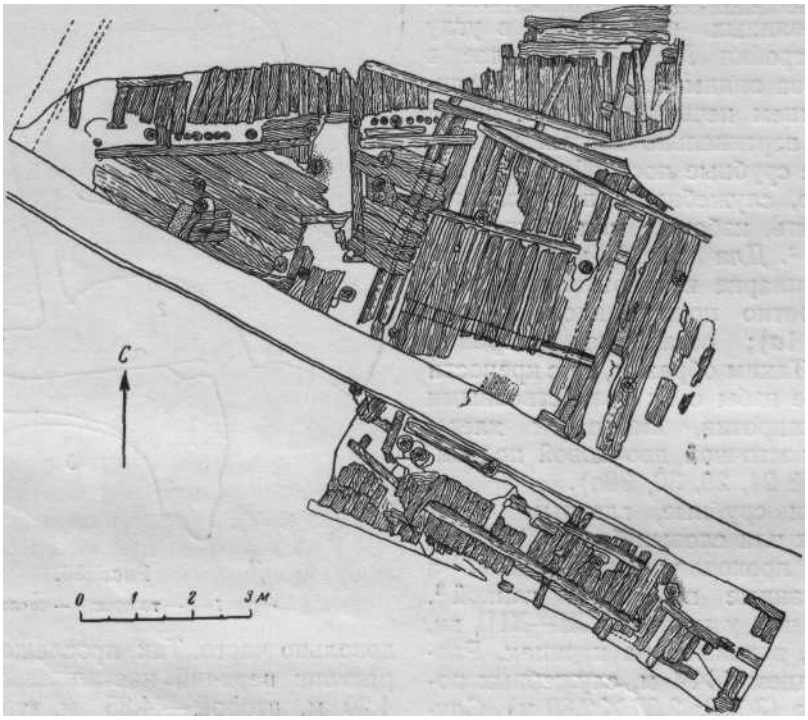

Рис. 85. Южный раскоп (чертеж И. Иодковского, 1933 г.)

Точно так же ориентировалась на руины и жилищно-хозяйственная застройка. Так как основной развал руин был с северной стороны Нижней церкви, где образовал высокий щебневой бугор, то здесь застройки, видимо, не было или она отодвинулась ближе к северному краю холма. С восточной стороны, где слой обвала был менее значителен, еще в первой половине XIII в. близко придвинулись хозяйственные постройки — бревенчатые амбары. Так же, почти вплотную к алтарной стене, поставлены постройки конца XIV в. № 29, 30 и 30а. С южной стороны, между руинами Нижней церкви и южной башней, застройка была незначительной — здесь стоял лишь большой амбар (вероятно, житница); можно полагать, что южная башня сохраняла свое боевое значение, и площадку перед ней не застраивали сознательно. Гуще была застройка на свободном западном участке; поставленные здесь срубы занимали лишь северо-западный «квартал» внутри продольной и поперечной «улиц», ориентируясь, сообразно положению руин Нижней церкви, с севера на юг.

их уровень, а следовательно, положение в толще культурного слоя также неизвестны. Если настилы к северу от стены XVII в., бесспорно, принадлежат к верхним ярусам литовского слоя — выше уровня 4,20 м, то эти остатки могут относиться и к более ранней зоне.

Характеризуя постройки слоев I—V, 3. Дурчевский писал, что в западной части замка «была размещена хозяйственная часть города, как о том выразительно свидетельствуют открытые срубы построек, а именно разных хлевов, конюшни, житницы или амбаров» [1]. Как мы видели, в действительности здесь картина иная. Первоначальная застройка второй половины XIII в. состоит из трех изб с глинобитными с камнем печами на деревянных платформах в углу (слой IIIа, постройки № 6—8). Далее в слое III мы снова видим избу (№ 4) с глинобитной с камнем печью и хозяйственной пристройкой из вертикально вбитых досок с юга. Небольшие срубные постройки № 1 и 2 были, возможно, служебными при большой избе. Может быть, избами были и крупные срубы № 3 и 5 [2]. Для слоя II можно говорить о хлеве-свинарне из вертикально вбитых досок, вероятно пристроенном к избе (постройка № 1а); остальные постройки неопределенны. Таким образом, мыс крепости занимали жилые избы с их хозяйственными постройками; напротив, амбары и хлевы были ближе к восточной дворцовой половине (постройки № 24, 29, 30, 30а).

Все постройки срубные, главным образом из сосновых или еловых бревен, рубленные в лапу и проконопаченные мхом, а частью промазанные по пазам глиной [3]. Бревна тоньше, чем у построек XI—XIII вв. Кровля тесовая, вероятно на курицах. Размеры изб в среднем 4 X 4 м, служебных построек — меньше (3 X 3; 2,80 X 2,80 м). Служебные пристройки делались легкими из вертикальных досок и горбыля. При постройке обильно применялись гвозди — костыли и с круглой шляпкой. Печи изб — глинобитные с булыжником — ставились в углу на деревянных платформах [4]. В поздних постройках можно отметить некоторые особенности: устройство продольного паза не на нижней, а на верхней стороне бревен сруба (постройка № 29), рубку сруба из отесанных на 4 канта бревен-брусков.

[1] DSZ, стр. 4.

[2] Графическая реконструкция построек слоя III, сделанная архитектором Андриячеком (фото в фондах ГГИАМ. № 281), восстанавливает их, в согласии с мнением 3. Дурчевского, в виде хозяйственных амбаров и клетей.

[3] Куски глиняной обмазки — фонды ГГИАМ, № 1071.

[4] Ор. DSZ, стр 5.

Мостовые шириной до 2,5 м представляли собой досчатые настилы на 2—3 продольных лагах — кругляках или подтесанных бревнах. Более ранние настилы врубались в паз («четверть») боковых лаг, более поздние — настилались свободно. Они сменялись

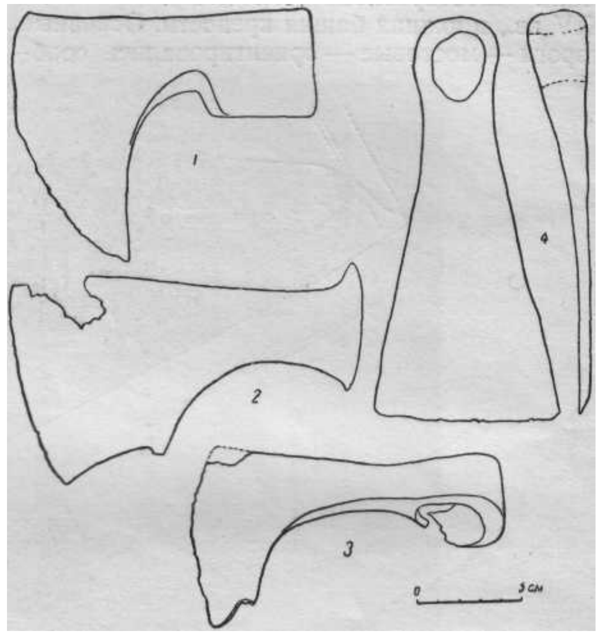

Рис. 86.
1—3 — топоры; *4* — тесло

довольно часто. Так, прослеженный в южном раскопе верхний настил лежал на отметке 4,20 м, второй — 4,35 м, третий — 4,67 м, остатки четвертого — 5,05 м. Можно сказать, что с середины XIII в. по конец XIV в. (на южном участке) сменилось примерно 7—8 мостовых.

В связи с характеристикой застройки и замощения крепости, скажем о плотничном инструменте. Он представлен рядом находок. Это три топора с оттянутым вниз лезвием (рис. 86, 1—3), хорошо сохранившееся тесло (рис. 86, *4)*, два долота (см. рис. 96, *2—3,* стр. 176), сверло-пёрка от коловорота с шириной пера 18 мм (см. рис. 96, *9)*.

Особый интерес представляет найденная в уровне Верхней церкви, т. е. в слоях XIV—XV вв. [1], продольная двухручная пила

[1] Пила найдена И. Иодковским; паспорта не имеет; место нахождения установлено по сведениям, сообщенным комендатом ГГИАМ Н. Е. Улейчиком, постоянно бывавшим на раскопках Иодковского.

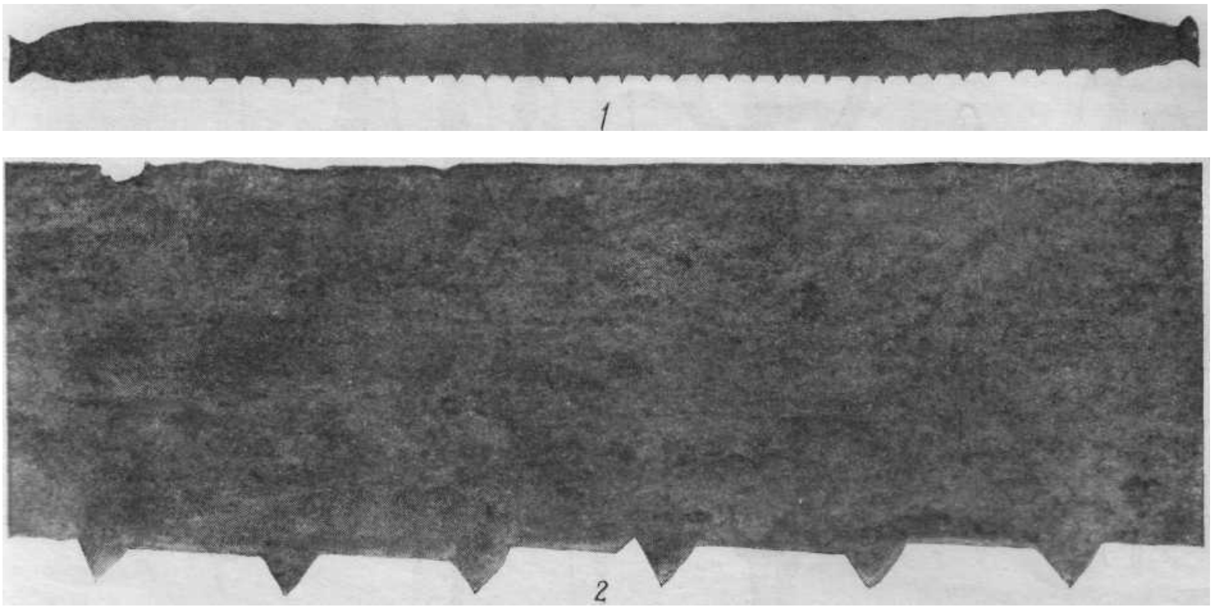

Рис. 87. Продольная пила

1 — общий вид; 2 — деталь

(рис. 87). Длина полотна 1,70 м, ширина полотна с зубцом 9 см; зубец в основании 12 мм, в длину — 9 мм; зубцы сильно разведены в стороны, промежутки между зубцами 22—27 мм; петли для рукояток сварные, без заклепок[1]. Пока аналогий такой пилы нет. Если она действительно принадлежит XIV—XV вв., то это древнейший образец подобной пилы.[2]. То обстоятельство, что пила побывала в огне и отожглась, может указывать на ее находку в слоях, связанных с пожарами 90-х годов XIV в. и близких уровню Верхней церкви. На Руси эти пилы появляются, видимо, в XVII в.; в это время в инвентаре плотников, наряду с «малыми пилами», упоминаются «пилы большие брусчатые» или «брусчатые назубренные» [1].

Нужно отметить, что как типы, так и техника построек и характер мостовых мало отличаются от строительства XI—XIII вв. в русской крепости. Никаких существенных отличий мы не наблюдаем, напротив, можем утверждать о продолжении русской строительной традиции в литовское время. Этому во многом способствовало наличие в крепостном гарнизоне и населении значительного русского элемента.

3

Переходя к характеристике вещевого материала XIII—XIV вв., необходимо отметить его исключительную бедность и отрывочность. Так, например, на южном раскопе от уровня 4,20 м и до 5,80 м было сделано всего 13 вещевых находок, из них 8 поделок из кости, стрела-срезень, вилка для пряжи, кожаная подошва; бытовой керамики очень мало, чаще встречались случайные осколки

[1] Привожу металлографическую характеристику пилы. Шлиф сделан на основании зуба пилы. Размер шлифа 10,5 X 2,5 мм. Шлиф в нетравленном состоянии: типичная структура кричного (сыродутного) железа; на светлом поле металла есть шлаковые включения, вытянутые по длине зуба; чистота железа средняя. Шлиф после травления 3% раствором в спирте HNO_3: обнаружилась структура сорбитообразного перлита с ферритом; структура не однородная—есть поля с содержанием С до 0,7—0,8%, встречаются поля и с содержанием С в 0,2%. Зоны металла у поверхности немного обезуглерожены — пила побывала в огне, и углерод выгорел. Сорбитообразность перлита ясно говорит, что зубья пилы были термически обработаны, но потом в силу каких-то причин отожглись. Приведенный анализ сделан Б. А. Колчиным, которому приношу здесь сердечную благодарность.

[2] Концы бревен построек XIII—XV вв., а также поверхность теса очень обгнили и не позволили проследить следы рубки или распила.

[1] Н. И. Фальковский. Москва в истории техники. М., 1950, стр. 86, 89.

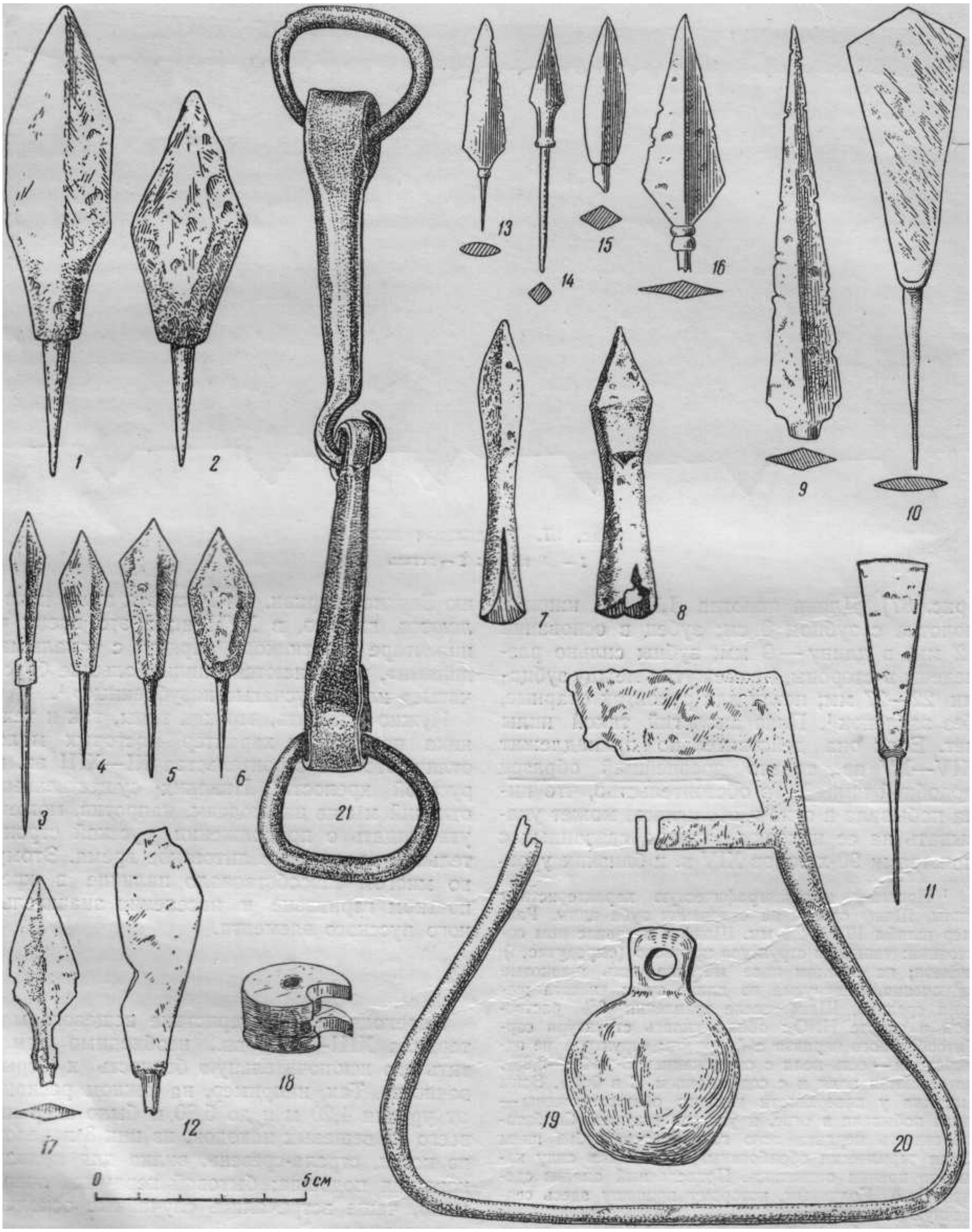

Рис. 88.

1 — 8 — арбалетные стрелы; *9—17* — стрелы разных типов; 18 — деталь арбалета (?); *1)* — костяная булава; *20* — стремя; *21* — удила

голосников из руин Нижней церкви. Той же случайностью и бедностью находок характеризуются и верхние слои западного участка. В этом смысле отложения XIII—XIV вв. резко отличаются от слоев XI—XIII вв. В этом сказалась та тяжкая боевая обстановка, в какой жило Гродно на протяжении XIII—XIV вв. Поэтому ниже мы сможем дать сравнительно полную оценку лишь некоторых ремесл, в частности гончарного и костерезного, в остальном же ограничимся описанием или перечнем отдельных вещей.

Следует также отметить, что строительные работы времени Витовта и последующих столетий крайне исказили стратиграфию верхних слоев, и перекопы, врезаясь в нижележащую зону, могли нарушить первоначальное положение вещей в слое, подняв на поверхность бытовые остатки более раннего времени. Именно об этом, очевидно, говорит большая толща слоя «песок византийский» или «нивелировочный песок» западного участка, достигавшего местами по своей абсолютной глубине уровня IV слоя. Возможно, что с этим частично связано нахождение в слое XIII—XIV вв. таких вещей, как единичные шиферные пряслица, энколпионы киевского типа, единичные обломки стеклянных браслетов. Кроме того, и слои дерева I—III достигали, как видно из приведенной выше нивелировочной шкалы, довольно большой глубины, вероятно захватывая часть древнейших отложений.

При всей боевой напряженности жизни крепости в XIII—XIV вв. среди находок этого времени предметов вооружения сравнительно мало. Обильно представлены лишь стрелы. Особенно много арбалетных втульчатых и черенковых стрел с массивным литым восьмигранным наконечником; они разного калибра — от сравнительно легких с головкой 30 Х 13 мм до тяжелых с головкой 80 Х 25, 60 Х 27 мм (рис. 88, *1—8)*. Обилие арбалетных стрел, особенно в верхних слоях,— след тех осад, которые были пережиты Гродно. Может быть, деталью арбалета является костяная поворотная головка (?; рис. 88, *18)* [1]. Остальные типы стрел представлены на рис. 88, среди них одна костяная (рис. 88, *15)*.

Интересна костяная булава в виде шара (диаметр 40 мм) с ушком (рис. 88, *19)*; из конского снаряжения упомянем удила и стремя (рис. 88, *20—21)*.

Столь же единичны и маловыразительны предметы, относящиеся к одежде, и украшения, которые могли бы дать характеристику этнического состава населения и гарнизона крепости, о смешанности которого мы хорошо знаем из письменных источников. Отметим здесь характерную литовскую бронзовую пряжку (рис. 89, 1), бронзовую пуговку-бубенчик с крестовидной прорезью, бронзовую круглую подвеску (рис. 89, *2)*, латунный плоский перстень с несохранившимся припаянным щитком или гнездом для камня, серебряную проволочную серьгу с напущенной спиралью (рис. 89, *3)*. Находки бус единичны — все они ранних типов, стеклянные бисерные и пастовые пестрые и однотонные. Ниже мы увидим ажурные серьги и. золотой перстень из погребения в руинах Нижней церкви.

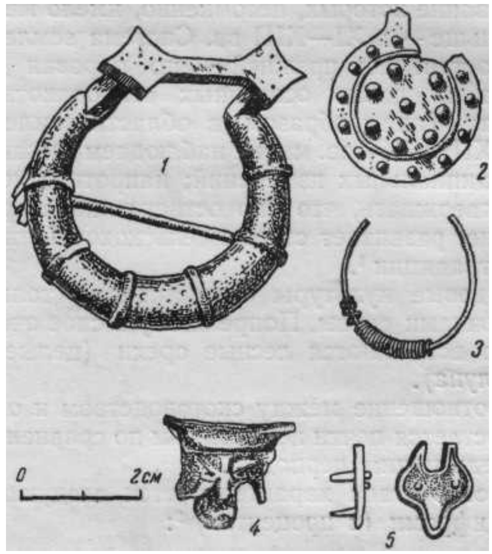

Рис. 89.

1 — пряжка; 2 — подвеска; *3* — серьга; *4,5* — медные бляшки

Обратимся к данным о хозяйстве и материальной культуре крепости.

Орудия сельского хозяйства представлены двумя спорными обломками — наконечника сошника (длина обломка 66 мм, толщина — 5 мм) и косы-горбуши (длина обломка 15,5 см, ширина — 3 см). Хорошо сохранились пружинные овечьи ножницы (см. рис. 96, *1,* стр. 176).

[1] Подобная деталь найдена и в Сураже Коллекции ГГИАМ.

Зерно представлено теми же ведущими культурами, которые мы видели в XII—XIII вв.,— это рожь, пшеница, ячмень, овес, просо, горох и мелкоплодные конские бобы. Судя по количеству находок зерна гречихи, ее посевы в XIII—XIV вв. значительно расширились. Наконец, в слоях литовской поры найдены и семена конопли и льна, возделывание которых, несомненно, имело место и раньше — в XI—XIII вв. Система земледелия оставалась прежней — это паровая система на давно освоенных старопахотных почвах. Таким образом, в области земледелия XIII—XIV вв. мы не наблюдаем никаких принципиальных изменений; напротив, можно утверждать, что оно остается на старом уровне, развивает старые сельскохозяйственные традиции[1].

Садовые культуры представлены только косточками сливы. Попрежнему в слое очень часто встречаются лесные орехи (целые и скорлупа).

Соотношение между скотоводством и охотой остается почти неизменным по сравнению с предыдущим периодом.

Состав стада характеризуется следующими цифрами (в процентах)[2]:

	Середина XIII — XIV вв.	Конец XIV в. — начало XV в.
Крупный рогатый скот	41,1	55,0
Свинья	34,5	22,4
Мелкий рогатый скот	14,8	11,4
Лошадь	9,6	11,2

Существенно быстрое увеличение поголовья крупного рогатого скота.

Состав охотничьей добычи остается прежним, с небольшими изменениями процентных отношений:

	Середина XIII — XIV вв.	Конец XIV в. — начало XV в.
Благородный олень	42,4	41,7
Зубр	20,5	21,4
Кабан	6,7	11,2
Косуля	17,3	16,5
Лось	10,2	4,2
Бобр	1,9	2,1
Прочие виды	1,0	2,9

Существенно, что рост добычи зубра и косули, наметившийся в XII—XIII вв., резко повышается за счет некоторого снижения охоты на благородного оленя. Весьма вероятно предположение, что в конце XIV в. охота на зубра стала заповедной княжеской охотой[1], В то же время охотничьи богатства пущ не только широко использовались населением, но были и источником крупных мясных заготовок для снабжения армии во время походов[2].

О рыболовстве дают представление глиняное грузило от сетей и два железных крючка (см. рис. 96, *11—12,* стр. 176); они меньшего размера, чем крючки XI—XIII вв., однако приведенный выше анализ костных остатков рыб свидетельствует о добыче крупных особей сома, судака, требовавших солидной крюковой снасти.

Керамика Гродно литовского времени может быть охарактеризована на стратиграфически точном, но немногочисленном материале раскопа к востоку от Нижней церкви, захватившего слои над отложением второго разрушения храма. Их верхняя зона связана с пожаром 1398 г. и последующим строительством Витовта. Таким образом, керамика из этих слоев принадлежит времени от середины XIII в. до начала XV в. В качестве дополнительного материала привлекаем керамику из верхних слоев (слоя III и выше) польских раскопок западного участка[3].

Основные черты техники и внешнего облика сосудов теснейшим образом связаны с традициями русской поры.

Тесто - с примесью крупного песка или дресвы, обычно хорошо промешанное. Много обломков днищ без следов подсыпки или подставного кружка (147 экз.), со следами подсыпки (148 экз.), с подставным кружком (36 экз.). Формовка часто небрежная, с перекосом горловины и венчика (особенно в крынках). Обжиг неровный, излом черепка или однотонный, или двухцветный с темной сердцевиной. Цвет посуды — черный, серый, иногда серый с темными пятнами, коричневый, розовато-охристый. Внутренняя поверхность хорошо выглажена мокрой тряпкой или кожей, наружная значительно грубее — часто проступают крупный песок или дресва, делая поверхность бугристой. Сосуды преимущественно толстостенные (6—11 мм).

[1] См. статью А. В. Кирьянова. Приложение I.

[2] Определение костных остатков произведено здесь раздельно по верхним слоям дерева (III—I) середины XIII—XIV вв. и по перекрывающим их нивелировочным слоям после пожара конца XIV в.

[1] Г. Карцов. Беловежская пуща, стр. 17.

[2] Там же, стр. 13.

[3] Керамика слоя I не сохранилась в паспортизованном материале.

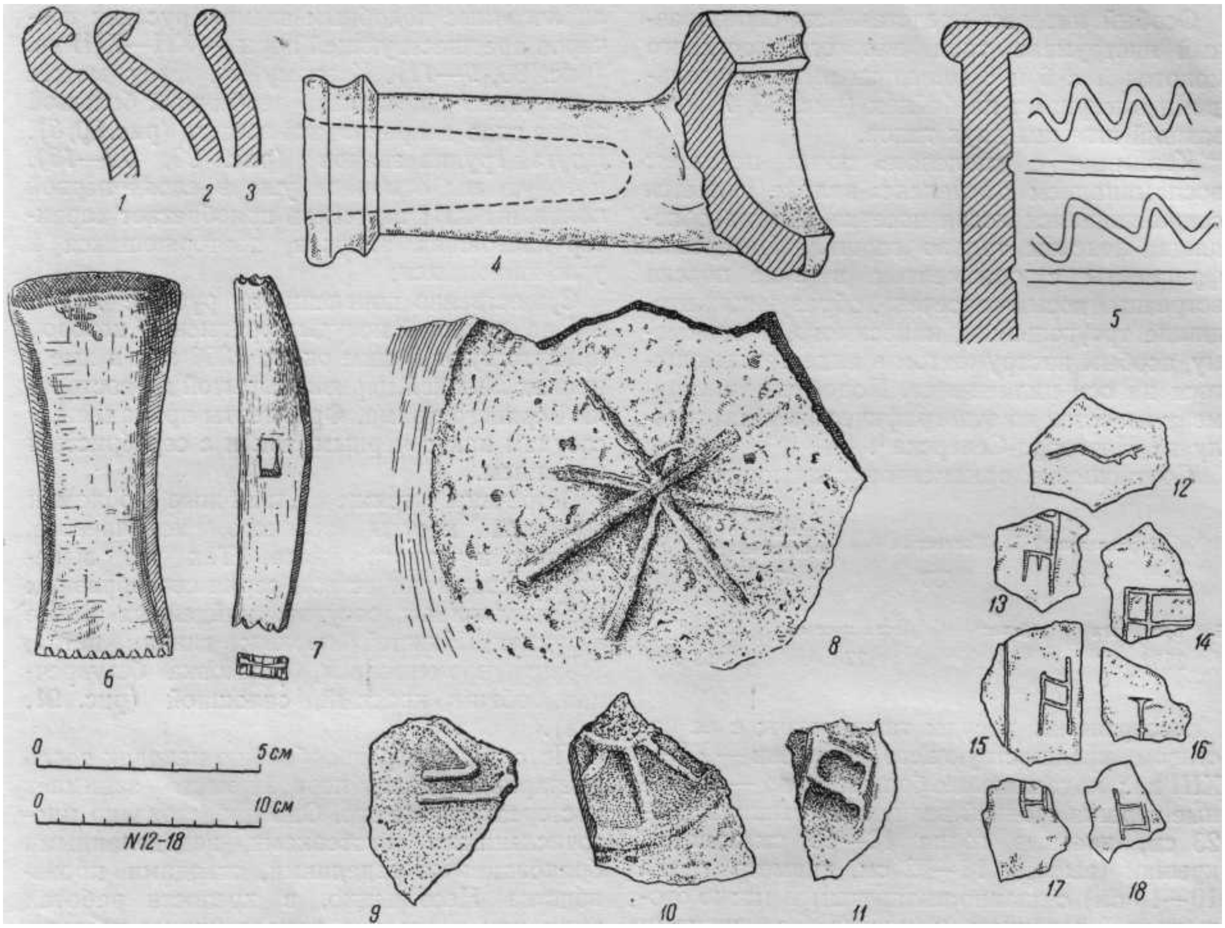

Рис. 90.

1—3 — профили горшков; *4*— рукоятка поливной латки; *5* — обломок опарницы; 6—костяная гребенка для орнаментации посуды; 7 — костяной молоточек со штампами на бойках; *8* — большой знак в виде неправильной звезды; *9—11* — выпуклые знаки старых типов; *12—18* — знаки нового типа

Венчики низкие, плавно отогнутые, почти без моделировки, иногда срезанные по краю. Можно отметить тенденцию к упрощению венчика; шейка иногда исчезает вовсе, и венчик превращается в валик, сидящий на краю горшка (рис. 90, 1—*3).* Наряду с этим продолжает бытовать посуда с «горбатым» венчиком.

Орнаментика прежняя — линейная и волнистая. Линии тоньше. Характерно, что сосудов с волнистым орнаментом относительно больше, чем в XII—XIII вв.; наряду с волнистым орнаментом, нанесенным гребнем, особенно характерна волна, нанесенная с широким живописным размахом одним глубоким штрихом. Для нанесения гребенчатой волны служил хорошо сделанный из круглой кости инструмент в форме короткого долота с тупой гребенкой на остром конце и с хорошо приспособленной для держания отполированной рукоятью (рис. 90, *6) 1.*

Штампы, как и «налепы», представлены единичными обломками; штамп наносился палочкой или костью с четырехугольными зубцами или палочкой, обмотанной шнурком.

[1] Подобные инструменты в литературе иногда считаются конскими скребницами (см., например, Gniezno, стр. 94; PA, V-I, стр. 78—81) или ткацким инструментом (W. Hensel. Historia kultury materialnej dawnej słowiańszczyzny. Poznań, 1951, стр. 236, рис. 161).

Особый интерес представляет своеобразный инструмент типа плоского костяного молоточка с 6 и 8 маленькими прямоугольными выступами на бойках (рис. 90, 7), дававший штампы двух типов.

Керамика с «налепом» почти исчезает; воспоминанием о «налепе»-валике является сохраняющаяся косая насечка, иногда обходящая пояском тулово горшка. Интересны фрагменты с орнаментом в виде пояска встречных косых «насечек», образующих входящие треугольники, наносимого, повидимому, особым инструментом в виде вращающегося на оси цилиндрика. Подобный инструмент известен по этнографическому материалу из Новгород-Северска[1].

Соотношение орнаментов следующее:

Параллельный	Волнистый	Параллельно-волнистый
970	480	97

Без орнамента	„Налеп"	Косая насечка	Штамп
2582	13	77	13

Ассортимент посуды также схож с ее составом предшествующего времени—XII—XIII вв.; подавляющее большинство — кухонные горшки средней величины (вышина 13—23 см, диаметр горла 13—19 см), затем крынки (высота 18—22 см, диаметр горла 10—13 см) с плавно вытянутым и мягко отогнутым венчиком и иногда с ушками (рис. 91).

Интересны обломки неглубоких (5 см) сковород-латок с полыми рукоятками для насадки на палку; одна из латок покрыта изнутри зеленой поливой (рис. 90, *4)*. Отметим корчагу красного звонкого обжига и банкообразный большой толстостенный сосуд типа квашни, богато украшенный чередованием сочной волны и желобка (рис. 90, 5).

На нескольких днищах имеются клейма. Пять из них — характерные знаки мастеров в виде кольца, двух концентрических кругов, колеса, круга с четырьмя отростками, аналогичные подобным знакам русских гончаров предшествующей поры — XII—XIII вв. (рис. 90, *9—11)*. К этому же типу может быть отнесен несколько необычный большой знак в виде неправильной звезды (рис. 90,*8)*. Другая группа знаков (рис. 90, *12—18)*, которую мы отмечали уже в слоях первой половины XIII в., теперь приобретает характер настоящих значков, повторяющихся и усложняющихся.

Существенно появление на рубеже XIV и XV вв. лощеной посуды, фрагменты которой присутствуют в слое около 1398 г. и в яме в руинах Нижней церкви, вырытой до постройки Верхнего храма. Фрагменты принадлежат сосудам как с черным, так и с серебристым лощением.

Встречены также единичные обломки поливной посуды зеленого, коричневого, желтого и черного цвета. Так же выделяется своим качеством серия своеобразных красноглиняных сосудов, найденных в яме в руинах Нижней церкви: глина чистая, хорошо промешанная, формовка безупречная, обжиг красный, сплошной (рис. 91, низ).

По обилию и разнообразию находок после гончарного дела первое место занимает костерезное ремесло. Оно представлено многочисленными заготовками, недоделанными бракованными изделиями, отходами производства. Несомненно, в крепости работал один или несколько ремесленников-костерезов. Их изделия очень разнообразны. Они изготовляли как примитивные вещи типа проколок из метакарпальных костей или клыков кабана (одна такая проколка с ушком для подвешивания покрыта орнаментальными насечками и, может быть, служила амулетом; рис. 92, *16)*, грубовато обработанные иглы для шитья (рис. 93, *9—11)*, простые гребни (рис. 92, *15)*, так и тонкие художественные вещи. Таковы обкладки для рукоятей ножей, луков, снаряжения или сбруи. Особенно замечательны тонкие, большие, круглые или треугольные с полукруглым вырезом пластины с зубчатыми краями и глазковым орнаментом (рис. 92, *3, 6, 10)*. Из мелких изделий назовем четырехгранные наконечники стрел, костяные пуговицы в виде маленьких кружков (диаметр 9—34 мм) с отверстием посередине, различные цилиндрические обоймицы из трубчатых костей (рис. 93, *6—8)*, наконечники и нашивки для ремней

[1] См. Moszyński. Kultura ludowa słowian, т. II-2, стр. 794—795. Подобная керамика встречается в слоях XIII—XIV вв. на польском городище Санток на Варте. См. A. Brackman und W. Unverzagt. Zantoch eine Burg im deutschen Osten, Bd. I, Leipzig, 1936, Abb. 28.

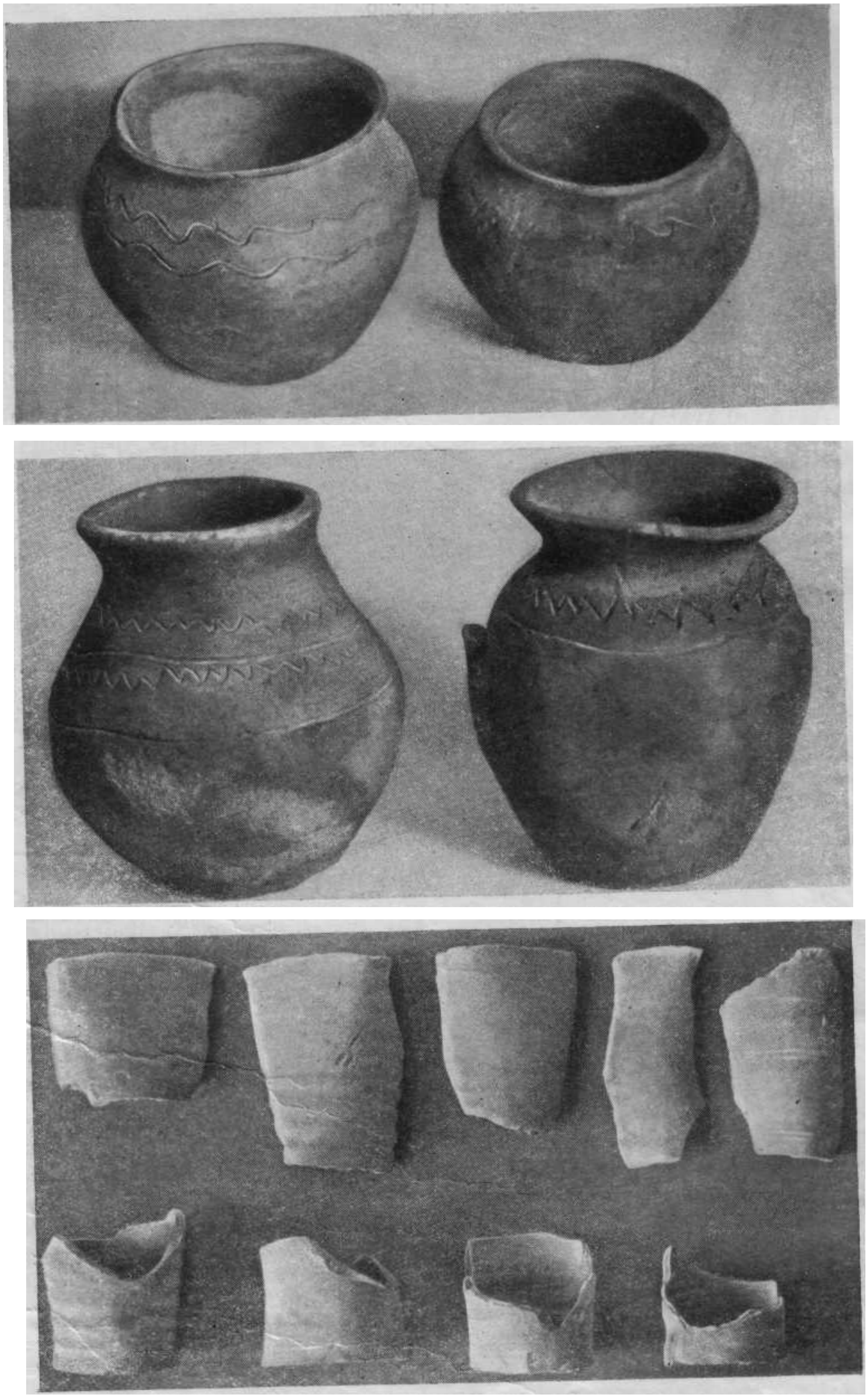

Рис. 91. Горшки и крынки (вверху), обломки керамики из ямы под Верхней церковью (внизу)

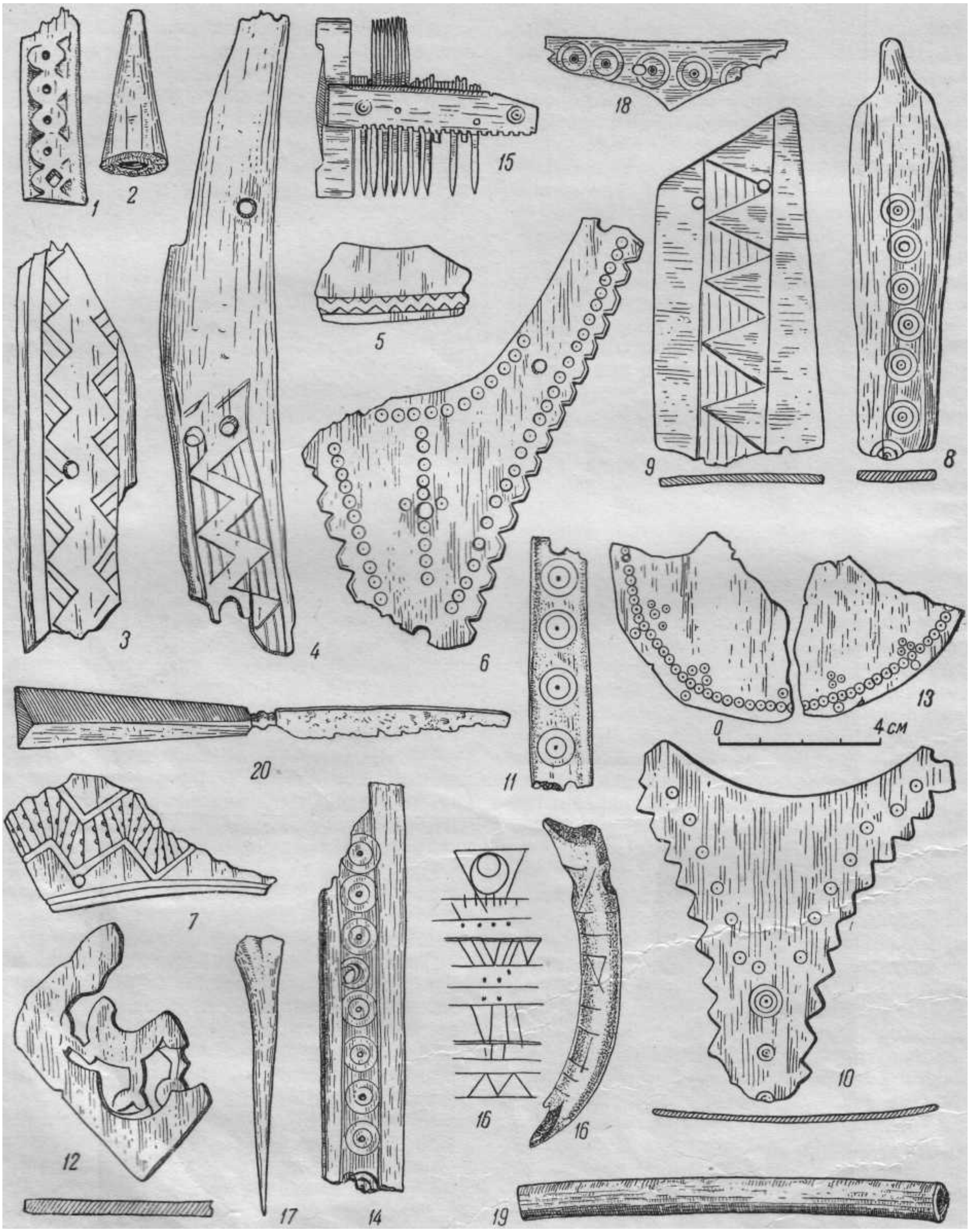

Рис. 92. Изделия из кости

(рис. 93,*4)*. Есть мелкие поделки, изготовленные на токарном станке (рис. 93,5). Орнамент очень изящен и разнообразен (рис. 92). «Глазки» наносились набором циркульков с диаметром от 1—2 до 8—9 мм, с двой-

Рис. 93. Изделия из кости

ным или простым контуром. Подобные кружки большего размера резались и ножом. Так же был распространен зигзагообразный орнамент различных вариантов — в виде простой полоски или широкого бордюра с разделкой каймы разнообразной штриховкой, реже — шахматный узор.

Резьба, полировка, орнаментика исполнены с большой тщательностью и обнаруживают удивительную точность руки и художественное чутье мастера. В этом отношении замечательна ромбообразная прорезная пластинка с фигурой зверя, мастерски обобщенной и вписанной в квадрифолий (рис. 92, *12)*; весьма вероятно, что образцом для этой поделки послужили подобные литые из бронзы изображения типа очень сходной по композиции бронзовой бляхи из Княжой горы[1].

[1] Б. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V, табл XVIII, рис. 352 (в таблице опечатка — 252).

Деревянные вещи представлены бедно, все они домашнего изделия и применения; есть «пральник», подобный описанным выше, кухонная доска для резки продуктов с отверстием в ручке для вешания на гвоздь (рис. 94,*2)*, деревянные игрушки — овальная лопатка (рис. 94,5) и двухголовый «конек» (рис. 94,4).

В слоях литовской поры, как и в ранних, много обрезков кожи — остатков работы местных сапожников. Инструмент сапожника представлен несколькими хорошо сделанными прямыми железными четырехгранными шильями с пяткой (рис. 96, *4—5)*.

Образцы обуви — тех же типов, что и в XI—XIII вв.

Прядение представлено серией пряслиц; среди них еще бытуют единичные шиферные или из серого сланца, есть и глиняные. Найдена деревянная рогуля для прядения, аналогичная изображенной на рис. 29,7 (стр. 66). Сохранился деревянный ткацкий челнок (рис. 94, 1); единственный паспортизованный обрывок ткани аналогичен описанному выше (XII—XIII вв.); это грубое шерстяное «сукно» из пряжи коричневого цвета, тканное в 4 подножки, рисунок в елочку. Из принадлежностей шитья найдены тонкая, хорошо сделанная бронзовая игла (длина 55 мм, толщина 0,75 мм) и бронзовый же наперсток (рис. 96, *6);* вместе с этим употреблялись весьма примитивные костяные иглы (рис. 98, *9—11)*; возможно, что последние принадлежали к обиходу работного люда замка. Здесь же следует упомянуть маленькие пружинные ножницы (рис. 96, 7).

В материале очень слабо представлено мелкое литье. Оно продолжало те же приемы, что и в XII—XIII вв. Об этом говорят обломки маленьких глиняных тигельков и две литейные формы (рис. 95).

1. Крупная (11 X 6 X 3 см) двухсторонняя форма из темного плотного камня; на одной стороне — форма для отливки 10 маленьких круглых бляшек (диаметр 9 мм), частью украшенных кругами из насечек, на другой — для двух сердцевидных бляшек с изображением «процветшего креста» или «знака Рюриковичей». На сколотых углах — гнезда для штифтов; на боковых гранях — черточки для точного соединения формы. При литье форма покрывалась, видимо, гладкой крышкой [1].

[1] В. Голубович указывает на аналогии вещам, отлитым в описанной форме, в поясных бляшках из

2. Обломок четырехсторонней плохо обработанной литейной формы из известняка. На

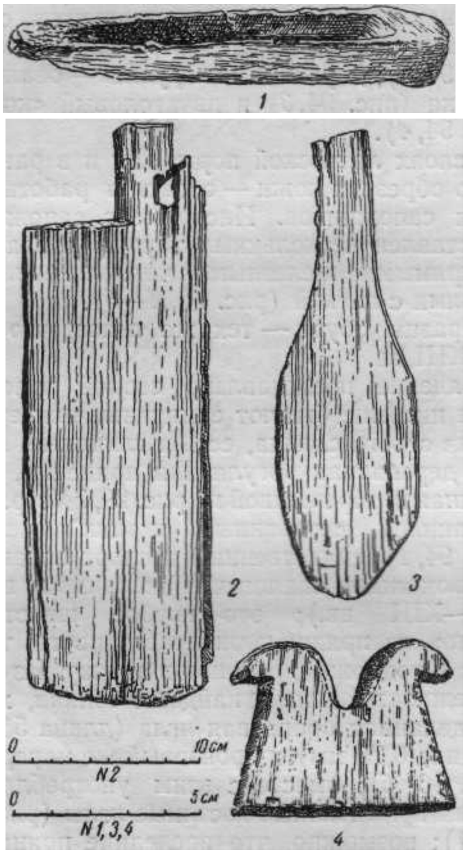

Рис. 94. Изделия из дерева
1 — ткацкий челнок; *2* — кухонная доска для резки продуктов; *3, 4* — игрушки

продольных сторонах в прямоугольных углублениях — формы для отливки плоских бляшек с выпуклым орнаментом: две — в виде круглых розеток, третья — наконечник для пояса с овальным концом, четвертая — прямоугольная с узким отростком, покрытая растительным орнаментом. У двух форм

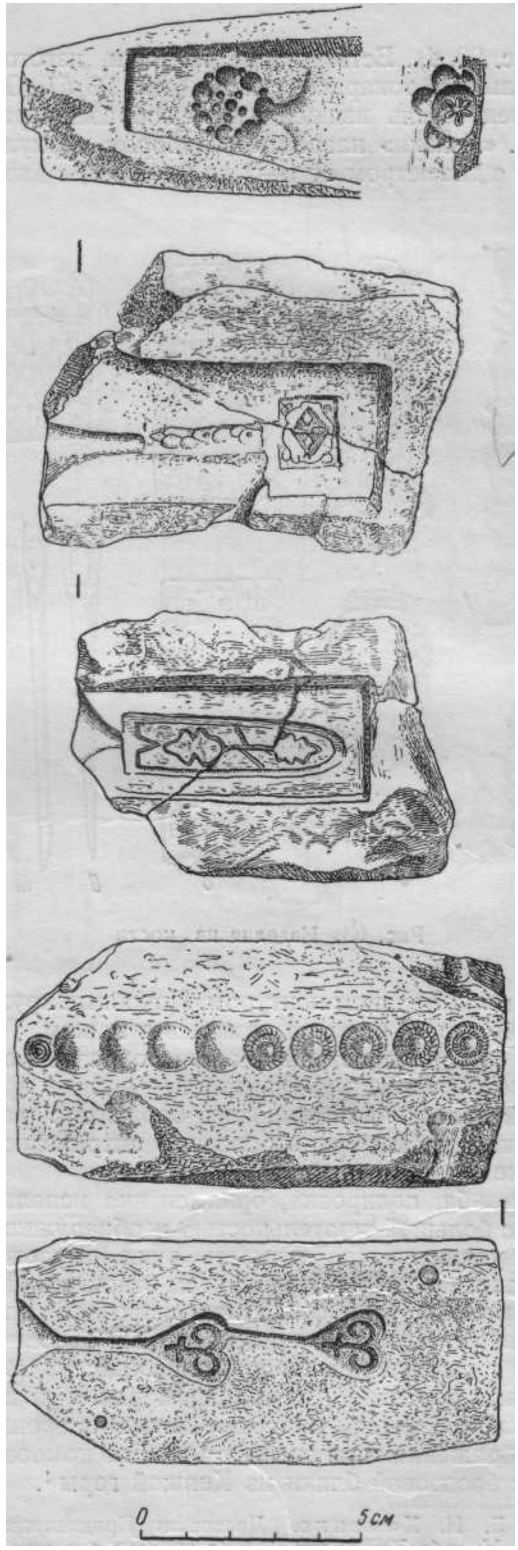

Рис. 95. Литейные формы

погребения ребенка из славянского курганного кладбища в Шо Дисненского района XI—XIII вв. (Голубович, стр. 46). Следовательно, возможно, что эта форма принадлежит к слоям XI—XIII вв. и попала в верхние — более поздние — в результате перекопа. Однако знак на сердцевидных бляшках находит аналогию в знаке на печати 1433 г. внука князя Ольгерда — князя Федька Корибутовича; следовательно, возможна и принадлежность формы к литовским слоям Замковой горы. W. H o ł u b o w i c z. Znaki rodowe..., стр. 576.

сохранились следы воронкообразного литка. Сверху форма прикрывалась, видимо, гладкой крышкой.

Описанные формы представляют и в художественном, и в техническом отношении шаг назад по сравнению с методом разъемных, тонко выполненных «имитационных» форм, введенным киевскими мастерами и усвоенным в Гродно в конце XII — начале XIII в.

Из вещей мелкого литья следует назвать две миниатюрные медные бляшки: одна — в виде головы волка, другая — хорошо передающая львиную морду (рис. 89, *4—5)*.

Повидимому, в числе вещей Верхней церкви или дворца были крупные художественно исполненные вещи из прорезной листовой меди, обтягивающей железный каркас. Один обломок подобного предмета найден в верхнем слое западного участка (рис. 96,21).

Отметим отдельные обычные бытовые и единичные находки. Много железных замков и ключей; преобладают цилиндрические замки старой русской формы и ключи к ним; ключи бородчатые единичны и принадлежат небольшим врезным или висячим замкам (рис. 96, *13—20)*. Так же часты находки обычных черенковых ножей длиной от 6,5 до 12 см; среди них выделяются два ножа из погребения около Верхней церкви; один — с глубоким долом, другой — с зигзагообразным узором (рис. 99, *4*—5). Много точильных брусков разнообразной величины и формы — целых и в обломках. Инструмент слесаря представлен единичной находкой — маленьким молотком-секачом (рис. 96, *8)*. Отметим, наконец, неопределенный предмет — железный кованый треугольник с шипами на концах (рис. 96,*10;* подковка?).

Таков характер и состав вещевых материалов из слоев XIII—XIV вв. на Замковой горе. Как видим, он, при всей его фрагментарности, рисует определенную картину подавленности и некоторого упадка культуры, связанных с тяжелой военной борьбой крепости, с неоднократными опустошениями города и... его окрестностей «псами-рыцарями». Самая случайность и единичность находок говорит о том же. Нужно одновременно сказать, что этот материал не дает указаний на резкую с м е н у одной культуры другой. Мы отмечали не раз сходство описанных материалов XIII—XIV вв. с материалом XI—XIII вв., прочность старых традиций русского города; они упрочивались и тем, что население крепости, ведшее героическую борьбу с немецкими захватчиками, было р у с с к о-л и т о в с к и м населением, равно как русско-литовским был и гарнизон замка.

4

В то время как на территории крепости строились, выгорали и вновь отстраивались деревянные избы и амбары и уровень дневной поверхности Замковой горы быстро поднимался, в центре этой застройки еще возвышались руины стен Нижней церкви, все больше «враставшие в землю». Это сохранение руин на протяжении полутора столетий в условиях маленькой крепости, продолжавшей жить и бороться с врагами, было непонятным. Кирпич руин могли использовать на бытовые и строительные нужды, и стены могли быстро исчезнуть. Этого, однако, не случилось.

Как показали раскопки руин, внутри их стен очень рано начались захоронения, и они стали своеобразной «оградой» маленького привилегированного кладбища (рис. 97).

Над северным нефом Нижней церкви, в щебне ее обвала, в уровне 5,51 м, было встречено наиболее раннее погребение (№4; рис. 98, *2)* девочки 9—10 лет [1]. Голова — на запад, руки скрещены на пояснице. На правой руке, немного ниже локтя,— стеклянный гладкий фиолетовый браслет, на пальце правой руки—медный плетеный перстенек (рис. 99,*3)*; медные окислы прослеживаются и на других пальцевых костях. В нижней части грудной клетки — крошечный кусочек медного украшения (?). На черепе — следы медных окислов и блесток позумента; медные окислы заметны и на плечевых костях. Слева от черепа, несколько выше подбородка,— глиняная бусина. На груди, плечах и под

[1] Данные антропометрического исследования: наибольший продольный диаметр **172;** наибольший поперечный диаметр 125; черепные указатели: 1=72,67 (долихоцефал), 11 = 75,75; наибольшая ширина лба 109, наименьшая — 99; лобный указатель 90,821; высота лица общая 94, верхняя — 56; расстояние от глабеллы до иниона 165; ширина орбиты 35,. высота — 33; орбитный указатель 94,28 (гипсиконх); высота носа 42, ширина — 30; носовой указатель 71,42. Хорошо выраженный европеоидный тип. Исследование костяков из погребений Нижней церкви исполнено М. М. Герасимовым, которому приношу здесь сердечную благодарность.

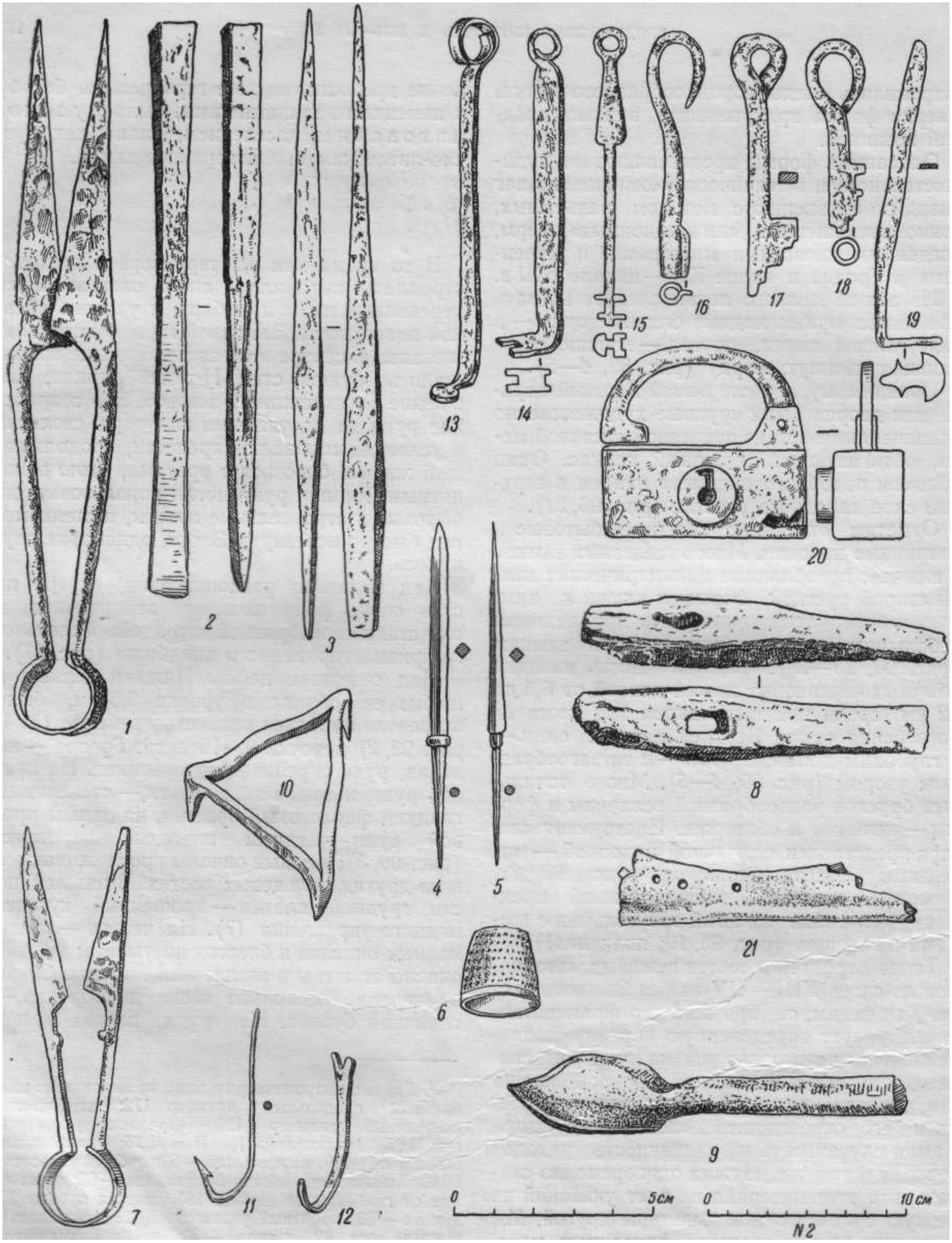

Рис. 96.

1, 7 — пружинные ножницы; 2, *3* — долота; *4, 5* — шилья; б — наперсток; *8* — молоток; *9* — пёрка от коловорота; *10* — подковка (?); 11,12 — рыболовные крючки; *13—19*— ключи; 20 —замок; *21* — обломок предмета из листовой меди на железном каркасе

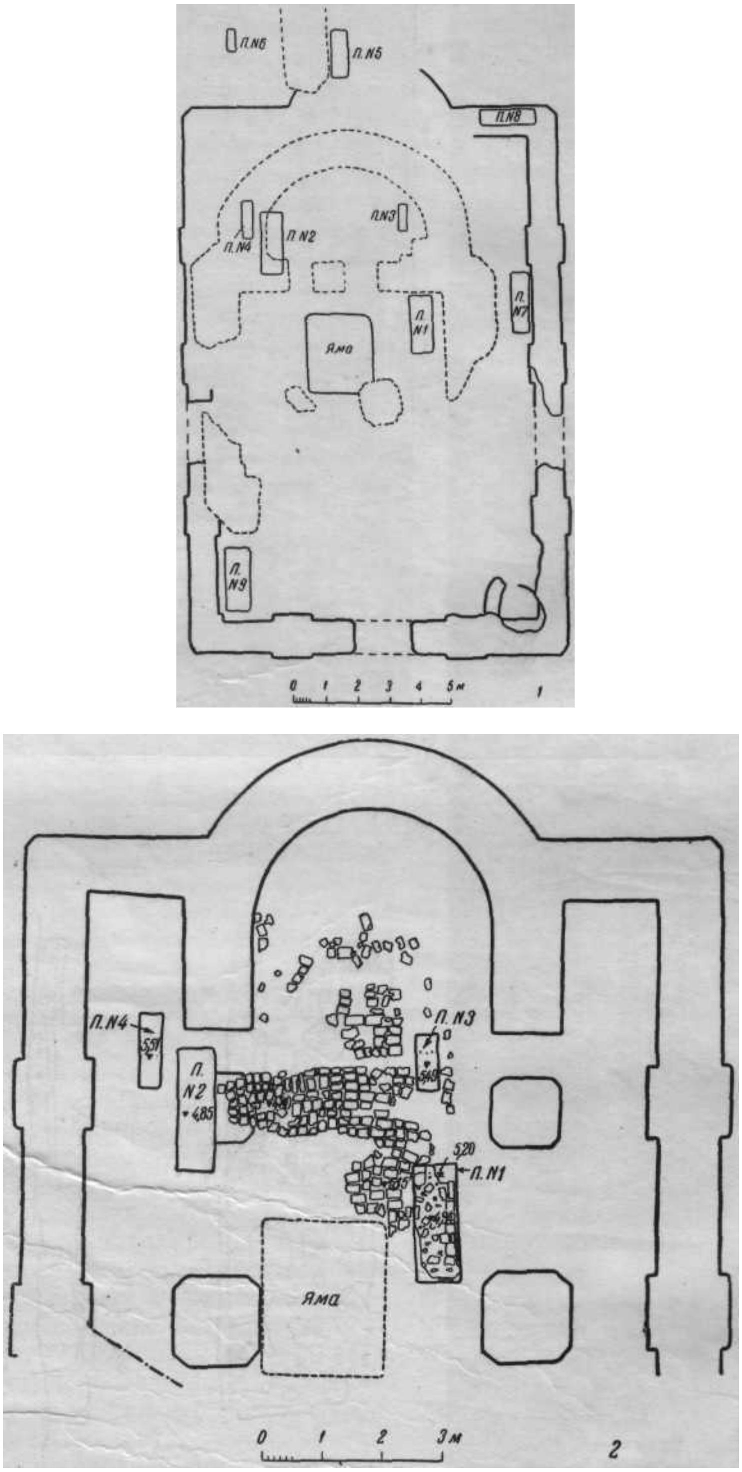

Рис. 97.

1 — схема погребений в их соотношении с Верхней и Нижней церквами; 2 — схема расположения погребений в руинах Нижней церкви и кирпичная вымостка

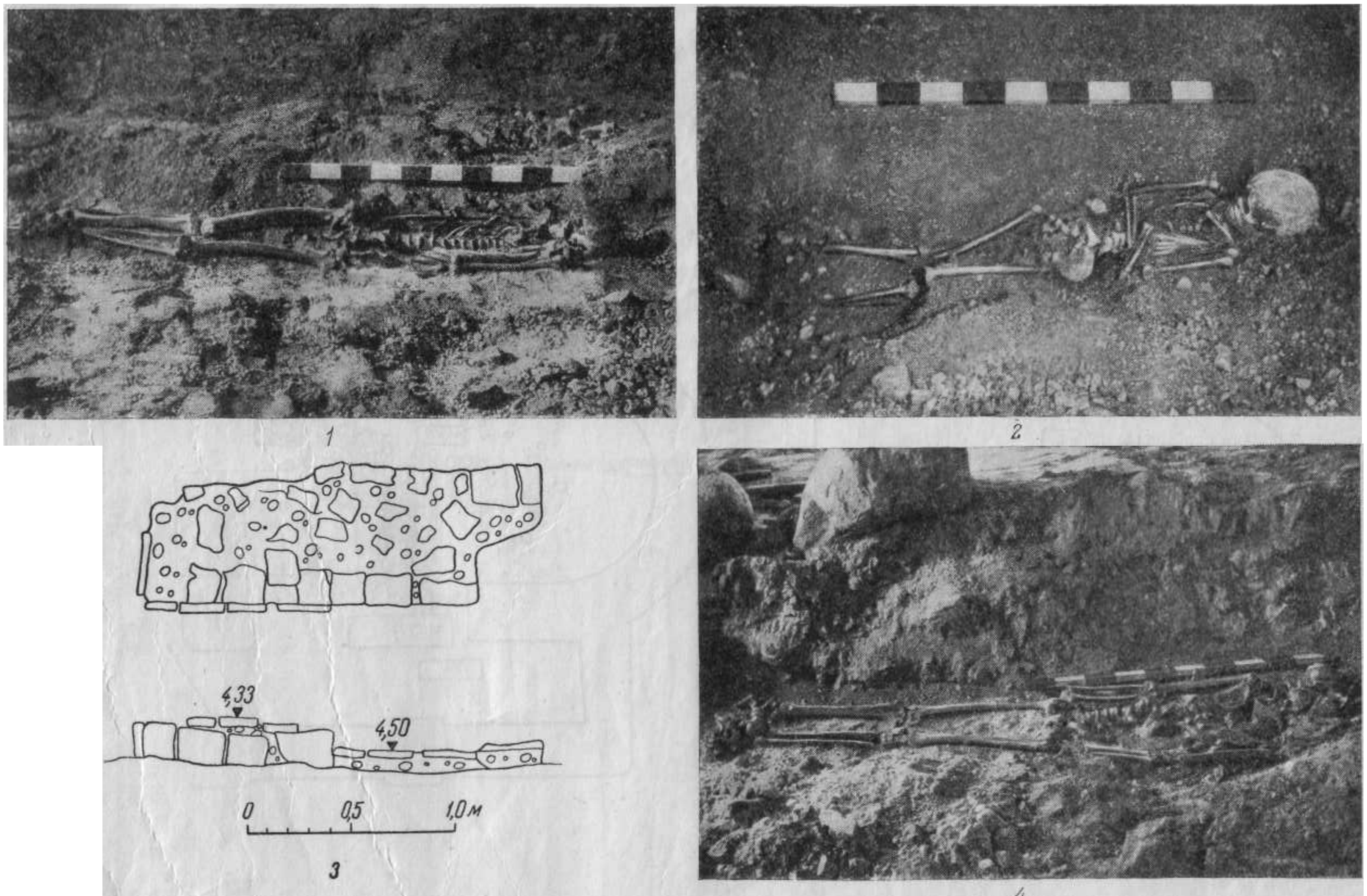

Рис. 98. Кладбище в руинах Нижней церкви

1 — погребение № 2; *2* — погребение № 4; *3* — надгробие погребения № 1; *4* — погребение № 1

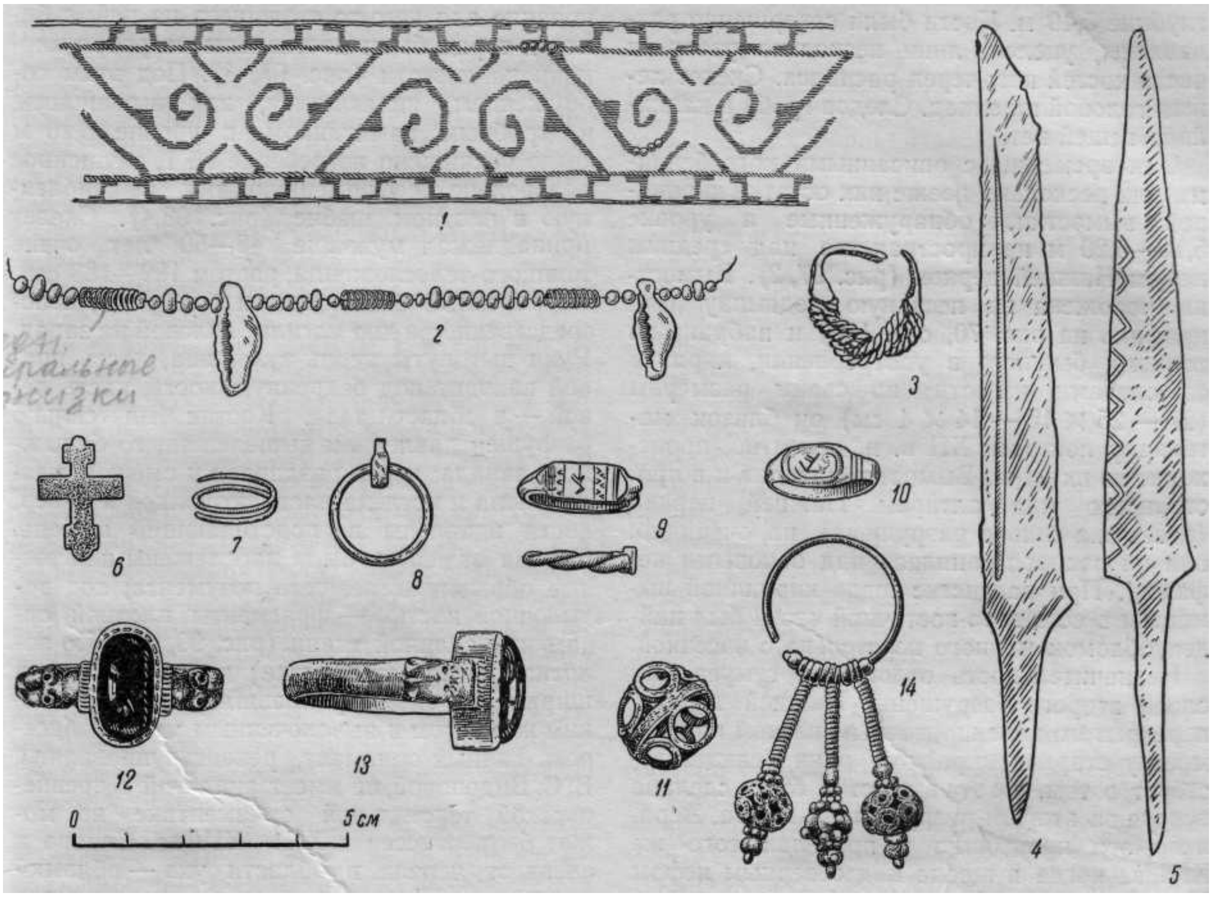

Рис. 99. Вещи из погребений

Погребение № 1: 1 — тканая золотная лента; Погребение № 4: 2 — бусы; 3 — перстень. *4—8* — веши из погребения в руинах западного нефа Нижней церкви. Поздние погребения в Коложской церкви; *9,10* — бронзовые перстни-печати;11 —ажурная бусина (реконструкция); *12, 13* — золотой перстень. *14* — золотая серьга.

шейными позвонками собраны многочисленные мелкие бисерные непрозрачные бусы охристого тона и несколько бус более мелких, фиолетовых. Над обеими ключицами — медные спиральные пронизки, видимо входившие в состав ожерелья (длиной без пронизок 125 см); ниже ключиц — две раковины каури со сверлеными отверстиями, также включавшиеся в ожерелье (рис. 99, *2).* Следов гроба нет. Неглубокая (50—60 см) яма была вырыта непосредственно в щебне руин (около черепа лежал небольшой кусок арочной кирпичной кладки).

Датирующими погребение предметами являются: 1) медный плетеный перстенек, встречающийся в каменных могилах XIII—XIV вв., относимых А. А. Спицыным к древностям Черной Руси[1]; 2) стеклянный браслет, свидетельствующий, что это погребение во всяком случае не позже середины XIII в.; 3) желтые бисерные бусы, известные в сочетании с ажурными бусами «минского» типа из могильника середины III в. в Пожече Дисненского района[2]; 4) положение рук,— скрещенных, а не вытянутых,—указывающее, что погребение христианское (православное).

Возможно, одновременна погребению № 4 детское погребение № 3, прослеженное на

[1] А. А. Спицын. Предполагаемые древности Черной Руси. ЗОРСА (н. с.), т. XI, вып. 1—2, стр. 309, табл. VII.

[2] Археол. кабинет Вильнюсского гос. университета.

глубине 5,49 м. Кости были совершенно раздавлены, уцелело лишь несколько ребер и части костей ног; череп распался. Скелет лежал головой на запад. Следов гроба и каких-либо вещей нет.

Одновременны с описанными погребениями или несколько позже них остатки кирпичной вымостки, обнаруженные в уровне 5,15—5,20 м на пространстве над средним нефом Нижней церкви (рис. *97,2).* Вымостка положена на песчаную подсыпку (см. профиль на рис. 70, стр. 128) и набрана из тонкого, бывшего в употреблении, кирпича со следами извести; по своим размерам (27 — 25 X 15— 14 X 4 см) он близок материалу построек XII в. и, вероятно, происходит из их руин. Вымостка заходит и в пространство над алтарем Нижней церкви (здесь она сильно разрушена), но, очевидно, она не распространялась над боковыми нефами [1]. При расчистке швов кирпичной вымостки в ее северо-восточной части был найден обломок медного перстенька с насечкой.

Незначительность отложения гумуса над слоем второго разрушения Нижней церкви, перекрытого нивелировочным песком под вымостку старым кирпичом руин, свидетельствует о том, что эта вымостка была сделана вскоре за вторым разрушением храма. Вероятно, это произошло в пределах того же XIII в., когда в щебне над северным нефом Нижней церкви была погребена девочка со стеклянным браслетом.

При разрушенности остатков вымостки трудно сказать, для какой цели она была сделана. Возможно, что это остаток пола какой-либо легкой временной часовни или же просто след попытки благоустроить участок руин. Погребения № 4 (девочка) и № 3 (ребенок) никак с вымосткой не связаны.

Вымостка вскоре покрылась новым слоем осыпи руин, в который позже были опущены новые погребения.

В уровне 4,33—4,55 м под юго-восточным углом Верхней церкви была обнаружена крайне разрушенная прямоугольная кладка из тонкого кирпича (27 X 16 X 3,5; 23 X 17 X X 3,5 см), на извести с глиной, длиной около 2 м и шириной около 80 см; в западном конце кладка возвышалась, образуя как бы основание для чего-то стоявшего на ней; с боков и торца были поставлены на ребро кирпичи на извести (рис. 98, *3).* Под этим сооружением, являвшимся, как выяснилось, надгробным памятником, в уровне 5,20 м было расчищено погребение № 1, опущенное в довольно бесформенную яму, выдолбленную в плотном щебне (рис. 98,4). Скелет принадлежал мужчине 45—50 лет очень мощного телосложения, ростом 182—183 см[1]. Погребенный был положен без гроба, непосредственно на дно могилы, головой на запад. Руки вытянуты вдоль туловища, кисть правой заходит под бедренную кость, кисть левой — в области таза. Костяк был сильно разрушен давлением вышележащего булыжного завала; череп раздавлен и смещен, раздроблена и истлела часть позвонков и ребер, кости вдавлены в подстилающий щебень. Справа от черепа были прослежены ничтожные обрывки истлевшего позумента; под затылочной костью — фрагменты плотной орнаментированной ткани (рис. 99, *1).* Это золотная лента (от повязки) длиной 31,5 см и шириной 3 см, сохранившая расшивку мелким жемчугом и вызолоченным мелким, бисером. Тканый орнамент, реконструированный Е. С. Видоновой, не имеет аналогий в древнерусской текстильной орнаментике, но может быть отнесен к XIII—XIV вв. Справа и слева от черепа в области уха — обломки ажурных филигранных подвесок-серег (рис. 99,11). В области ключиц — крошечные обломки двух металлических (медь?)подвесок или нашивок. На пальце левой руки — золотой перстень с негранеными красным камнем, гнездо которого держат по сторонам львиные головы (рис. 99, *12—13).*

На северо-восток от этого погребения, под северо-восточным углом Верхней церкви, на уровне 4,85 м было расчищено погребение № 2, также в яме, вырытой в щебне (рис.98,1). Костяк принадлежал молодому мужчине, не старше 25 лет, погибшему в бою[2].

[1] Кирпич вымостки очень рыхлый, истрескавшийся; местами вымостка прогнута или сильно разбита вышележащим грузом, и уловить ее остатки было почти невозможно.

[1] Плохая сохранность черепа позволяет сделать лишь предположительные заключения — он, видимо, был долихо- или мезокранным. Лицо относительно грацильное, с узким носом. Нижняя челюсть небольшая, относительно легкая. Отмечается значительный кариоз зубов. Костяк принадлежал европеоиду.

[2] Череп крупный, видимо, мезоцефальный; лицо тонкое, грацильное, с высоким выступающим носом; нижняя челюсть небольшая, четкого рисунка, с выступающим подбородком. Череп типично европеоидный. На черепе видны следы ударов, нанесенных тонким вибрирующим клинком, вероятно саблей.

Положение костяка то же, что и в погребении № 1: головой на запад, руки вдоль туловища; труп был положен, видимо, также без гроба, хотя на обломках плинф под костяком прослежены незначительные следы древесного тлена. Кости сильно разрушены давлением вышележащего завала булыжника. Погребение № 2 приходится над III северным столбом Нижней церкви, т. е. его руины к моменту захоронения были уже под щебневой осыпью.

Описанные погребения № 1 и 2 никак не связаны с Верхней церковью, хотя и находятся в кажущейся связи с ее восточной частью. Уровень ее пола 3,15 м; оба погребения значительно ниже него (№ 1 — на 2,05 м, № 2 — на 1,70 м) и оба разрушены завалом скрепленного известью булыжного камня, отрезающим их от храма.

Оба погребения могут быть датированы XIII—XIV вв. Погребение № 2 лишено вещей; труп был положен непосредственно на щебневое дно неглубокой ямы; руки вытянуты вдоль туловища, а не скрещены; это сближает погребение № 2 с описанными А. А. Спицыным могилами Черной Руси; он отметил также, что мужские погребения «сравнительно бедны».

Погребение № 1 по положению костяка, небольшой глубине ямы (от надгробия до дна ямы 60—65 см) и отсутствию гроба сходно с погребением № 2. Вещи из погребения трудно датируемы. Впрочем, ажурные филигранные подвески технически, но не по рисунку, сходны с подвесками из тех же каменных могил [1]. Подобные подвески найдены И. Иодковским при одном из поздних (XIII—XIV вв.) погребений в Коложской церкви (рис. 99, *14*) [2]. Золотые перстни вообще редки в этих погребениях, известен лишь один золотой витой[3]; на перстне интересно присутствие звериных головок, держащих гнездо камня. Известны парные львиные морды на русских пластинчатых браслетах XII—XIII вв.— их истолкование дал Б. А. Рыбаков [1], браслеты и пряжки со звериными или змеиными головками на концах характерны и для прибалтийских могильников IX—XI вв.— их истолкование в свете языческой мифологии Литвы дала Ф. Г. Гуревич[2]. Возможно, что в данном случае перед нами древний мотив.

Кроме описанных погребений, открытых в 1949 г., в руинах Нижней церкви были ещё погребения, обнаруженные раскопками довоенных лет. Одно было найдено И. Иодковским, видимо, в руинах над западным нефом. Известны лишь вещи из этого погребения (рис. 99, *4—8*) [3]. Два упомянутых выше черенковых ножа: один — с хорошо сделанным долом, второй — с орнаментом из треугольников вдоль обуха. Один из них был в кожаных ножнах, сшитых ремешком и украшенных орнаментом из наколотых кругов и линий. Ножны имели бронзовое колечко для прикрепления к поясу. Последний — шириной 4 см — был прострочен по краям. На пальце руки был бронзовый спиральный перстенек, по размерам которого можно заключить, что погребение принадлежало мальчику-подростку. На груди был изящный восьмиконечный крест-тельник, искусно сделанный из серого мрамора.

Другое погребение обнаружено 3. Дурчевским и известно лишь по фотографии с его надписью[4]. Место погребения не известно; возможно, оно было над алтарем Нижней церкви, но «под фундаментами Верхней церкви». Погребение было повреждено при установке опоры перекрытия над участком раскопок. Скелет лежал головой на запад, со скрещенными на животе руками. На нем были «златотканные пояса» шириной 6—7 см[5].

Неясны время и характер «погребения» № 8, обнаруженного И. Иодковским непосредственно над восточной стенкой диаконика Нижней церкви. Скелет лежал необыч-

Один удар рассек правую теменную кость от середины сагиттального шва к затылочному. Длина среза 7 см; от него вниз идет трещина до 4 см длиной. Второй удар клинка прошел по лицу, по открытому рту; на нижней челюсти срублены все зубы от первого ложнокоренного левой стороны до второго коренного правой, а на верхней челюсти — три коренных зуба левой стороны; от удара пострадали венечный и суставной отростки нижней челюсти.

[1] А. А. Спицын. Ук. соч., т. VII, рис. 7.
[2] ГГИАМ, экспозиция.
[3] А. А. Спицын. Ук. соч., стр. 308.

[1] Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА СССР, № 11, стр. 56.
[2] Ф. Д. Гуревич. Украшения со звериными головами из прибалтийских могильников. КСИИМК, вып. XV, стр. 68.
[3] Фонды ГГИАМ, № 3532.
[4] Фонды ГГИАМ, фото № 117 и 118.
[6] Эти погребения, место которых точно не известно, мы не вносим в нашу схему на рис. 97.

но — головой на юг[1]. Судя по вещам, сопровождавшим погребения, кладбище в руинах Нижней церкви было своеобразной усыпальницей местной феодальной знати XIII—XIV вв.

Неясно назначение большой ямы, обнаруженной к северо-западу от погребения № 1 в уровне 4,80 м. Ее очертания близки к прямоугольной форме; размер 2 X 2,65 м. Яма прорезала нижележащий пласт руин Нижней церкви на всю глубину и далее ее — майоликовый пол; дно ямы представляет нетронутая кладка булыжного заполнения под полом Нижней церкви. Яма была засыпана песком и землей, насыщенной большим количеством костей животных и массой обломков керамики. Состав последней весьма своеобразен. Значительную часть обломков представляют не бывшие в употреблении сосуды красного звонкого обжига с узким (7—9 см) дном и узким (10—12 см) горлом; последнее часто имеет угловатую форму, иногда с носиком (рис. 91); судя по количеству обломков (145 от горловин и 37 от днищ), в яме было несколько десятков подобных сосудов. Затем здесь было около 200 черепков кухонной, бывшей в употреблении, посуды: горшков с параллельным и волнистым орнаментом, толстостенных, грубого теста сосудов типа мис. Весьма важно наличие 47 обломков разбитого кувшина черного лощения с вертикальными полосами лощеного узора и обломков с серебристым лощением. Наконец, здесь же — проникшие из слоя руин фрагменты голосников, кирпичи от Нижней церкви, литовские брусчатые (37 X 17X5; 28X14X9 см) и канелированные кирпичи. Кроме того, в заполнении ямы были полуфабрикаты костяных поделок, железные удила (рис. 88, *21)*, костяной наконечник ножен, обломок днища стеклянного флакона с волнистым краем, осколок фаянсовой чашечки, небольшие каменные ядра. Особенно много найдено в яме костей животных:

	Количество костей	Количество особей
Крупный рогатый скот	134	15
Лошадь	36	4
Мелкий рогатый скот	111	21
Свинья	75	12
Собака	5	1
Лось	108	9
Благородный олень	60	9
Косуля	8	4
Кабан	8	2
Зубр	6	2
Птица	80	—

[1] Фонды ГГИАМ, фото № 955 и 960. Остатки этого костяка были найдены в 1949 г. при расчистке траншеи И. Иодковского около восточной стены диаконика; видимо, кости были сброшены вниз.

Судя по составу находок, яма не была связана с погребениями и не имела какого-либо ритуального назначения; единственно, что может быть предположено в этом смысле,— что в яму сбрасывались остатки поминальных трапез и посуды в «родительские дни». Но вероятнее всего, что это была просто мусорная яма, вырытая, когда кладбище было заброшено и забыто. Время этой ямы хорошо определяется находкой черного лощеного сосуда и каменными ядрами — это самый конец XIV в.

Описанное выше кладбище в руинах Нижней церкви и яма, прорезавшая их толщу на всю глубину, были погребены под мощным пластом единовременно сложенного булыжного камня, достигающего глубины 4,5—5,0 м. Местами он был пересыпан щебнем, местами — землей, а частью пролит известковым раствором, образовавшим корку в 10—15 см. Она не представляла сплошной горизонтальной поверхности и образовала лишь отдельные пятна на разных уровнях. Камни достигали 30—75 см в поперечнике, так что с трудом выносились 6—8 рабочими. В этой циклопической насыпи встречались отдельные кости животных. На участке пересечения северной стены Нижней церкви со стеной XVIII в. в уровне 4,20—4,50 м были встречены обломки костей человека, кусочек неопределенного медного предмета и медный перстенек. Видимо, навал камня нарушил ряд могил. В завале встречались также единичные черепки голосников Нижней церкви, но не было никаких остатков ее разрушенных стен.

Как мы отмечали выше, слои пожара 1398 г. частично перекрывали руины Нижней церкви, спускаясь на них с востока. Следовательно, к концу XIV в. этот участок был несколько ниже окружающей застройки. В связи с этим при восстановлении Старого замка Витовтом пространство Нижней церкви было сильно поднято путем засыпки его булыжным камнем; местами за-

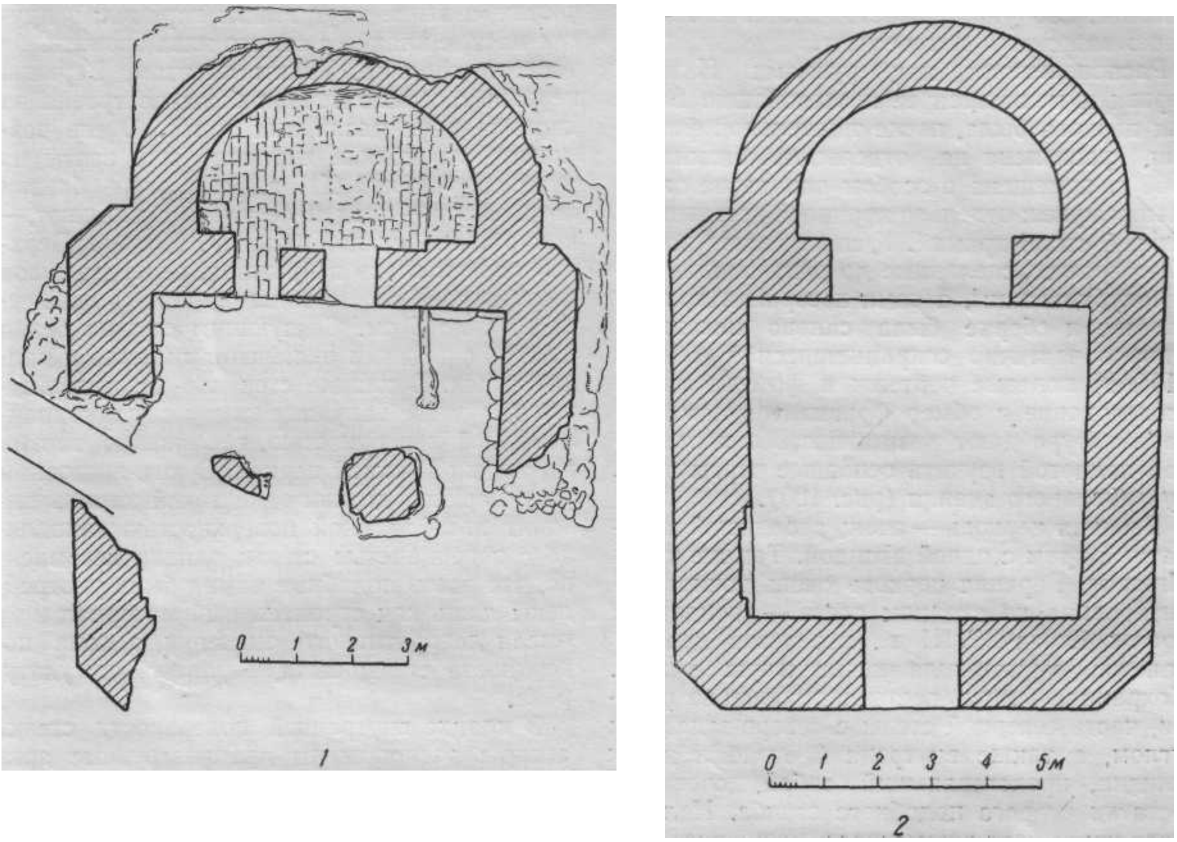

Рис. 100. Верхняя церковь
1 — план; 2 — реконструкция плана

вал был пролит известковым раствором и образовал возвышенную платформу. Эта платформа и явилась фундаментом новой постройки — Верхней церкви.

Как усыпальница в руинах Нижней церкви, так и установка над ними новой замковой капеллы свидетельствуют о почитании в XIV—XV вв. места древнего русского храма и стремлении сохранить память о нем.

5

Изложенная выше история руин Нижней церкви и датировка погребений возникшего здесь своеобразного феодального кладбища предрешают вопрос о датировке Верхней церкви [1].

Впервые открывший в августе 1933 г. этот памятник И. Иодковский датировал его серединой XIII в.— «временем Миндовга» [1]. 3. Дурчевский считал, что церковь построена в XIII в., и считал возможным относить ее даже к «русскому времени» [2]; также к середине XIII в. относил памятник Я. Войцеховский [3]. В своем предварительном отчете, опираясь лишь на место памятника в стратиграфической шкале слоев Старого замка выше уровня мостовой времени Витовта, мы отнесли Верхнюю церковь к строительству конца XIV в.— начала XV в. [4] Это предположение подтвердилось' последующими исследованиями, и мы можем с полным основанием говорить о Верхней церкви как о редчайшем памятнике литовского зодчества эпохи

[1] Настоящая глава написана совместно с П. А. Раппопортом, которому принадлежат изучение, обмер и описание Верхней церкви.

[1] GW, стр. 14.
[2] DSZ, стр. 4.
[3] SZ, стр. 130, прим. 1.
[4] Н. Н. Воронин. Раскопки в Гродно, стр. 148.

Витовта. Его уникальность делает его особенно важным и интересным.

Расположенная над руинами Нижней церкви и мешавшая ее исследованию Верхняя церковь была, после тщательной фиксации, распилена на отдельные блоки и в 1939 г. помещена в особом павильоне около здания музея; отдельно хранился реставрированный столб храма 1. К сожалению, обмерные чертежи, сделанные до разборки, не были опубликованы, а сама постройка при перевозке и сборке была сильно искажена. Однако частично сохранившиеся в фондах ГГИАМ полевые чертежи и фото, а также исследование и обмер фрагментов памятника в натуре дают возможность с достаточной полнотой изучить основные черты этого оригинального здания (рис. 100).

Верхняя церковь — очень небольшой квадратный храм с одной апсидой. Так же как и Нижняя, Верхняя церковь очень точно ориентирована по странам света — апсидой на восток. Стена XVIII в., перерезав церковь наискось, уничтожила значительную ее часть. Сохранились лишь восточная половина церкви, часть северной стены с северо-западным углом, а также внутренний столб и кусок кладки, представлявший собой, очевидно, остатки второго подобного столба. Наличие трех углов дает возможность точно восстановить первоначальные размеры памятника.

Верхняя церковь представляет в плане квадрат размером 8,8 м (по наружным сторонам) с сильно срезанными углами. План не вполне правилен — стены разной толщины и не строго параллельны друг другу: апсида, имеющая ширину, равную почти всей ширине церкви, слегка эллипсовидна. Стены сохранились на высоту 1 — 1,5 м, в апсиде частично уцелел выложенный из кирпича пол. Фундамент, сохраненный при разборке, сложен из 2—3 рядов булыжника; кладка стен кирпичная, с заполнением середины стены также булыжником. В кладке приблизительно поровну употреблены два сорта кирпича —• тонкий кирпич (размером от 28Х17Х4'/2 до 29Х20Х6 см; отдельные кирпичи имеют значительно большие размеры — до 36 см) и гораздо более узкий и толстый «брусковый» кирпич (размером от 30 Х 15 Х Х7 до 31Х16Х8 см). В некоторых участках толстые кирпичи употреблены в нижних частях, а выше идут тонкие кирпичи; в других местах кладка с самого низа сложена из тонкого кирпича. Таким образом, Верхняя церковь с самого начала была построена из кирпича двух различных типов. Очень возможно, что тонкие кирпичи были взяты из руин сооружений XII в. (они очень близки по размеру,— хотя и не точно совпадают,— к кирпичам южной башни). Кладка Верхней церкви очень небрежная, перевязь швов соблюдалась плохо; толщина швов колеблется от 1 до 5 см. Связующим служит белая известь с редкими включениями песка и мелких галек. В кладке стен кое-где использованы крупные валунные камни с гладко шлифованной поверхностью, несомненно взятые из кладки Нижней церкви. В юго-восточном углу Верхней церкви один такой камень выходит шлифованной поверхностью заподлицо с поверхностью стены; однако несомненно, что здесь подобные камни были употреблены лишь как строительный материал и не имели декоративного значения, а сама поверхность стены была, вероятно, оштукатурена.

В кладке внутренней поверхности стенки апсиды расположены две разгрузные арки толщиной в 1 кирпич и кое-где в 2 кирпича (рис. 101); назначение этих арок непонятно, так как никаких проемов в[1] стенке апсиды не имеется. Выше северной арки сохранилась нижняя часть ниши, глубиной 42 см. Снаружи апсиды частично сохранился довольно высокий цоколь, имевший в плане прямоугольное очертание и представлявший собой как бы «пьедестал» под апсидой.

Некоторые части Верхней церкви по технике кладки отличаются своеобразием. Так, внутренний столб, имеющий в плане крестчатую форму со срезанными углами, сложен из кирпича, имеющего, как правило, меньший размер, чем кирпич самой церкви (от 22Х14Х4 до 24Х16Х5'/2 см). Столб этот был обнаружен при раскопках в таком катастрофическом состоянии, что в 1937 г. его пришлось совершенно заново переложить на железобетонной основе и перенести в здание музея'. При этом были использованы древние кирпичи, а в швах снаружи был оставлен древний раствор, представлявший собой белую известь с незначительной добавкой песка. Кирпичи в кладке этого столба не

[1] Spraw., стр. 26.

[1] Spraw., стр. 26.

Рис. 101. Верхняя церковь. Северная часть апсиды

могли быть взяты из разобранных более древних сооружений, так как для кладки срезанных углов столба применены лекальные кирпичи, имеющие форму, явно предназначенную именно для этих углов. Разница в размере кирпича, а также совершенно случайное положение столба по отношению к зданию — его стороны не согласованы с направлением основных стен церкви — позволяют предположить, что этот столб не относится ко времени постройки Верхней церкви, а является более поздней добавкой. Другим участком, отличающимся по технике кладки, являются два «столба», отделяющие апсиду от основного помещения церкви. Северный из этих столбов стоит изолированно, а южный примыкает (без перевязи швов) к пилону основной кладки. Кирпич этих двух столбов такой же, как более тонкий сорт кирпича самой церкви, но раствор в кладке насыщен мелкими кусочками битого кирпича. Сама кладка столбов гораздо правильнее и аккуратнее, чем кладка стен основного здания, и швы здесь имеют толщину в 2—3 см. Применение битого кирпича в растворе является чертой, характерной для русского зодчества домонгольской поры, хотя здесь данные участки являются явной «доделкой» уже после постройки Верхней церкви[1].

Если отбросить те участки кладки, которые, таким образом, определяются, как не относящиеся ко времени постройки основного сооружения, то первоначальный план Верхней церкви можно схематически рекон-

[1] Раствор с примесью цемянки известен в ряде построек XIV—XV вв. (Зимно, Острог, Лавров, Дермань). Этими данными я обязан Г. Н. Логвину, которому приношу здесь сердечную благодарность.

струировать как очень простое квадратное помещение без столбов, с одной большой апсидой (рис. 100, *2),*

Подобный тип малой квадратной бесстолпной церкви является характерным для древнерусской архитектуры, в то время как в западноевропейской архитектуре маленькие бесстолпные капеллы, как правило, имеют удлиненную, а не квадратную форму. В частности, среди памятников русского домонгольского зодчества к тому же типу, как Верхняя церковь, относятся Ильинская церковь в Чернигове[1], а также церковь в Переяславле-Южном[2]. Однако Верхняя церковь не просто повторяет распространенный в XII в. тип русской бесстолпной церкви, но имеет свои особенности. Таковы, например, срезанные наружные углы здания, не имеющие аналогий в архитектурных памятниках Других областей Руси, но точно повторяющие прием Нижней церкви и Коложского храма.

Возможно, что первоначально Верхняя церковь имела деревянное перекрытие, как это было в «Остерской божнице», где верх был «нарублен деревом»[3]. Позже, в связи с устройством сводчатого перекрытия на нервюрах[4], повидимому, и были введены крестчатые столбы и «столбы» перед апсидой.

Вероятно, от покрытия Верхней церкви происходят фрагменты красной, хорошо обожженной черепицы (рис. 102,*1)* в виде плоских прямоугольных пластин (ширина 15 см, толщина 2 см), закругленных с одной стороны и с закрепляющим выступом (размером 4,5 см) на противоположном прямоугольном конце.

В верхних слоях осыпи вокруг Верхней церкви, а также в щебне кладки окружавшей ее стены (о ней ниже) встречались декоративные крестообразные кирпичи, из которых выкладывались или украшения карниза, или завершения каких-либо настенных парапетов или фронтонов (рис. 102,2). На некоторых из этих кирпичей прочерчены знаки в виде крестика, напоминающие своим исполнением по сырой глине знаки стенного кирпича времени Витовта (см. рис. 106а—106в, стр. 192—194). Подобные кирпичи встречались около южной башни XII в. и крепостной стены замка вместе с брусчатым стенным кирпичом.

К северо-востоку от Верхней церкви, примерно совпадая с нею по нивелировочным отметкам, находился остаток стены неизвестного назначения (рис. 103); ее западный конец поднимался до уровня 1,66 м, к востоку стена полого опускалась до уровня 2,41 м. Длина стены более 7м, ширина в среднем 1,50 м. Кладка — аналогичная кладке стен замка Витовта — представляла чередование валунного камня с рядами брусчатого кирпича, частью поставленного на ребро, на чрезвычайно прочном известковом растворе [1]. Глубина фундамента достигала отметки 4,90—5,0 м; он был сложен из валунов и кирпичного лома, залитых известью. Этот кусок стены шел по оси Верхней церкви и подходил к ее апсиде. Далее сохранился лишь вскрытый раскопками фундамент, шедший на протяжении 8 м на север и затем снова поворачивавший к западу (сохранившаяся часть — длиной 5 м). Видимо, это остатки весьма монументальной ограды Верхней церкви, представлявшей как бы маленькое укрепление внутри замка[2].

В черте ограды к югу и, вероятно, к западу от Верхней церкви было вскрыто много скелетов (с южной стороны около 30). По мнению И. Иодковского, это было кладбище[3]. 3. Дурчевский полагал, что это не погребения, а останки защитников крепости, погибших во время одной из осад города в конце XIV в. (один из скелетов сохранил впившуюся в кость стрелу арбалета)[4]. К этому кладбищу относилось и погребение № 5, случайно уцелевшее в осыпи с юга от остатка ограды Верхней церкви (рис. 97, 1) и крайне разрушенное опорным столбом перекрытия территории раскопок[5]. Погребения были обнаружены и к западу от Верхней

[1] П. Лашкарев. Церкви Чернигова и Новгород-Северска. ТАС XI, т. 2, М., 1902, отд. II, стр. 157—159.

[2] П. Лашкарев. Церковно-археологические очерки. Киев, 1898. стр. 221 и рис. к стр. 225.

[3] ПСРЛ, т. II, стб. 446.

[4] SZ, стр. 140.

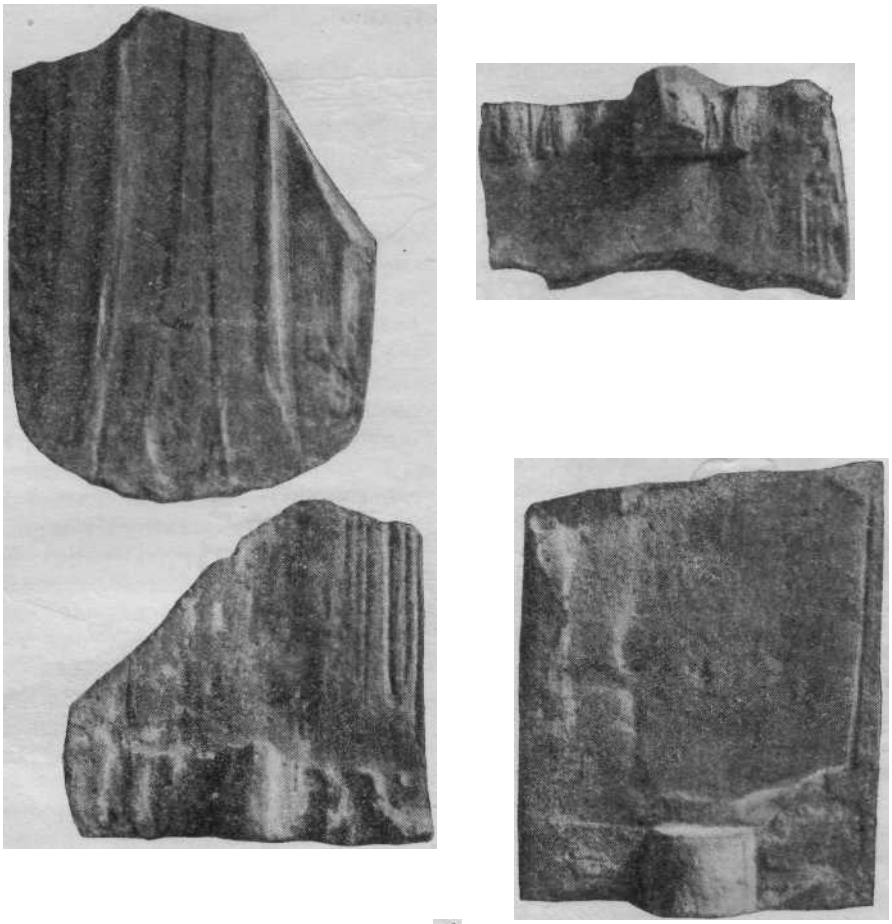
[1] Подобная кладка имеется в донжоне Трокайского замка.

[2] Я. Войцеховский датировал остатки описанной стены XV—XVI веками и считал их остатками хозяйственной постройки, возникшей уже во время существования Нового замка, когда Старый замок стал играть роль фольварка при нем (SZ, стр. 140).

[3] GW, стр. 14.

4 DSZ, стр. 9—10, 12.

[5] Костяк принадлежал женщине 32—35 лет, ростом не менее 175 см. Череп небольшой, массивный, с сильным рельефом, резко выступающей глабеллой

1

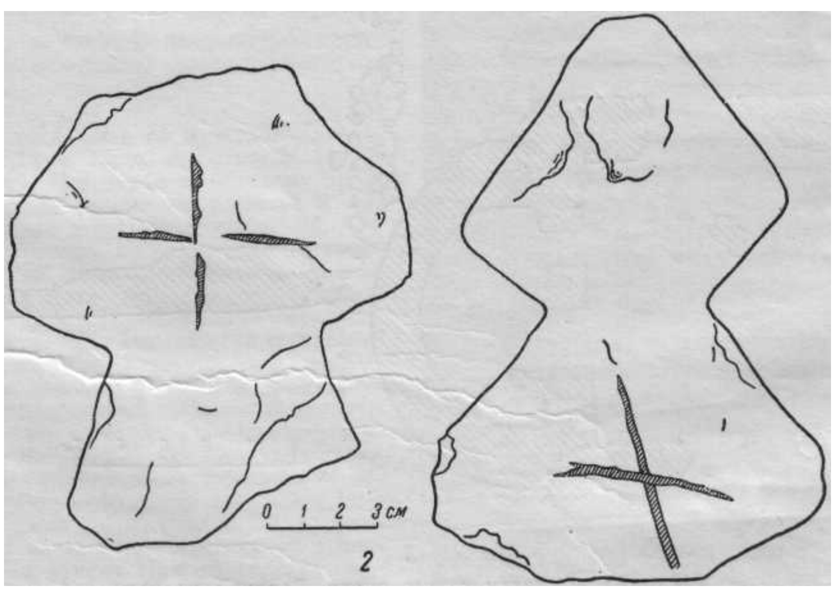

Рис. 102.

1 — обломки кровельной черепицы; 2 — фигурные кирпичи

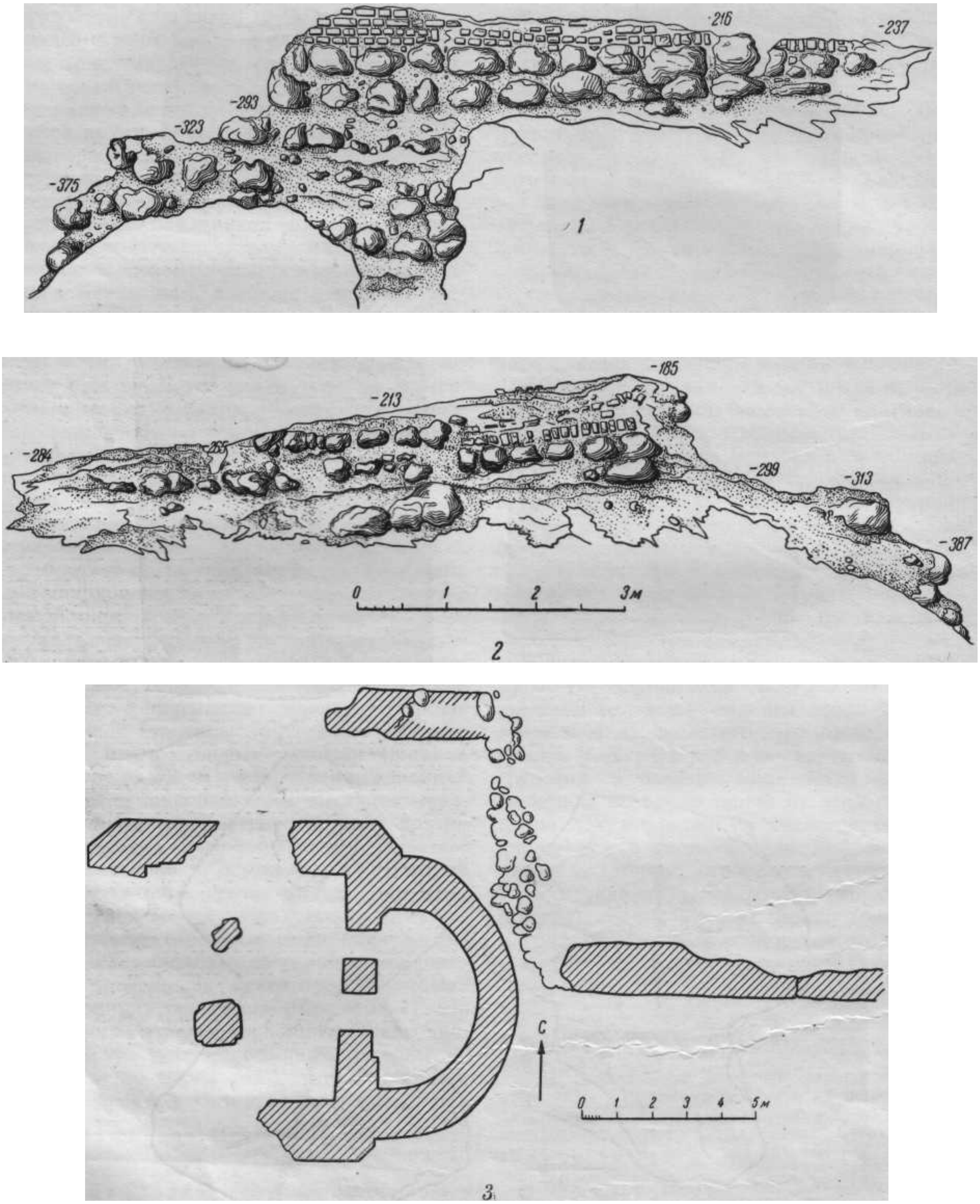

Рис. 103. Остатки стены около Верхней церкви

1 — южный фасад; 2 — северный фасад;
3 — схема расположения ограды и Верхней церкви

церкви в квадратах 58 и 48 западного участка на глубине 5,0—5,35 м [1].

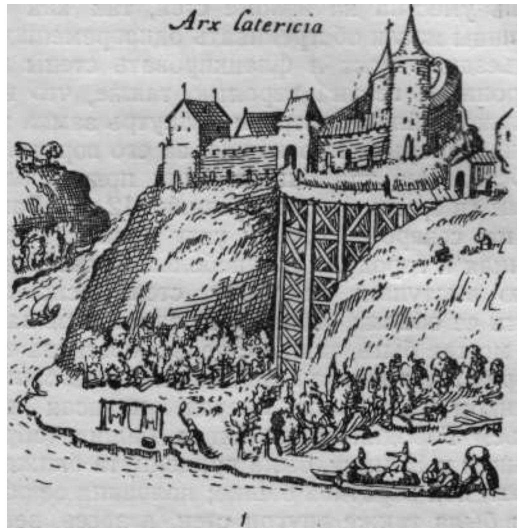
Постройка Верхней церкви и ее ограды была лишь маленьким эпизодом в огромном строительстве твердынь замка, охвативших каменным поясом плато Замковой горы.

Внешний облик замка Витовта уже с некоторыми изменениями запечатлен на гравюре Матвея Цюндта 1568—1572 гг., где Замковая гора представлена до начала строительства Стефана Батория (рис. 104,*1)*. Данные этой гравюры пополняются и уточняются археологическими раскопками 1932—1936 гг., вскрывшими остатки фундаментов стен замка (рис. 104,2) [2].

Замок был весьма мощным оборонительным сооружением. Его стены, вторя периметру Замковой горы, образовали в плане неправильный треугольник, обращенный вершиной к устью Городничанки; его основание, следуя излому края холма, имело ломаную линию. Стена, выходившая на Неман, была длиной около 120 м, обращенная к Городничанке — 90 м; восточная стена складывалась из двух частей: обращенной к городу — длиной около 46 м и угловой юго-восточной, с выездными воротами,— около 24 м.

Ворота помещались в квадратной башне, примыкавшая часть моста была подъемной. Под воротной башней была подземная тюрьма.

Оборона ворот обеспечивалась, кроме башни над проездом, стоявшей на изломе восточной стены и сильно выдвинутой впе- ред круглой высокой башней, резко выделявшейся в ансамбле замка своим господствующим положением и отличавшейся своей

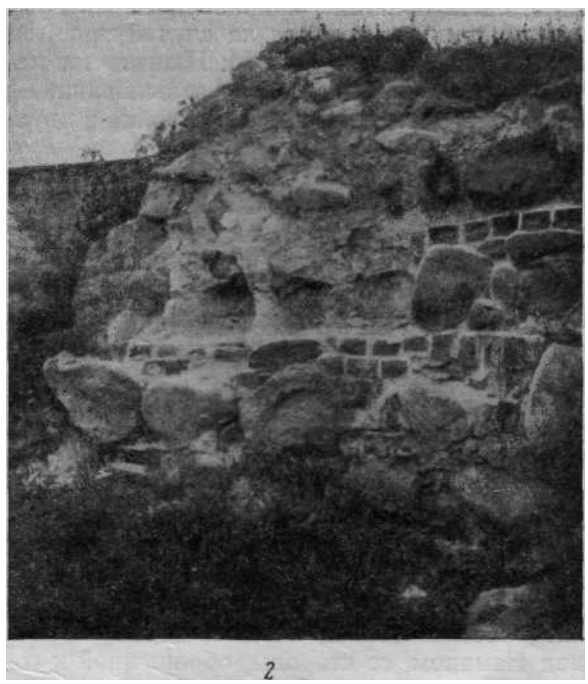

Рис. 104.
1 — Гродненский замок по гравюре М. Цюндта;
2 — кладка стен замка

круглой формой от остальных, более низких прямоугольных башен. Весьма вероятно, **что** она и была тем самым «столпом» «пред вра-

и высоким корнем носа. Судя по фрагментам, глазницы высокие, округлые. Лицо, вероятно, не широкое, средней высоты. Нос (судя по нижнему краю грушевидного отверстия и степени развития и направлению подносового шипа) был массивный, широкий, сильно выступающий. Нижняя челюсть с очень отчетливыми гребнями восходящей ветви и сильно выступающим подбородком относительно массивна, что, однако, гармонирует с массивностью черепного свода и всего скелета. Ярко выраженный европеоидный тип. Возможные, при разрушенности черепа, антропометрические данные: расстояние от глабеллы до иниона 176; наибольший продольный диаметр 178, поперечный—136; черепной указатель I—76,40 (субдолихоцефал), II — 77,27; наибольшая ширина лба 111, наименьшая — 94; лобный указатель 84,68; расстояние между P_2P2 — 49.

[1] Они известны лишь по плану слоя I и, возможно, были крайними западными погребениями времени «усыпальницы» в руинах Нижней церкви.

[2] Характеристику замка Витовта даем по работе проф. Я. Войцеховского. SZ, стр. 136—142.

тами градными», который был сооружен волынскими князьями в XIII в. и уцелел до времени Витовта, войдя в состав его нового замка (рис. 105) [1]. Круглая башня была очень уместна на изломе стен, так как ее бойницы могли обстреливать одновременно и подъездной мост и фланкировать стены по сторонам[2]; весьма вероятно также, что несколько бойниц смотрели и внутрь замка на случай прорыва противника за его ворота.

Остальные три башни были прямоугольными (в среднем в поперечнике 12 м). Башня на северо-восточном углу замка, обращенная к городу, лишь небольшой своей частью выступала за черту стен; основная часть ее объема была обращена внутрь замка, может быть, также с целью обстрела его двора. Напротив, угловая западная башня целиком выступала вперед, нависая над устьем Городничанки. Пятая башня, обращенная к Неману, была придвинута ближе к проездной воротной башне; половина ее объема была также внутри стен, и здесь, вероятно, были бойницы, направленные на арку замковых ворот изнутри на случай прорыва противника. На гравюре М. Цюндта на месте этой башни,— вернее, на ее основании,— возвышается позднейшая надстройка с двухскатной кровлей.

От этих башен сохранилось очень мало. Проездная башня была, вместе с круглой, уничтожена при строительстве Стефана Батория; западная угловая башня уже в XVI в. лежала в руинах (ее нет на гравюре М. Цюндта), от нее сохранились ныне лишь части фундаментов; раскопками были обнаружены также части оснований южной башни над Неманом и часть стен северо-восточной башни с двумя бойницами и следом винтовой лестницы.

Стены толщиной до 3 м, подпертые мощными контрфорсами, завершались защищенной зубчатым бруствером боевой площадкой, покрытой деревянной кровлей. От них также сохранились лишь части фундаментов и нижние участки стенной кладки — около башни над Неманом, со стороны, обращенной к городу (под дворцом Стефана Батория). Лицевая кладка стен — из рядов валунов, выровненных рядами кирпичной кладки (размер кирпича 8 — 8,5X12—13X27 — 28 см), выложенной точками.

К восточной стене замка между круглой и северо-восточной башнями примыкал дворец Витовта (собственно стена дворца заменяла здесь крепостную стену); со двора замка сюда вводил портал входа, второй этаж сообщался также с круглой башней и, видимо, имел выход к башне проездной. Размеры дворца приблизительно 45 X 10 М.

Между южной и западной башнями сохранились подземные части примыкавшей к стене сводчатой кирпичной постройки (возможно, арсенала?).

Напротив этого здания в центре замкового двора стояла описанная выше замковая капелла — Верхняя церковь, повидимому, окруженная каменной оградой.

Так выглядел замок, выстроенный Витовтом (рис. 105, *2).*

Отметим некоторые существенные детали этого строительства.

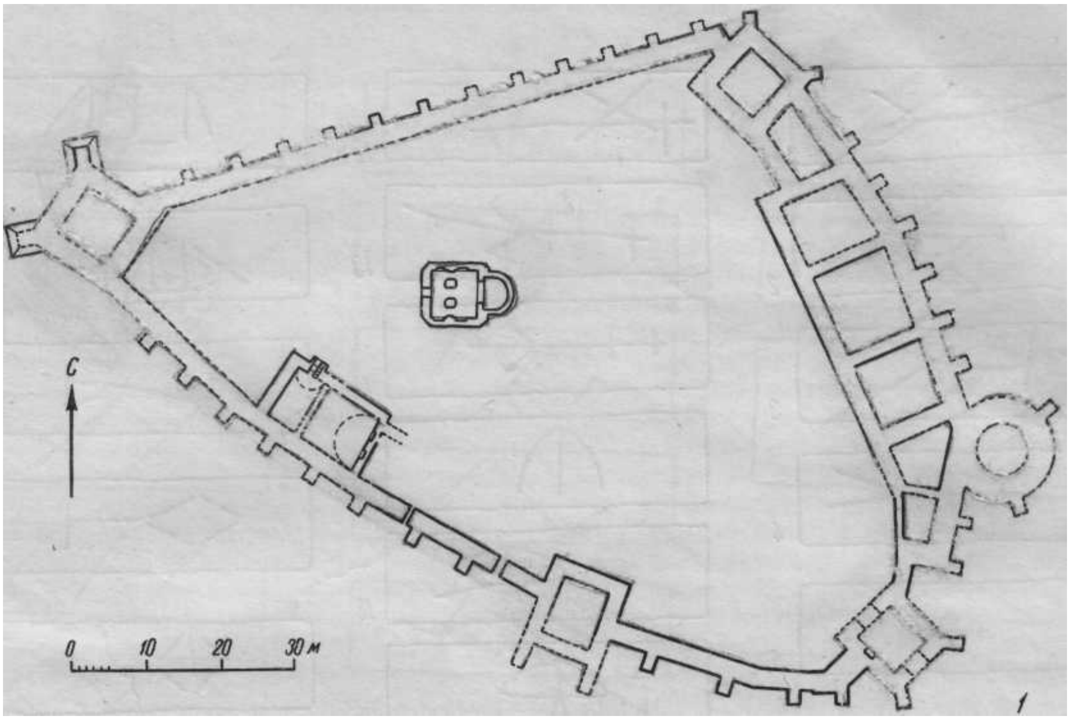
Как мы говорили выше, связанный с ним I слой западного раскопа содержал значительные скопления старой плинфы из разобранных построек XII в. (может быть, башен) вместе с новым брусчатым кирпичом. Из обоих сортов кирпича сложена «печь» в этом слое. Оба сорта кирпича присутствуют в кладке Верхней церкви. Плинфа встречается спорадически также в кладке стен замка Витовта. Очевидно, кирпич из руин XII в. сознательно выбирался, очищался и использовался в новом строительстве. Возможно также, что изготовлялся и новый кирпич по старым образцам. Любопытно, что новый брусчатый кирпич еще не приобрел единства масштабов. Так, кирпич стен замка Витовта отличается по размерам от кирпича Верхней церкви (его величина от 26 X 11 X 8 см до 28 X 13X9,5 см).

Зодчие XIV—XV вв., повидимому, внимательно присматривались не только к формам старых русских построек, но и к их технике; в этом смысле примечателен цемяночный раствор в «столбах» перед алтарем Верхней церкви. Кладка стен замка с обильным применением валунного камня близка технике средневековых замков Прибалтики[1], но

[1] Ср. возражения Я. Войцеховского—SZ, стр. 137, прим. 1.

[2] Постановка «круглых» гранных башен на углах крепостей и на изломах стен была характерна для средневекового крепостного зодчества, в частности русского.

[1] A. Tuulse. Die Burgen in Estland und Lettland. Dorpat, 1942, рис. 66, 139, 197, 220 и др.

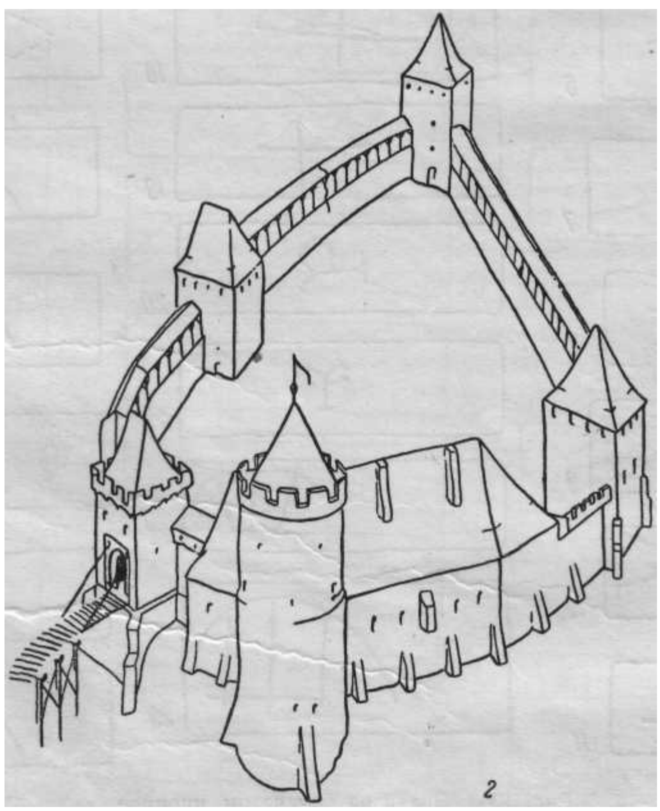

Рис. 105. Замок Витовта

1 — план; 2 — общий вид (реконструкция; по Я. Войцеховскому)

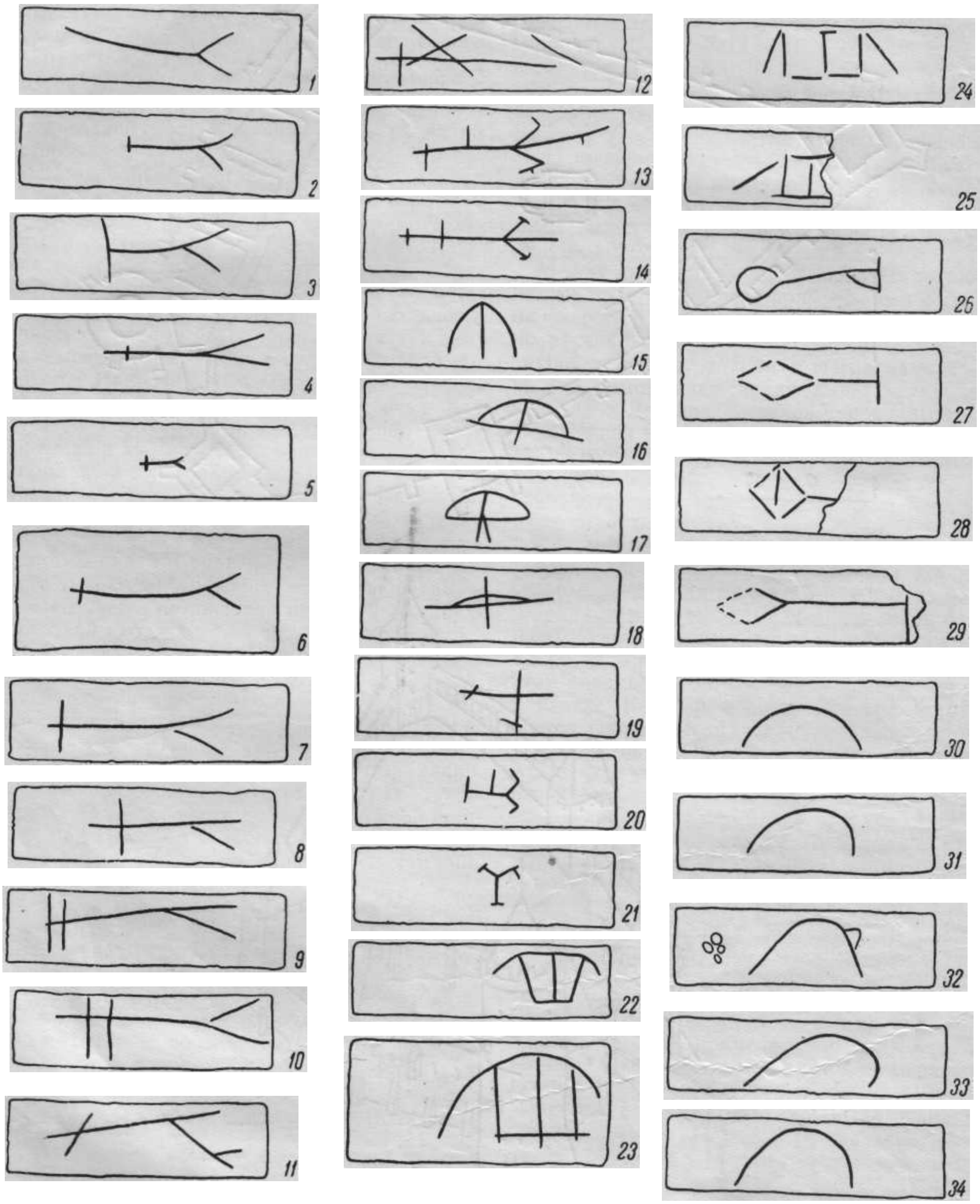

Рис. 106а. Знаки на брусчатом кирпиче

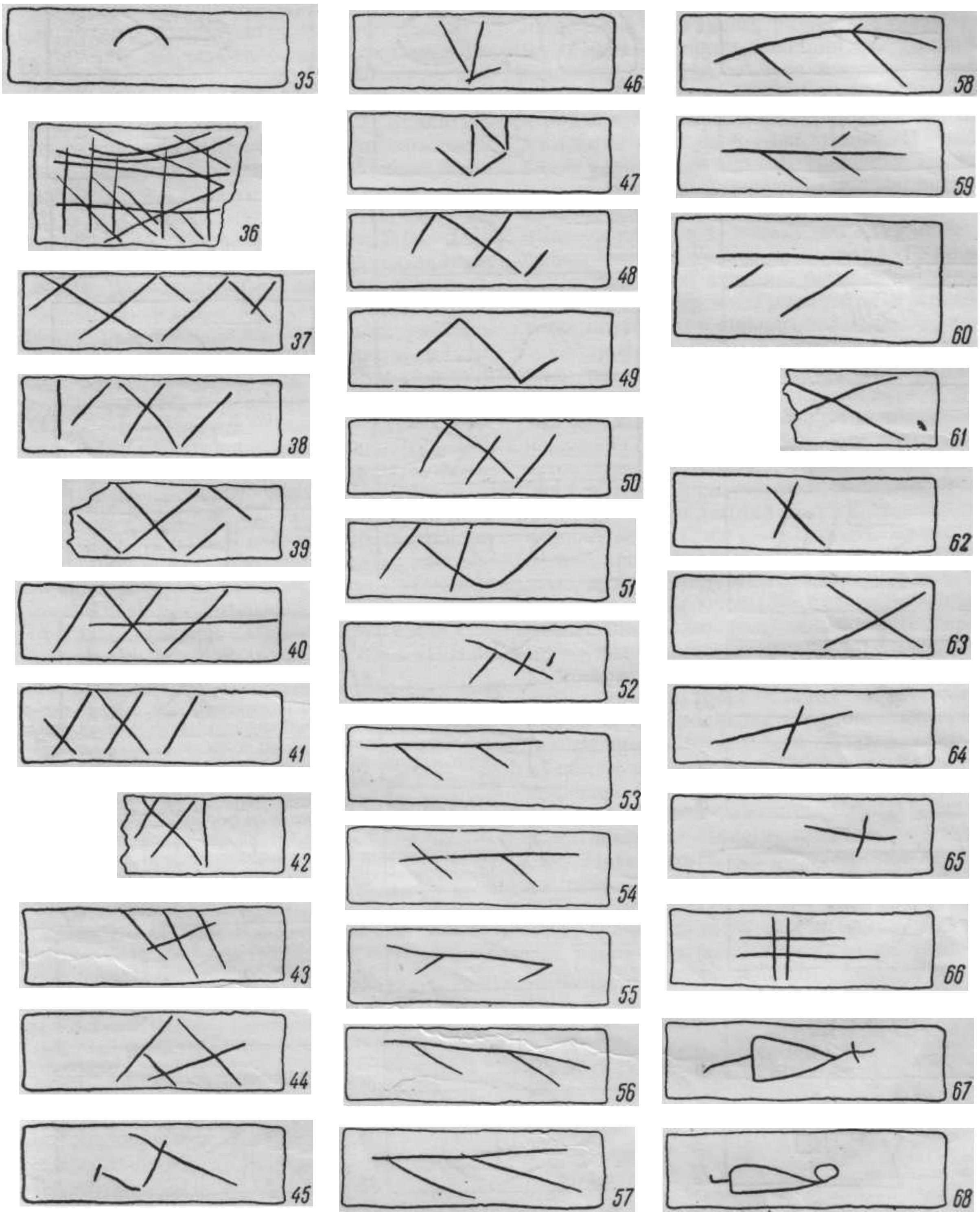

Рис. 106б. Знаки на брусчатом кирпиче

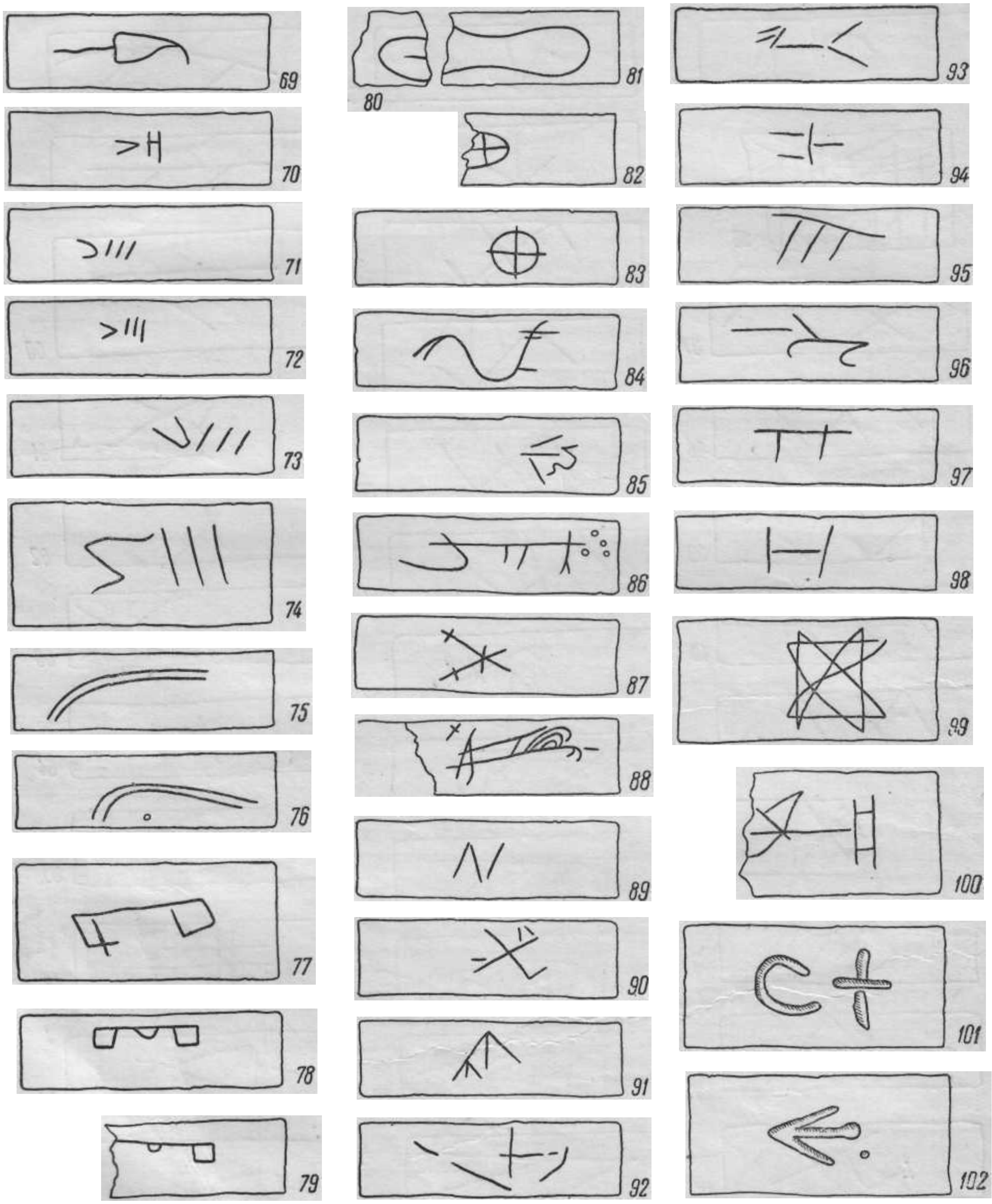

Рис. 106в. Знаки на брусчатом кирпиче

отличается большей четкостью в чередовании рядов валуна и кирпича (рис. 104, *2)* [1].

Интересной особенностью гродненского брусчатого кирпича является обилие на нем разнообразных знаков, прочерченных кирпичниками до обжига (рис. 106). Знаки помещаются главным образом на ложковой стороне кирпича, реже — на постели. Они так же отличаются от знаков кирпичников XII в., как «клейма» на посуде XIII—XIV вв. отличаются от древних клейм гончаров XI—XIII вв. Это, на первый взгляд, случайные, весьма примитивные «резы», сделанные ножом по сырой глине. Однако при ближайшем рассмотрении можно выделить повторяющиеся и усложняющиеся знаки. Так, например, повторяется знак, отдаленно напоминающий и упрощающий княжеский знак на кирпиче XII в.,— это крест с одной или двумя перекладинами и развилкой в основании (рис. 106, 1—*14).* Далее повторяется знак, схематически передающий фигуру человечка в профиль (рис. 106, *67—69),* схему лука со стрелой (рис. 106,15—*18),* ромб на палочке (рис. 106,27—*29).* Особенно много «резов» в виде пересекающихся линий, зигзагов и т. п.; среди них интересна комбинация значка в виде римской пятерки с двумя или тремя чертами под ней (рис. 106, *70—74).* Знаки в виде решетки часто наносились сразу на нескольких лежавших рядом кирпичах, так что концы рисунка попадали на смежные кирпичи. Знаки типа букв почти отсутствуют. Повторяемость знаков свидетельствует, что это именно знаки мастеров-кирпичников, метивших ими свою продукцию. И здесь вновь важно отметить, что подобные прочерченные знаки на кирпиче были известны и в древнерусской практике XI—XII в. Подобные — в принципе — знаки, но сделанные на сыром кирпиче просто пальцем на его широкой постелистой стороне, были обнаружены в соборах Печерского монастыря в Киеве и Борисоглебском в Чернигове [1].

Постройка подобных замку Витовта крупных крепостей была большим государственным делом великокняжеской власти и осуществлялась силами феодально-зависимого населения, обеспечивавшего как добычу, изготовление и доставку строительных материалов, так и производство самих строительных работ. При льготах знати и духовенству, освобождавших их людей от «вожения камениа, протесов, бревен и дерева на жжениа плит, а любо мелу на городы», они не освобождались от «работы на будованье городов наших новых потребных, а старых поправлениа»; цитируемый привилей 1457 г. короля Казимира характеризовал не новую практику организации строительства, но установившийся «из стародавна» порядок — подобные льготы при обязательстве участия в сооружении и ремонте крепостей установил еще привилей 1387 г.[2].

Замок Витовта был одним из выдающихся памятников литовского крепостного зодчества. Повидимому, его сооружение обеспечило неприкосновенность Гродно: в 1402 и 1403 гг. орденские походы ограничиваются лишь грабительскими вторжениями в смежные районы, но не покушаются на крепость Витовта. А вскоре Грюнвальденская битва 1410 г. обессиливает Орден, предрешая его закат.

[1] Возможно, что современной гродненскому замку крепостью была литовская крепость, построенная ниже Гродно на Немане, на горе под дер. Лысково. Первое описание остатков ее укреплений дал Ф. Нарбут. Они расположены на овальной площадке горы, отделенной от поля оврагами и четвертой стороной, примыкающей к обрыву. Здесь тогда (в середине XIX в.) сохранялись остатки построек и стен и другие следы бывшего города. На склоне к Неману еще возвышались остатки круглой вежи большого диаметра, сложенной из огромных камней на известковом растворе; она имела тайник, спускавшийся к реке. По сведениям, полученным Нарбутом от местных жителей, раньше руины достигали высоты нескольких сажен, но были разобраны на материал для постройки доминиканского костела. Th. Narbutt. Pomniejsze pisma historyczne. Wilno, 1856, стр. 21 и след. Можно было полагать, что это «вежа» типа «волынских башен». Однако, по словам З. Глогера, башня была лишь остатком большой крепости с 4 башнями, сложенными из валунов с рядами кирпича, т. е. в технике, аналогичной замку Витовта в Гродно. См. Z. Gloger. Dolinami rzek. Warszawa, 1903, стр.40—41. Крепость под Лысковом заслуживает специального исследования.

[1] Исследования Н. В. Холостенко.

[2] Законодательные акты Великого княжества Литовского XV—XVI вв. Л., 1936, стр. 8 и 9; М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства... М., 1910. стр. 56.

YIII. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КУЛЬТУРЫ И СВЯЗЕЙ ДРЕВНЕГО ГРОДНО

Подведем общие итоги наших наблюдений над материалом раскопок Замковой горы.

Подчеркнем еще раз, что этот материал весьма ограничен: он характеризует лишь княжескую крепость, детинец Гродно, который к тому же вскрыт лишь частично — предполагаемая собственно дворцовая часть крепости недоступна изучению. Тем более этот материал не дает права на широкие обобщения в отношении истории и культуры всего города в целом — его посада. Тем не менее этот все же большой, хотя и ограниченный материал проливает первый луч света на древнейшие судьбы русской культуры в Принеманье.

Неман являлся одной из важнейших водных артерий Прибалтики, не уступавшей по своему значению Западной Двине. Одинокими свидетелями очень ранних и далеких торговых связей Принеманья и, в частности, его гродненского участка с югом являются находки римских монет IV в. в Немане близ Коложа и на огородах за Коложской церковью [1]. Здесь соприкасались границы славянских и литовских племен — дреговичей с юга, кривичей с востока; к югу и западу от среднего Немана лежали земли ятвягов.

Интерес к Неманскому пути в Прибалтику возрос в эпоху образования древнего Русского государства, располагавшего полностью лишь одной волховско-днепровской магистралью. Ближайшим к Неману с востока русским городом был Минск. С юга русские города (Туров, Пинск) держались линии Припяти, за которой лежали дремучие массивы лесов и болота припятского Полесья. Левобережные притоки Припяти близко подходили к притокам бассейна Немана: Ясельда — к Роси и Щаре, Птичь — к истокам самого Немана. Повидимому, славянская колонизация с юга начала рано продвигаться в Принеманье, о чем свидетельствует название реки Рось, повторяющее имя Роси днепровской, и крупнейшее из пока известных здесь русское городище XI—XIII вв. Волковыйск на притоке Роси — Волковыи. Возможно, что к верховьям Немана проникали и по правобережным притокам Березины; из них особенное значение имела, видимо, река Свислочь, подходящая своими верховьями к притоку Немана, повторяющему имя Березины днепровской; на Свислочи и именно в ее верховьях возникают значительные города — Минск, Изяславль, а на верховьях неманской Березины стоял полоцкий Городец, основанный, по предположению В. Е. Данилевича, Володарем Глебовичем полоцким [1]. Одноименность рек двух бассейнов, близко смыкающихся своими верховьями, может быть, и здесь говорит о наличии волоковой связи между ними [2]. «Полочанам через Березину, приток Немана, и через Вилию удалось пробраться к бассейну среднего Немана. Вероятно, самое возникновение Вильно было связано с славянским расселением... Дреговичи же проникли до впадения Нурцы в Западный Буг, а на северо-западе до Гродно на Немане» [3]. Задачей последующих археологических исследований — широких разведок

[1] Голубович, стр. 14.

[1] В. Е. Данилевич. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV ст. Киев, 1896, стр. 128 и карта.

[2] Н. Н. Воронин. Средства и пути сообщения. «История культуры древней Руси», т. 1. М.—Л., 1951, стр. 302.

[3] В. И. Пичета. Конец вековому расчленению украинского и белорусского народов. ИЗ, № 6, М.—Л., 1940, стр. 3—4.

и раскопок — является освещение ранней славянской колонизации междуречья Припяти и Немана, установление конкретных культурных связей между славянскими и литовскими племенами.

Можно полагать, что и первые известные из отрывочных сведений летописи походы Владимира и Ярослава на ятвягов и Литву были связаны о наличием на севере Волынской земли в Принеманье значительного русского населения и стремлением закрепить за Русью эти удаленные места. Походы Владимира (983 г.) и Ярослава Мудрого (1038 г.), видимо, не достигали Немана, и у нас нет никаких оснований связывать с этим ранним временем возникновение Гродно — самого удаленного из городов Черной Руси. Этой точки зрения придерживались Е. Орловский[1] и старый историк литовского народа Ф. Нарбут. Последний полагал, что Гродно уже существовало в начале XI в. и было уделом Игоря Ярославича, так что его внук Всеволодко получил этот город уже как свою дедину; однако никаких оснований для этого предположения Нарбут не привел[2]. Н. И. Петров упоминал свидетельство И. Тризны, согласно которому Гродно якобы уже в 1005 г. входило вместе с Пинском, Волковыйском, Новгородком, Берестьем и Здитовым в состав Туровской епископии; однако сама Туровская епископия в действительности возникла лишь в XII в.[3]. Тем более нет никаких оснований для нелепой «теории» Иодковского, что Гродно было основано «варягами» в IX—X вв., «раньше, чем началась экспансия варяго-русского государства со стороны Киева».

Как мы видели выше, весь материал, связанный с первым поселением на Замковой горе, взятый в целом и с учетом особенностей его стратиграфии (смешение культурных остатков вследствие нивелировочных работ XII в.), говорит о сравнительно позднем возникновении этого поселка. Он просуществовал очень короткий срок, его вещевой материал малочислен, а главное, он ближайшим образом сроден материалу из вышележащих слоев XII—XIII вв., что не позволяет относить возникновение поселка далеко от этой поры.

Это была первоначально небольшая русская крепость, занявшая очень выгодную в стратегическом отношении позицию на высоком берегу Немана. В составе ее населения господствуют феодальные дружинные элементы, конные воины, составляющие гарнизон крепости. Крепость действительно была *основана* на чистом месте, ей не предшествовало никакое более раннее поселение дофеодального типа. Следовательно, *древнее Гродно дает тот вариант образования города, когда его исходной ячейкой является феодальный замок, крепость*, постепенно притягивающая к себе ремесленное население. Оно частью жило в крепости, частью оседало вне ее стен, может быть, на смежном восточном плато (Нового замка). В археологическом инвентаре крепости уже представлены некоторые ремесла, которые разовьются и умножатся в последующее столетие.

Уже это первичное поселение характеризуется достаточно высокой в условиях далекого пограничья культурой. Застройка бревенчатыми избами, часть которых имела слюдяные окна, деревянное и, может быть, частью каменное замощение свободных участков или проулков говорят сами за себя.

Общий характер культуры — типичный для всех древнерусских городов — определяется прочной связью Гродно с Поднепровьем или юго-западной Русью. Нельзя не отметить особо эпиграфических памятников, указывающих на некоторое распространение грамотности. Местные культурные традиции и связи и своеобразие естественной среды налагали индивидуальные черты на хозяйство и быт городка, сказывающиеся в особенностях керамики, в значительном развитии охоты, не уступающей по своему удельному весу скотоводству. Однако, как и в других пограничных городах Руси, 1 например на ее восточных границах, русская культура показывает себя и здесь чрезвычайно самостоятельной.

Вопрос о том, кому, какому князю обязана своим основанием гродненская крепость,— второстепенный, но тем не менее заслуживающий специального внимания, так как он в известной мере связан с вопросом

[1] Е. Орловский. Гродненская старина, стр. 20.
[2] Th. Narbutt. Dzieje starożytne..., т. III, 1838, стр. 292, прим. 1; Его же. Pomniejsze pisma..., стр. 24.
[3] Белоруссия и Литва. СПб., 1890, стр. 17; А. Грушевский. Очерки истории Турово-Пинского княжества, стр. 73.

более важным — откуда шел в Принеманье колонизационный поток, закрепленный постройкой опорного оборонительного пункта. Принадлежность позже занимающей Гродно княжеской династии к ветви волынских потомков Ярослава Мудрого (Игорь- Ярославич, Давид Игоревич) делает наиболее вероятным предположение, что этот колонизационный поток шел со стороны Волыни и опирался на русские города по Припяти.

В Гродно (вне раскопок) была найдена свинцовая печать, которую И. Иодковокий в своей последней работе попытался использовать для более конкретного решения этого вопроса [1]. На одной стороне печати — изображение Иоанна Крестителя, на другой — надпись, которую И. Иодковский читал как «Давида слово» и видел в печати след грамоты внука Ярослава и отца Всеволодки Давида Игоревича — духовной, вкладной или связанной с основанием Нижней церкви и передачей отстроенного им города Всеволодке[2]. Автор предполагал, что между 1098 и 1110 гг. Давид обособляется на Немане и строит здесь свой город[3].

Данное И. Иодковским чтение надписи не может быть принято. Печати с аналогичными надписями известны русской сфрагистике в целом ряде вариантов, но надпись везде читается как анонимная формула: *дчъчъслово* или *дьнгьслово.* Значение слова *«дъно», «дьно», «въ дънгь»* = внутри. Смысл печати угадывается в том, что печать указывала, что в том документе, к которому она привешена, заключено сообщение, извещение, может быть распоряжение, одним словом, чье-то «слово» 4. Высказано предположение, что печати этого рода служили для особо важной, секретной княжеской переписки[5]. В числе этих печатей есть три с изображением Иоанна Предтечи — одна из Дрогичина, вторая из Киевской земли, третья из Новгорода Великого (повидимому, оттиснутые одним штампом)[6]; четвертой является гродненская печать, опубликованная 3. Дурчевским [1], и привлеченная к истории Гродно И. Иодковским. Таким образом, никаких оснований связывать последнюю печать с именем Давида Игоревича нет. Однако вопрос о его возможной причастности к древней истории Гродно заслуживает внимания.

[1] J. Jodkowski. Pieczącie ruskie... PH, t. XXXVII, 1948, стр. 158—164.

[2] Ук. соч., стр. 168.

[3] Ук. соч., стр. 171.

[4] Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. II, стр. 29.

5 Б. О. Рыбаков. Печатки чернтвських князів. «Археологія», т. III, КНIВ, 1950, стр. 116, прим. 1.

[6] Н. П. Лихачев. Ук. соч., стр. 23—24; атлас, табл. V, рис. 7, 8 и 9.

Биография князя Давида Игоревича известна очень отрывочно. Это князь-изгой, проведший всю свою жизнь в почти непрерывной междоусобной борьбе. Еще в 1081 г. он захватывает далекую Тмутаракань, откуда его изгоняет Олег Святославич (1083г.); после набега на греческих купцов в Олешьи (1084 г.) Давид получает от великого князя Всеволода Дорогобуж-Волынский, а в 1085 г.— Владимир-Волынский, который и закрепляется за ним в 1097 г. на Любечском съезде. Далее он является инициатором нашумевшего преступления — ослепления князя Василька теребовльского. Изгнанный решением Витичевского съезда из Владимира (1100 г.), он получает несколько городов к востоку от него в пограничье с Турово-Пинским и Киевским княжествами (Бужск на Буге, Острог на Горыни, Дубно на Икве и Чарторыйск на Стыре), но очень скоро лишается их и получает Дорогобуж, в котором и умирает в 1112 г.[2].

Недалеко от устья Горыни лежит неизвестный русским летописям древний город — Давидгородок. Раскопки установили его возраст — XI—XII вв.; исследователь предположил, что именно этот «город Давида» и был столицей маленького княжества Давида Игоревича, основанной им самим, а также склонялся к мысли, что Давидгородок и был летописным Гродно[3]. Поблизости от этого городка лежит то самое Гродно, с которым, как мы говорили выше,

[1] L Durczewski. Ołowiane pieczęcie ze Starego Zamku w Grodnie, WNA, XII, 1939 (с этой работой мы не имели возможности ознакомиться).

[2] С. М. Соловьев. История России. Изд. «Общ. польза», т. I, стб. 306, 327—340; А. Андрияшев. Очерк истории Волынской земли до конца XIV ст. Киев, 1887. стр. 110—115.

[3] R. Jakimowicz. Dawidgródek, стр. 26—28; Его же. Kto był pochowany na Górze Zamkowej w Dawidgródku, «Suowo», 1936, N. 351 (Wilno). И. Якубовский еще до раскопок Иодковского, подвергнув пересмотру гипотезу о Гродно неманском и пинском, ставил вопрос, не мог ли быть первоначально Гродно Давидгородком, но склонялся к отождествлению летописного и неманского Гродно. J. Jakubowski. Gdzie leżało «Horodno» hipackiego Iatopisu? «Ateneum Wileński», ч. VII, z. 34, 1934, s. 419—424.

историки связывали представление о столице летописных «городненских» князей — сына и внука Давида [1]. Само его положение вдали от рек и дорог на возвышении, окруженном со всех сторон непроходимым огромным болотом Морочным, отрезающим его от мира, не позволяет признать в нем «столицу» Давидовичей [2]. Однако их неманская столица повторяет имя этого захолустного городка отцовского удела. Возникает предположение, не предпринял ли Давид Игоревич, еще будучи волынским князем (1085—1097 гг.), попытки проникнуть в Принеманье и закрепиться там. В этой связи в его руках могло оказаться и первоначальное укрепленное поселение на Замковой горе, получившее теперь имя Гродно. Конечно, изложенное — не более как гипотеза, представляющаяся нам, однако, более вероятной, чем предположение о постройке крепости в конце X или начале XI в. [3]. Последующие исследования памятников Принеманья дадут новый материал для решения этого вопроса.

Однако довольно скоро Гродно стало жертвой пожара. Мы не знаем, был ли он результатом стихийного бедствия или вражеского нападения. В начале XII в. летопись отмечает энергичные действия князя Ярослава Святополчича Волынского (1100—1118 гг.) против ятвягов. Один поход был, видимо, в самом начале XII в., так как поход 1112 г., когда Ярослав «ходи на Ятвязе.. и победи я», был уже вторым по счету [4]. Мы не знаем, чем были вызваны эти походы. Возможно, что в это время усилилась борьба ятвягов с продвижением русских феодалов на север за Припять к верховьям Буга и к Неману и походы Ярослава имели задачей упрочить здесь русские позиции. А. Андрияшев делает очень вероятное предположение, что в княжение Ярослава имело место «особое движение колонистов из Волыни в ятвяжскую землю» и поход 1112 г. был организован «для защиты и помощи им» [5]. Как далеко заходили ярославовы полки на север, точных данных нет, но известно, например, что во время борьбы 1102 г. Ярослава Святополчича с Ярославом Ярополчичем последний был настигнут «на Нури», современном Нурце — притоке Западного Буга [1]. Возможно, что поход 1112 г. захватил и более северные области. Видимо, в ходе этой борьбы и погибла гродненская крепость, и требовались новые усилия, чтобы закрепиться на Немане.

В это время киевский стол занимает Владимир Мономах, вскоре предпринимающий энергичные меры к подчинению Волыни. В 1118 г. он сажает во Владимире своего сына Романа. Поводом к изгнанию Ярополка Святополчича послужили разрыв последнего с женой — внучкой Мономаха [2] и попытка захватить города по Горыни, которыми, как предполагает А. Андрияшев, еще владел сын недавно умершего Давида Игоревича —Всеволодко Давидович [3], женатый на дочери, Мономаха Агафии (1116 г.). Повидимому, в связи с этими событиями Всеволодко и закрепляется в беспокойной далекой земле в Принеманье, обязанный прежде всего восстановить отцовскую крепость — Гродно. Для этого он располагал необходимыми средствами, о чем достаточно ясно говорит постройка им внутри крепости богато украшенного храма — Нижней церкви [4].

То, что Всеволодко стал зятем Мономаха, свидетельствует о большом военно-политическом значении молодого пограничного удела. Он был важен не только как русский форпост в литовско-ятвяжском пограничье, но и как зависимый от власти киевского великого князя удел на фланге Полоцка и Минска. Позже, когда сын Мономаха Мстислав киевский организует свой знаменитый поход 1128 г. на Полоцкую землю, летопись называет гродненские полки на третьем месте после владимиро-волынских и туровских войск. Новый поход Мстислава с крупными силами, в составе которых были и гродней-

[1] А. Грушевский. Очерки истории Турово-Пинского княжества, стр. 19; М. Грушевський. 1стор1я Укра1н1-Руси, т. II, Львов, 1905, стр. 100, 306.

[2] R. Jakimovicz. Dawidgródek, стр. 28.

[3] Ф. Д. Гуревич. Из истории раннего Гродно, стр. 94—95.

[4] ПСРЛ, т. И, стб. 273; т. VII, стр. 22: «ходи... на ятвяги второе...».

[5] А. Андрияшев. Ук. соч., стр. 118.

[1] ПСРЛ, т. II, стб. 251; Н. П. Авенариус. Дрогичин-Надбужский и его древности. МАР, № 4, СПб., 1890, стр. 27.

[2] ПСРЛ, т. VII, стр. 24.

[3] В. Н. Татищев. История российская, т. II, стр. 219; А. Андрияшев. Ук. соч., стр. 116.

[4] Возможно, однако, что удаление Всеволодки Давидовича в Принеманье было связано и с желанием Мономаха оторвать от Волыни наследников Давида, имевших основания возобновить притязания на «отчину» их деда Игоря.

ские ополчения, на Литву в 1132 г. был, видимо, непосредственно связан с задачей упрочения границ Гродненского княжества. Браки дочерей Всеволодки Давидовича с Владимиром Давидовичем дрогичинским и Юрием Ярославичем туровским упрочивают связь гродненской династии и соседних княжеств. В этом акте, организованном снова великим князем киевским Всеволодом, мы вновь видим проявление большого интереса Киева к судьбам Принеманья.

На протяжении всего XII столетия гродненские военные силы принимают активное участие в киевской политике: в походе 1144 г. на Владимирка галицкого, в борьбе 1150—1151 гг. Изяслава киевского и Юрия суздальского, в обороне Залозного пути (1168 г.), в походе на половцев 1170 г. С усилением северного Владимиро-Суздальского княжества гродненские полки ходили в составе огромной армии Андрея Боголюбского в Поднепровье. Наконец, в 1184 г. войска Мстислава гродненского вновь участвовали в походе на половцев.

Таким образом, столь далекое от коренных русских земель Гродно находилось в очень тесной связи с ними: гродненские дружины не раз видели Киев и другие города, дружинники и горожане — участники этих походов — имели возможность знакомиться с культурой и бытом столицы Руси и переносить виденное в жизнь Гродно.

Не меньшее значение имели торговые связи, приносившие в Принеманье изделия киевских и овручских ремесленников —стеклянные браслеты, шиферные пряслица, трубчатые замки, бронзовые энколпионы, дорогие ткани, стеклянную посуду и пр., янтарь из Прибалтики, вероятно венгерскую медь, свинец, шедший через Новгород. Возможно, из Киева или с Волыни были привезены в Гродно изделия массивного литья—колокола для Нижней церкви крепости [1]. Сходство княжеских знаков на кирпиче гродненских построек со знаками на ряде дрогичинских пломб может указывать, что в русском экспорте на Запад некоторая доля товаров принадлежала Гродно и Гродненскому княжеству. При Всеволоде Ольговиче киевском, устроившем брак дочери Всеволодки с дрогичинским князем, особенно оживилась русская торговля с Польшей [1].

[1] Столетием позже Даниил Галицкий, обстраивая Холм, богатый ремесленными силами, «колоколы принесе ис Кыева, другия ту солье». ПСРЛ, т. II, гтб 844.

Все это содействовало подъему культуры Гродно в XII—XIII вв. и обеспечивало ее высокий общерусский уровень. Но основой этого расцвета был быстрый роет местных производительных сил — сельского хозяйства и ремесла и превращение Гродно в значительный для русской окраины торгово-ремесленный центр.

Все эти процессы *Мы* можем наблюдать лишь в отраженном виде на очень ограниченном материале изученного раскопками участка княжеской крепости, городской цитадели, который, конечно, фрагментарен и не может дать полного представления о жизни города.

Застройка крепости характерна для древнерусского города. Мы видели здесь срубные избы с глинобитными с камнем печами, иногда с сенями, амбары и клети, деревянные настилы мостовых. Складывается довольно устойчивая планировка крепостного мыса с двумя пересекающимися улицами. Типы и техника построек, характер мостовых находят себе параллели в ряде древнерусских городов — Ладоге, Новгороде Великом, Давидгородке.

Сельское хозяйство городской округи и, повидимому, самого города быстро развивается. Среди найденных зерен злаков представлены рожь, пшеница, ячмень, овес, просо, из зернобобовых — горох и мелкоплодные конские бобы; вводится культура гречихи. Можно предполагать, что сеяли также лен и коноплю. Земледелие характеризуется паровой двух- или трехпольной системой.

Сельскохозяйственные орудия типичны для лесной полосы русской равнины — это соха, коса-горбуша, заступ. Серия жерновов говорит о домашнем размоле зерна.

В черте города были фруктовые сады, в которых культивировались слива и вишня.

Охота продолжает конкурировать со скотоводством; в XII—XIII вв. ее удельный вес даже превосходит значение домашнего скота. В составе охотничьей добычи большее место принадлежит зубру и косуле. Рыбная ловля также становится значительным специализированным промыслом, о чем говорят раз-

[1] Б. А. Рыбаков. Торговля и торговые пути. «История культуры древней Руси», т. I. М, 1951, стр. 344.

нообразие размеров и типов крючков, а также обычные грузила от сетей. Горожане быстро приспосабливаются к местным условиям и все шире используют естественные богатства края.

Ремесла и промыслы, представленные в материалах сгоревшей крепости XI—XII вв. очень фрагментарно, теперь документированы сравнительно обильными сериями вещей. Они позволяют судить о быстром развитии и совершенствовании ремесла и промыслов.

Большой прогресс переживает керамическое производство в связи с началом княжеского кирпичного строительства. В Гродно появляются кирпичные сараи и печи, в которых обжигаются десятки тысяч плоского кирпича для построек в крепости и вне ее. Возможно, что эти сараи и печи стоят в овраге Городничанки около Коложского плато, где были и позднейшие кирпичные печи, известные по источникам XVI—XVII вв. На кирпиче появляются знаки мастеров, особенно многочисленные во второй половине XII в.; часть мастеров, метящая свою продукцию княжеским «знаком Рюриковичей», очевидно, вошла в состав феодально-зависимых людей княжого хозяйства. Здесь же осваивается сложная техника поливных декоративных материалов, плиток различных размеров и форм для убранства полов и фасадов княжеских построек. Нужно отдать должное искусству гончаров, сумевших изготовлять точно по определенным стандартам фигурные плитки. Возможно, что во главе этого дела стояли киевские или, скорее, галицко-волынские мастера, передавшие свой опыт и технические навыки своим гродненским собратьям. Может быть, здесь же изготовлялись и бытовые поливные изделия — кубические подсвечники, игрушки, посуда. Улучшается и производство обиходной посуды; примечательно, что следы местных особенностей стираются — исчезает орнаментация при помощи штампа, вырождается посуда с «налепом».

В Гродно богато представлены изделия из кожи, особенно обувь. Описанные выше типы народной рабочей обуви говорят об их устойчивости и выработанности приемов закройки и шитья.

Деревообделочное дело, как и всюду, стояло на грани между домашним общедоступным промыслом и ремеслом. Несомненны специальные отрасли — бондарное дело, изготовление гребней, резка деревянной посуды и ложек. Прочие деревянные вещи — мутовки, колотушки, «пральники», детские игрушки и др. — изготовлялись домашним способом.

Также, видимо, домашним промыслам были прядение и ткачество простых льняных и грубошерстных тканей. В княжеском же обиходе были и дорогие привозные материи.

Особый интерес представляет серия формочек для отливки украшений — ложнозерненых бус и колтов, перстней и разнообразных бляшек. Только две из них носят довольно примитивный характер и сделаны из необработанных кусков известняка. Большинство же формочек принадлежит к усовершенствованному в конце XII—XIII вв. киевскими мастерами типу, хорошо приспособленному для массового выпуска продукции. В Гродно они появляются почти одновременно с киевскими, что свидетельствует о быстром проникновении в Принеманье технических новинок ремесла. Отсутствие в составе находок на Замковой горе вещей, отлитых в данных формах, позволяет говорить, что продукция ювелира, работавшего в крепости, быстро реализовалась и уходила на сторону. На одной из формочек вырезан княжеский знак, правда отличный от предполагаемого знака гродненской династии.

Следует особо подчеркнуть хотя косвенные или единичные, но тем более драгоценные намеки на распространение грамотности и знакомство горожан с книгой. Еще среди случайно уцелевших вещей сгоревшей крепости XI—XII вв. была кость, на которой костерез со знанием дела вырезал серию кирилловских букв; теперь к ней присоединяется надпись на шиферном пряслице: «Господи помози рабе своей...». На литейной формочке для бляшек с изображением птицы и зверя мастер из первоначального поселка свободно процарапал сложный плетеный книжный орнамент; тот же источник—украшенная заставками и сложными инициалами книга — был знаком мастерам, изготовлявшим украшения из золоченой меди для алтарной преграды Нижней церкви.

Венцом материальной культуры и искусства Гродно XII в. являются гродненские

архитектурные памятники: Нижняя церковь в крепости, крепостные башни и Коложская церковь. Мастера, начавшие это строительство при Всеволоде Давидовиче, прибыли, конечно, с юга, вероятнее всего из Владимира-Волынского, как и мастера-кирпичники. Однако уже первая постройка — Нижняя церковь, при чертах сходства с постройками Полоцка и Владимира-Волынского, отмечена большим своеобразием как в композиции, так и, особенно, во внешней декорации. Она характеризуется яркой красочностью, неизвестной в архитектуре других областей и, возможно, отражающей народные вкусы мастеров-горожан, свободно проявившиеся здесь вдали от контроля церковных властей — митрополита и епископов. Оригинальна и система убранства интерьера, построенная «а контрасте лишенных росписи розово-белых стен с цветным майоликовым полом и убранной «жженым златом» алтарной преградой. Гродненские архитектурные памятники, при всей своей малочисленности, дают право говорить о сложении самостоятельной архитектурной школы русского княжества в Принеманье.

Основной вывод, который мы можем сделать в итоге изучения археологических материалов XГ—XIII вв. из раскопок на Замковой горе, следующий. Гродно — типичный древнерусский город, сохраняющий в трудных условиях пограничья тесные и активные связи с остальной Русью, в особенности с Поднепровьем и Волынью. Его культура, конечно', уступает в блеске и многообразии культуре крупных и богатых городов южной Руси. Нужно признать, что это культура рядового, «провинциального» русского города, отмеченная некоторыми местными особенностями. Однако она достаточно развита, чтобы породить свою, оригинальную гродненскую архитектурную школу, отражающую своеобразные местные вкусы и настолько художественно значительную, что ее приемы находят отклик и подражание в архитектуре других областей Руси. Все это ставит перед нами вопрос о том, было ли Гродно одиноким русским островком в иноплеменной литовско-ятвяжской среде, или развитие его культуры имело прочную опору в других русских городах Принеманья и особенно в русской сельской периферии. Характер культуры Гродно таков, что. склоняет нас в пользу последнего предположения. Пока мы знаем здесь лишь второй, возможно более старый, чем Гродно, русский город — Волковыйск. Разведкой правого берега Немана нащупана цепочка селищ XI—XIII вв. Дальнейшие исследования городов Черной Руси и ее территории окончательно решат этот вопрос, равно как и позволят очертить границы Гродненского княжества Всеволодковичей.

В середине XIII в. Гродно вместе совсем принеманским краем входит в новую полосу своей истории. Связи с Русью, обескровленной в борьбе с монголами, слабеют. Волынские князья пытаются соперничать в обладании Черной Русью с крепнущим Литовским княжеством, основой которого становятся чернорусские города, а русское население и русская культура играют важнейшую роль в упрочении Литовского государства. На долю Гродно выпадает особенно тяжелая, но и почетная судьба — передовой литовской крепости, выдерживающей с конца XIII в. натиск орденских «псов-рыцарей». В этих условиях почти непрерывной борьбы, осад и опустошений, естественно, трудно ожидать дальнейшего развития культуры города. Действительно, материал верхних слоев Замковой горы по сравнению с предшествующим временем очень беден и отрывочен. Однако и по нему мы можем отчетливо проследить прочность русских культурных традиций как в характере деревянной застройки крепости XIII—XIV вв., так и в некоторых чертах ремесленных изделий и быта. Особенно характерно в этом смысле сохранение руин Нижней церкви, избираемых как священное место для усыпальницы феодальной знати замка XIV в., а затем *и* постройка здесь Верхней церкви, использующей приемы архитектуры Гродно XII в. Никаких оснований для утверждений о каком-либо «катастрофическом» упадке культуры или резких изменениях ее характера нет. В конце XIV в., после тяжелой полосы борьбы с немцами, намечается новый и быстрый подъем жизни города, символом которого являются созданные Витовтом твердыни каменного замка, сменившего отслужившие свою службу укрепления XII—XIII вв.

ПРИЛОЖЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР. № 41

ПРИЛОЖЕНИЕ I

А. В. Кирьянов

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ИЗ РАСКОПОК В ГРОДНО

В коллекциях из раскопок 1937—1949 гг. на Замковой горе в Гродно в фондах ГГИАМ имеется некоторое количество остатков зерен хлебных и технических растений, позволяющих сделать ряд наблюдений и выводов о составе возделывавшихся культур, о характере земледелия в древнем Гродно и на его периферии. Эти материалы представлены далеко не с одинаковой полнотой для всего времени жизни древнего Гродно с XI по XV в. Наиболее скудны и отрывочны материалы, связанные с древним поселком на Замковой горе XI—XII вв. Материал последующего времени — XII—XIII и XIII—XIV вв.— более полон и многочислен. Можно полагать, что это соотношение не случайно, но отражает-развитие и рост значения земледелия в жизни феодального города и его периферии. Нужно также отметить, что материал из раскопок 1937—1939 гг. (а он составляет огромное большинство) в значительной мере обесценен, так как прошел предварительную прочистку путем просеивания, так что примеси семян сорных растений, обычно сопутствующие древнему зерну и представляющие огромный интерес для характеристики систем земледелия, в большинстве случаев отсутствуют или сохранились случайно.

Перейдем к характеристике материала сообразно трем этапам в истории Замковой горы.

Остатки зерна из слоев первоначального поселения XI—XII вв., как сказано, очень незначительны. Поселок погиб в пожаре, а в дальнейшем пепелище стало объектом нивелировочных и строительных работ, сместивших и перепутавших руины сгоревших построек. Понятно, что в этих условиях трудно рассчитывать на обильные находки сгоревшего зерна; оно, повидимому, перемешалось с землей и погибло. В этом слое в обугленном состоянии найдено 685 зерен ржи, 375 зерен овса, 7 зерен гороха и 1 зерно мелкоплодных конских бобов. Все они хорошо сохранили свою форму, на зернах овса и ржи отчетливо прослеживаются бороздка и зародыш. Преобладающее количество зерен овса было найдено без пленок, которые, повидимому, не сохранились. Однако нельзя с большой уверенностью говорить, что это был пленчатый овес, как и утверждать, что это был голый овес. Это явление довольно обычное для зерен овса, находимого при раскопках. К. Фляксбергер обнаружил голые овсы при изучении зерен с Ковшаровского городища[1]. Голые овсяные зерна найдены при раскопках Старой Рязани и Москвы (в Зарядье), древних булгарских городищ и др.

Можно с большой достоверностью полагать, что собранные зерна не представляют во всей полноте состав возделывавшихся культур древнейшего поселка на Замковой горе; несомненно, он был значительно шире и включал другие виды зерновых хлебов и прядильно-масличных растений. Однако и этот скудный материал до известной степени может характеризовать состояние земледелия в XI—XII вв. в древнейшем поселке на

[1] К. Фляксбергер. Хлебные зерна из Ковшаровского городища Гроневской волости Смоленского уезда. Научные известия Гос. Смоленского университета, т. III, вып. III. Смоленск, 1926.

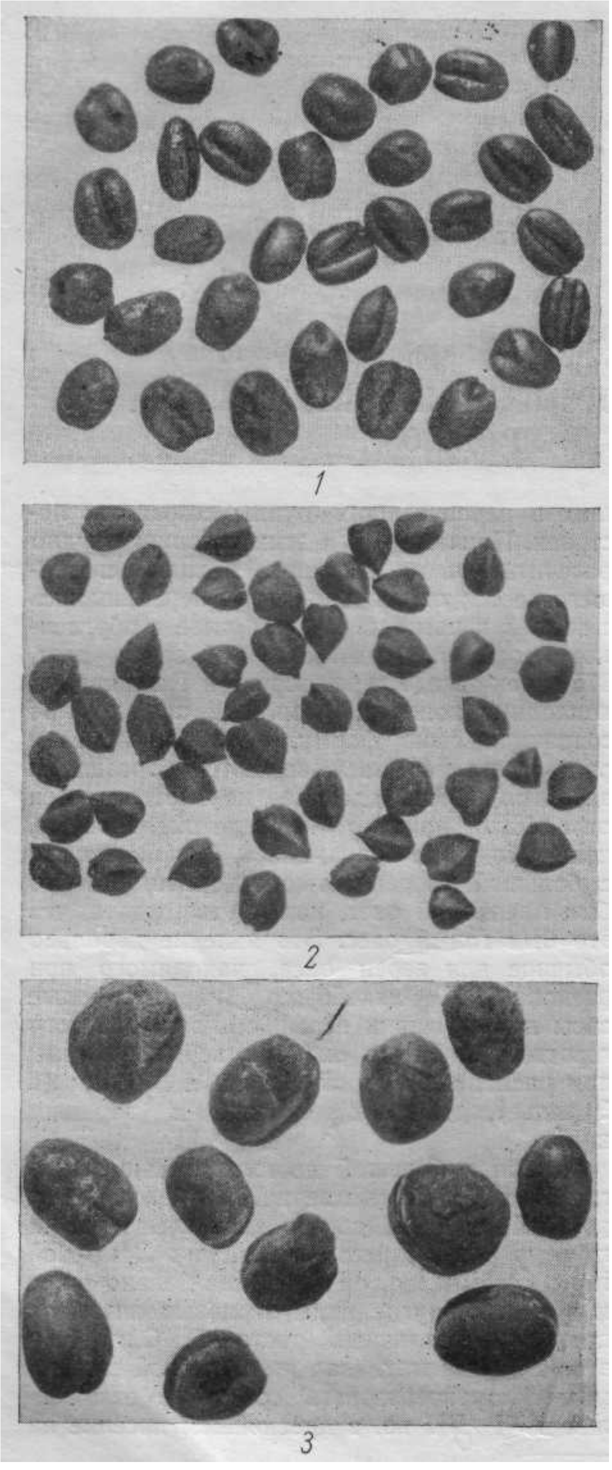

Рис. 107. Зерно из раскопок Замковой горы.

1 — пшеница; 2 — гречиха; 3 — мелкоплодные конские бобы. Увеличено в 2 раза

Замковой горе. Количественное соотношение зерен указывает на значительное преобладание зерен ржи (около 60%); оно не является случайным, а отражает значение ржи как главнейшей и ведущей культуры в. земледелии в Гродненской земле в XI—XII вв. Горох и мелкоплодные конские бобы также занимали в это время значительное место в составе возделывавшихся культур. Преобладание этих зерен было отмечено К. Фляксбергером при изучении зерен из раскопок Банцеровского городища, датируемого VI—VIII вв.[1], которые были, повидимому, известны и в Принеманье в отдаленное время. Скудость материала исключает всякую возможность решения вопроса о характере использования пахотных земель, о состоянии земледелия. Как примесь к зерну выделено лишь несколько зерен куколя (Agrostemma Githago L.) —сорняка, размножающегося исключительно семенами и не произрастающего вне посевов культурных растений, присутствие которого не дает, однако, оснований для каких-либо определенных заключений о характере земледелия в древнейшем поселке на Замковой горе.

Материалы из слоев XII в.— середины XIII в., т. е. периода расцвета Гродно, когда оно стало столицей Гродненского княжества, а Замковая гора превратилась в богато обстроенную резиденцию князя и детинец города,— представлены достаточно обильно, чтобы судить о характере земледелия с большей уверенностью. Эти материалы позволяют также сделать существенные ретроспективные дополнения к оценке гродненского земледелия в XI столетии. В этих слоях найдены зерна ржи, пшеницы, ячменя, овса, проса, гречихи, гороха и мелкоплодных конских бобов (рис. 107), характеризующие широкий состав возделывавшихся культур, включающий почти все зерновые и зернобобовые культуры современного земледелия. Нет, конечно, сомнения в том, что в это время возделывались также и прядильно-масличные растения — лен и конопля, семена которых, однако, не обнаружены. Количественное соотношение отдельных видов зерен хлебных растений, при обилии зерно-

[1] К. Фляксбергер. Находки культурных растений доисторического периода. Труды Института истории науки и техники, серия I, вып. 2, стр. 177.

вого материала[1], позволяет с достаточной долей достоверности выяснить значение каждой культуры. Зерна ржи представляют почти 98% от всего количества: видимо, рожь продолжает занимать главенствующее положение. Зернобобовые культуры — горох и конские бобы, являющиеся, повидимому, аборигенными, культурами в Гродненской земле, найдены при раскопках в значительно большем количестве по сравнению с зернами других хлебных растений. Надо полагать, что это соотношение не является случайным, а характеризует большое значение этих культур в XII в.— середине XIII в. Из зерновых хлебов овес и пшеница занимали значительное место среди возделывавшихся хлебов. Морфологическое изучение зерен пшеницы дает основание отнести ее к группе мягких пшениц (Triticum vulgare Vill.). Характерно, что, кроме того, найдено небольшое количество зерен гречихи, частью не сохранивших пленки, покрывающей зерно. Надо полагать, что именно XII в.— середина XIII в. были временем вхождения гречихи в земледельческую культуру Принеманья. Много собрано пленок проса, встречаются и целые зерна овальной формы, сохранившие характерный для просяных зерен блеск.

Несмотря на очистку зерна путем просеивания его, удалось все же установить примеси семян сорных растений, столь показательных для решения вопроса о характере использования пахотных земель, а также и о системах земледелия. В связи с этим необходимо дать краткую характеристику сорных растений и их роли в посевах хлебов.

Уже у истоков земледелия, вместе с возделывавшимися человеком культурными растениями, произрастали и сорные травы, приспособившиеся на протяжении весьма длительного времени к условиям обитания на возделываемых землях. Некоторые сорные растения не могут произрастать вне посевов, так как условия, создаваемые для культурных растений, являются для них жизненно необходимыми. Многие сорные растения имеют одинаковый цикл развития с культурными растениями. При уборке хлебов стебли сорных растений с вызревшими семенами срезаются вместе с хлебом, попадают в сноп и при обмолоте семена их засоряют хлебное зерно. При последующем провеивании зерна, которое издревле на Руси производилось лопатой на ветру, семена сорных растений не удаляются полностью и, как правило, часть их остается как примесь к зерну. При изучении зерна из раскопок в Гродно выделено достаточное количество семян сорных растений. Видовой состав и количественное соотношение приводятся в таблице (стр. 208).

Таким образом, при изучении зерна выделено 13 видов семян сорных растений, которые, однако, не характеризуют их видовой состав полностью. Но даже такое незначительное количество сорняков характеризует большую засоренность древнего гродненского зерна[1], обычную также для крестьянского хозяйства дореволюционной России с примитивной техникой земледелия и плохой очисткой зерна. Видовой состав определенных нами сорных растений, а также их количественное соотношение — явление не случайное, а отражает степень окультуренности почв, на которых возделывались хлеба. Почти все эти сорняки являются типичными сорняками уже освоенных почв, длительное время используемых для возделывания культурных растений. Кроме того, количественное соотношение сорняков указывает на значительный потенциальный запас их семян в пахотном слое почвы, характерный для окультуренных земель. На вновь осваиваемых площадях — лесных расчистках, целинных и залежных землях — их почти не бывает или же они присутствуют в первые годы использования таких земель в очень незначительном количестве, будучи занесенными с посевным материалом или иными способами — птицами, животными и др. Можно, таким образом, с большой уверенностью говорить, что эти хлеба возделывались не на подсеке или на вновь осваиваемой целине, а на с т а р о п а х о т н ы х, уже о к у л ь т у р е н н ы х з е м л я х, которые к XII—XIII вв. занимали, видимо, значительное место в земледелии Принеманья.

Все зерна хлебных растений в большей или меньшей мере содержат и семена сорных растений почти одинакового видового

[1] В слоях XII — середины XIII вв. собрано 67 098 зерен различных культур.

[1] На 1000 зерен ржи приходится 18—20 семян сорняков, на 1000 зерен гороха — 82 семени сорняков.

Засоренность ржи и гороха из слоя XII в. — середины XIII в.

Наименование сорняков	Семена сорняков на 6650 зерен ржи		Семена сорняков на 3040 зерен гороха	
	количество	%	количество	%
Пикульник зябра — Galeopsis speciosa L.	1	—	5	1,2
Гречишка вьюнковая — Polygonum convolvulus L.	11	9	—	—
Марь белая — Chenopodium album L.	28	23	31	12,5
Гречишка развесистая — Polygonum lapathifolium L.	4	3,6	24	10,0
Подмаренник цепкий — Galium aparine L.	3	2,5	30	12,1
Просо — Panicum s. s. p.	1	—	3	1,2
Паслен черный — Solanum nigrum L.	45	36,8	—	—
Куколь — Agrostemma Githago L.	4	3,3	109	44,0
Костер ржаной — Bromus secalinus L.	13	11,5	—	—
Щавель кислый — Rumex acetosa L.	—	—	7	2,9
Вика — Vicia s. s. p.	—	—	13	5,2
Ярушка полевая — Thlaspi arvense L.	—	—	2	0,9
Смолевка — Silene inflata L.	—	—	2	0,9
Неопределенные	13	10,3	22	9,1
	122	100	248	100

состава. Однако среди них имеется одна находка с большим количеством зерна ржи (к которой случайно примешано небольшое число зерен пшеницы, овса и гороха), весьма интересная по видовому и количественному составу выделенных из нее семян сорных растений.

При полном отсутствии семян мари белой, которая встречается как примесь во всех находках зерна из слоев XII—XIII вв. в зерне ржи, найдены в небольшом количестве семена куколя, вики, подмаренника, пикульника, костра ржаного. Надо заметить, что марь белая является типичным сорным растением старопахотных почв, которое при обсеменении сильно засоряет пахотный слой почвы, создавая в нем громаднейший потенциальный запас семян этого растения. Примесь семян этого сорняка к зерну служит надежным показателем окультуренности почвы. В данном случае отсутствие семян мари белой при незначительной засоренности зерен ржи другими видами сорных растений дает основание предполагать о возделывании ржи и на вновь осваиваемых землях, какими могут быть в большинстве случаев только лесные расчистки, т. е. подсека.

Во всех без исключения случаях как примесь к ржи выделены семена костра ржаного — типичного сорняка озимой ржи, имеющего с нею одинаковый цикл развития. Костер ржаной в первый год своего развития не цветет, а образует только прикорневые листья, зимует в вегетативном состоянии и после перезимовки дает стебли, цветет и созревает одновременно с озимой рожью. Таким образом, наличие семян костра ржаного, примешанного к зернам ржи, неопровержимо указывает на ее озимую культуру. Озимые хлеба в условиях старопахотных почв высеиваются, как правило, по парам; это является необходимым условием получения устойчивых урожаев озимых культур, так как паровая обработка успешно разрешает задачу уничтожения сорной растительности, восстановления плодородия почвы и обеспечивает посев озимых хлебов в оптимальные сроки. Наличие парового поля

является характерным признаком паровой зерновой системы земледелия, которая, видимо, уже к XII в. приняла на Гродненской земле устойчивые формы. Паровая система может выражаться в разнообразных вариантах, однако можно предполагать, что к XII в. она сложилась здесь уже в форме трехполья, наиболее распространенной и жизненной, которая была господствующей в русском земледелии на протяжении ряда столетий и в крестьянском хозяйстве в недалеком прошлом. Необходимо отметить, что паровая зерновая система в форме трехполья уже вполне сложилась к XII в. в Новгородской, а также и в других землях древней Руси.

Таким образом, изучение обильного зернового материала из Гродно с достаточной полнотой освещает состояние земледелия в Принеманье в XII в. и первой половине XIII в. и дает возможность сделать весьма существенные поправки к оценке земледелия XI в. Для того чтобы в XII — середине XIII в. могла оформиться паровая зерновая система земледелия с широким составом возделываемых хлебов, необходимо очень длительное время для ее формирования. Несомненно, земледелие первоначального поселения на Замковой горе XI в. было сходно с его состоянием в XII—XIII вв. Однако наряду с господствовавшей в Гродненской земле в XII—XIII вв. паровой системой земледелия подсечная система еще не утратила своего значения. Гродненская земля была покрыта громадными массивами хвойных и лиственных лесов. Селения небольших размеров с прилегающими к ним пахотными окультуренными землями обычно располагались вблизи рек и озер и были лишь небольшими островками среди безбрежных лесных пространств. Расширение пахотных площадей и освоение новых земель в этих условиях возможно почти исключительно за счет лесных расчисток, часть которых после кратковременного использования под посев хлебных растений забрасывалась, часть же систематически, из года в год, засевалась хлебами, входя, таким образом, в разряд старопахотных земель. Однако можно предполагать, что в некоторых районах Принеманья подсечная система земледелия в XII—XIII вв. играла главную роль.

В слое XII в.—середины XIII в. найден сошник от сохи (см. рис. 23, 1, стр. 57), представляющий возможность осветить вопрос о состоянии техники земледелия. Соха в Принеманье этого времени была единственным орудием для обработки старопахотных, залежных и целинных земель. Гродненская соха представляла трех-, а возможно, и четырехзубое упряжное орудие, не имевшее еще приспособления для отваливания пласта (палицы); работа сохи сводилась исключительно к рыхлению на незначительную глубину верхнего слоя почвы. Такого типа безотвальные почвообрабатывающие орудия, но с сошниками иной формы, были распространены в это время в земледелии Новгородской и других земель древней Руси, расположенных в лесной полосе. Подобные орудия, наряду с усовершенствованными сохами и косулями, удержались в русском земледелии почти до начала XIX в.

Переходим к характеристике материала из отложений литовского периода в жизни Гродно, т. е. середины XIII в.— конца XIV в.

Как показано выше, в монографии Н. Н. Воронина, это время было тяжелой порой в жизни крепости. Гродно жило почти в непрерывной борьбе с натиском «псов-рыцарей», часто страдало от вражеских ударов и опустошений как города, так и его округи. Поэтому трудно ожидать какого-либо роста и расцвета' материальной культуры.

Однако материалы по земледелию свидетельствуют, что, невзирая на эти тяжкие условия, крестьянское хозяйство и хозяйство горожан не только не переживало упадка, а сделало некоторые успехи в развитии земледелия. В слоях этой поры найдено наибольшее количество зернового материала, представленного почти всеми видами хлебных растений и зернобобовых культур, а кроме того, собраны, хотя и в незначительном количестве, зерна льна и конопли. Как и в более ранних слоях, почти все зерна обуглены, но хорошо сохранили свою форму и размеры. Количественное соотношение отдельных видов зерновых хлебов дает некоторое изменение по сравнению с временем XI—XIII вв. Так, отмечается некоторое уменьшение находок зерен ржи (80%) и повышение количества зерна других культур, в частности гречихи. Это соотношение, видимо, является показателем значения

отдельных хлебов в земледелии Принеманья в XIII—XIV вв.

Рожь, как и в более раннее время, продолжает занимать ведущее положение, но значительно повышается роль овса и гречихи. Из отдельных находок с зернами ржи выделено незначительное количество семян сорных растений (случайно оставшихся после очистки их путем просеивания). Их видовой состав и малое количество не позволяют сделать определенных выводов относительно характера использования пахотных площадей и системы земледелия. Однако можно с большой долей уверенности говорить, что земледелие литовской поры продолжало традиции предшествующего времени и неуклонно развивалось.

ПРИЛОЖЕНИЕ 11

В. И. Цалкин

ФАУНА ИЗ РАСКОПОК В ГРОДНО

1

При раскопках на Замковой горе в Гродно в 1937—1939 и 1949 гг. было обнаружено огромное количество костных остатков. Большая часть этого материала, в общем количестве 35 645 экземпляров, была исследована автором настоящей статьи.

Как это обычно наблюдается при изучении кухонных остатков (а основная масса костей из Гродно принадлежит, несомненно, к этой категории), преобладающее большинство костей оказалось сильно разрушенным искусственным путем вследствие использования в пищу мяса животных, которым они принадлежали. Некоторая, значительно меньшая часть костей пострадала и от неблагоприятных условий залегания в грунте. В силу обеих указанных причин среди костных остатков из Гродно было встречено множество мелких фрагментов диафизов длинных трубчатых костей, ребер и позвонков, совершенно не поддающихся определению. С необходимой точностью оказалось возможным определить лишь 18 509 экземпляров, т.е. около 52% от общего количества исследованных костей. За исключением 226 костей человека, происходящих из нарушенных в прошлом погребений и попадающихся в виде незначительной примеси во всех слоях и раскопах, остальные 18 283 экземпляра принадлежат различным диким и домашним животным:

млекопитающим	17 620 экз., или	96,4 %
птицам	279 „ „	1,5 %
рыбам	384 „ „	2,1 %

По своему видовому составу определенные кости млекопитающих, составляющие, как явствует из приведенных выше цифр, основную массу материала, распределяются следующим образом (здесь и далее числитель обозначает количество костей, а знаменатель — минимальное число особей, которым они могли принадлежать):

Крупный рогатый скот	2632/193
Свинья	2488/306
Мелкий рогатый скот (овца и коза)	1426/212
Лошадь	933/108
Собака	73/22
Благородный олень	4647/292
Зубр	1766/107
Кабан	1301/184
Косуля	1243/175
Лось	532/79
Бобр	382/85
Куница	79/40
Выдра	21/11
Барсук	52/29
Заяц	19/9
Медведь	17/4
Лисица	5/2
Волк	4/2

Таким образом, констатировано 19 видов млекопитающих, из которых 6 относятся к домашним животным и 13 — к диким. В костных остатках из Гродно дикие животные решительно преобладают над домашними не только по числу видов, но и по количеству костей; так, общее количество костей домашних животных составляет 7552 экземпляра, т. е. 431%, диких—10 068 экземпляров, или 57%. Это обстоятельство, на котором подробнее мы остановимся ниже, придает материалу из Гродно совершенно своеобразный характер и чрезвычайно резко отличает его от материалов из других городов древней Руси.

Весь упомянутый выше костный материал относится к отдельным раскопочным участкам, внутри которых делится, соответственно установленным Н. Н. Ворониным стратиграфическим зонам, на три группы: XI—XII вв., XII в.—середина XIII в., середина XIII в.—XIV в. Ниже приводятся данные о распределении костей по отдельным раскопам и слоям.

I. Материал из раскопок 1949 г.

1. Северный раскоп

	Русский слой XI—XII вв.	Русский слой XII в.
Крупный рогатый скот	66/10	69/9
Лошадь	19/6	38/6
Мелкий рогатый скот	42/13	31/10
Свинья	18/9	60/18
Собака	1/1	1/1
Благородный олень	107/14	290/23
Лось	5/1	21/3
Косуля	2/2	24/7
Зубр	2/1	110/10
Кабан	22/3	96/15
Бобр	3/1	42/11
Куница	—	5/2
Выдра	5/3	3/1
Барсук	—	2/1
Птицы	—	10
Рыбы	2	10

2. Южный раскоп

	Русский слой XI—XII вв.	Русский слой XII в.—сер. XIII в.	Литовский слой сер. XIII в.— XIV в.
Крупный рогатый скот	42/8	72/12	101/12
Лошадь	13/3	89/12	53/8
Мелкий рогатый скот	32/8	49/12	42/10
Свинья	18/7	68/19	50/12
Собака	22/2	5/2	3/1
Благородный олень	23/5	410/32	243/20
Лось	6/2	63/10	39/8
Косуля	—	53/11	25/6
Зубр	3/1	177/13	146/11
Кабан	10/4	104/19	42/8
Бобр	2/1	18/6	8/4
Барсук	—	3/2	—
Птицы	—	—	3
Рыбы	—	2	—

Значительный материал содержался в большой яме, вырытой в XIV в. в руинах Нижней церкви. Его состав следующий:

3. Яма в руинах Нижней церкви (XIV в.)

Крупный рогатый скот	134/15
Лошадь	36/4
Мелкий рогатый скот	111/21
Свинья	75/12
Собака	5/1
Лось	108/9
Благородный олень	60/9
Косуля	8/4
Кабан	8/2
Зубр	6/2
Птицы	80

Этот материал в дальнейшем присоединяется к материалам литовского слоя середины XIII в.—XIV в.

II. Материал из раскопок 1936—1939 г.

Основная масса этого материала относится к «слоям дерева» западного участка. К костным остаткам из отложений XII в.— середины XIII в. мы присоединяем небольшое количество находок, имевших особое стратиграфическое определение («участок обрубленной стены»), обозначающее, повидимому, материал из траншеи И. Иодковского около южной стены Нижней церкви. Только в материалах западного участка отражен поздний момент в жизни Гродно — время конца XIV в.— первой половины XV в. Это слои под названием «песок-мусор византийский» и «слой над слоями дерева», отвечающие, судя по всем данным, «нивелировочным» слоям времени строительства Витовта и последующих лет. Цифровые данные о костных остатках из описанных слоев западного участка следующие (см. стр. 213).

Кроме перечисленных выше, имеется еще 1812 экземпляров определенных костей, лишенных стратиграфической паспортизации; они учтены при биологических характеристиках, но не включены в статистические сводки.

2

Обратимся теперь к рассмотрению костного материала по отдельным видам животных.

1. Крупный рогатый скот

В материале из раскопок Гродно крупный рогатый скот представлен 2632 экземплярами костей, происходящих минимально от 193 особей. По числу костей он занимает среди домашних животных первое место, и

	Русский слой XI — XII вв.	Русский слой XII в. — сер. XIII в.	Литовский слой сер. XIII в. — XIV в.	Литовский слой конца XIV в. — сер. XV в.
Крупный рогатый скот	777/37	488/36	360/33	379/15
Лошадь	261/19	229/23	49/12	78/9
Мелкий рогатый скот	559/57	320/47	55/13	80/13
Свинья	726/60	586/78	375/41	155/32
Собака	4/3	23/7	6/3	3/1
Благородный олень	861/48	1363/78	546/35	421/17
Лось	80/13	88/17	57/7	43/16
Косуля	174/25	372/53	316/31	167/21
Зубр	217/15	530/28	261/15	216/6
Кабан	378/45	505/45	85/16	113/13
Бобр	72/16	127/21	29/11	21/6
Куница	22/12	21/13	9/4	7/3
Выдра	3/1	—	—	7/4
Заяц	3/1	6/4	4/2	3/1
Барсук	21/11	14/8	6/3	3/2
Медведь	11/1	3/2	—	3/1
Лисица	3/1	—	—	1
Волк	—	—	—	1
Птицы	48	60	48	15
Рыбы	189	66	41	9

на его долю приходится почти 35% костей этих последних.

Имеются все элементы скелета, но особенно многочисленны кости конечностей. Большинство длинных трубчатых костей разрушено, однако все же удалось обнаружить несколько десятков пястных, плюсневых, лучевых и берцовых костей, достаточно хорошо сохранившихся и пригодных поэтому для комплексных измерений. Значительно лучше, по понятным причинам, сохранность таранных, пяточных костей и фаланг пальцев. Совершенно отсутствуют неповрежденные черепа, но имеется несколько крупных фрагментов лобно-затылочной области. Костные стержни рогов относительно малочисленны и, как правило, сильно повреждены. Вполне обыкновении фрагменты нижних челюстей. Основная масса костей принадлежит взрослым животным, с закончившимся формированием зубной системы и полным срастанием эпифических частей с диафизами. Кости телят редки.

В табл. 1 приведены измерения костных стержней рогов крупного рогатого скота.

Изучение немногочисленных сохранившихся костных стержней рогов, пригодных для обычных элементарных измерений, обнаруживает, что они отличаются очень небольшими размерами. Длина трех экземпляров, принадлежащих коровам, составляет от 130 до 150 мм, при обхвате у основания 115—130 мм. Индекс массивности колеблется от 83,3 до 88,8, в среднем составляя 86,8. Индекс уплощенности — 80,9—86,4, в среднем 83,7. Длина стержней у быков по большой кривизне 120—160 мм, обхват у основания 145—170 мм. Индекс массивности 100,0—133,3, в среднем 113,2. Индекс уплощенности 75,0—98,0, в среднем 83,9.

Таблица 1

Измерения костных стержней рогов крупного рогатого скота

№	Пол	Длина по большой кривизне в мм	Длина по малой кривизне в мм	Обхват у основания в мм	Большой диаметр у основания в мм	Малый диаметр у основания в мм
1	Корова	150	135	125	44	38
2	»	130	105	115	40	34
3	»	130	100	115	40	33
4	»	—	—	130	47	38
5	Бык	160	125	170	57	50
6	»	160	120	160	55	46
7	»	120	—	160	57	53
8	»	—	—	160	53	52
9	»	—	—	145	56	41

Заслуживают внимания два имеющихся фрагмента черепов. Первый экземпляр принадлежит корове (судя по состоянию зубной системы, уже вполне взрослой) и характеризуется небольшими размерами. Лоб относительно длинный и узкий. Междурожье волнистое, с сильно выраженным вдавлением

со стороны затылка в области брегмы. Между глазницами лоб образует явственно выраженное вдавление, выше становится выпуклым и крышеобразно спадает к бокам. Глазницы лишь слабо выдаются на поверхности лба Надглазничные борозды довольно длинные, но мало углубленные. Стержни рогов отходят от черепа в стороны со значительным подъемом.

Второй экземпляр, принадлежащий взрослому быку, заметно крупнее предыдущего, но сходен с ним по строению междурожья. Разница заключается лишь в том, что вдавление со стороны затылка выражено у него несколько меньше. Впереди межрогового гребня лоб почти совершенно плоский и лишь слабо углубленный между глазницами. Стержни рогов отходят от черепа более горизонтально, чем у предыдущего.

В табл. 2 приведены измерения черепов крупного рогатого скота (в миллиметрах).

Таблица 2

Измерения черепов крупного рогатого скота

Название признака	№ 1	№ 2
Анатомическая мозговая ось	138	165
Морфологическая „ „	194	—
Срединная длина лба	196	—
Заглазничная „ „	116	154
Боковая „ „	125	152
Ширина лба наибольшая	184	—
„ „ наименьшая	144	—
Ширина междурожья	114	131
„ затылка наибольшая	181	—
„ „ наименьшая	116	136
Высота затылка наибольшая	133	139
„ „ наименьшая	98	108
Обхват стержня у основания	130	145
Большой диаметр стержня у основания	47	56
Малый диаметр стержня у основания	38	41

Оба рассмотренных выше черепа не отличаются сколько-нибудь заметно своими размерами от черепов торфяникового скота, характеризующегося, как известно, очень небольшим ростом. Размеры стержней рогов и структурные особенности, обозначающиеся на описанных выше фрагментах черепов, позволяют отнести крупный рогатый скот из древнего Гродно к так называемому короткорогому типу (Bos taurus brachiceros).

Перейдем теперь к обзору найденных в раскопках Гродно элементов посткранаального скелета. В настоящее время изучение домашних животных из различных памятников встречает значительные трудности, объясняющиеся недостаточной изученностью дифференциальных особенностей скелета у скота современных пород и даже просто недостаточностью сведений о размерах отдельных костей. Поэтому ниже нами приводятся измерения наиболее часто встречающихся в материале из раскопок костей крупного рогатого скота. Они не только позволяют составить представление о размерах скота из Гродно, но будут, вероятно, полезны и при изучении тех же вопросов по другим памятникам древней Руси.

Особый интерес представляют довольно обширные серии хорошо сохранившихся пястных и плюсневых костей.

Таблица 3

Измерения пястных костей крупного рогатого скота

№	Общая длина в мм	Ширина верхнего конца в мм	Ширина нижнего конца в мм	Ширина диафиза в мм
26	182	55	56	28
21	179	—	47	27
12	179	50	50	27
1	178	50	48	25
19	177	—	48	26,5
2	177	—	49	24,5
33	176	46	47	26
17	173	45	44	23
13	173	47	52	26,5
28	172	46	46	24
8	172	48	46	25
7	171	47	46	27
18	171	47	50	27
16	171	49	50	26
4	170	47	47	24
22	170	53	55	30
15	170	44	47	25
32	169	47	47	25
6	169	48	48	25
31	168	49	49	25,5
27	168	46	47	25
3	167	—	48	24
20	166	45	47	24,5
24	166	42	45	23
10	166	54	57	31
30	163	51	50,5	25,5
5	163	51	54	29
25	161	51	52	29
14	159	47	50	26
11	158	51	51	29
9	158	48	50	28
29	156	47,5	51	26,5
23	155	43	43,5	23

Измерения пястных костей крупного рогатого скота приведены в табл. 3, измерения плюсневых костей крупного рогатого скота — в табл. 4.

Таблица 4

Измерения плюсневых костей крупного рогатого скота

№	Общая длина в мм	Ширина верхнего конца в мм	Ширина нижнего конца в мм	Ширина диафиза в мм
13	210	43	47	21,5
17	200	39	46	23
21	200	—	45	21,5
9	199	39	46	23
7	199	42	45	21,5
5	198	39	47,4	21
4	196	49	55	25,5
18	195	—	—	25
16	194	40	49	21
14	194	41	45	22,5
3	194	40	44	21
2	193	42	47	25
12	192	45,5	58	27,5
6	192	38	45	21,5
15	189	37	42	21
1	184	45	51	25
19	184	39	43	21
11	183	—	45	21
8	182	44	49	25
10	180	43	48	22
20	179	36	41	19

Изучение 33 почти неповрежденных пястий из Гродно обнаруживает картину довольно широкой изменчивости их как по размерам, так и по пропорциям. Так, например, общая длина пястий колеблется от 155 мм (экземпляр № 23) и до 182 мм (экземпляр № 26). Наибольшее количество вариантов относится к классу вариационного ряда 165—170 мм. Среднее арифметическое общей длины пясти 168,55 ± 1,45 мм. Отношение ширины верхнего конца пясти к общей длине кости колеблется от 25,0 до 32,5%, в среднем 28,64%. Отношение ширины нижнего конца пясти к общей длине составляет 25,4—34,3%, в среднем 29,12%. Отношение ширины диафиза к той же длине 13,3—18,7%, в среднем 15,35%. Среди пястей из Гродно имеются, следовательно, и экземпляры тонкокостные, и экземпляры грубокостные.

Целых плюсен в материале из Гродно меньше, чем пястей, всего 20 экземпляров. Общая длина этих костей колеблется от 179 мм (экземпляр № 20) до 210 мм (экземпляр № 13). Наибольшее количество вариантов принадлежит классу вариационного ряда 190—195 мм. Среднее арифметическое общей длины плюсны 192,50+1,25 мм. Отношение ширины верхнего конца к общей длине плюсны составляет от 19,5 до 25,0%, в среднем 21,44%. Отношение ширины нижнего конца к общей длине плюсны 22,2—30,2%, в среднем 23,45%. Наконец, отношение ширины диафиза к общей длине плюсны составляет 10,2—14,3% в среднем 11,69%.

Найденные в Гродно 12 экземпляров хорошо сохранившихся лучевых костей колеблются по своей общей длине (в проекции) от 228 мм (экземпляр № 12) до 258 мм (экземпляр № 1; табл. 5), в среднем составляя 239,50 ± 2,72 мм. Подобно метаподиям, они обнаруживают значительную изменчи-

Таблица 5

Измерения лучевых костей крупного рогатого скота

№	Общая длина в мм	Ширина верхнего конца в мм	Ширина верхней суставной поверхности в мм	Ширина диафиза в мм
1	258	75	69	35
2	252	69	62	35
3	250	68	63	35
4	249	70	66	35
5	245	—	65	35
6	238	66	60	31
7	237	67	63	35
8	234	66	61	31
9	234	74	69	36
10	233	74	69	36
11	228	—	62	31
12	228	63	58	31

Таблица 6

Измерения берцовых костей крупного рогатого скота

№	Общая длина в мм	Ширина верхнего конца в мм	Ширина нижнего конца в мм	Ширина диафиза в мм
1	322	—	60	38
2	310	—	50	32
3	303	—	50	32
4	301	—	53	34
5	299	—	54	38
6	289	—	49	30
7	284	—	52	34
8	266	—	48	34

вость как по общим размерам, так и по пропорциям. Отношение ширины диафиза лучевой кости к общей длине составляет от 12,0 до 15,4%, в среднем 14,0%.

Восемь берцовых костей по общей длине варьируют от 266 мм (экземпляр № 8) до 322 мм (экземпляр № 1; табл. 6), в среднем 296,2 мм. Отношение ширины диафиза к общей длине колеблется от 10,3 до 12,8%, в среднем 11,5%'.

Целых плечевых костей скота из Гродно всего только 3 экземпляра. Общая длина у них (по проекции, от верхней части суставной головки до нижнего края суставного блока) характеризуется следующими цифрами: 201, 218, 228 мм.

Биометрически обобщенные измерения костей крупного рогатого скота из Гродно (в миллиметрах) приводятся нами в табл. 7. Чрезвычайно показательно в этом отношении сравнение размеров пястных костей его с таковыми очень мелкого и примитивного мещерского скота, разводившегося в глухих лесных районах Рязанской области. Средний рост в холке у этого скота всего около 100 см. По данным, недавно опубликованным В. И. Бибиковой[1], общая длина пястных костей у двух исследованных экземпляров скота мещерской породы составила 187 и 198 мм. Мы видим, таким образом, что ни один из изученных нами экземпляров пястной кости скота из раскопок древнего Гродно не достигает подобных размеров. Средняя длина пясти у гродненского скота (168,55 мм) на 20—30 мм меньше величин, указываемых для мещерского скота. Уступает гродненский скот по величине пястных костей и торфяниковому скоту, у которого,

Таблица 7

Размеры костей крупного рогатого скота

Название признака	n	Lim	M	m	σ	C	Мода
Длина альвеол. ряда ложных коренных нижней челюсти	27	42—46	44,60	0,34	1,58	3,5	45—47
Длина альвеол. ряда настоящих коренных нижней челюсти	18	72—82	76,34	0,60	2,56	3,3	76—78
Общая длина альвеол. ряда коренных нижней челюсти	18	115—125	120,18	0,67	2,85	2,4	117—120
Ширина суставного блока плечевой кости	29	56—69	60,70	0,54	3,00	4,9	57—59
Общая длина лучевой кости	12	228—258	239,50	2,72	9,40	3,9	230—235
Ширина верхнего конца лучевой кости	20	63—75	68,10	0,71	3,18	4,7	66—68
Ширина верхн. суст. поверхности лучевой кости	23	57—69	62,14	0,67	3,20	5,1	60—62
Общая длина пясти	33	155—182	168,55	1,45	8,35	5,0	165—170
Ширина верхнего конца пясти	29	42—55	48,00	0,58	3,12	6,5	46—50
Ширина нижнего конца пясти	33	44—58	48,40	0,59	3,40	7,0	47—51
Общая длина плюсны	21	179—210	192,50	1,25	5,75	3,0	190—195
Ширина верхнего конца плюсны	18	36—49	40,88	0,75	3,18	7,8	38—40
Ширина нижнего конца плюсны	22	41—58	49,10	0,84	3,92	8,0	42—46
Ширина нижнего конца берцовой кости	16	45—60	51,52	0,84	3,36	6,5	48—52
Наибольшая длина таранной кости	36	51—62	56,56	0,44	2,62	4,6	54—56
Наибольшая длина пяточной кости	12	105—125	111,98	1,94	6,66	5,9	107—113
Общая длина берцовой кости	8	266—332	296,20	6,03	17,00	5,7	300—310
Общая длина больших фаланг	41	46—62	53,73	0,60	3,84	7,1	51—54

Даже самое беглое ознакомление с результатами измерений костей крупного рогатого скота из Гродно показывает, что он отличался весьма мелкими размерами.

по Рютимейеру, общая длина их колеблется от 178 до 182 мм. Из 33 гродненских экзем-

[1] В. И. Бибикова. Фауна Пекуновского городища, МИА, СССР, № 13.

Таблица 8

Измерения метаподий лошади

№	Длина общая в мм	Длина снаружи в мм	Ширина верхнего конца в мм	Ширина нижнего конца в мм	Ширина диафиза в мм	Отношение ширины диафиза к общей длине в %	Отношение ширины диафиза к длине снаружи в %
Пясти							
1	220	211	53	51	36	16,4	17,1
2	190	181	42	40	30	15,8	16,6
3	204	198	44	45	32	15,7	16,1
4	233	225	50	48	34	14,6	15,1
5	191	184	39	39	28	14,6	15,2
6	201	193	45	44	28,5	14,1	14,7
7	228	221	51	48	32	14,0	14,5
8	206	198	42	42	26	12,6	13,1
Плюсны							
9	264	259	51	—	35,5	13,4	13,7
10	259	253	—	49	33	12,7	13,0
11	263	256	51	50	33,5	12,7	13,1
12	260	255	49	45	32	12,3	12,5
13	269	262	53	50	33	12,3	12,5
14	238	233	45	45	29	12,2	12,4
15	261	254	51	52	31,5	12,1	12,4
16	248	243	46	47	30	12,1	12,4
17	278	271	52	52	33	11,9	12,2
18	286	277	54	52	33,5	11,7	12,1
19	234	228	45	42	27,5	11,7	12,1
20	265	259	48	48	31	11,6	12,0
21	256	248	46	46	30	11,6	12,1
22	261	254	52	48	30	11,5	11,8
23	264	258	48	46	28,5	10,8	11,1

Таблица 9

Измерения лучевых костей лошади

Общая длина в мм	Длина снаружи в мм	Ширина верхнего конца в мм	Ширина верхней суставной поверхности в мм	Ширина нижнего конца в мм	Ширина нижней суставной поверхности в мм	Латеральный диаметр диафиза в мм	Передне-задний диаметр диафиза в мм
306	295	84	75	78	65	41	27,5
332	320	87	80	80	—	43	29
323	310	88	80	70	66	41	27,5
316	306	82	74	74	62	40	26
315	300	80	73	73	63	38	25
333	326	—	71	75	62	37	26,5
—	209	—	72	71	59	37	28
305	296	73	67	63	58	33	24
321	309	74	68	70	58	34	24
298	288	63	60	62	51	32	22,5

пляров всего лишь четыре достигают подобных размеров. Сходен с ними по размерам экземпляр пясти, описанный В. И. Громовой[1] из трипольского поселения Любушка-посад, имеющий общую длину 170 мм.

[1] В. И. Громова. Материалы к познанию фауны трипольской культуры. «Ежегодник Зоологического музея Академии Наук СССР», 1927.

Все приведенные выше данные не оставляют сомнения в исключительно мелких размерах скота, разводившегося в древнем Гродно. Средний рост его, видимо, не превосходил 95 см в холке. Лишь у наиболее крупных особей он мог достигать примерно 105 см, спускаясь у самых мелких до 90 см. Подобные размеры скота служат свидетель-

Таблица 10

Измерения берцовых костей лошади

Общая длина в мм	Ширина верхнего конца в мм	Ширина нижнего конца в мм	Поперечник нижнего конца в мм	Ширина по середине диафиза в мм
353	99	79	47	48
340	—	77	47	43
343	—	73	45	43
379	104	81	47	46
335	—	67	43	39
351	96	72	47	43
291	—	57	37	34,5

ством и его примитивности, и весьма неблагоприятных условий содержания, и, естественно, весьма низкой продуктивности.

2. Лошадь

В материале из раскопок Гродно лошадь представлена относительно небольшим количеством костей и уступает в этом отношении не только крупному рогатому скоту, но и свиньям, овцам и козам. Всего имеется 933 экземпляра костей, происходящих минимально от 108 особей, в подавляющем большинстве взрослых.

Измерения метаподий лошади приведены в табл. 8, измерения лучевых костей — в табл. 9, берцовых костей — в табл. 10, бедренных костей — в табл. 11, копытных костей — в табл. 12, путовых костей — в табл. 13.

Таблица 11

Измерения бедренных костей лошади

Общая длина в мм	От вершины суставной головки до нижней точки медиального мыщелка в мм	Ширина верхнего конца в мм	Поперечник головки в мм	Ширина нижнего конца в мм	Поперечник нижнего конца в мм	Ширина диафиза в мм
369	338	100	55	88	105	40
366	331	—	53	89	104	37
—	328	99	55	86	107	37
—	377	—	62	97	—	42
—	—	—	—	91	118	42

Таблица 12

Измерения копытных костей лошади

№	Название кости	Длина передней поверхности в мм	Наибольшая ширина в мм	Ширина суставной поверхности в мм	Высота копыта в мм	Отношение ширины копыта к длине передней поверхности в %	Отношение высоты копыта к ширине его в %
1	Передняя	61	87	52	44	142,6	50,6
2	»	59	90	52	46	152,6	51,1
3	»	55	76	49	43	138,2	56,6
4	»	52	74	47	38	142,3	51,3
5	»	49	76	45	37	155,1	48,7
6	»	60	83	47	45	138,3	54,2
7	»	—	83	49	46	—	55,4
8	»	60	—	48	42	—	—
9	»	45	67	46	37	148,9	55,2
10	»	—	61	—	—	—	—
11	»	37	62	40	31	167,5	50,0
12	Задняя	63	87	48	48	138,1	55,2
13	»	55	78	48	41	141,8	52,5
14	»	54	72	47	38	133,4	52,8
15	»	52	74	46	38	142,3	51,3
16	»	52	74	46	40	142,3	54,1
17	»	51	72	46	36	141,2	50,0
18	»	48	66	39	37	137,5	56,1

Таблица 13

Измерения путовых костей лошади

№	Название кости	Общая длина в мм	Ширина верхнего конца в мм	Ширина верхней суставной поверхности в мм	Ширина нижнего конца в мм	Ширина нижнего блока в мм	Ширина диафиза в мм	Отношение ширины диафиза к общей длине кости в %
1	Передняя	93	56	50	48	46	36	38,7
2	"	88	57	51	48	44	37	42,0
3	"	88	56	50	46	43	44	50,0
4	"	86	54	50	45	42	34	39,5
5	"	85	51	47	44	41	34	40,0
6	"	88	56	49	47	44	35	39,8
7	"	81	57	52	48	46	38	46,9
8	"	85	59	51	49	45	36	42,9
9	"	76	49	45	41	40	32	42,1
10	"	78	52	45	43	41	32	41,0
11	"	77	52	47	42	39	31	40,3
12	"	73	48	43	41	39	32	43,8
13	"	73	46	42	40	38	29	39,7
14	"	68	45	41	37	36	28	41,2
15	"	71	45	43	40	39	30	42,2
16	"	65	42	40	36	35	27	41,5
17	"	73	45	41	39	38	28	38,3
18	"	69	—	40	—	36	26	37,7
19	Задняя	84	57	52	47	44	38	45,2
20	"	81	59	53	46	45	36	44,4
21	"	82	59	54	48	46	36	43,9
22	"	79	56	50	48	46	35	44,3
23	"	81	56	51	44	43	35	43,2
24	"	82	57	50	46	44	36	43,9
25	"	80	54	49	42	39	33	41,2
26	"	76	51	47	42	39	30	39,5
27	"	74	52	48	42	41	31	41,9
28	"	74	51	49	43	42	32	43,2
29	"	75	48	45	41	37	28	37,5
30	"	70	48	45	40	38	31	44,3
31	"	70	51	45	41	38	32	45,7
32	"	72	47	44	40	38	30	41,7
33	"	68	49	44	40	40	30	44,1

Среди костей представлены все элементы скелета, но полностью отсутствуют сколько-нибудь удовлетворительно сохранившиеся черепа или даже крупные фрагменты их. Основную массу материала составляют кости конечностей, но неповрежденных трубчатых костей все-таки довольно мало. Оба указанных обстоятельства чрезвычайно ограничивают возможность суждения о породном составе лошадей древнего Гродно.

Тем не менее даже изучение одной только серии метаподий, состоящей из 8 пястных и 15 плюсневых костей (табл. 8), приводит к интересным в этом отношении результатам. Прежде всего обращает на себя внимание значительная изменчивость этих костей по размерам. Так, например, общая длина пястных костей варьирует от 190 мм (экземпляр № 2) до 228 мм (экземпляр № 7), т. е. в пределах 38 мм. Еще более значителен диапазон изменчивости плюсневых костей, у которых общая длина колеблется от 234 мм (экземпляр № 19) до 286 мм (экземпляр № 18), т. е. в пределах 52 мм. Учитывая общие размеры рассматриваемых костей, подобный размах изменений общих размеров следует признать значительным. Само по себе уже одно это обстоятельство может служить достаточно ясным указанием, что костные остатки лошадей из древнего Гродно принадлежат особям, весьма различным по росту и, вероятно, относящимся к различным породам. Существенное указание на это обстоятельство дает и разнообразие пропорций пястных и плюсневых костей. У 8 экземпляров пястных костей отношение ширины

диафиза к общей длине кости колеблется от 12,6 до 16,4%, т. е. в таких пределах, которые, по А. А. Браунеру [1], характеризуют не только отдельные породы, но и типы лошадей.

И. Черский[2] по величине отношения ширины диафиза пясти к его длине снаружи дифференцирует лошадей на три группы:

тонконогие	до 15%
средненогие	15—17%
толстоногие	более 17%

Применительно к этой схеме, три пясти из Гродно (экземпляры № 8, 7 и 6) должны быть отнесены к тонконогой группе, четыре других (№ 2, 3, 4 и 5) — к средненогой и одно (№ 1) — к толстоногой.

А. А. Браунер устанавливает по отношению ширины диафиза пясти к его общей длине следующие градации:

крайняя тонконогость	менее 13,5%
тонконогость	13,5—14,5%
полутонконогость	14,5—15,5%
средненогость	15,5—16,5%
полутолстоногость	16,5—17,5%
толстоногость	более 17,5%

Среди пястных костей лошадей из древнего Гродно мы находим, следовательно, экземпляры, принадлежащие четырем из указанных выше групп: крайне тонконогой (№ 8), тонконогой (№ 7 и 8), полутонконогой (№ 5 и 4), средненогой (№ 3, 2 и 1). Отсутствуют в изученном нами материале, таким образом, лишь полутолстоногие и толстоногие группы.

По относительной ширине диафиза плюсен к длине кости снаружи И. Черский также различает три группы:

тонконогие	до 12 %
средненогие	12—13,5%
толстоногие	более 13,5%

Из 15 экземпляров плюсен, найденных в древнем Гродно, два (№ 22 и 23) — тонконогие, один (№ 9) —толстоногий, основное же большинство' (остальные 12 экземпляров) — средненогие.

А. А. Браунер прибегает к относительно более дробной системе и предлагает различать по величине отношения ширины диафиза к длине плюсны снаружи следующие четыре группы:

тонконогие	до 12 %
полутонконогие	12,0—12,7%
полутолстоногие	12,8—13,5%
толстоногие	более 13,5%

В числе гродненских плюсен мы констатируем два экземпляра (№ 23 и 22) тонконогих, один (№ 9) —толстоногий, два (№ 10 и 11)—полутолстоногие, остальные 10 плюсен — полутонконогие.

Итак, по строению пястных и плюсневых костей среди лошадей из Гродно встречаются почти все типы, при явном, однако, преобладании полутонконогих и средненогих.

Как бы критически ни относиться к значению схем И. Черского и А. А. Браунера для дифференциации домашних пород лошадей, приходится допустить, что значительное разнообразие размеров и структуры метаподий, найденных в древнем Гродно, объясняется неоднородным породным составом этих животных. Подобное предположение тем более правдоподобно, что имеются данные [1] о существовании в лесах Литвы дикой лошади, повидимому в те времена довольно многочисленной и бывшей предметом специальной охоты.

Большое разнообразие размеров обнаруживают и другие хорошо сохранившиеся кости конечностей, измерения которых приведены нами в табл. 9—13. Например, 10 лучевых костей варьируют по общей длине от 298 до 333 мм. Еще сильнее диапазон изменчивости размеров у берцовых костей. Если самый мелкий из этих экземпляров имеет общую длину 291 мм, то наиболее крупный достигает 379 мм.

Рассмотренные выше метаподий и другие сохранившиеся кости конечностей дают возможность составить представление о росте лошадей, которым они принадлежали. Пользуясь для этой цели средними коэффициентами Кизельвальтера (6,41 для длины пясти снаружи, 5,33 — для длины плюсны снаружи, 4,34 — для длины лучевой кости снаружи и т. д.), легко установить, что среди лошадей древнего Гродно совершенно не было круп-

[1] А. А. Браунер. Материалы к познанию домашних животных России. Лошади курганных погребений Тираспольского уезда Херсонской губ. «Записки Общества сельского хозяйства Южной России», т. 86, кн. 1, 1916.

[2] И. Черский. Описание коллекции послетретичных млекопитающих, собранных Новосибирской экспедицией 1885—1886 гг., 1891.

[1] Г. Карцов. Беловежская пуща, СПб., 1903.

ных особей, но зато многие из них отличались очень мелкими размерами. Например, пясти № 2 и 4 принадлежали, вероятно, лошадям, рост которых не превосходил 116—118 см. Наибольший рост—148 см — констатируется по плюсне № 18. Таким образом, пределы изменчивости роста в холке у лошадей древнего Гродно определяются приблизительно от 116 до 148 см.

Представляя результаты вычисления роста лошадей из древнего Гродно в виде вариационного ряда, мы получаем следующую картину (табл. 14).

Таблица 14

Варианты роста лошади

Классы	115	120	125	130	135	140	145
Варианты. . .	2	4	6	7	8	5	1

Как видно из приведенных выше цифр, рост большей части лошадей лежит в пределах 125—140 см.

И. Черский делит ископаемых лошадей по росту в холке на следующие группы:

малорослые лошади . . до 137 см
средние „ . . 138—148 „
рослые „ . . 149—158 „
высокорослые „ . . более 159 „

Эту схему считает наиболее приемлемой для изучения ископаемых лошадей и В. И. Громова — автор новейшей капитальной монографии по лошадям Старого Света [1].

На основании наших данных две трети лошадей из Гродно должны быть отнесены к малорослым лошадям и одна треть — к лошадям среднего роста.

В заключение обзора костных остатков лошадей несколько слов должно быть сказано о копытных и путовых костях, причем последние в материале из Гродно довольно многочисленны и, как это обычно наблюдается, характеризуются хорошей сохранностью.

Копытные кости исключительно разнообразны и по размерам, и по своим пропорциям. У копытных костей передней конечности длина передней поверхности колеблется от 37 до 61 мм, наибольшая ширина — от 61 до 90 мм; отношение ширины копыта к длине передней поверхности составляет от 138,3 до 167,5 %, отношение высоты копыта к его ширине —от 48,7 до 56,6%' (табл. 12). У задних копытных длина передней поверхности 48—63 мм, наибольшая ширина кости 66—87 мм, отношение ширины копыта к длине передней поверхности 133,5—142,3%, отношение высоты копыта к ширине его 50,0—56,1% - Преобладают, несомненно, довольно низкие и широкие копытные кости.

Пожалуй, еще большее разнообразие размеров и структуры обнаруживают путовые кости. Путовые кости передних конечностей варьируют от 65 до 93 мм (табл. 13). Среди них встречаются экземпляры относительно тонкие и стройные и наряду с ними гораздо более грубые и массивные. Отношение ширины диафиза к общей длине кости составляет у них от 37,7 до 50,0%. Задние путовые кости имеют общую длину от 68 до 84 мм, а отношение диафиза к общей длине — от 37,5 до 45,7 %.

Следует отметить, что по своей сохранности кости лошадей из Гродно находятся отнюдь не в лучшем состоянии, чем, например, кости крупного рогатого скота, и на них вполне обычны следы искусственного разрушения. Указанное обстоятельство наблюдается во всех слоях и раскопах древнего Гродно, хотя в верхних, может быть, выражено и в несколько меньшей степени, чем в нижних. В этом отношении Гродно довольно существенно отличается от таких древнерусских памятников, как Новгород, Старая Рязань, Псков, Москва (Зарядье) и некоторые другие, где кости лошадей всегда гораздо сохраннее, чем у крупного рогатого скота, овец, коз и свиней, и напоминают в этом смысле кости собак. Нельзя поэтому исключить предположение, что в древнем Гродно лошади использовались не только как транспортные или рабочие животные, но и в пищу.

3. Мелкий рогатый скот

Общее количество костей мелкого рогатого скота, которое нам удалось определить при изучении материала из древнего Гродно, составляет 1426 экземпляров. Происходят они минимально от 212 особей, среди которых имеется значительное количество молодых. В связи с этим в материале весьма

[1] В. И. Громова. История лошадей в Старом Свете, ч. 1. Обзор и описание форм. Труды Палеонтологического института Академии Наук СССР, т. XVII, вып. 1, 1949.

обыкновении отдельные, не сросшиеся с диафизами эпифические части длинных трубчатых костей. Кроме того, среди фрагментов нижних челюстей, представленных в материале из древнего Гродно обильно, постоянно встречались экземпляры с молочными ложными коренными зубами и лишенные третьего настоящего коренного зуба, т. е. происходящие от животных не старше 1,5—2 лет. Кости мелкого рогатого скота сильно разрушены и в большинстве своем мало пригодны для измерений.

В числе определенных костей имеется 15 экземпляров костных стержней рогов домашних овец, причем все они принадлежат самцам; стержней рогов самок не обнаружено совершенно. Упомянутые экземпляры сильно разрушены и дают возможность измерить лишь обхват у основания и диаметры последнего. У четырех наиболее крупных экземпляров, принадлежавших, несомненно, взрослым животным, обхват у основания варьирует от 130 до 150 мм, в среднем 137 мм. Большой и малый диаметры у основания составляют в одном случае 53 и 39 мм, в другом — 50 и 35 мм, в третьем — 49 и 37 мм. Как показывают приведенные цифры, размеры стержней невелики.

Большой интерес представляют пять относительно хорошо сохранившихся черепов, из которых три принадлежат самкам и два самцам. Особенно хорошей сохранностью выделяются черепа взрослой овцы и молодого барана (возраст, видимо, около одного года), лишенные только межчелюстных костей. Отмеченные выше черепа самок характеризуются, так же как и несколько отдельных фрагментов лобной части, полным отсутствием стержней рогов. Таким образом, представляется очевидным, что самки у породы, разводившейся в древнем Гродно, были комолыми. Приводимые измерения черепов (в миллиметрах, табл. 15) показывают, что размеры овец были невелики — обстоятельство, которое находит себе подтверждение и при изучении других элементов скелета.

Более подробно нужно остановиться также на пястных и плюсневых костях. Как и обычно, в большинстве случаев они переломлены в области диафиза и измерение длины кости на них невозможно. Все же нам удалось, однако, обнаружить 5 целых пястей и 7 плюсен.

Измерения метаподий овец приведены в табл. 16.

Общая длина пястных костей варьирует от 114 мм (экземпляр № 5) до 131 мм (экземпляр № 1), в среднем 125 мм. Отношение ширины диафиза к общей длине кости колеблется от 9,0 до 12,8%, в среднем 11,2%. Общая длина плюсневых костей у гродненских овец 113,5—133 мм, в среднем 125 мм. Отношение ширины диафиза к общей длине кости 8,3—10,2%. Количество ис-

Таблица 15

Измерения черепов овец

Название признака	Самка взрослая	Самец взрослый	Самец молодой
Премолярная длина черепа	135	—	126
Расстояние от наиболее выдающейся назад точки затылочной области до переднеглазничных отверстий	141	—	135
То же — до заднего края орбиты	81	—	78
Расстояние между передним краем орбиты и переднеглазничными отверстиями	55	65	70
Расстояние опистион — брегма	59	—	64
Ширина мозговой коробки	56	56	56
» по задним стенкам орбит	106	—	99
» межглазничная	73	—	69
» в лицевых буграх	66	—	62
Общая длина альвеолярного ряда коренных зубов верхней челюсти	70	69	—
Расстояние от базион до заднего края костного неба (по средней линии)	75	75	75
Длина носовых костей наибольшая	70	—	—
Горизонтальный диаметр орбиты	37	40	38

Таблица 16

Измерения метаподий овец

Название кости	Общая длина в мм	Ширина верхнего конца в мм	Ширина нижнего конца в мм	Латеральный диаметр диафиза в мм	Передне-задний диаметр диафиза в мм	Отношение латерального диаметра к общей длине в %	Отношение передне-заднего диаметра к латеральному в %
Пясти							
1	131	24,0	26,0	15,5	11,0	11,8	71,0
2	131	24,0	26,0	14,2	11,0	10,8	77,4
3	129	22,0	23,0	11,6	10,0	9,0	86,2
4	120	21,0	22,0	12,5	10,0	10,4	80,0
5	114	23,0	26,5	14,6	11,1	12,8	76,7
Плюсны							
6	133	21,0	23,5	11,3	12,0	8,5	106,2
7	132	20,0	23,3	11,7	10,5	8,9	90,0
8	130	19,5	22,5	11,6	11,0	8,9	94,8
9	129	—	23,0	12,0	12,0	9,3	100,0
10	120	19,0	22,5	10,7	10,7	8,3	97,3
11	119	18,5	—	11,0	10,2	9,2	92,7
12	113,5	20,2	—	11,6	11,0	10,2	94,0

следованных целых экземпляров невелико, и по этой причине средняя длина плюсен оказывается равной таковой пястных костей. Совершенно ясно, что у гродненских овец должны были иметься плюсны более крупных размеров, чем те, которые были в нашем распоряжении.

Для сравнения уместно напомнить, что очень близкие средние размеры пястных костей (124,3 мм) имеют, как сообщает Е. Г. Андреева [1], романовские овцы. Однако пясти у этих последних отличаются значительно более широким диафизом. Если, по Е. Г. Андреевой, отношение ширины диафиза пястей к общей длине пястных костей романовских овец составляет в среднем 13,2%, то у гродненских 11,0% и даже у наиболее ширококостного экземпляра (№ 5) не превосходит 12,8%. Приводимые тем же автором средние размеры пястей у северных короткохвостых овец (133 мм) значительно крупнее, чем у гродненских.

Перейдем теперь к рассмотрению костных остатков домашних коз.

Костные стержни рогов этих животных более многочисленны в материале из древнего Гродно, чем таковые баранов, так как среди них преобладают экземпляры, несомненно принадлежащие самкам. Константировано 3 экземпляра стержней рогов самцов и 16 — самок. У самцов стержни довольно крупные и неизменно характеризуются ясно выраженным положительным изгибом, обусловливающим отклонение концов в стороны от медиальной линии, как это свойственно типу Capra prisca. Все эти стержни обломаны, и измерение длины их невозможно. Что касается обхвата у основания, то он составляет 166, 140 и 130 мм. Передне-задний и латеральный диаметры у основания выражаются цифрами 57 и 40 мм, 57 и 41 мм, 51 и 30 мм. Стержни рогов самок не обнаруживают, как обычно, сколько-нибудь заметного скручивания. Общая длина их колеблется от 140 до 180 мм, в среднем 160 мм; обхват у основания 80—95 мм, в среднем 89 мм; передне-задний диаметр у основания 30—37 мм, в среднем 34 мм; латеральный диаметр у основания 21—25 мм, в среднем 23,3 мм.

Пригодных для измерения метаподий домашних коз в материале из Гродно' очень мало — всего лишь два экземпляра пястей. Общая длина их составляет всего 104 и 106 мм, отношение ширины диафиза к общей длине 13,5 и 14,5%. Отношение передне-заднего диаметра к латеральному 65,4% и 66,4%. Как видно из приведенных цифр, размеры пястий гродненских коз исключительно мелкие.

[1] Е. Г. Андреева. О строении костей некоторых диких и домашних животных. Проблема происхождения домашних животных, вып. 1, 1933.

Каковы были соотношения поголовья овец и коз в Гродно? Решение подобных вопросов всегда встречает существенные трудности при изучении кухонных остатков, поскольку приходится иметь дело преимущественно с сильно разрушенными костями, дифференцировать которые между названными видами трудно. Констатированное выше преобладание костных стержней рогов коз в этом отношении не показательно. Из 19 экземпляров, как уже указывалось, 16 принадлежат самкам и лишь 3 самцам. У баранов, разводившихся в Гродно, самки были комолыми, и стержни рогов их по понятным причинам в материале отсутствуют. Если сравнить между собой количество костных стержней только самцов, то окажется, что на 15 экземпляров, принадлежащих баранам, приходится всего только 3 экземпляра, принадлежащих козлам. Близкие к этим соотношения дают и метаподии: из 14 хорошо сохранившихся экземпляров 12 принадлежат овцам и 2 — козам. Из 36 фрагментов нижних концов плечевых костей на долю овец приходится 28. Таким образом, вряд ли могут возникнуть сомнения в том, что основное большинство мелкого рогатого скота в древнем Гродно составляли овцы, козы же были относительно немногочисленны.

4. Свинья

Костей свиньи в материале из раскопок Гродно очень много. Среди домашних животных она занимает в этом отношении второе место, лишь незначительно уступая крупному рогатому скоту. По числу же особей свинье принадлежит первое место. Всего имеется 2488 определенных костей, происходящих примерно от 306 особей.

Большое количество костей принадлежит молодым особям. Это легко устанавливается по состоянию зубной системы на многочисленных фрагментах челюстей, по обилию костей, лишенных эпифизов.

Сохранность костей очень плохая. Целых черепов нет и отсутствуют даже сколько-нибудь крупные фрагменты их, если не считать всего нескольких экземпляров сравнительно мало поврежденных нижних челюстей.

Приведенные в табл. 17 данные измерений костей (в миллиметрах) показывают, что свиньи из древнего Гродно были весьма мелки. По С. Н. Боголюбскому и Е. Г. Андреевой, у современных примитивных свиней, например, длина третьего моляра нижней челюсти составляет 35 мм. Из 32 экземпляров этих зубов гродненских свиней только

Таблица 17

Размеры костей свиньи

Название признака	n	Lim	M	m	σ	C	Мода
Ширина суставного валика плечевой кости	45	25—33	28,28	0,27	1,82	6,5	26—30
Наибольшая длина таранной кости	16	35—43	37,88	0,55	2,22	5,8	38—40
Длина третьего моляра нижней челюсти	32	26—35	28,94	0,33	1,88	6,5	29—31
Ширина третьего моляра нижней челюсти	31	13—16	14,14	0,14	0,76	5,3	13—15
Длина альвеолярного ряда моляров нижней челюсти	9	53—66	60,50	1,16	3,48	5,7	61—64
Длина альвеолярного ряда премоляров нижней челюсти	8	32—34	32,75	0,29	0,84	2,6	33—34
Общая длина альвеолярного ряда коренных зубов (P_2—M_3) нижней челюсти	7	87—98	92,63	1,18	3,12	3,4	92—95
Длина третьего моляра верхней челюсти	19	24—31	26,34	0,52	2,28	8,6	25—27
Ширина третьего моляра верхней челюсти	19	15—19	16,45	0,25	1,09	6,6	16—17
Длина альвеолярного ряда моляров верхней челюсти	6	55—63	57,51	0,87	2,12	3,7	54—57

один достигает подобных размеров, в среднем же они на 6 мм короче, чем у примитивных современных. Повидимому, мелкие размеры домашних свиней вообще характерны для большинства памятников древней Руси.

5. Собака

Костей собак в Гродно обнаружено очень мало. Имеется всего 73 экземпляра, происходящие примерно от 22 животных разного возраста, преимущественно взрослых. Основная масса их встречена в русских слоях южного раскопа (27 экземпляров) и западного участка (27 экземпляров). Остальные 19 обнаруживаются в виде незначительной примеси во всех остальных слоях. Нет целых черепов и крупных фрагментов их. Что же касается костей конечностей, то они находятся в состоянии хорошей сохранности.

6. Благородный олень

Кости этого дикого животного образуют основную массу остатков из древнего Гродно. На долю благородного оленя приходится более 25% общего количества определенных костей из этого памятника и более 46% всех костей диких животных. Обнаружено 4647 экземпляров, принадлежащих минимально 292 особям, почти исключительно взрослым; встречены, однако, очень старые экземпляры, с сильно сношенными коронками коренных зубов. Имеется несколько хорошо сохранившихся черепов, лишенных лишь межчелюстных костей, которые всегда очень плохо сохраняются у этих животных. Особенно многочисленны кости конечностей, среди которых найдено 40 экземпляров неповрежденных пястных и плюсневых костей. Есть также хорошо сохранившиеся нижние челюсти. Вполне обычны фрагменты рогов, иногда довольно крупные.

В настоящее время благородный олень в Белоруссии почти исчез, сохраняясь преимущественно, в Беловежской пуще, где он существует уже более двух столетий под защитой человека. Изобилие остатков этого оленя в материале из древнего Гродно представляет убедительное свидетельство прежней многочисленности этого животного в лесах Белоруссии. Поскольку и в литовском слое XIV—XV вв. кости оленя продолжают встречаться в больших количествах, надо предполагать, что сокращение ареала этого вида произошло уже значительно позднее.

Размеры костей благородного оленя (в миллиметрах) приведены в табл. 18.

Таблица 18

Размеры костей благородного оленя

Название признака	n	Lim	M	m	σ	C	Мода
Длина альвеолярного ряда премоляров нижней челюсти . .	9	45—50	46,12	0,55	1,64	3,5	44—46
Длина альвеолярного ряда моляров нижней челюсти . . .	9	74—82	75,56	0,68	2,04	2,7	76—78
Общая длина альвеолярного ряда коренных зубов нижней челюсти	9	119—131	123,60	0,80	2,40	1,9	121—124
Ширина суставного блока плечевой кости	69	51—62	55,40	0,35	2,92	5,3	52—54
Общая длина пясти	20	266—300	278,75	1,99	8,90	3,2	270—275
Ширина верхнего конца пясти	24	39—48	43,58	0,51	2,48	5,7	42—46
Ширина нижнего конца пясти	36	41—51	44,84	0,50	3,02	6,7	46—48
Ширина диафиза пясти . . .	20	22—28	24,60	0,42	1,90	7,8	23—25
Общая длина плюсны	21	285—335	306,00	2,47	11,30	3,7	300—310
Ширина верхнего конца плюсны	25	35—46	38,12	0,52	2,60	7,0	38—40
Ширина нижнего конца плюсны	28	40—51	45,38	0,55	2,92	6,4	41—43
Ширина диафиза плюсны . .	20	28—34	29,90	0,41	1,84	6,1	29—31
Наибольшая длина таранной кости	51	54—65	58,30	0,34	2,44	4,2	55—57

Современный благородный олень Белоруссии не отличается особенно крупными размерами [1]. При сравнении костей оленей XII—XV вв. с современными обнаруживается весьма любопытное обстоятельство. Если у оленей из древнего Гродно общая длина пястных костей колеблется от 266 до 300 мм и составляет в среднем 283 мм, то у современных (по 8 исследованным экземплярам) она равна 236—269 мм, в среднем 250 мм. Таким образом, средняя длина пястной кости у оленей XII—XV вв. на 28,75 мм больше, чем у современных. Замечательно, что даже трансгрессии в размерах пястных костей у этих оленей почти не наблюдается. Аналогичная картина обнаруживается и при изучении плюсневых костей. У современных особей длина их 254—304 мм, в среднем 282 мм, у особей XII — XV вв.— 285—335 мм, в среднем 306 мм; различие в средних величинах общей длины плюсен составляет у них 24 мм.

Установленные существенные различия в размерах пястных и плюсневых костей показывают, что благородный олень, населявший западную Белоруссию в XII—XV вв., был значительно крупнее современного среднеевропейского (форма hippelaphus) Столь крупных размеров, какие наблюдаются у некоторых современных рас C. elaphus, например марала (форма sibiricus), аборигенный олень все же не достигал. У маралов длина плюсны в среднем (по 7 исследованным экземплярам) 321 мм, пясти— 290 мм, т. е. на 12—15 мм больше. Повидимому, по своему росту аборигенный олень Белоруссии был близок таким расам, как современная кавказская (C. e. maral) и карпатская (C. e. montanus).

7. Зубр

В материале из раскопок древнего Гродно кости этого огромного дикого быка очень обыкновенны. Они представлены 1766 экземплярами, происходящими минимально от 107 взрослых особей. Костей молодых животных не обнаружено совершенно. Имеются все элементы скелета, в том числе и несколько крупных фрагментов лобно-затылочной области черепа. Своеобразное, свойственное именно р. Bison строение затылочной части черепа, устанавливаемое на указанных выше фрагментах, позволяет точно определить, что мы имеем дело с остатками зубров, а не туров (Bos primigenius Boj). Обнаружено также 15 экземпляров костных стержней рогов, из которых 8 принадлежит быкам и 7 коровам. Костей конечностей очень много. К сожалению, в большинстве они сильно разрушены искусственным путем и целые экземпляры длинных трубчатых костей представляют довольно редкое исключение.

[1] В. И. Цалкин. Об аборигенном олене Западной Белоруссии. Доклады Академии Наук СССР, т. 77, № 3, 1951.

Измерения костных стержней рогов зубров приведены в табл. 19, измерения метаподий — в табл. 20, размеры костей зубров (в миллиметрах) —в табл. 21.

Таблица 19

Измерения костных стержней рогов зубров

№	Обхват у основания в мм	Длина по большой кривизне в мм	Длина по малой кривизне в мм	Большой диаметр у основания в мм	Малый диаметр у основания в мм
1	240	260	210	80	80
2	260	310	250	85	75
3	220	320	230	76	68
4	240	—	—	82	74
5	260	—	—	90	81
6	260	260	210	83	74
7	230	180	130	73	70
8	220	160	120	67	64
9	180	230	170	60	54
10	190	200	150	60	56
11	170	210	150	53	53
12	180	—	—	57	55
13	190	—	—	63	58
14	180	190	160	58	55
15	160	—	—	52	44

Особенный интерес представляет серия хорошо сохранившихся пястных костей, состоящая из 9 экземпляров. Пясти зубров в общем довольно хорошо отличаются по форме у самцов и самок [1] и могут быть достаточно точно дифференцированы по полу животных, что важно при изучении видов с сильно выраженным половым диморфизмом в размерах тела. Кроме того, в литературе имеются данные о размерах названных костей у близких ископаемых и современных

[1] В. И. Бибикова. Бюллетень Моск. общества испытателей природы (МОИП), отд. биологии, № 5„ 1950.

Таблица 20

Измерения метаподий зубров

Название кости	Общая длина в мм	Ширина верхнего конца в мм	Поперечник верхнего конца в мм	Ширина нижнего конца в мм	Поперечник нижнего конца в мм	Ширина диафиза в мм	Передне-задний диаметр диафиза в мм
Пясти							
1	237	81	46	80	43	46	32
2	229	74	44	75	40	45	29
3	228	82	43	76	42	49	29
4	225	71	42	70	39	42	27
5	224	68	39	64	36	42	26
6	223	67	40	69	37	39	27
7	222	70	42	67	36	38	26
8	216	83	49	76	42	50	30
9	211	67	39	62	36	37	25
Плюсны							
10	273	63	59	73	43	—	35
11	268	57	54	—	39	35	35
12	264	61	57	72	43	40	37
13	262	67	60	70	43	39	37
14	261	59	57	69	41	39	36
15	237	63	58	66	39	34	34

Таблица 21

Размеры костей зубров

Название признака	n	Lim	M		σ	C	Мода
Ширина суставного блока плечевой кости	11	91—98	94,28	0,63	1,74	1,80	92—96
Общая длина пясти	9	211—237	223,60	2,20	6,60	2,90	220—225
Ширина верхнего конца пясти	26	62—89	75,00	1,59	8,10	10,80	—
Ширина нижнего конца пясти	21	62—79	70,35	1,20	5,50	7,80	65—70
Ширина диафиза пясти	12	37—50	43,26	1,34	4,62	10,70	—
Общая длина плюсны	6	237—273	261,70	5,08	12,40	4,70	260—270
Ширина верхнего конца плюсны	14	54—67	60,50	1,16	4,23	7,00	62—65
Ширина нижнего конца плюсны	12	66—73	69,50	0,61	2,10	3,00	68—71
Ширина диафиза плюсны	6	34—40	36,34	1,00	2,42	6,70	—
Наибольшая длина таранной кости	26	76—87	80,70	0,58	2,96	3,60	79—81
Наибольшая длина пяточной кости	14	152—179	167,15	2,32	8,70	5,20	175—180

Таблица 22

Размеры пястных костей у различных форм р. Bison

Название признака	B. priscus deminutus из Амвросиевки		Bison bison с Аляски		Bison bonasus из Беловежа, современный		Bison bonasus из Гродно (XII—XV вв. н. э.)	
	самцы (n=47)	самки (n=31)	самцы (n=21)	самки (n=20)	самцы (n=9)	самки (n=6)	самцы (n=4)	самки (n=5)
Общая длина	232,5	224,7	218,7	213,5	209,2	206,8	227,5	221,9
Ширина верхнего конца	84,5	72,2	86,0	69,3	76,2	65,3	80,0	68,5
Ширина нижнего конца	53,1	42,4	56,4	41,3	44,3	35,6	47,5	40,0
Ширина диафиза	87,0	75,5	88,5	72,9	71,7	64,2	77,0	66,5

форм р. Bison, дающие возможность сравнения с нашими данными.

Обращают на себя внимание исключительно крупные размеры пястных костей зубров из древнего Гродно [1]. Если у самцов современных зубров из Беловежской пущи общая длина пястей варьирует от 192,8 до 217,8 мм, в среднем составляя 209,2 мм, то у особей XII—XV вв. она равна 216—237 мм (табл. 20), в среднем 227,5 мм.

Различие в средних арифметических общей длины пясти у самцов выражается в (8,3 мм; если принять во внимание общие размеры названной кости, то это представляется величиной очень значительной. Что особенно существенно, различия в длине пястей не ограничиваются только средними арифметическими, но выявляются и в пределах изменений размеров, которые, по сути дела, почти не трансгрессируют. Наиболее крупный известный нам экземпляр пясти самца современного зубра лишь на 2 мм больше минимальной его величины у самцов XII—XV вв. Средняя длина пясти у современного зубра составляет около 91,8% таковой у зубров из раскопок древнего Гродно.

Сравнение длины пястей у самок дает совершенно аналогичную картину. Разница в средних арифметических выражается в 14,2 мм и трансгрессия почти не наблюдается.

Если сравнить между собой размеры таких элементов пястных костей, как ширина верхнего и нижнего концов и ширина диафиза, то оказывается, что и по этим признакам зубры XII—XV вв. заметно превосходят современных.

Размеры пястных костей (в миллиметрах) у различных форм р. Bison приведены в табл. 22.

Кости метаподий и в особенности общая длина их вообще хорошо характеризуют размеры животных, и представляется достаточно очевидным, что литовские зубры XII—XV вв. отличались от современных гораздо более крупным ростом. В этом отношении они лишь немного уступали таким послеледниковым формам р. Bison, как B. priscus deminutus из Амвросиевки.

Объяснение причин, обусловивших столь сильное измельчание зубров, можно, по-видимому, найти в хорошо изученной истории их в Беловежской пуще. Как известно, некогда зубры были широко распространены в Европе, но в результате неумеренного преследования человеком оказались истребленными почти повсеместно. К концу XVIII столетия единственная крупная популяция зубра уцелела только в Беловежской пуще — огромном лесном массиве, находившемся на территории бывш. Гродненской губернии, неподалеку от г. Гродно (существование зубров на Кавказе стало известным значительно позднее). Большая часть пущи была включена в число земель бывш. Удельного ведомства и превращена в своеобразный заповедник, существующий до наших дней. Защищенные от истребления зубры быстро увеличивались в числе и сохранились в значительных количествах вплоть до первой мировой войны. Однако в конце прошлого столетия стала заметна прогрессирующая деградация стада, выразившаяся в падении общей численности животных, уменьшении их размеров, понижении плодовитости, появлении не наблюдавшихся ранее заболеваний и т. д. Изучение этого явления [1] показало, что оно определяется целым комплексом причин, главной из которых является недостаток естественных кормов, вызванный чрезвычайно сильным размножением на территории пущи различных видов оленей. В первой половине XIX в. олени были в пуще немногочисленны и скоро оказались истребленными полностью. Однако администрация пущи, стремясь максимально повысить охотничью ценность угодий, вскоре же приступила к акклиматизации благородных оленей, косуль и ланей. Количество их быстро увеличивалось и достигло огромной величины. Так, К. Врублевский сообщает, что в 1907 г. в пуще насчитывали около 12 000 оленей (из них 5054 благородных оленя, 1250 ланей и 5329 косуль). Если учесть, что общая площадь пущи составляла около 112 000 десятин, то получается, что на каждые 10 десятин территории (часть которой к тому же находилась в хозяйственном использовании у местного крестьянского населения) приходилось по 1 оленю. Подобная населенность пущи оленями, принимая во внимание нали-

[1] В. И. Цалкин. К истории литовского зубра. Доклады Академии Наук СССР, т. 77, № 2, 1951.

[1] Н. М. Кулагин. Зубры Беловежской пущи. 1919; К. Врублевский. Архив ветеринарных наук, кн. 8, 1912.

чие в пуще и других видов копытных, конечно, исключительно высока.

Концентрация в пуще большого количества копытных привела к существенным изменениям в характере насаждений и уничтожению почти всего лиственного подроста. Кормовые ресурсы пущи, и ранее, видимо, не очень высокие, были тем самым сильно подорваны. Первой жертвой этого оказались лоси; количество их изменялось обратно пропорционально численности других оленей, и в начале XX в. они полностью исчезли. Повидимому, недостаток биологически полноценных кормов повлек за собой наблюдавшиеся у зубров изменения. Г. Карцов утверждает, что уменьшение роста зубров было обусловлено именно этим обстоятельством. По его мнению, зубры, сконцентрированные в пуще, окруженной кольцом человеческих поселений, и лишенные возможности расселяться за ее пределы, уже давно испытывали известный недостаток кормов. Усиленное размножение оленей способствовало углублению и ускорению этого процесса.

Таким образом, приведенные нами данные о размерах зубров XII—XV вв. подтверждают справедливость представлений об их измельчании. С этой точки зрения становятся более понятными имеющиеся в литературе сведения о существовании весьма крупных экземпляров зубров, весом достигавших тонны и более, тогда как вес современных взрослых самцов обычно около 500 кг и лишь отдельные особи достигают 850 кг.

Следует обратить внимание также на отсутствие в нашем материале костей другого дикого быка — тура (Bos primigenius). Существует немало исторических указаний, что именно территория древней Литвы была местом, где это животное сохранялось в наибольшем количестве. Тот факт, что в обширном материале из раскопок древнего Гродно отсутствуют какие-либо следы этого крупного зверя, позволяет высказать известные сомнения в полной достоверности указанных исторических свидетельств. Более вероятно, что тур уже и в то время или полностью отсутствовал в этой части Литвы, или был крайне редок. Трудно себе представить, что тур, будучи многочисленным, совершенно не был объектом охоты или, будучи таковым, совершенно не употреблялся в пищу. Возможно, что туром в древности называли также и зубра.

8. **Кабан**

Кабан — животное очень распространенное в Белоруссии, и если ныне численность его относительно очень невелика, а распространение ограничено, то это, несомненно, результат истребительной деятельности человека и произошло уже в сравнительно позднее время. Кости этого дикого животного в материале из раскопок древнего Гродно многочисленны: определен 1301 экземпляр от 184 особей, среди которых мало молодых, но зато сравнительно высокий процент составляют старые животные, с сильно сношенными коренными зубами. Отсутствуют черепа или даже крупные фрагменты их, преобладают кости конечностей, в большинстве случаев сильно разрушенные. По количеству костей кабан уступает домашней свинье, но хорошо отличается от нее более крупными размерами, как в этом легко убедиться из приводимых в табл. 23

Таблица 23

Размеры костей кабана

Название признака	n	Lim	M	m	σ	C	Мода
Ширина суставного блока плечевой кости	40	35—46	40,00	0,44	2,78	7,0	36—38
Наибольшая длина таранной кости	56	49—60	53,42	0,36	2,68	5,0	50—52
Длина третьего моляра нижней челюсти	41	39—52	45,00	0,43	2,74	6,0	44—46
Ширина третьего моляра нижней челюсти	41	18—22	19,42	0,17	1,11	5,7	19—20
Длина третьего моляра верхней челюсти	30	37—46	41,20	0,44	2,40	5,8	38—40
Ширина третьего моляра верхней челюсти	24	22—26	23,21	0,24	1,17	5,0	22—24

размеров костей кабана (в миллиметрах). Обращают на себя внимание очень крупные размеры костей кабана из древнего Гродно. Это становится особенно наглядным при сравнении их с одноименными костями современных представителей этого вида, в частности кавказских кабанов, относимых к той же расе, что и белорусские (табл. 24).

Таблица 24

Название признака	Кабаны гродненские XII—XV вв.	Кабаны кавказские современные
Длина третьего моляра нижней челюсти в мм	39-52-45,00	37—50—42,82
Длина третьего моляра верхней челюсти в мм	37—46-41,20	35—45—39,54

Нетрудно заметить, что у современных кавказских кабанов длина третьего моляра нижней челюсти меньше, чем у гродненских особей, в среднем на 2,18 мм. Как нижние, так и верхние пределы изменчивости размеров этого зуба у гродненских выше. Аналогичное положение наблюдается и в отношении третьего моляра верхней челюсти.

Об очень крупных размерах кабанов, ранее встречавшихся в средней части Европейской России, но позднее истребленных человеком, свидетельствуют данные В. И. Громовой [1], приводящей ряд измерений костей этих животных из раннеславянских городищ вблизи г. Воронежа. Так, например, ширина суставного валика плечевой кости у кабанов из воронежских городищ 40—47 мм, у гродненских — 37—46 мм, наибольшая длина таранной кости у первых 50—58 мм, у гродненских — 49—60 мм. Повидимому, размеры этих кабанов были сходны.

Сомнение вызывает отнесение Г. П. Адлербергом [2] беловежского кабана к среднеевропейской расе, отличающейся меньшими размерами. Г. Карцов, наоборот, указывает, что беловежские кабаны были крупнее западноевропейских. Вряд ли они отличаются в систематическом отношении от кабанов остальной Белоруссии.

9. Косуля

По числу костей, обнаруженных в материале из раскопок древнего Гродно, этот маленький олень, вполне обыкновенный в Белоруссии, лишь немного уступает кабану. Имеется 1243 экземпляра определенных костей минимально от 175 особей, почти исключительно взрослых. Все кости сильно разрушены и практически непригодны для подробных измерений, за исключением 4 метаподий. В числе остатков косуль найдено несколько экземпляров хорошо сохранившихся рогов.

Длина альвеолярного ряда коренных зубов нижней челюсти у 18 измеренных экземпляров колеблется от 65 до 69 мм, в среднем 66,9 ± 0,34 мм. Ширина нижнего конца плечевой кости (20 экземпляров) варьирует от 29 до 32 мм в среднем 30,00 + 0,24 мм. Ширина суставного блока плечевой кости (20 экземпляров) составляет 24—29 мм, в среднем 25,85 ± 0,24 мм. Общая длина двух пястий 176 и 186 мм, плюсен — 208 и 210 мм.

Белорусская косуля, несомненно, принадлежит к европейскому подвиду (C. capreolus capreolus), отличающемуся, как известно, небольшими размерами. В. И. Громова сообщает, что у современных особей этого вида из района Гродно ширина нижнего конца плечевой кости 31 мм (2 изученных экземпляра). Размеры эти очень близки к приведенным выше экземплярам из древнего Гродно.

10. Лось

Еще во второй половине прошлого столетия небольшое количество лосей сохранялось в Беловежской пуще. Повидимому, они никогда не были в Белоруссии особенно многочисленными, всегда уступая в этом отношении благородным оленям. Об этом ясно свидетельствуют остатки из раскопок Гродно, где количество костей лося невелико: почти в 9 раз меньше, чем благородного оленя, в 5 раз меньше зубра. Подсчет количества особей также дает сравнитель-

[1] В. И. Громова. Остатки млекопитающих из раннеславянских городищ вблизи г. Воронежа. МИА, СССР, № 8.

[2] Г. П. Адлерберг. К вопросу о происхождении домашних свиней. Проблема происхождения домашних животных, вып. 1, 1933.

но небольшое количество, значительно меньшее, чем у всех других копытных, включая зубра. Всего констатировано 532 кости от 79 особей, в преобладающем большинстве взрослых. Имеется несколько хорошо сохранившихся черепов самок и самцов (без межчелюстных костей), но нет ни одной целой трубчатой кости конечностей.

Обнаружены кости лосей во всех слоях и раскопах, но повсюду они составляют лишь незначительный процент. Единственное исключение, пожалуй,— это яма в руинах Нижней церкви, где найдено сразу 109 экземпляров и где кости лосей по количеству превосходят остатки здесь всех остальных диких животных, взятых вместе.

11. Бобр

Костей бобра в материале из древнего Гродно еще меньше, чем костей лося,— всего 385 экземпляров. По числу же подсчитанных особей бобр несколько более многочисленен — 85 особей. Все они, как можно судить по остаткам верхних и нижних челюстей, принадлежат взрослым животным. Это говорит о том, что добывались бобры исключительно зимой, в противном случае имелись бы остатки молодых животных. Кости конечностей многочисленны, но почти всегда сильно разрушены. Вполне возможно, что это является результатом использования мяса бобров в пищу.

Таблица 25

Измерения плечевых и бедренных костей бобра

Название кости	Общая длина в мм	Длина по средней линии в мм	Ширина верхнего конца в мм	Ширина нижнего конца в мм
Бедро	119	104	44,5	40,0
»	121	104	45,0	40,0
»	120	100	47,0	40,0
Плечо	93	89	26,5	35,0

Измерения плечевых и бедренных костей бобра приведены в табл. 25, измерения нижних челюстей бобра — в табл. 26.

Общая длина альвеолярного ряда коренных зубов нижней челюсти (31 экземпляр) составляет 33—40 мм, в среднем 36,27 ± ± 0,29 мм. Длина альвеолярного ряда коренных верхней челюсти у трех измеренных экземпляров 31,5, 32,5 и 34,0 мм. Ширина нижнего конца плечевой кости (20 экземпляров) колеблется от 31 до 36 мм, в среднем 33,25 ± 0,33 мм.

Материала для сравнения гродненских бобров XII—XV вв. с современными в нашем распоряжении, к сожалению, довольно мало. По девяти исследованным черепам современных бобров длина альвеолярного ряда коренных зубов нижней челюсти колеблется от 32 до 40 мм, т. е. в тех же пределах, что и у гродненских. Среднее арифметическое рассматриваемого признака у них 35,59 ± 0,62 мм, т. е. очень близко к гродненским.

Судя по данным, приводимым В. И. Громовой, бобры из раннеславянских городищ Воронежской области были, может быть, несколько крупнее гродненских. Так, длина альвеолярного ряда коренных зубов нижней челюсти у них (по 16 измеренным экзем-

Таблица 26

Измерения нижних челюстей бобра

№	Длина от сочленовного отростка до переднего края альвеол. резца в мм	Длина альвеол. ряда коренных в мм	Длина жевательной поверхности в мм	Ширина жевательной поверхности в мм	Длина диастемы в мм	Высота челюсти в диастеме в мм	Диаметр резца у основания в мм
1	110,0	40,0	—	9,5	25,0	24,5	9,0
2	92,0	34,5	31,5	7,8	22,0	22,7	—
3	100,0	37,0	34,5	8,7	25,5	25,0	—
4	101,0	35,5	29,2	7,5	—	27,1	—
5	96,0	35,5	—	8,0	25,0	23,5	—
6	97,0	33,0	—	7,5	25,0	23,0	—
7	103,0	38,2	34,5	9,0	—	24,0	8,2
8	102,0	36,0	33,5	9,0	24,0	22,5	—
9	105,0	36,2	33,0	8,6	26,5	24,2	8,2
10	92,0	34,5	—	7,3	—	22,5	—
11	98,0	35,0	32,5	7,3	23,0	23,7	7,5
12	104,0	37,0	34,5	8,2	25,0	23,2	—

плярам) 36—41 мм, в среднем 38 мм. С другой стороны, сравнение размеров костей конечностей обнаруживает почти полное сходство между гродненскими и воронежскими бобрами. Так, в частности, ширина нижнего конца плечевой кости у гродненских бобров 31—36 мм, в среднем 33,2 мм, у воронежских — 30—38мм, в среднем 33,5 мм.

12. Куница

Остатки куниц представлены преимущественно нижними челюстями и костями конечностей. Общее количество их, констатированное в материале из Гродно, составляет 79 экземпляров от 40 особей. Основная масса костей куницы обнаружена в материале западного участка (59 экземпляров), 15 костей принадлежат к депаспортизованным материалам раскопок 1937—1939 гг. и всего 5 экземпляров найдено в русском слое северного раскопа. Мясо куницы вообще отличается резким и неприятным привкусом, так что сомнительно, чтобы оно употреблялось в пищу жителями древнего Гродно.

13. Барсук

Из 52 костей этого животного, происходящих от 29 особей, 44 экземпляра обнаружены в различных слоях западного участка; немногие остальные относятся к русскому слою северного и южного раскопов. Остатки барсука представлены нижними челюстями и костями конечностей. Добывался этот зверь, вероятно, главным образом ради жира, не застывающего на морозе и обладающего еще некоторыми полезными особенностями. Трудно сказать, употреблялось ли мясо барсука в пищу, хотя для этой цели, вообще говоря, оно вполне пригодно.

14. Заяц

Кости зайцев констатированы только в материале западного участка (16 экземпляров) и среди депаспортизованных остатков (3 экземпляра), но не обнаружены во всех остальных раскопах. Они состоят из нижних челюстей и довольно хорошо сохранившихся проксимальных элементов конечностей.

15. Медведь

Фрагменты нижних челюстей, клыки, коренные зубы и фаланги пальцев этого крупного хищника, в то время, несомненно, довольно обыкновенного в лесах Белоруссии, обнаружены всего лишь в количестве 17 экземпляров на западном участке.

16. Лисица

Половина нижней челюсти, плечевая кость, два фрагмента бедра и фаланга пальца лисицы обнаружены в материале западного участка.

17. Выдра

Половина нижней челюсти, плечо и предплечье выдры найдены в русском слое западного участка и семь других, 'гораздо хуже сохранившихся костей — в литовском слое того же участка. Восемь костей происходят из русских слоев северного раскопа, несколько экземпляров принадлежат депаспортизованному материалу. Всего констатирована 21 кость от 11 отдельных особей.

18. Волк

Все четыре кости волка (фрагменты нижней челюсти, части плеча, бедра и фаланга пальца) относятся к литовскому слою конца XIV—XV вв.

19. Птица

Из 279 костей птиц огромное большинство принадлежит диким видам: глухарю, тетереву, лебедю и гусю. Имеются также 2 кости журавля и около двух десятков костей мелких воробьиных птиц, видимо составляющих в исследованном материале случайный элемент. Из 11 костей курицы две обнаружены в литовском слое XIII—XIV вв. и остальные девять — в слое XIV—XV вв.

Заканчивая на этом обзор костных находок по отдельным видам, обратимся к общим результатам исследования материала из раскопок Гродно.

3

Выше мы уже отмечали исключительное обилие костей диких животных, составляющих 57% общего количества определенных костей млекопитающих. Также и по числу установленных особей на долю диких жи-

вотных приходится почти 55% общего числа их. Это преобладание костей и особей диких животных над домашними представляет весьма характерную особенность костного материала из Гродно. Не говоря уже о древнерусских городах того времени (Новгород, Псков, Москва, Старая Рязань), где кости диких животных составляют всегда лишь несколько процентов, а иногда даже лишь десятые доли процента, но даже в городищах дофеодальной поры столь высокого процента костей диких животных не наблюдается. Это придает хозяйству Гродненской крепости совершенно своеобразный характер, резко отличный от других городов древней Руси.

Замечательно, однако, что численные соотношения между костями диких и домашних животных существенно изменяются во времени. Суммируя костные остатки по слоям, мы получаем следующие показательные данные (табл. 27).

Приведенные в табл. 27 цифры показывают, что в отложениях древнейшего поселения XI—XII вв., в отличие от слоев более поздних, кости домашних животных значительно преобладают над костями диких, хотя удельный вес последних все же очень высок. В русском слое крепости XII—XIII вв. процент костей домашних животных снижается почти вдвое, так что дикие животные составляют более двух третей всего определенного материала. В литовском слое XIII—XIV вв. вновь наблюдается незначительное увеличение процента костей домашних животных, продолжающееся и в слое конца XIV—XV вв. Однако такого уровня, как в нижнем русском слое XI—XII вв., кости домашних животных уже не достигают, и в течение XII—XV вв. кости диких животных стойко преобладают над костями домашних. Большой объем исследованного материала позволяет считать, что мы имеем дело не со случайным явлением, а с определенной закономерностью, отражающей какие-то местные особенности в характере хозяйства.

Сходную картину дает также изучение соотношений между дикими и домашними животными по числу особей (табл. 28).

Если в русском слое XI—XII вв. мы наблюдаем некоторое преобладание домашних животных над дикими по числу особей, то в последующем слое XII—XIII вв. имеет место резкое возрастание процента диких животных. Преобладание этих последних над домашними удерживается и в слоях литовского времени.

Таблица 27

Соотношение домашних и диких животных по количеству костей

Дата слоя	Общее количество определенных костей	Домашние животные		Дикие животные	
		количество костей	%	количество костей	%
Русский слой XI—XII вв.	4635	2600	56,1	2035	43,9
Русский слой XII в. — середины XIII в.	6578	2128	32,4	4450	67,6
Литовский слой середины XIII в. — XIV в.	3461	1455	42,0	2006	58,0
Литовский слой XIV—XV вв.	1705	695	40,8	1010	59,2

Таблица 28

Соотношение домашних и диких животных по количеству особей

Дата слоя	Общее количество особей	Домашние животные		Дикие животные	
		количество особей	%	количество особей	%
Русский слой XI—XII вв.	470	243	51,7	227	48,3
Русский слой XII в. — середины XIII в.	727	292	40,2	435	59,8
Литовский слой середины XIII—XIV вв.	405	198	48,9	207	51,1
Литовский слой XIV—XV вв.	162	70	43,2	92	56,8

Анализируя видовой состав диких животных и соотношения между ними, мы обнаруживаем весьма характерную картину. На первом месте находится благородный олень, кости которого составляют почти половину всех остатков диких животных; первое место занимает этот вид и по числу особей. Второе и третье места по числу особей принадлежат кабану и косуле. Зубр по числу костей занимает второе, а по числу особей — четвертое место (повидимому, очень массивные и прочные кости этого быка сохраняются несколько лучше, чем у других животных). На пятом месте по числу особей находится бобр и на шестом — лось. Остальные 7 видов диких животных составляют лишь 1,8% по числу костей и 9,5% по числу особей.

Соотношение между дикими видами следующее (в процентах):

	По числу костей	По числу особей
Благородный олень	46,1	28,6
Зубр	17,6	10,6
Кабан	12,9	18,0
Косуля	12,5	17,2
Лось	5,3	7,8
Бобр	3,8	8,3
Куница, Заяц, Барсук, Медведь, Лисица, Выдра, Волк	1,8	9,5
	100,0	100,0

Совершенно несомненно, что такие животные, как благородный олень, зубр, кабан, косуля и лось, добывались ради мяса, и характерно, что именно эти пять видов образуют основную массу костных остатков диких животных из раскопок древнего Гродно (94,4% костей, 82,2% особей). Кроме того, надо иметь в виду, что мясо бобров, медведей, барсуков и зайцев также, вероятно, использовалось в пищу. Если взять остатки видов, добывавшихся только ради пушнины (куница, лисица, выдра, волк) и в пищу не употреблявшихся, то они составят всего только 1,1% числа костей и 5,4% особей. Теоретически нельзя исключить предположение, что кости пушных зверей представляют лишь случайный элемент среди кухонных остатков. Поэтому мы не в праве делать какие-либо заключения о размерах и роли в хозяйстве пушного промысла. Но самый факт существования широко развитой и интенсивной охоты на мясного зверя не может вызывать каких-либо сомнений. Если мы учтем, что кости и особи диких животных почти всегда преобладают в Гродно над костями и особями домашних, что размеры домашних животных невелики, что благородный олень (не говоря уже о лосе или, тем более, зубре) давал мяса не меньше, чем корова, а кабан, несомненно, значительно больше, чем домашняя свинья, то станет совершенно очевидным, что в питании населения древнею Гродно мясо диких животных имело гораздо большее значение, чем мясо домашних.

Любопытно, что соотношения между отдельными видами диких животных, добывавшихся человеком, тоже с течением времени существенно изменяются (табл. 29).

Благородный олень и по числу костей, и по числу особей все время занимает первое место, за исключением литовского слоя XIV—XV вв., где первое место по числу особей принадлежит косуле. Но надо иметь в виду, что количество материала из этого последнего слоя вообще невелико, и мы при дальнейшем рассмотрении оставляем его в стороне. В трех остальных слоях благородный олень по числу особей колеблется лишь в незначительных пределах — от 29,5 до 31,0%. Иное обнаруживается по отношению к зубру. В нижнем русском слое он составляет всего лишь 7,5% особей. В более поздних слоях количество его заметно возрастает, достигая в литовском слое XIII—XIV вв. 13,5%. Кабан относительно многочислен в нижнем русском слое, где он составляет 20,2% костей и 22,9% особей. В последующих слоях количество этого зверя снижается и в литовском слое XIII—XIV вв. падает до 12,6% числа особей. Аналогично зубру численность косули минимальна в русском слое XI—XII вв. и неуклонно возрастает в последующих. Заметно увеличивается в литовском слое ХШ—XIV вв. по сравнению с нижним русским слоем численность костей и особей лося. Бобр во всех слоях, во всяком случае по числу особей, не обнаруживает существенных изменений. Число костей и особей прочих видов диких животных наиболее велико в русском слое XI—XII вв. и сильно снижается в последующих.

Таким образом, мы наблюдаем исторические изменения в составе добывавшихся охотничьих животных,— изменения, повидимому, достаточно достоверные. Причины их, однако, сейчас не вполне ясны. Увеличение добычи зубра, животного очень крупного и могучего, вероятно, находится в связи с улучшением оружия, облегчившим охоту на этого зверя. Что же касается сокращения охоты на кабана, то оно вряд ли может быть объяснено уменьшением запасов этого вида. Обращает на себя внимание, что уменьшению относительного числа костей кабана закономерно сопутствует увеличение относительного числа костей домашней свиньи. Может быть, именно рост свиноводства и обусловил уменьшение интереса к охоте на диких свиней. Количество мяса, которое дает косуля, невелико, и охота на нее обычно мало рентабельна. Возможно, что именно это обстоятельство и определяет малый удельный вес косули в нижнем слое XI—XII вв. Возникает вопрос, не отражает ли увеличение добычи косули в последующее время появление некоторых спортивных интересов?

Перейдем теперь к костям домашних животных. Здесь мы также имеем возможность констатировать известные изменения во времени, отражающие исторические изменения в характере животноводства (табл. 30).

Таблица 29

Соотношение видов диких животных по периодам

Название вида	Русский слой XI—XII вв.		Русский слой XII—XIII вв.		Литовский слой XIII—XIV вв.		Литовский слой XIV—XV вв.	
	костей	особей	костей	особей	костей	особей	костей	особей
Благородный олень	48,7	29,5	46,3	20,6	42,4	31,0	41,7	18,5
Зубр	10,9	7,5	18,4	11,7	20,5	13,5	21,4	6,5
Кабан	20,2	22,9	15,8	18,2	6,7	12,6	11,2	14,1
Косуля	8,7	11,9	10,1	16,3	17,3	19,8	16,6	22,8
Лось	4,5	7,1	3,9	6,9	10,2	11,6	4,2	17,4
Бобр	3,7	7,9	4,2	8,7	1,9	7,3	2,1	6,6
Прочие	3,3	13,2	1,3	7,6	1,0	4,2	1,9	14,1
	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

Таблица 30

Соотношение видов домашних животных по периодам

Домашние животные	Русский слой XI—XII вв.		Русский слой XII—XIII вв.		Литовский слой XIII—XIV вв.		Литовский слой XIV—XV вв.	
	костей	особей	костей	особей	костей	особей	костей	особей
Крупный рогатый скот	34,4	23,2	30,0	20,2	41,1	31,1	55,0	21,8
Лошадь	11,4	11,8	17,0	14,5	9,6	12,5	11,2	13,0
Мелкий рогатый скот	24,6	32,9	19,0	24,5	14,5	22,8	11,4	18,8
Свинья	29,6	32,1	34,0	40,8	34,8	33,6	22,4	46,4
	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

В русских слоях крупный рогатый скот составляет 30,0—34,4% костей и 20,2—23,2% особей. Количество его резко увеличивается в литовском слое XIII—XIV вв., достигая 41,1% костей и 31,1% особей. Лошадь сохраняется примерно в одном и том же проценте во всех слоях. Мелкого рогатого скота мы обнаруживаем больше всего в русском слое XI—XII вв.; в последующих слоях он сильно уменьшается и по относительному числу костей, и по числу особей.

Изменение численности костей свиньи не дает четкой картины.

Итак, изучение костных остатков из раскопок на Замковой горе в Гродно приводит к следующим основным выводам.

1. Основная роль в питании обитателей крепости принадлежала мясу диких животных. Подобное положение могло существовать только при исключительном обилии запасов охотничьих зверей — с одной стороны, и, вероятно, при наличии природных или исторических препятствий для развития животноводства — с другой.

2. Данные нижнего слоя первоначального поселка XI—XII вв. и русского города XII—XIII вв. свидетельствуют о существенном изменении характера хозяйства, выразившемся в резком сокращении животноводства и возрастании значения охоты. Роль животноводства в литовское время вновь несколько возрастает, но все же до конца XIV — начала XV в. не достигает исходного уровня.

3. Охота производилась в основном на крупного мясного зверя, которым изобиловали в то время окрестности Гродно (благородный олень, зубр, лось, кабан, косуля).

4. Основу животноводства составляли свинья, крупный и мелкий рогатый скот. Последний, первоначально довольно многочисленный, в дальнейшем резко сократился и занял третьестепенное место.

СПИСОК СОКРАЩЕНИИ

АС — Археологический сборник документов, относящихся к истории северо-западной Руси
ВИ — Вопросы истории
ГГИАМ — Гродненский государственный историко-археологический музей
Голубович — В. И. Голубович и Е. А. Цегак-Голубович. Новые материалы по истории Гродно в раннефеодальную эпоху (Архив Института истории Академии наук БССР)
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИЗ — Исторические записки
ИОИФ — Известия Отделения истории и философии Академии Наук СССР
КГИМ — Киевский государственный исторический музей
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии Наук СССР
ЛГИМ — Львовский государственный исторический музей
МАО — Московское археологическое общество
МАР — Материалы по археологии России
МИА СССР — Материалы и 'исследования по археологии СССР
ПДРЗ — Памятники древнерусского зодчества (атлас, издаваемый Академией художеств под ред. В. В. Суслова)
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАО — Русское археологическое общество
СА — Советская археология
ТАС — Труды археологического съезда

A — Archeologia. Wrocław
DSZ — Z. Durczewski. Stary Zamek w Grodnie w świetle wykopalisk, dokonanych w latach 1937—1938 (odbitka z «Niemna», 1939, № 1, Grodno, 1939)
Gniezno — Gniezno w zaraniu dziejów w świetle wykopalisk. Poznań, 1939
GW — J. Jodkowski. Grodno wczesnośredniowieczne w świetle prac wykopaliokowych, dokonanych na królewskim Zamku Starym w Grodnie w latach 1932 i 1933 (odbitka z PHW, z. 1, t. VII. Warszawa, 1934).
PA — Przegląd Archeologiczny. Poznań
PH — Przegląd historyczny. Warszawa
PHW — Przegląd historyczno-wojskowy
Spraw.— Spawozdanie z prac na Starym Zamku w Grodnie 1933—1937. Grodno, 1938
SW — J. Jodkowski. Świątynia warowna na Kotoży w Grodnie. Grodno, 1936
SZ — J. Wojciechowski. Stary Zamek w Grodnie. «Biuletyn historii sztuki i kultury». R. VI (odbitka). Warszawa, 1938
Walicki — M. Walicki. Cerkiew św. św. Borysa i Gleba na Kotoży pod Grodnem. «Studja do dziejów sztukj w Polse» т. I, Warszawa, 1929
WA — Wiadomości Archeologiczne. Warszawa
WNA — Wiadomości numizm-archeologiczne

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Н. Воронин

ДРЕВНЕЕ ГРОДНО

ПРИЛОЖЕНИЯ

Утверждено к печати Институтом истории материальной культуры АН СССР

*

Редактор издательства *Д.А. Авдусин и С. Г. Попова*
Технический редактор *Г. Н. Шевченко*

*

РИСО АН СССР № 77-56В. Т-05133. Издат. № 127.
Тип. заказ № 199. Подп. к печ. 13/УИ 1954 г.
Формат бум. 84x108^1/10. Бум. л. 7'/$_2$. Печ. л. 24,6.
Уч.-издат. л. 24,4+1 вкл.(0,1 уч.-изд. л.).Тираж 3000.

Цена по прейскуранту 1952 г. 17 р. 30 к.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР.
Москва, Шубинский пер., д. 10.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
24	Правая колонка, 3 сн.	Н. Н. Соболю	Н. И. Соболю
78	Правая колонка, 3 сн.	раскопки	раскопках
92	Левая колонка, 4 сн.	квадрат, плита	квадратная плита
121	Подпись под рис. 66	Кирпичи со следами ног животных (справа); *3*—знаки на кирпиче (слева)	Кирпичи со следами ног животных (слева); знаки на кирпиче (справа)
133	Подпись под рис.746	знак 38	знак 33
146	Правая колонка, 18 св.	**XIII** в.)[4].	**XIII** в.)[3].
170	Правая колонка, 7 сн.	(рис. 92, *3*	(рис. 92, *13*
179	Подпись под рис. 99	Погребение № 1: *1* — тканая золотная лента; Погребение №4: *2*— бусы; 3—перстень, *4—8*— вещи из погребения в руинах западного нефа Нижней церкви. Поздние погребения в Коложской **церкви;** *9—10*— бронзовые перстни-печати; *11*—ажурная бусина (реконструкция); *12,13*—золотой перстень, *14* — золотая серьга.	Погребение № 1: *1* — тканая золотная лента; *11* — ажурная бусина (реконструкция); *12—13*—золотой перстень. Погребение № 4: *2* — бусы; *3*—перстень; *4—8*— вещи из погребения в руинах западного нефа Нижней церкви. Поздние погребения в Коложской церкви: *9—10*—бронзовые перстни-печати; *14* — золотая серьга.
238	2 сн.	(ЮЗ)	(104)
	1 сн.	**(109)**	(110)
	4 св.	кирпич (121), кладка (121)	кирпич (122), кладка (122)
239	5 св.	(126)	(125)
	6 св.	(126)	(125)